

Э.А. Риттер
«Зулус Чака»

Чака. Реконструкция капитана Шори.

М, «Наука», 1989

Перевод с английского В. Я. ГОЛАНТА
Ответственный редактор А. Б. ДАВИДСОН

СКАЗАНИЯ ДАЛЕКОГО КРАЯ

Эта книга выходила в русском переводе дважды: в 1968 году и в 1977-м. Почему же понадобилось издавать ее третий раз? Принято считать, что герой этой книги родился двести лет назад, скорее всего в 1787 году. Значит, в связи с его юбилеем?

Но, во-первых, достаточной ли причиной является юбилей, чтобы снова выпускать книгу об этом человеке? Действительно ли он заслуживает такого большого внимания?

И во-вторых, надо ли переиздавать именно эту книгу? Если ее герой по-настоящему знаменит, то о нем, наверно, есть не одна и не две книги. Почему же снова выпускать именно эту?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, стоит вспомнить, что еще при жизни Чаки весть о нем донеслась даже до нашей страны, за тысячи километров. Это было во времена Пушкина и декабристов. О многих ли правителях и вождях Черной Африки слышали тогда на Руси? А о зулусе Чаке — слышали.

Вот передо мной московский журнал «Вестник Европы» за 1828 год. Сборник двадцатый, страница 310. «С Мыса Доброй Надежды уведомляют от 3-го августа [н. с.], что армия короля Чаки... идет на владения кафров. Подполковник Сомерсет выступил... для прикрытия границы и для содействия кафрам».

Рядом — другие известия. Иные из них звучат совсем как сегодняшние. К примеру, о столкновениях ирландских католиков с протестантами.

Но о «короле Чаке» — как тут не удивиться? О походе африканского владыки читаешь в «Вестнике Европы», который считался родоначальником русской журнальной печати. В журнале, где появились первые пушкинские стихотворения.

Да и как быстро весть донеслась до Москвы! «Уведомляют» с Мыса Доброй Надежды в конце лета, а осенью российские читатели уже знают эту новость. Без радиосвязи, без телеграфа, без авиачты. И ведь журнал — не газета. Не в один день печатался.

Правда, само известие заслуживало внимания. Поход Чаки испугал англичан. Не потому, что Чака и его зулусы вторглись на земли соседнего, родственного им народа. Англичане страшились за свою Капскую колонию — грозное войско Чаки уже нависло над ней.

Что же представлял собой этот африканец, если слух о нем доносился из одного полушария Земли в другое?

Ему посвящена эта книга. Человеку, которого называют африканским Наполеоном.

Прежде чем спорить или соглашаться с автором, стоит вспомнить, много ли мы вообще знаем о людях, живших в Африке не только в ту эпоху, во времена Пушкина и Гейне, Кутузова и Наполеона, но и в более поздние годы, в середине и в конце прошлого века, да и в первые десятилетия нынешнего.

С какими именами ассоциируется обычно тогдашняя история Черной Африки?

В ответ последуют имена Сесилия Родса, Ливингстона, Стэнли, бельгийского короля Леопольда Второго... Немец почти наверняка упомянет еще Карла Петерса, Нахтигала, Людерица; англичанин — генералов Гордона и Китченера, лорда Лугарда, Гарри Джонстона, Бертона, Слика; француз — де Бразза и маршала Лиоте. Это англичане, французы, немцы, португальцы, итальянцы. Они захватывали африканские страны, или исследовали их, или совмещали одно с другим. Больше места в школьных программах и на картах отводилось завоевателям, меньше — исследователям.

Если с такой же меркой подойти к истории нашей страны, то со словом «Россия» должны ассоциироваться имена не Александра Невского, Петра Первого, Лермонтова или Толстого, а Карла Двенадцатого, Наполеона, да еще нескольких немцев или французов, которые рассказывали Западу о москвитях и россиянах.

Что же, неужели в истории Африки не было людей, которые должны бы запомниться человечеству? Неужели среди африканцев не было мудрецов и полководцев, завоевателей и освободителей, вольнодумцев и еретиков?

Почти все известные книги о деятелях Черной Африки посвящены нашим современникам, людям пятидесятых-восьмидесятых годов XX века. Да и их можно перечислить по пальцам. Даже если включить в их число явно бьющие на сенсационность, вроде мемуаров, автор которых подписался «Принц Модупе», а заголовок придумал такой: «Я был дикарем».

Почему мы так мало знаем о людях Африки, да и вообще о прошлом этого материка? Во многом прав английский миссионер и ученый Альфред Брайант (1865—1953). Он прожил полвека среди зулусов и считается признанным знатоком их истории и культуры.

«Народ зулу не имеет писаной истории. Если мы оглянемся всего только на полтора столетия назад, то окажемся уже в его доисторической эпохе, от которой дошли только недостоверные и туманные предания.

Представим себе на мгновение, что европейский мир не обладает ни письменностью, ни археологическими памятниками. Тогда для нас никогда бы не существовали ни Вавилон и Египет, ни Греция и Рим. Философские идеи Платона и поэтические образы Шекспира до нас не дошли бы и были бы навсегда потеряны; все знания, приобретенные и накопленные людьми, не сохранились бы и не получили бы никакого распространения. Человеческая мысль, опыт, деяния и подвиги — все это было бы навсегда предано забвению»¹.

Конечно, в истории человечества забвение постигло не только тех, чьи имена когда-то гремели на жарких просторах Африканского материка. Алексей Константинович Толстой писал о древнем кургане, могиле знаменитого когда-то военачальника. На его тризне певцы пели славу его подвигам. Но прошли столетия — и остался лишь этот курган.

А витязя славное имя

До наших времен не дошло...

Кто был он? венцами какими

Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?

Какие он жег города?

И смертью погиб он какою?

И в землю опущен когда?

А Константин Бальмонт перевел сонет великого английского поэта Шелли о найденном посреди пустыни обломке древней статуи.

И сохранил слова обломок изваянья:

«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,

Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»

Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...

Пустыня мертвая... И небеса над ней...

Но в Африке из-за отсутствия письменности у большинства народов нередко оказывались забытыми и люди не столь уж давнего прошлого.

И все же Чака не забыт. О нем написано, пожалуй, больше, чем о любом другом уроженце Черной Африки, во всяком случае из тех, кто жил до начала нашего столетия.

Память о нем занимает громадное место в истории зулусов. А зулу, или зулусы, не только самый крупный из южноафриканских народов, но и наиболее известный за пределами Южной Африки. Да и на всем Африканском материке мало можно назвать народов, о которых было бы написано столько книг, хотя в Африке есть народы куда более крупные, чем зулусы, которых насчитывается сейчас шесть с половиной миллионов.

Дело в том, что зулусская история очень уж богата событиями. В нашей стране о зулусах знали с давних времен, и не только по тому упоминанию в «Вестнике Европы». Зулусские сказки многократно издавались на русском языке. Еще в 1873 году они вышли в Санкт-Петербурге, правда тогда в переводе с английского, а в течение последних пятидесяти с лишним лет они выходят уже в переводе с зулусского.

В 1854 году в Петербурге были изданы рассказы о стране зулусов, услышанные от английских моряков, потерпевших кораблекрушение у ее берегов, в Индийском океане. Известный книговед Николай Александрович Рубакин издавал потом эти рассказы дважды, в 1903-м и в 1910-м.

Самая объемистая книга об африканском народе, когда-либо выходившая в нашей стране, — это перевод фундаментального исследования Альфреда Брайанта «Зулусский народ до прихода европейцев». Книга была издана в 1953 году под совместной редакцией крупнейших советских африканистов Дмитрия Алексеевича Ольдерогге и Ивана Изосимовича Потехина.

Восхищение европейцев с давних пор вызывали зулусские воины. Зулус «в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. У него мельчайший мускул, крепкий, как сталь, выделяется словно плетеный ремень». Такое наблюдение одного английского художника приводил Фридрих Энгельс.

Пересказывая восторженные отзывы очевидцев, Энгельс и сам восхищался зулусами, их военным искусством и храбростью. Зулусы, писал он, «сделали то, на что не способно ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль заряжающихся с казенной части ружей английской пехоты — по общему признанию первой в мире по боевым действиям в сомкнутом строю — продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении...»²

Речь тут шла о событиях 1879 года, когда британские войска вторглись в земли зулусов. Эта война была одним из крупнейших событий в тогдашнем мире. В Европе изумлялись действиям зулусского правителя Кетчвайо и битве у холма Изандлвана — зулусы атаковали и уничтожили крупный английский отряд. И хотя зулусским копьям противостояла европейская военная техника, все же погибло больше восьмисот британских солдат и офицеров и почти пятьсот бойцов «туземных войск» — африканцев, завербованных колониальными властями.

Такое поражение африканцы нанесли европейским вооруженным силам впервые в истории. В «Санкт-Петербургских ведомостях» 4 [16] февраля 1879 года говорилось: «Победа кафров-зулусов над отрядом англичан оказывается полною. Не только из отряда никто не спасся, но вследствие означенного поражения главнокомандующий английскими войсками лорд Чельмсфорд принужден был отступить». Слово «зулус» вошло тогда в обиход русского языка. Чехов в письмах к своему старшему брату Александру обращался: «Мой брат зулус». Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» отправил своего бродячего полководца Редедю в страну Зулусию.

Англо-зулусская война повлияла и на события в Европе. В Англии она стала одной из причин широкого недовольства премьер-министром Дизраэли, приведшего вскоре к его падению. А ведь накануне этой войны он был в зените славы.

Даже епископ англиканской церкви Натала осудил агрессию своих соотечественников.

В одной из мелких стычек зулусы убили молодого человека по прозвищу Принц Лулу, а по имени — Наполеон Евгений-Людовик-Жан-Жозеф. Он действительно носил титул «имперского принца». Это был единственный сын последнего французского императора Наполеона III. Хотя во Франции уже несколько лет, со времен франко-прусской войны и Парижской коммуны, существовала республика, партия бонапартистов быстро усиливалась и, уверенная в скором приходе к власти, еще в 1874 году, в год совершеннолетия принца, провозгласила его своим главою под именем Наполеона IV. Бонапартисты считали, что ему не хватало лишь военной славы, чтобы французы увидели в нем подлинного Бонапарта. Вдова Наполеона III императрица Евгения и приютившая ее в изгнании королева Виктория послали своего любимца за этой славой на Юг Африки. Им казалось, что там ее добыть не трудно, французский географ Элизе Реклю сострил: принц «надеялся, что военные подвиги против зулусов доставят ему впоследствии господство над французами»³. Европейские газеты готовились описывать грядущие военные подвиги принца. «По слухам, принц Луи-Наполеон изложит все пережитое им в Южной Африке в дневнике, который будет печататься...» — сообщила в апреле 1879 года петербургская газета «Голос»⁴. Но зулусский асегай сорвал планы бонапартистов и заметно изменил политику европейских кабинетов, до того считавшихся с возможностью восстановления империи во Франции.

Дизраэли, один из главных виновников войны с зулусами, и тот не мог скрыть своего изумления. «Что за восхитительный народ — он убивает наших генералов, обращает наших епископов в свою веру и пишет слово „конец“ на истории французской династии»⁵.

Прекрасные боевые качества зулусов настолько запомнились всему миру, что через много лет, в январе 1942 года, в самую критическую пору второй мировой войны, на страницах американской «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья «Громадный африканский резерв воинства для союзников». В ней говорилось: «Величайший боевой народ Африки, прославленные южноафриканские зулусы не воевали ни в первой мировой войне, ни пока еще — в этой»⁶.

Битва при Изандлване произошла через полвека после гибели Чаки. Однако принято считать, что именно его реформаторская деятельность дала зулусам возможность одержать эту победу. В программе Южно-Африканской коммунистической партии сказано, что зулусы героически боролись против вторжения буров и англичан, «используя боевую тактику Чаки».

Действительно, за те двенадцать лет, когда Чака был инкоси (верховным правителем) зулусов, в их стране произошли громадные перемены. В 1816 году Чака возглавил небольшой клан Зулу — всего несколько тысяч человек, а к моменту гибели Чаки, в 1828 году, власть зулусов распространялась на весь Натал (в наши дни это восточная провинция Южно-Африканской Республики). Влияние же их — на многие сопредельные территории. По подсчетам Эрнеста Риттера, автора этой книги, за время правления Чаки подвластные ему земли увеличились со 100 кв. миль до 200 000 кв. миль, а его войско — с 500 воинов до 50 000.

Первые десятилетия XIX века получили у южноафриканских народов название «дифакане» или «мфекане». На русский язык это можно перевести как «перемалывание». Это был период многочисленных

войн, в ходе которых происходило объединение одних племен, дробление других, миграции третьих. Возникали различные формы их взаимозависимости. В результате вооруженных столкновений некоторые племена и автономные группы переселялись, иногда даже в очень отдаленные области — за многие сотни километров,

Важнейшая роль в этих событиях принадлежала зулусам и их правителю Чаке. Именно их военные походы вызывали цепную реакцию объединений, дроблений и перемещений и в целом привели к наиболее значительным последствиям.

Как оценить их историческую роль?

Чака стал «собирателем земель»: одни он завоевывал, другие объединял без применения военной силы. Он проявил не только полководческий талант — с именем Чаки связаны и коренные перемены в управлении. Та структура управления страной и организация войска, которая оформилась к концу правления Чаки, просуществовала следующие полвека без существенных изменений и дала зулусам возможность одержать победу над англичанами в 1879 году.

К сожалению, время «мфекане» и роль Чаки до сих пор не изучены с достаточной полнотой, хотя в последние годы и появился ряд интересных исследований и в Европе, и в Африке.

Основная причина — в скудости достоверных сведений. Зулусы письменности не знали, а первые европейцы побывали у Чаки лишь в 1824 году, за четыре года до его гибели. К тому же это были молодые искатели приключений, отнюдь не ставившие своей целью дать научный анализ увиденному, да и подготовки у них к этому не было.

Конечно, деятельность Чаки отозвалась в последующей истории Южной Африки неоднозначно. Консолидация зулусского народа сопровождалась распадом и ослаблением многих других племен перед лицом экспансии буров и англичан.

И само образование могущественного военно-политического объединения зулусов с крепкой центральной властью вряд ли можно приписывать лишь одному человеку — Чаке. Можно с уверенностью сказать, что ко времени прихода Чаки почва для этих перемен уже созрела, а некоторые из них уже начали осуществляться. Но об этом мы, увы, почти ничего не знаем. В исторической памяти зулусов Чака — и это естественно — совершенно затмил всех своих предшественников.

Доблесть и силу Чаки воспевали Маголване, крупнейший зулусский поэт прошлого века, прозаик Роберт Дломо в романе «Чака», поэт и писатель Вилакази. В 1979 году вышла объемистая книга зулусского поэта Мазиси Кунене, озаглавленная «Великий император Чака. Зулусская эпическая поэма».

В Чаке все они видели «короля-воина», стремившегося положить начало зулусской государственности. «Африканский континент знает многих выдающихся лидеров и полководцев, но никто из них не захватывает наше воображение в такой же степени, как Чака, сын Сензангаконы»⁷, — писал в предисловии к своей книге Мазиси Кунене.

Чаке отдают дань не только зулусы. Руководитель революционного подполья Южной Африки Нельсон Мандела заявил в 1965 году, что на борьбу за человеческое достоинство африканцев его вдохновила память о великих делах Чаки. Это он сказал в своей речи на суде, где его приговорили к пожизненному заключению. Нельсон Мандела не зулус, он представитель коса, другого южноафриканского народа.

Первым романом, написанным африканцем Южной Африки, стал роман «Чака». Томас Мофоло, тоже не зулус, а суто, создал этот роман еще в начале нашего столетия, в 1909 — 1910 годах.

Чаку знают и в других африканских странах. В последние десятилетия, когда в Африке растет интерес к своему прошлому и появляется все больше историков и писателей, усилилось и внимание к Чаке.

Леопольд Седар Сенгор, сенегальский поэт с мировым именем, в 1949 году написал свою известную поэму «Чака». В поэме обвинителем Чаки выступает «Белый голос», который называет Чаку «зловредной гиеной», «великим кормильцем гиен и стервятников», «Песнопевцем смерти». Симпатии Сенгора целиком на стороне Чаки. Его Чака отвечает «Белому голосу»: «...я не гиена, а Лев Эфиопии⁸ с поднятой головой».

В поэме Сенгора Чака говорит:

Я увидел в грядущем мой край... Где загублены рощи, сглажены горы, где в железо закованы реки и долины... Люди Юга воздвигли огромные горы из черного золота, из красного золота, а сами они голодают... Мог ли я остаться глухим к их страданиям и к их унижениям?

Пер. Д. Самойлова

Сенгор использовал роман Томаса Мофоло — книги Риттера тогда еще не было. У Мофоло в одной из самых драматических сцен Чака убивает свою возлюбленную Ноливе. Вероятно, само это событие — художественный вымысел Мофоло. Но этот сюжет воспроизвел и опоэтизировал Сенгор, а потом и еще

несколько авторов. Идея у них, как правило, одна — Чака пожертвовал даже своей любовью, чтобы она не мешала ему служить делу своего народа.

Я б ее не убил, если б меньше любил...
Нужно было отбросить сомненья,
Забыть опьянение от сладкого млека пылающих уст,
от безумных тамтамов, от ночного биения крови,
От нутра, где кишит раскаленная лава,
От страсти к Ноливе — Во имя моего черного Народа.

Число произведений о Чаке особенно увеличивается с шестидесятых годов. Сейду Бадиан, драматург из Республики Мали, в 1961 году издал пьесу «Смерть Чаки». В 1971 году своего «Чаку» опубликовал известный гвинейский историк и писатель Джибриль Тамсир Ниань. В 1972 году появилось сразу два произведения под одинаковым названием «Амазулу» («Зулусы»), Одно вышло из-под пера дагомейца Кондотто Ненекхали-Камары, второе написал тоже автор из Западной Африки — Абду Анта Ка. Роман «Асsegай» южноафриканца Кини Мак-Менеми опубликован в 1973 и переиздан в 1975 году.

Пьесы о Чаке идут в самых разных странах.

Появляются даже специальные статьи об образе Чаки в африканских литературах⁹.

Молодые африканские историки тоже тянутся к этой теме. Когда в Восточной Африке возник сравнительно крупный исторический журнал, то статья о Чаке оказалась в одном из первых же номеров¹⁰.

Мысли в этой обширной литературе высказываются, конечно, довольно пестрые. Прежде всего Чака стал олицетворением силы африканских народов, их готовности идти на жертвы ради единства и самостоятельности. По временам звучит и идея, иногда именуемая в Африке «антирасистским расизмом». Слышится и афроцентризм в противовес европоцентризму. Большинство современных авторов стремились не к тому, чтобы найти и собрать новые материалы о Чаке, а хотели в его образе воплотить свои сегодняшние идеи.

Что же касается западноевропейской литературы, как научной, так и художественной, то в ней Чака долгое время представлял как тиран из тиранов, злой гений народов Южной Африки, и больше всего своего собственного народа — зулусов.

Эту точку зрения можно было встретить и в многотомной «Кембриджской истории Британской империи», и в претендующих на солидность монографиях, и в университетских пособиях, и, конечно, в учебниках, написанных для африканских школ в колониях. неизменно приводилось число людей, павших жертвами войн Чаки. В разных изданиях оно колебалось между одним и двумя миллионами, то есть, весьма вероятно, превышало общую численность населения тех земель, которые были основной ареной деятельности Чаки.

Даже Брайант, относившийся к зулусам с искренней теплотой, все же писал о Чаке как об олицетворении зла.

Райдер Хаггард в известном романе «Нада» вывел Чаку безумцем, страдающим манией истребления людей.

Такая трактовка образа Чаки как бы оправдывала приход колониализма в Южную Африку. Ведь если там царили чудовищные порядки, то европейцы совершали благое дело, явившись и взяв африканцев под свою опеку.

Этот взгляд повлиял и на некоторых африканских авторов. Томас Мофоло в романе «Чака» все-таки писал прежде всего о беспощадности, о бессмысленном истреблении людей.

Судя по откликам печати, такое отношение проявилось и в многосерийном фильме «Зулус Чака», поставленном на деньги Южноафриканской радиовещательной корпорации в 1987 году — к двухсотлетию со дня рождения Чаки (правда, дата эта отнюдь не бесспорна).

Основанием для такой трактовки образа Чаки был завершающий период его правления, особенно самый последний год, когда Чака действительно превратился в деспота, истреблявшего людей. Тогда против него и возник заговор двух его сводных братьев и главного советника, и 24 сентября 1828 года он был убит.

Мы не знаем, как был организован тот заговор и что думали заговорщики. Может быть, им созвучны были помыслы римлянина Брута? О них мы тоже ведь знаем не так уж много, разве что слова, которые вложил в уста Брута великий Шекспир: «Я любил Цезаря, и я его оплакиваю. Он преуспевал в своих начинаниях, и я радовался. Он был отважным, и я его чтил. Но он был деспотом, и я его убиваю».

Зулус Альберт Лутули (1898—1967), генеральный президент Африканского национального конгресса и

первый африканец — лауреат Нобелевской премии, считал, что в последние годы жизни Чака утратил поддержку своего народа: «Чака умер, не оплакиваемый своим народом, который он вывел из тьмы»¹¹.

Уставшие от недавних ужасов зулусы не воспрепятствовали свержению своего прежнего кумира. Не воспротивились даже тому, что Дингаан, брат Чаки, обогривший свой асседай братской кровью, стал новым правителем страны. Устранение Чаки явилось протестом против жестокостей последних лет, но отнюдь не против основных направлений его деятельности. Дингаан отказался от бессмысленных кровопролитий, но продолжал дело объединения зулусов и создания начал государственности.

Чака, несомненно, был жесток, но в спорах о нем его жестокости нередко приравнивают к кровавым преступлениям диктаторов XX века. Это, разумеется, абсолютно неправомерно. Чака принадлежал обществу, находившемуся на совершенно ином уровне развития. Все человеческие ценности, само отношение к человеческой жизни были совершенно иными. Тут нам достаточно вспомнить соответствующие этапы истории народов Европы и Азии. Меньше ли тогда лилось человеческой крови?

Среди всего, что написано о Чаке в Африке, на Западе и даже у нас, в серии «Жизнь замечательных людей», книга Риттера стоит особняком. Чаке повезло, что о нем есть книга человека по имени Риттер. Эрнест Август Георг Эдуард Арнольд Риттер.

Книга Риттера — первое и пока еще все-таки единственное подробное жизнеописание Чаки. Но ее ценность этим не исчерпывается. Дело в том, что она построена на преданиях зулусской старины. Риттер записал и собрал слышанное им когда-то и расположил хронологически — от рождения до смерти вождя. К этому он прибавил рассказы тех людей, которые в детстве сами видели Чаку или слышали о нем от отцов в дедов.

Европейскими свидетельствами Риттер не пренебрег, но он понимал, что Чаку видели всего несколько европейцев, и то лишь в самые последние годы его жизни. И главное, по этим свидетельствам не понять побуждений, которыми руководствовался Чака. Ведь даже языка зулусского никто из этих европейцев толком не знал.

И Риттер решил, как он сам пишет, «изобразить создателя зулусской нации Чаку таким, каким его представляли себе сами зулусы, особенно в конце прошлого века».

Зулусский эпос и составил эту книгу или, во всяком случае, стал ее основой. Конечно, в преданиях было много неправдоподобного. Риттер оставил и это. Разве не стоит узнать, каким остался образ вождя в памяти народной?

Можно спорить, к какому жанру отнести эту книгу. Ее нельзя назвать строгим историческим исследованием, не назовешь ее и романом. Ближе всего она к историко-художественному жанру. А широкое использование эпоса сделало ее новаторской. Лишь потом, в шестидесятых годах, получило всеобщее признание мнение, что прошлое Африки не восстановить без народных преданий, без устной исторической традиции.

Риттер издал свою книгу в 1955 году, и у него скоро нашлись подражатели. В 1962 году была издана книга о другом зулусском правителе — Мзиликази, а в 1964 — о Дингаане, брате Чаки, его убийце и преемнике. Их автор Питер Бекер сообщил, что тоже пишет на основе эпоса. Но для него герои книги возникли не из преданий, запомнившихся с детства, не из образов, впитанных с молоком кормилицы и ставших как бы частью его существа, а из материалов опроса нескольких африканцев. И названия спом книг Бекер дал традиционные, в духе колониального романа: «Тропую крови» и «Царство страха».

Впоследствии вышло немало жизнеописаний, но пока что редкие из них являются подлинной удачей. Одни сплошь состоят из «ума холодных наблюдений», в других полно эмоций, но зато, кроме них, нет ничего. Объективность подменяется то традиционной колониальной трактовкой, то неоколониальной, то слишком уж крайним африканским национализмом.

Следовать примеру Риттера нелегко. В свою книгу он вложил великолепные знания и громадный труд. А ведь ко многому в литературе о Чаке (да о Чаке ли только?) можно отнести известные слова Пушкина: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти научных произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий»

Не в пример скороспелым поделкам, типичным для наших времен не меньше, чем для пушкинских, книга Риттера — дело всей его жизни. Он не торопился издать ее. Кропотливо старался собрать в ней то, что узнал за всю свою долгую жизнь.

У Риттера была уникальная возможность познакомиться с жизнью зулусов. Он среди них вырос, и первым языком, на котором он научился говорить, был зулусский. Зулусские предания были его первыми детскими впечатлениями, а образ Чаки занимал в этих преданиях главное место. Риттер с младенческих лет слышал о Чаке — от кормилицы, от друзей детства, от старших.

Об истории зулусов Риттер мог многое узнать и в своей собственной семье. Ко времени его рождения,

к 1890 году, семья уже давно обосновалась в тех краях. Отец Риттера, ганноверский офицер, оказался на Юге Африки благодаря участию в Крымской войне. За согласие воевать на франко-британской стороне английское правительство тогда раздавало немецким солдатам и офицерам земельные участки в Южной Африке, на восточной границе Капской колонии. Так немец за участие в войне против России получил от англичан африканскую землю. Чего только не бывает в истории!

Не только капитан Риттер, но и его сын в молодости участвовал в англо-зулусских схватках, и, конечно, не на стороне зулусов. Но, должно быть, многое передумал и переосмыслил Эрнест Риттер, прежде чем на 66-м году своей жизни издал эту книгу.

Знание старых преданий дало Риттеру возможность показать зулусский народ и на войне, и в труде, и в домашней обстановке. Перед читателем не схематические типажи, а многокрасочная живая жизнь.

Из характеристик, которые Риттер даст Чаке, хотелось бы выделить следующие:

«Даже обладая самым богатым воображением, нельзя возложить на Чаку ответственность за опустошения, о которых пойдет сейчас речь. Несмотря на это, упорно распространяется клеветническая версия, будто именно он их виновник. Позднейшая резня и опустошение остальной части Натала и ряда других областей также приписываются Чаке, но, ознакомившись с фактами в их хронологической последовательности, читатель убедится, сколь абсурдны эти обвинения. На самом деле Чака уничтожал только для того, чтобы строить...»

Риттера возмущают «рассказы, которыми пичкают доверчивую публику... Если верить им, во всем Зулуленде и на побережье Натала нет, пожалуй, такой пропасти или такого водопада, куда Чака не сбрасывал бы отдельных осужденных, полки или даже целые племена».

«Чака, несомненно, бывал временами жесток. Но это присуще всем великим полководцам. Тит, самый «гуманный» из римских императоров, во время осады Иерусалима распинал по тысяче иудеев в день... Чака велел заживо сжечь шестнадцать женщин. Красс же, разбив Спартака, распял шесть тысяч восставших рабов. Когда в 1631 году Тилли взял штурмом Магдебург, жительницы этого города подверглись насилию. Воины Чаки за такое преступление заплатились бы жизнью...»

Многих читателей, должно быть, все-таки поразит жестокость тех нравов. Но еще раз — разве не было такой же свирепости и крови в прошлом европейских народов, стоявших на похожем уровне развития? История и тут писалась кровью, и, как это ни печально признавать, запомнились больше те правители, при которых кровь лилась особенно обильно.

Все же какими бы жестокими ни казались нам многие поступки Чаки, они с морально-этической стороны куда естественнее для того общества, чем страшные изуверства и кровопролития, учиненные в более поздние времена «цивилизованными» государствами.

Конечно, не со всем в книге можно согласиться. Риттер фактически приписывает все достижения зулусского народа в тот период одному Чаке. Это неверно. Тенденции к объединению существовали и до чего. Предшественник Чаки — Дингисвайо — пытался объединить зулусов, но самый процесс начался, надо полагать, еще раньше и был проявлением одной из закономерностей развития человеческого общества на переходе от доклассового общества к классовому.

Стратегия и тактика, с помощью которых Чака одерживал свои победы, тоже вряд ли были лишь его изобретением, как может сложиться впечатление по книге. И тут он не мог не опираться на уже зародившиеся традиции.

Риттер не профессиональный историк, он и не пытается серьезно разобраться в глубоких корнях событий. А успехи и все поведение Чаки в ранние годы его правления объясняет, исходя из примитивно понятого фрейдизма.

Наивна и трактовка поведения Чаки в последние годы жизни, когда он в упоении абсолютной властью окружил себя льстецами и стал подозревать всех и вся. По мнению Риттера, Чаку сделала жестоким тираном смерть горячо любимой матери: «Меланхолия, охватившая короля, толкала его на отвратительные поступки». Вряд ли можно назвать полностью удачной и попытку автора объяснить мотивы политики Чаки по отношению к англичанам. Упомянутое в книге канибальское племя, к которому якобы принадлежал Ндлела — один из соратников Чаки, — походит скорее на сказочный образ.

Весьма спорна и теория известного английского историка Арнольда Тойнби о стимулах прогресса, к которой, правда лишь между прочим, походя, пытается апеллировать Риттер.

Автор пользуется терминологией, которая вряд ли применима при характеристике родового общества: Риттер говорит об империи и нации, о королях, генералах и даже о генералиссимусе, о министрах, штабе, штабных, гвардии, фрейлинах, комендантах. Все это, разумеется, оставлено и в русском переводе, как и термин «туземцы», как правило уже не применяющийся в наши дни, поскольку он в годы колониализма приобрел пренебрежительный и даже расистский оттенок.

Говоря о различных районах Южной Африки, Риттер употребляет названия, появившиеся для обозначения этих территорий уже через много десятилетий после смерти Чаки: Басутоленд, Бечуаналенд, Свазиленд, Трансвааль, Оранжевое Свободное государство, Родезия... И само слово «Натал» употребляется в книге в различных смыслах: то для обозначения всех земель, входящих в ныне существующую под этим названием провинцию Южно-Африканской Республики, то для обозначения лишь южной части этой территории.

Вообще вопрос о терминах, именах и географических названиях, связанных с этой книгой, весьма сложен. Сейчас, со второй половины 1960-х годов, нет ведь уже ни Басутоленда, ни Бечуаналенда — на месте этих британских протекторатов теперь Королевство Лесото и Республика Ботсвана. На месте Южной Родезии — Республика Зимбабве, Северной Родезии — Замбия.

Имя главного героя книги зулусы произносят: «Шака». Но при издании перевода этой книги редакция решила оставить устоявшееся в русском языке написание: Чака.

В первых двух изданиях на русском языке книга выходила под названием «Чака Зулу». Готовя третье, мы решили, что «Зулус Чака» понятнее.

Риттер закончил свою книгу больше трех десятилетий назад, когда карта Африки выглядела как сплошной массив колониальных владений. Еще не было десятков молодых независимых государств, Африка не находилась в центре внимания газет, радио, телевидения — все это наступило позже. И серьезной научной литературы было неизмеримо меньше, чем сейчас. Попытки воссоздать образы людей африканского прошлого делались редко, и Риттера по праву можно считать пионером. Притом он подчинялся велению души, а не конъюнктуре, как многие авторы позже, когда писать об Африке уже стало модой.

Если вспомнить об этом, достоинства книги становятся еще очевиднее, а недочеты — еще более объяснимыми.

Повезло книге и с переводчиком. Успех ее первых русских изданий — в большой мере его успех. В читательских откликах не раз говорилось об этом. Чтобы подготовить русский перевод, нужно было не только уметь хорошо переводить, но и блестяще знать историю Африки и ее народов.

Вениамин Яковлевич Голант (1912—1974), может быть, больше и лучше, чем кто-либо другой, познакомил советских читателей с иностранной литературой об Африке. Он был одним из первых советских ученых-африканистов: его статьи об истории Африки выходили еще в 1940 г. Вернувшись с войны, В. Я. Голант защитил диссертацию о восстаниях африканских народов. Он был и писателем, издавшим несколько отличных книг, и переводчиком. Благодаря его переводам читатели познакомились с произведениями известного чешского путешественника Эмиля Голуба, немецкого натуралиста Ганса Шомбургка, с малоизвестными рассказами Райдера Хаггарда...

Вениамин Яковлевич не дожил до второго и третьего изданий этой книги. Тем уместнее здесь вспомнить этого яркого и доброго человека.

Эта книга переведена даже на суахили, самый распространенный восточноафриканский язык. Не часто книги об африканцах, вышедшие из-под пера авторов-европейцев, получают такое признание в Африке. Даже в 1973 г., когда о Чаке было написано уже очень много, нигерийский ученый Колаволе Огунбесана сказал: «Сегодня это самая достоверная биография Чаки».

Дело, должно быть, не в достоверности — она во многом может быть оспорена. Но познакомиться с преданиями зулусской старины и увидеть, каким предстает в них «король Чака», — это само по себе явно заслуживает внимания.

В нашей стране первые два издания этой книги исчезли с книжных прилавков очень быстро. Думаю, что такой же будет и судьба третьего.

А. Б. Давидсон

Введение

Автор этой книги пытался изобразить создателя зулусской нации Чаку таким, каким его представляли себе сами зулусы, особенно в конце прошлого века. Он избрал жанр биографии, а не исторического трактата и потому смог использовать зулусские предания. Эти сказания передавались из поколения в поколение в живой и драматической форме, свойственной зулусам. Находить английские идиомы, которые донесли бы до читателя особенности этого стиля, автор не стремился: для этого необходим литературный талант, на который он не претендует. Зато автор сделал все, что было в его силах, чтобы воспроизвести сказания зулусов поточнее.

Почти каждый вечер зулусы рассказывали своим детям народные предания, которые они когда-то слышали от своих отцов. Вероятно, таким же образом передавались из поколения в поколение предания Ветхого завета, пока наконец они не были записаны уже около 800 года до н. э. Древнейшие хроники всех народов, надо думать, устные. Но от этого они не переставали быть хрониками, и автор при случае, не колеблясь, именно так и называет зулусские предания, а старцев-сказителей именуется хронистами.

Чтобы читателю стало ясно, каким образом автор смог ознакомиться с преданиями, которые обычно слушают одни лишь зулусские дети, необходимо — и это приятная для него необходимость — сказать несколько слов об отце его, капитане К. Л. А. Риттере.

В 1876 году президент республики Трансвааль Бюргер попытался разбить бапеди во главе с их вождем Секукуни, но потерпел поражение. Тогда он объявил набор добровольцев, способных приобрести на собственные средства все необходимое для кампании против бапеди. Каждому была обещана за один год военной службы ферма. На этот призыв откликнулись исключительно иностранцы, жившие в Трансваале. Так сформировался конный отряд численностью около двухсот человек. Командовал им бывший прусский офицер фон Шликман. Это разношерстное воинство именовало себя «флибустьерами». К нему присоединился и отец автора.

Капитан Риттер родился в 1833 году. Он служил лейтенантом в ганноверской армии, затем вступил в британскую армию, получил назначение во вновь созданный Немецкий легион и воевал в Крыму. В 1857 году он, уже в чине капитана, прибыл в Южную Африку и вместе с другими легионерами поселился на беспокойной границе Капской колонии с Кафрарией². Как и многие колонисты, он нес пограничную службу. Вскоре он присоединился к флибустьерам и стал одним из их главных начальников.

Между тем республика Трансвааль шла к банкротству, и 12 апреля 1877 года сэра Теофил Шепстон присоединил ее к владениям британской короны.

Флибустьеры воевали хорошо, но не смогли выбить Секукуни из его горной твердыни. Сильный отряд английских войск также потерпел неудачу. Тогда капитан Риттер по поручению сэра Теофила Шепстона и сэра Гарнета Уолсли сформировал полк из воинов свази. Свази, близкие родичи зулусов, подобно им были вооружены копьями и щитами. Британские войска вместе с полком капитана Риттера, в котором он был единственным европейцем, осадили крепость Секукуни. Когда начался штурм, одно из направлений было отведено свази. Они первыми ворвались в крепость. Капитан Риттер рассказывал автору, что победители устроили отвратительную резню: они не щадили ни женщин, ни детей; обезумевших от крови свази невозможно было остановить. Секукуни удалось спастись через подземные пещеры, целый лабиринт которых находился под крепостью. Вскоре, однако, он был достигнут в том же лабиринте.

Капитан Риттер получил должность «комиссара по делам туземцев», а после первой бурской войны³ и восстановления республики Трансвааль был переведен в Натал и назначен судьей. Обязанности главного пристава при нем исполнял некто Ндженгабанту Эма-

Бомвини, которому было тогда лет семьдесят. Его отец, Махола, служил вместе с Чакой в полку Изи-ц'ве⁴, входившем в состав войска Дингисвайо. Ндженгабанту знал от отца множество подробностей о жизни Чаки.

Автор родился в 1890 году. Первые слова он произнес на зулусском языке, которому научился у нянек. Чуть ли не каждый день мальчик слушал рассказы о подвигах Чаки. Вечер за вечером просиживал он в хижине Ндженгабанту и вместе с детьми хозяина жадно впитывал каждое его слово. Эти детские впечатления помогли ему в дальнейшем увидеть Чаку таким, каким видели его зулусы. Многие эпизоды так часто повторялись в рассказах, что запечатлелись в памяти будущего автора не хуже, а может быть, даже и лучше, чем библейские легенды в памяти детей-христиан, потому что события, о которых шла речь, были драматичными, а форма повествования захватывающей. Все это вызывало у него глубокий интерес к зулусам и их истории и стремление узнать о них как можно больше. К счастью, и отец будущего автора очень интересовался воинами между туземцами и еще в то время, когда эти события были свежи в памяти народной, собрал о них богатейшую информацию.

Автор располагал и другими источниками. Он, в частности, много узнал от своего деда со стороны матери, преподобного К. У. Посселта, который прибыл в Южную Африку в 1842 году и основал не один миссионерский пост. К информантам К. У. Посселта относится сын грозного Мативаана, вождь племени нгваанов Зикали, сопровождавший отца во всех страшных переселениях, описанных в этой книге. Преподобный К. У. Посселт создал первый пост Наталской миссии на территории, подвластной Зикали, и, естественно, часто встречался с самим Зикали и с его сыном и преемником — Нквади. Капитан Риттер был первым должностным лицом в районе верховий реки Тугелы, который управлял этим племенем.

Однако самые ценные сведения автор получил от вождя Сигананды Ц'убе. Он родился около 1810 года и умер вскоре после зулусского восстания в 1906 года, одним из руководителей которого являлся. Мальчиком Сигананда часто прислуживал Чаке в качестве у-диби⁵ (у-диби носил циновки вождя и вообще выполнял функции пажа). Поэтому он мог описать по памяти наружность Чаки, его манеру держаться, а также подтвердить достоверность рассказов Ндженгабанту, с которым был хорошо знаком. Пика Зулу — внучатый племянник Чаки и хранитель неписаной летописи королевского дома зулусов — считал, что Сигананда лучше всех знает историю периода, закончившегося смертью Чаки. Когда автор забывал о своем зулусском воспитании и начинал надоедать расспросами, Сигананда имел обыкновение восклицать с достоинством: «Тула мфана! Лалела нк'а ку кулума абадала», что означает: «Молчи, мальчик! Слушай, когда говорят старшие!». Однако он нехотя признавал, что для европейского мальчика у будущего автора все же сносные манеры.

Когда в 1906 году часть зулусов подняла восстание, автор принимал участие с военных действиях — он был трубачом в Наталском полку конных карабинеров. Это дало ему возможность удостовериться в том, как мужественно сражаются зулусы. Хотя уже на протяжении жизни целого поколения у них не было полковых учений, они сохранили свой традиционный боевой порядок и, вооруженные только assegais и щитами, бились, не дрогнув, под градом пуль. С пятидесятифутовой скалы, господствующей над долиной реки Мангени, автор наблюдал эпическую битву Наталского туземного контингента, вооруженного щитами и копьями (под командой капитана Лонсдэйла), с восставшими зулусами, располагавшими таким же вооружением. До этого зулусы были разгромлены колониальными войсками в нескольких столкновениях, происходивших ниже по течению Мангени. Тем не менее они в одиночку и по двое атаковали наступавший на них отряд Лонсдэйла и несколько раз рассеивали его, пока, изнемогая от ран, не опустили один за другим на землю, положив голову на руку. Это традиционная поза воина, гордо ожидающего *coup de grâce*⁶, после которого ему вспорют живот.

В семнадцать лет автор сдал официальный экзамен по зулусскому языку и поступил переводчиком в Департамент по делам туземцев Южной Родезии. Через четыре года он сдал экзамены по гражданскому управлению (низшая ступень) в университете мыса Доброй Надежды, а также по языку синдебеле (матабеле) и стал регистратором туземцев и мировым судьей в Булавайо (происхождение этого названия см. ниже) — первом тогда городе Южной Родезии. В 1913 году он вышел в отставку и отправился в исследовательскую экспедицию по следам великих завоевателей⁷. Под влиянием походов Чаки они выступили из страны зулусов и, пройдя большую часть Южной Африки, достигли экватора. Велика была радость автора, когда он находил в этих краях престарелых индун (вождей) с головными кольцами. Они все еще составляли узкую аристократическую прослойку, которая правила чужими племенами, покоренными их отцами, и говорили по-зулусски. Так обстоит дело с устными источниками, использованными автором; что же касается источников литературных, то читатель найдет их в библиографии в конце книги.

Первоначальный вариант текста был изменен автором. Его литературный консультант возражал против некоторых мест, утверждая, что они чересчур похожи на вымысел, а потому не могут быть включены в книгу биографического характера. По его мнению, в серьезной работе чрезвычайно важно избежать элемента, вносимого воображением. В ответ на это автор пояснил, что он пользовался устными источниками, а зулусы рассказывают об историческом событии в форме драматического повествования, а не сухого репортажа. Чувства и речи всех действующих лиц они передают теми же средствами, которые используются в эпической поэме. Автор, ориентируясь на своих зулусских читателей, стремился написать биографию Чаки так, как он ее слышал, не пытаясь создать на основе собранного материала изящную поделку. Ему было справедливо указано, что не следует забывать и о читателях англо-американских. Тогда он попытался найти компромисс и надеется, что ему это удалось. Но если, ознакомившись с описанием какого-нибудь эпизода, читатель, живущий за пределами Южной Африки, воскликнет: «Откуда он это знает?» (например, откуда он знает, что чувствовала Нтомбази, запертая с голодной гиеной), — то автор ответит: это знали зулусские хронисты, как поэты, создававшие саги, знали то, о чем они рассказывали⁸.

Глава 1

Зулусы и их страна в конце восемнадцатого века

Прежде чем приступить к повествованию о драматической жизни Чаки, необходимо рассказать о том, какими были зулусы и их страна во времена его отца Сензангаконы. Смертью этого вождя в 1816 году закончился один и начался другой период в политической истории восточных нгуни¹.

Переход этот совершался болезненно. Первобытная система бесчисленных кланов и независимых племен была разрушена ценой крови и слез. На развалинах ее была создана нация, управляемая деспотом. Однако, несмотря на столь радикальные политические перемены, обычаи народа почти не изменились.

Несколько слов о географии. Страна зулусов круто поднимается из Индийского океана, причем местность повышается ступенчато. Сначала идут прибрежные равнины, покрытые кустарником, их сменяет незначительная лесистая возвышенность, далее следует холмистая местность, опоясанная густыми лесами, а еще выше тянутся бескрайние степи, пересеченные потоками, которые мчатся по долинам, заросшим кустарником.

Во времена Чаки каждый мог свободно пользоваться землей: пасти скот, охотиться,

обрабатывать почву. Ни дорог, ни мостов, ни средств передвижения тогда не было. Повсюду на холмах виднелись за оградами селения, которые состояли из расположенных по кругу хижин, напоминающих улы. В середине круга, образованного хижинами, находился загон для скота. В каждом селении жила одна патриархальная полигамная семья, в каждой хижине — одна из жен главы семьи со своими детьми.

Такой поселок, обычно именуемый краалем, был основой древнего зулусского государства, ядром всей клановой системы. Клан объединял отпочковавшиеся семьи, происходившие от общего предка, прямой потомок которого был царствующим вождем. Каждый новый крааль становился независимой и все же подчиненной единицей. Благодаря экзогамии² он являлся потенциальным «подкланом». В каждом краале были хижины, состоявшие из одного помещения. В одних жили матери со своими детьми, в других — сыновья, достигшие брачного возраста или уже женатые; они основывали новые семьи, продолжая занимать отведенное им место в кругу. Все они подчинялись одному правителю — отцу и в то же время царьку, — пользовавшемуся неограниченной властью. То был благожелательный деспотизм, основанный на дисциплине, взаимной защите и заботе. Отец ревниво охранял свою верховную власть, но в делах управления краалем должен был советоваться со старшими сыновьями — это было их право.

В кланах существовала такая же структура и система управления с той разницей, что в основе ее были самостоятельные краали высшего или низшего класса³, которые выросли из отдельных хижин старшей и младшей ветви. Поскольку клан был не более как разросшимся краалем или семьей, глава крааля становился главой клана или вождем.

Несколько краалей, принадлежавших к одному клану и расположенных по соседству (например, в долине одной реки), для удобства управления объединялись в общину, подчиненную старейшине — умнамзана. Старейшина нес обязанности местного судьи и члена парламента. Он имел право решать мелкие споры и в то же время был глазами и ушами своих подопечных в нижней палате (или палате общин) парламента клана. Общины во главе со старейшинами в свою очередь объединялись в нечто вроде округа. Эта административная единица подчинялась высокопоставленному должностному лицу — окружному старейшине — индуне, который выполнял функции судьи по более важным делам и кассационной инстанции. Он же представлял население округа в национальном парламенте (или палате лордов). Над всеми местными и окружными судами стоял верховный суд, состоявший из вождя и назначенных им лиц. Эта высшая судебная инстанция, в которую мог обращаться с апелляцией любой житель страны, одновременно являлась кабинетом министров и королевским советом. Три органа управления и правосудия имели в своем подчинении должностное лицо низшего ранга, соответствовавшее нашему полицейскому. В его обязанности входили вызов в суд и арест преступников. Если же обвиняемый проявлял пренебрежение к верховному суду, последний прибегал к помощи отряда воинов, находящегося в его распоряжении. Судебные заседания созывались по мере надобности.

Один раз в год — примерно в то время, когда у нас празднуется рождество, — в крупнейшем поселке или столице клана заседала королевская ассамблея или национальный парламент — умкоси. На ассамблее король провозглашал новые законы и выступал с тронными речами. Присутствие всего мужского населения страны было обязательным. Молодые люди являлись в полной парадной форме, радуя глаз присутствующих. На ассамблее старейшины получали приказания, приносили жалобы, ходатайствовали о льготах. Они спрашивали у вождя совета и в свою очередь давали советы ему, обсуждали с ним административные вопросы.

Когда Чака вступил на престол — это было на следующий год после битвы при Ватерлоо⁴, — в местности, которую сейчас называют Зулулендом (включая округ Врейхейд), имелось свыше пятидесяти независимых кланов (некоторые с подчиненными им

«подкланами»), Члены их говорили на одном языке, соблюдали одни и те же обычаи. Каждый клан происходил от одного предка, а все они — от древнего прародителя.

Сто или даже тысячу лет назад зулусы жили почти так же, как живут сейчас. Каждый зулусский крааль замыкается в себе и сам удовлетворяет свои нужды. По традиции, имеющей силу закона, вся работа четко, хотя далеко не поровну, распределяется между мужчинами и женщинами. В обязанность мужчин входит сооружение и ремонт краалей, женщина же должна заботиться о пропитании семьи. Мужчины работают как ремесленники и пастухи, женщины — как домашние хозяйки и земледельцы. Было ли земледелие изобретено женщинами? Жизнь первобытных народов дает много оснований для того, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно. На долю зулусского мужчины падает строительство и ремонт хижины и различных оград, окружающих загон для скота и крааль в целом. Он вырубает кустарник и срезает высокую траву на участках, которые предстоит обрабатывать женщинам, доит коров, ухаживает за скотом. Важно отметить, что эти обязанности выполняются всеми — от главы крааля и даже самого вождя до маленького мальчика. Все, кто достиг шестилетнего возраста, должны работать: мальчики — под руководством отца (или опекуна), девочки — под руководством матери.

Выполнив свои обязанности по отношению к семье, каждый мужчина ежедневно занимается каким-нибудь второстепенным делом для себя самого: не торопясь чинит кожаный передник или изготавливает новый, стругает и полирует палку, точит топорик или асsegай, поправляет свою прическу или полирует головное кольцо, трудится над новой табакеркой или украшением, разыскивает в лесу и рубит дерево, которое послужит столбом для ограды, собирает в вельде⁵ лекарственные растения. Многие мужчины имеют какую-нибудь профессию, знают ремесло или занимают определенную должность. Кто лечит больных, кто предсказывает судьбу, кто занимается обработкой металла или дерева... Одни плетут корзины, кастрируют скот, обрабатывают кожи, другие изготавливают головные кольца или щиты, третьи служат посланцами старейшины. Когда же нет более срочного дела, мужчины охотятся, ходят в гости или по делам в соседний крааль, принимают участие в свадебном танце, пьют с друзьями пиво; некоторые отправляются на поиски подходящей девушки, следуя при этом обычаям экзогамного рода, или же навешают подружку, любовь которой уже завоевана. Все это разнообразит быт, делает жизнь менее пресной.

Мальчики примерно до шестнадцати лет уходят после восхода солнца пасти скот и возвращаются домой первый раз около полудня, когда доят коров, и второй раз вечером, к заходу солнца. Весь день они проводят в вольной степи под живительными лучами солнца. Зимой, когда нередко стоит очень холодная погода, младшим детям разрешается оставаться дома, но старшим приходится выполнять свой долг по-мужски. Такая здоровая жизнь может иметь лишь один результат: слабые отсеиваются, сильные и крепкие выживают.

Женщины и девочки сразу же после восхода солнца — а летом в иные месяцы светает около четырех часов утра — весело закидывают на плечо мотыгу и отправляются на огороды. Точно так же, как каждой жене отводится отдельная хижина, а нередко и молочная корова, ей выделяется отдельный огород, который она обрабатывает вместе с дочерьми, чтобы обеспечить семью продуктами питания. Пока матери и старшие сестры находятся в поле, младшие девочки тоже выполняют свои обязанности: присматривают за младенцами и кормят их, подметают хижины и дворы, приносят в калембах⁶ воду из ближайшего родника или речки. Одна из старших девочек в это время растирает вареную кукурузу или готовит другие блюда для обеда. Зулусы обычно едят два раза в день, но плотно, а когда продовольствия мало — один раз. Первый раз едят около одиннадцати часов утра, когда женщины приходят с полей и мальчики пригоняют коров из вельда, второй раз — вечером перед сном.

Хижина, где спит и отдыхает семья, — куполообразное строение из плотно связанных между собой жердей, покрытых толстым слоем сухой длинной травы. Вся эта конструкция

опирается на пол диаметром двенадцать футов и более. Его делают из твердой сухой земли и тщательно полируют. Посреди хижины устроено овальное углубление — очаг. За обедом каждый занимает место, отведенное ему в соответствии с полом и старшинством: мужчины садятся по правую руку от очага (если смотреть со стороны входа), причем старшие усаживаются ближе к полукруглой двери, женщины и дети располагаются слева. Каждый достает свернутую тростниковую циновку и садится на нее, кладя ноги так, как полагается представителям его пола. Сидеть непосредственно на полу хижины считается неприличным. Одна из дочек ставит две чашки с едой — отдельно для мужчин и женщин — с вареным кукурузным зерном, початками кукурузы, кислым молоком, вареным сладким картофелем, кашей из тыквы или перебродившего сорго или с иным из добрых сорока кушаний, известных зулусам. Одновременно подается нужное число чистых деревянных ложек. Их кладут на пол, опирая головками о края чашки. Старшие строго следят за тем, чтобы дети не ели поспешно или жадно. Перед едой все моют руки в специальной глиняной лохани, а после еды — полощут рот водой.

Закончив наиболее трудоемкие работы еще до еды, молодые мужчины после обеда натирают свои тела, обмытые при купании, помадой из душистых трав, надевают парадный костюм из бус и перьев и отправляются ухаживать за девушками. Женщины же в часы послеполуденного зноя делают легкую домашнюю работу, плетут циновки, нанизывают бусы. Позднее они опять идут с мотыгой на плече в поле или в лес за топливом.

В стародавние времена зулусская семья могла послужить образцом дисциплины и хороших манер для многих так называемых цивилизованных семей. В чрезвычайно примитивной обстановке процветали самые высокие добродетели. Старшие подавали детям благородный и поучительный пример.

Основным законом являлось неукоснительное подчинение родительской воле. Все должны были беспрекословно повиноваться высшей власти — жены, сыновья (даже если последние были уже людьми среднего возраста и имели собственные семьи), дочери... Любой случай непослушания немедленно влек за собой безжалостную кару. Систематическое же ослушание приводило к позорному изгнанию, а открытый бунт иной раз наказывался даже смертью. Следуя по стопам отца, каждый житель крааля в свою очередь требовал от младших такого же повиновения, какого добивались от него старшие. Постепенно приучаясь к подчинению, ребенок начинал испытывать нечто большее, чем уважение — своего рода священный трепет — укве-саба, как называют его зулусы, — перед вышестоящими. Чувство это разделяли все: маленькие мальчики трепетали перед юношами, те — перед взрослыми мужчинами и все вместе — перед родителями.

Но и после того как ребенок приходил в состояние полного смирения, его характер продолжал формироваться под влиянием различных воздействий. Силою поучения и примера ребенка убеждали или принуждали всегда вести себя должным образом: проявлять сочувствие и великодушие к товарищам, не обижать младших, щедро делиться тем, что у него есть, решительно со всеми, исполнять свои повседневные обязанности — пасти коров, нянчить младенцев, носить дрова и воду, — быть чистым и опрятным и гордиться этим. Мальчиков учили общаться с мужским населением крааля, чтобы они выросли настоящими мужчинами, девочек — с матерями, чтобы они становились настоящими женщинами. Существовали правила этикета почти на все случаи жизни зулуса; они предусматривали, как вести себя в присутствии старших и за едой; внушали уважение к жилищам и собственности других. Таким образом, благодаря эффективной системе воспитания у зулусов систематически вырабатывалась склонность к вежливости и аккуратности, бескорыстию и самоуважению, трудолюбию, пристойности в половой жизни.

У зулусских матерей, занятых тяжелой работой, почти не оставалось времени для игр с детьми. С четырехлетнего возраста, а то и раньше, мальчики и девочки, особенно девочки, были в значительной степени предоставлены самим себе. Они бродили по краалю или

поблизости от него, и никто ими не занимался. Старшие мальчики, разумеется, уходили со скотом и проводили целые дни на холмах, охотясь или собирая съедобные корни и ягоды, которые служили дополнением к их рациону. Однако, охраняя стада крупного рогатого скота и коз, маленькие пастухи всегда должны были быть начеку: сто лет назад хищные звери встречались еще достаточно часто, и это увеличивало долю ответственности каждого мальчика (в зависимости от его возраста). К достоинствам, воспитанным семьей, таким, как уважение к старшим, послушание, великодушие, соблюдение приличий, добавлялись чисто мужские добродетели: любовь к свободе, чувство долга и ответственности, доверие к товарищу, уверенность в своих силах, самообладание, умение постоять за себя.

Понемногу приходило и понимание природы, накапливались наблюдения, приобретались знания. Маленькие девочки, нянча младенцев, узнавали многое о строении человеческого тела и уходе за детьми, а работая дома и в поле рядом с матерями, овладевали в нужных пределах наукой и искусством домоводства. Мальчики знакомились в вельде с привычками насекомых, особенностями горных пород и через короткое время уже разбирались в значении ветров, туч и туманов. Они запоминали названия трав и деревьев и целебные свойства многих из них, могли описать особенности различных деревьев и форму их листьев, рассказать об анатомическом строении насекомых, птиц и зверей, населявших мир вокруг них. Так, из века в век действовала замечательная система формирования характера и передачи знаний, благодаря которой постепенно создавался народ с горделивой осанкой, благородным сердцем, утонченными манерами и глубоким знанием природы. Увы, наступление европейской цивилизации быстро развратило его, уничтожив эти качества.

Зулусский юноша в праздничном одеянии. Рис. Ангаса, ок. 1848

Через два или три года после достижения половой зрелости, которая наступает у зулусов между четырнадцатью с половиной и девятнадцатью годами, мальчик поднимался еще на одну ступеньку по лестнице знаний, переходил, так сказать, из подготовительной школы в высшую. Вместе с другими юношами своего возраста он отправлялся в один из многочисленных военных краалей клеза (что означает: «пить молоко прямо из вымени коровы»). Здесь он пас уже не отцовские, а королевские стада. Этот обычай распространялся на всех мальчиков, ибо считалось, что он способствует нормальному физическому развитию. По-видимому, мальчикам и в самом деле шло на пользу то, что именно в этом возрасте они пили много молока.

Итак, два или три года мальчик жил в военном краале, пил молоко, пас скот и проводил время исключительно в мужском обществе, среди молодых воинов своего клана. На этом курсе обучения заканчивался. Как только король приходил к выводу, что в краалях набралось достаточно юношей, из них формировали совершенно новый полк — и-буто. Для него сооружали новый крааль-казарму и придумывали новую форму одежды (обычно какое-нибудь украшение из меха, хвостов или перьев).

В зулусском военном краале жили и вели себя так, как во всех казармах всех времен и народов. Жизнерадостность, дружелюбие и *esprit de corps*⁸, присущие натуре африканца, проявлялись здесь с особенной силой. Хотя служба была легкой и не очень обременяла воинов, обычно в военных краалях господствовала строгая дисциплина. Правда, юноши соблюдали ее сугубо добровольно: ни военных уставов, ни какого-либо надзора за ними не было. Поведение молодого воина всецело диктовалось его чувством чести. Однако воины, как правило, оправдывали доверие к ним.

В их обязанности входило только исполнение приказов короля. При этом они выступали в качестве войска, полиции и трудовой армии государства: вели бои за свой клан, совершали набеги, когда истощалась казна (казною являлись, разумеется, королевские стада), умерщвляли осужденных или даже лишь заподозренных в преступлении и именем короля конфисковывали их имущество, строили и ремонтировали королевские краали, обрабатывали поля своего властелина и изготовляли боевые щиты. За все это они не получали ни натурального, ни денежного довольствия, не слышали даже слов благодарности. Они знали, в чем состоят обязанности мужчины по отношению к государству, и исполняли свой долг без колебаний и жалоб. Если не считать того, что примерно раз в неделю закалывали несколько королевских быков, государство не проявляло никакой заботы о нуждах войска. От пятисот до двух тысяч воинов, втиснутых в одну казарму-крааль, должны были сами заботиться о себе как могли и умели. Они делились друг с другом «посылками», изредка приносимыми из дому, или же пользовались удивительным гостеприимством семей, живших по соседству, — гостеприимство — это одна из замечательных черт зулусов.

Таковыми вот способами каждый член клана нгуни — будь то мальчик или девочка, юноша или девушка — приучался к повиновению сначала отцу, а потом королю. Он становился не только послушным, но и дисциплинированным вплоть до самопожертвования. Каждый мужчина был готов доказать это на поле боя.

Военное искусство, которое благодаря полководческому гению Чаки достигло замечательного развития, долгое время оставалось на первобытном уровне. В редких случаях, когда недоразумения между кланами нельзя было устранить мирным путем, зулусы прибегали к оружию. В назначенный заранее день оба клана выходили на поле боя *en masse*⁹, чтобы насладиться волнующим зрелищем. От двадцати до сорока молодых воинов — до объединения кланы были, как правило, немногочисленны — со щитами и асегаями гордо и радостно шли на врага. Женщины и девушки оставались позади и подбадривали их криками. Выстроившись на известной дистанции от противника, каждая сторона высылала вперед храбрецов, которые вступали в поединок. Если такой удалец падал раненым, он становился добычей победителей. Те уносили его к себе и, словно какую-нибудь пленянку,

возвращали, нередко еще до захода солнца, за выкуп в виде одной головы скота. Иногда кланы, заняв боевые позиции, осыпали друг друга оскорблениями, провоцируя противника на нападение. При этом они выкрикивали не вызов филистимлян «Сегодня мы посрамим полки израильские»¹⁰, а куда более грубые слова: «Пес только скалит зубы, да рычит, а кусать боится» или «Собака только скалит зубы, как этот вот, что стоит там, да, именно там». Затем начинали метать копья, причем каждый воин бросал обратно те, что были пущены его противником. Наконец побежденные обращались в бегство, а победители кидались ловить мужчин, женщин, а также скот врага. Людей впоследствии возвращали за выкуп, скот же оставался у победившей стороны.

Глава 2

Рождение и изгнание Чаки

Чака был нежеланным ребенком. Он появился на свет только потому, что его родители, наслаждаясь в соответствии с обычаем нгуни, именуемым уку-хлобонга, потеряли контроль над собой. Этот обычай допускал несколько вариантов, но все они сводились к одному: разрядка сексуального напряжения у обеих сторон происходила так, что девушка не беременела. Дневник Генри Фрэнсиса Фина (см. «Библиографию и источники») содержит полное описание этих приемов. Беременность наступала, только когда партнеры теряли голову. Если девушка лишалась невинности и в дальнейшем рожала ребенка, мужчина должен был внести отцу девушки виру — трех коров (в царствование Чаки оба партнера наказывались смертью). Впрочем, подобные несчастья случались редко, а разработанные зулусами приемы обеспечивали обоим партнерам полный и одновременный оргазм. В противном случае виновным считался мужчина.

Итак, обычай позволял такого рода сношения, которые назывались «развлечением в пути». Церемония «обтирания топора», заключающаяся в том, что воин, который убил врага, имел сношение с девушкой, допускала только уку-хлобонга. Уку-хлобонга между членами одного клана не разрешалась ни при каких обстоятельствах. Это соответствовало требованиям экзогамии.

По рассказам зулусов, отец Чаки — Сензангакона, — молодой вождь клана Зулу, увидел его мать Нанди, когда она купалась в лесном пруду, и, возбужденный ее красотой, смело предложил ей развлечение в пути. Нанди немного подразнила Сензангакону, но потом согласилась. Обе стороны потеряли голову и нарушили правила, касавшиеся случайных связей. В результате месяца через три Нанди убедилась, что она беременна.

Как только это стало известно, в клан Зулу был послан гонец с официальным обвинением молодого вождя. Однако Мудли, внук Ндабы и главный старейшина клана, с негодованием отверг обвинение. «Это невозможно, — сказал он, — отправляйся домой и скажи всем, что в теле девушки просто засел И-Чака¹». Однако через положенное время Нанди стала матерью. «Ну вот, — сообщили ее родичи клану Зулу, жившему за горами, — ваш жук (И-Чака) вышел наружу — приходите и забирайте его».

Зулу, хотя и неохотно, пришли и доставили Нанди повенчанной в хижину Сензангаконы. Ребенка же назвали У-Чака². Шел 1787 год.

Несчастливая Нанди стала не только матерью незаконнорожденного ребенка, но — что несравненно хуже — вступила в связь с мужчиной, состоявшим с ней в некотором родстве: мать ее Мфунда была дочерью Кондло, вождя клана Г'вабе³, членам которого запрещалось вступать в брак с зулусами. Однако Сензангакона, будучи вождем, «не мог совершить дурного поступка», и дважды обещанная Нанди без всякого шума и, конечно, без

свадебного торжества (такой церемонией не могло быть отмечено появление невесты, уже родившей ребенка) стала третьей женой вождя.

Любовь к Нанди была лишь временным увлечением Сензангаконы. Вскоре он охладел к третьей жене и перестал обращать на нее внимание. К счастью, Мкаби, «Великая жена»⁴ главы крааля Эси-Клебени, которой была препоручена ум-лобокази (молодая жена), оказалась близкой родственницей матери Нанди. Поэтому она взяла Нанди под свою опеку и проявляла к ней особую симпатию.

Тем не менее отношения между мужем и третьей женой никогда не улучшались надолго. Примирение, приведшее к рождению сестры Чаки по имени Номц'оба, сменилось новым периодом отчужденности. Первые шесть лет жизни Чаки были омрачены горем матери, которую он обожал. Когда ему пошел седьмой год, он стал вместе с другими мальчиками пасти скот своего отца. Однажды из-за недосмотра Чаки собака загрызла овцу. Отец рассердился. Мать взяла сына под свою защиту. Тогда Сензангакона прогнал обоих из своего крааля.

После этого Чака стал пастушонком в И-Нгуга — родном краале своей матери, который находился в земле э-лангени, милях⁵ в двадцати от Эси-Клебени. Старшие мальчики издевались над Чакой. Еще больше он страдал от того, что мать, которую он так любил, тяжело переживала изгнание из крааля мужа, считая это позором для себя. К тому же находились злые языки, которые и самому Чаке внушали, что их изгнание позорно. Так что годы детства, проведенные Чакой в земле э-лангени, не были счастливыми.

Зулусские дети очень любят облизывать деревянную мутовку для каши, имеющую форму весла. Задиры развлекались тем, что совали мутовку в огонь и, когда она почти уже загоралась, приказывали Чаке слизать кашу. «А ну-ка, — приговаривали они, — съешь это, чтоб мы видели, что ты и верно вождь». Или же, когда он в полдень возвращался с пастбища, они заставляли его вытягивать вперед ладошки, сложенные наподобие тарелочки, и наливали туда кипящее варево, угрожая наказанием, если он разольет пищу. Когда же Чака все-таки ронял горячую еду, они приказывали ему по-собачьи слизывать ее с земли или грозили оставить голодным. Никакие угрозы и наказания не могли заставить гордого, самолюбивого Чаку унизиться, и это только усиливало мстительность забияк.

В вельде пастушата лепили из глины маленьких быков к устраивали бои. Каждый мальчуган толкал свою марионетку рукой. Чака делал это особенно искусно, все ему завидовали, а потому жаловались на него своим родителям.

Современная психология помогает понять, какой след оставляет горькое детство на всей жизни человека. Кто знает, быть может, властолюбие, проявленное впоследствии Чакой, объясняется вечными насмешками ровесников над его торчащими ушами и необычайно коротким половым органом. Издевательства причиняли ему такую боль, что он проникся смертельной ненавистью к клану Э-Лангени и всему, что с ним связано.

Особенно запомнилось ему, как его оскорбили двое пастушат (Чаке тогда было лет одиннадцать). Они крикнули: «Посмотрите на его пенис, он похож на маленького земляного червя!»

С яростным криком Чака бросился на обидчиков, которые были значительно старше его. Он атаковал их с таким ожесточением, что избил чуть не до смерти, прежде чем остальные пастушата сумели оттащить его, хотя его враги были вооружены такими же палками, как и он.

Однако недостаток этот, особенно заметный потому, что до достижения половой зрелости все мальчики разгуливали нагишом, заставил его глубоко задуматься: для зулуса не было ничего более унижительного. В Чаке развился комплекс безнадежной неполноценности, он проникся злобой к окружающим. Возможно, это и породило в нем стремление к

господству сначала над своим кланом, потом над племенем и, наконец, над обширной империей. Он стал чрезвычайно замкнутым, что отталкивало от него окружающих.

Неистовый, не терпящий подчинения нрав толкал мальчика на бунтарские поступки. Его обуревало недовольство, и оно порождало в нем желание отличиться любым способом. Победа в состязаниях должна была служить противовесом убийственной насмешке, которую Чака читал — так ему по крайней мере казалось — в глазах каждого.

— Ничего, мой ум-лилване (огонек), ты обладаешь исибинди (печенью, что означает «храбростью») льва, и придет день, когда ты станешь самым великим вождем в нашей стране, — говорила ему Нанди. — Это видно по твоим глазам. Когда ты сердишься, они сверкают, как солнце, и все-таки ничей взор не может быть таким нежным, как твой, когда ты стараешься утешить меня.

Так передают ее речи зулусские хронисты.

Однажды Мкаби — Великая жена Сензангаконы, сделавшая немало добра Нанди, — приехала навестить ее в сопровождении своей невестки Мкабайи и четвертой жены Сензангаконы — Лангазаны. Все они старались ободрить Чаку, рассказывая о случаях, когда с достижением половой зрелости полностью исчезали следы замедленного развития. До последнего дня жизни Чака не забывал своих благожелательниц и, придя к власти, назначил их на самые высокие должности. Они сделались настоящими королевами военных краалей и оставались ими до самой смерти.

Во время визита родственников Чака отличился. Он убил в вельде черную мамбу⁶, от укуса которой погиб племенной бык. Этот подвиг требовал большого мужества и сноровки, а Чаке в ту пору было всего тринадцать лет. Вождь э-лангени Мбенги вызвал подростка и сказал ему перед всем народом: «Мальчик! Сегодня ты совершил подвиг, достойный храброго мужчины». И Мбенги подарил Чаке козу. В тот же вечер Чака угостил козлятиной членов своей семьи и других пастухов. Он был очень горд, но его ненависть к э-лангени не стала меньше.

Когда Чаке исполнилось пятнадцать лет, стало заметно, что он приближается к половой зрелости. Следовательно, вскоре ему предстояло отправиться в королевский крааль Сензангаконы, чтобы совершить церемонию, обязательную для всех подростков этого возраста, и получить от отца свой первый передник — умутша. Чака был чрезвычайно обрадован тем, что к этому времени он развивался уже совершенно нормально.

После первой ночной поллюции подросток покидал свою хижину до восхода солнца, тайком выводил из крааля весь скот и угонял его в вельд. Этим способом он публично заявлял о происшедшем.

После восхода солнца к нему присоединялись другие пастухи. Между тем его сестры и жившие по соседству девушки набирали побольше прутьев. Наступало и проходило время дойки, но ни одна корова не возвращалась с пастбища. Обнаружив это, взрослые собирали девушек и посылали их с прутьями в руках за коровами и нагим правонарушителем. В вельде между юношами и девушками, естественно, возникал бой — в ход шли палки и прутья. Вскоре девушки постарше брали верх над подростками и загоняли их вместе с коровами домой.

В краале подросток, достигший зрелости, получал от отца различные снадобья и воду, нагретую раскаленным докрасна топором. Затем нагой мальчик надевал умутша. После этого подростки и взрослые девушки задавали ему трепку, — так во многих наших школах встречают «новеньких». Далее следовали бесчисленные обряды, включающие временную изоляцию, омовения и, наконец, пост.

В ходе инициации и позднее подросток получал подробные познания о физиологии женщины.

Девушка по случаю первой менструации также содержалась в изоляции, длившейся порой несколько месяцев⁷. Завершалась она пиршеством, на которое девушку приглашал избранный ею юноша. Он именовался «Тот, кто приветствует птичку в силках».

Зулусы не знали таких варварских обычаев, как обрезание женщин, принятое у некоторых племен Центральной Африки.

В надлежащее время Чака отправился в крааль Сензангаконы и проделал все церемонии, связанные с наступлением половой зрелости. Но когда царственный отец преподнес ему умутша, он с презрением отбросил этот наряд. Всем своим поведением он вызвал всеобщую антипатию и вскоре был вынужден вернуться к матери.

Чака стремился продолжать ходить нагим по вполне определенной причине: все должны были увидеть, что он стал физически полноценным мужчиной. В особенности же ему хотелось, чтобы в этом лично убедились его однолетки из клана Э-Лангени, и прежде всего его прежние мучители, которым теперь оставалось только завидовать ему. Однако общественное негодование заставило его одеться, как положено зулусскому джентльмену, и, в частности, носить ум-нцедо, то есть колпачок, прикрывающий крайнюю плоть. Это остроумное приспособление круглой формы диаметром около дюйма⁸ напоминало по форме маленькую чашу. Оно изготовлялось из пальмовых листьев и было чрезвычайно легким. Зулус считал себя совершенно одетым, только если на нем было ум-нцедо, и Чака не жалел об этой уступке общественному мнению, коль скоро она не скрывала от посторонних глаз тот факт, что он теперь был «в норме».

Однако Чака по-прежнему таил в душе горькую обиду на э-лангени, травивших его как незаконнорожденного, и на всех, кто так несправедливо обошелся с его матерью, особенно на Сензангакону. Чака был полон твердой решимости возвеличить свою мать и тех, кто был к ней добр, и отомстить тем, кто оскорблял Нанди и издевался над ним. Эта решимость подкреплялась железной волей, которая в свою очередь опиралась на исключительную физическую силу. Таков был Чака в пятнадцать с половиной лет.

Остальные пастухи очень не любили Чаку, особенно те, кто был старше его на год или на два, ибо он оставлял их позади в спорте и во всех других занятиях. К тому же он беззастенчиво и с великой легкостью захватывал руководство любым делом. Из тех же мальчиков, что были младше Чаки, одни обожали его как героя, а другие ненавидели за то, что он и от себя и от них безжалостно требовал дисциплины, неутомимости и энергии.

Около 1802 года в стране э-лангени начался голод, и Нанди не могла больше прокормить детей. Это бедствие известно у зулусов под наименованием мадлату-ле («Пусть каждый ест, что может, и помалкивает»). Люди ели плоды аронника и корни диких растений. Нанди с детьми отправилась в Мпалалу, где у истоков реки Аматикулу, с ама-мбедвени («подклан» г'вабе) жил человек по имени Гендеяна, которому она раньше родила сына — Нгвади. Ее встретили ласково, и некоторое время она со своими детьми жила у Гендеяны.

Для Чаки, которому уже исполнилось пятнадцать лет, в чужом краале не было подходящего места. Родичи со стороны отца и матери настаивали на его возвращении. По совету Нанди он отправился в клан Ц'уну к Мац'ингваану — грозному соседу своего отца. Рассказывают — впрочем, сообщения об этом внушают сомнение, — что Сензангакона послал подарки вождю Ц'уну, чтобы тот нарушил закон гостеприимства и убил Чаку. Но вождь благородно отклонил его домогательства и уведомил Чаку, что не может больше ручаться за его безопасность.

Тогда Нанди отправилась с сыном к сестре своего отца, жившей в стране мтетва, ближе к побережью. В то время ни Чака, ни его мать не были важными лицами; напротив, их презирали как бездомных бродяг. Старейшиной округа, подчинявшегося Джобе, где они поселились, был Нгомаан, сын Мг'омболо из клана Злечени. Вскоре они познакомились с ним. Нгомаан ласково обошелся с Нанди и ее сыном, и Чака никогда этого не забывал. Здесь

он жил, окруженный заботой, как в родном доме, и смог наконец отдохнуть душой.

Нанди пришла к мтетва около 1803 года, когда Чаке шел шестнадцатый год. «Шесть счастливых лет прожила она с сыном в спокойной обстановке, под лучами солнца, освещавшими жилища добрых мтетва».

Чака вместе с другими юношами пас стада. Благодаря его необычайному росту, уму и энергии к нему относились как ко взрослому, и он теперь кроме умутша носил еще и ибетшу (передник такого же размера из мягкой кожи, закрывавший ягодицы). Кроме того, он приобрел несколько легких охотничьих ассегаев и щит из черной коровьей шкуры длиной около восемнадцати и шириной двенадцать дюймов.

Чака подолгу упражнялся в метании копий, пока не научился двумя бросками из трех пронзять на расстоянии пятидесяти ярдов⁹ пучок травы. Само собой разумеется, он из года в год принимал участие в излюбленной игре пастухов уку гваза инсема. Игроки старались пронзить копьем крепкий круглый клубень величиной с небольшой футбольный мяч. Его сталкивали по крутому склону, а вдоль него выстраивались мальчики с заостренными палками в руках, которые они метали как копья в быстро катящийся и подпрыгивающий клубень. Наловчившись в этой игре, мальчики успешно поражали копьями бегущих кроликов и мелких антилоп.

Чака вскоре стал пользоваться непререкаемым авторитетом среди своих товарищей — пастухов. Он особенно увлекался игрой инсема и палочными боями, которые напоминают те, что распространены в Англии, с той лишь разницей, что зулусский юноша вооружен не одной, а двумя палками. Той, которую боец держит в левой руке, он отражает удары. Инсема и палочные бои вырабатывают снайперскую меткость, которой и добивался Чака. Ход поединков регулировался строгими правилами. Так, например, противникам запрещалось толкать друг друга, ударять по суставам пальцев, терять самообладание.

Больше всего Чаке нравились массовые бои соперничающих групп пастухов. Его группа была настолько дисциплинирована и натренирована, что вскоре он побил своих противников и создал союзы, давшие ему власть над остальными пастухами. Несмотря на деятельный и живой нрав, Чака порой уединялся и подолгу сидел, погруженный в мрачные раздумья или в мечты о завоеваниях и власти над целой империей.

В то время страна зулусов еще изобиловала всеми теми дикими зверями, какие водятся в Африке. На мелкий скот нередко нападали леопарды. С помощью собак пастухи старались загнать хищника в пещеру, заросли или на дерево. Если поблизости оказывались мальчики, их посылали за взрослыми мужчинами. Те прибегали с копьями, прихватив еще собак. Нередко леопард погибал после яростной схватки, покалечив не одного пса и ранив нескольких охотников.

Когда Чаке исполнилось девятнадцать лет, ему довелось участвовать в облаве на леопарда, который забрался на дерево. Юноша не стал ждать появления взрослых, а с двумя метательными копьями и тяжелой палицей подобрался к хищнику на расстояние пятнадцати ярдов. Сверкая глазами, леопард рычал на собак, прыгавших под деревом. Первое копьё Чаки попало хищнику в бок, но не затронуло его сердце. Леопард спрыгнул с дерева и с характерным ворчанием бросился на Чаку. Собаки ни на шаг не отставали от зверя, но только смерть может остановить разъяренного леопарда. Чака хладнокровно переложил второе копьё в левую руку, а правой охватил свою тяжелую палицу. Еще мгновение — и леопард налетел грудью на копьё, наставленное недрогнувшей рукой. Другой рукой Чака со всего размаху ударил леопарда палицей по голове и в один миг покончил со зверем.

Когда на место происшествия прибежали взрослые охотники, они не поскупились на похвалы и решили, что Чака должен сам отнести шкуру старейшине Нгомаану для передачи королю, — шкуры убитых леопардов считались его собственностью.

Нгомаан, очень любивший умного и энергичного юношу, в знак особого благоволения подарил ему корову. Это была первая собственная корова Чаки, и он с гордостью погнал ее домой, к своему приемному отцу Мбийе, который радостно поздравил его. Мбийя был единственным человеком, относившимся к Чаке по-отечески, за что юноша платил ему глубоким уважением. Мбийя несомненно повлиял на Чаку — в этом мы убедимся в дальнейшем.

К двадцати одному году рост Чаки достиг шести футов трех дюймов. Его сильное, пропорционально сложенное тело состояло, казалось, из одних мускулов, сухожилий и костей. Властная, исполненная достоинства осанка, блеск умных глаз говорили о том, что у зулусов появился настоящий вождь.

Хотя Чака был чрезвычайно энергичным и деятельным юношей, он много времени проводил в одиночестве, то предаваясь мечтам, то погружаясь в мрачные раздумья. Гордый дух Чаки не мог примириться с бедностью, его одолевало желание отомстить своим прежним учителям и наградить тех, кто был добр к нему и к Нанди.

Глава 3

Молодой воин. Пампата. Асsegай

Вождем племени мтетва, среди которых жил Чака, был Джобе. Родные сыновья устроили против него заговор. Один был казнен, а другой — Годонгвана — бежал. Он взял себе другое имя — Дингисвайо («Странник»). После смерти Джобе Дингисвайо вернулся на родину и в 1809 году стал вождем. Он призвал возрастную группу Чаки и сформировал новый полк Изи-ц'ве («Людей из кустарников»). Так Чака стал воином.

Полк его, которым командовал Буза, имел свой крааль под названием Эма-Нгвени. Чаке выдали овальный щит размером пять футов девять дюймов на три фута и три метательных копья. Он носил форму полка — хвосты белых быков на лодыжках и запястьях, бахрому из хвостов диких животных, кожаный колпак с черными перьями и сандалии из бычьей кожи. Солдаты никаких пайков не получали и сами заботились о своем пропитании. Кроме того, они получали «продовольственные посылки» из дому. Чаке их доставляла его сестра Номц'оба или ее подруга Пампата, которая очень хорошо относилась к нему и его родным. Когда они явились в крааль Мбийи, она первая принесла им еду. Чака с первого взгляда понравился одиннадцатилетней девочке, и с тех пор она всячески ему помогала, уверяя, что его ждет великое будущее.

Поскольку в жизни Чаки, которого можно сравнить с Александром, Дингисвайо сыграл роль Филиппа¹, нужно сказать несколько слов об этом замечательном человеке. Хлуби — родичи лала и свази, приютившие Дингисвайо, когда он стал изгнанником, почитали его за смелость и решительность и в правление короля Бунгаана избрали старейшиной. Однажды в краале Бунгаана появился белый человек². Он ехал на коне и был вооружен ружьем — невиданное зрелище для хлуби. Дингисвайо вызвался проводить белого к побережью, но в пути незнакомца убили по приказу короля г'вабе Кондло. Дингисвайо завладел конем и ружьем и, обогащенный познаниями, которые он извлек из бесед с белым, вернулся к своему племени и стал его вождем.

Дингисвайо был замечательным человеком — способным, наблюдательным, вдумчивым, честолюбивым, наделенным богатым воображением. Переживания юности и последующие странствия послужили ему хорошей школой. Покинув родное племя, он встретился с новыми людьми, познакомился с их образом мыслей, что заставило его задуматься над многими недостатками общественного и политического строя, к которому он

с детства привык. Взгляды и мировоззрение его отличались широтой, отношение к людям было окрашено исключительным альтруизмом и благожелательностью. Со времени прихода к власти планы Дингисвайо не ограничивались узкими пределами территории мтета. Он проявлял заботу и о нуждах соседних племен.

Дингисвайо несомненно беседовал с доктором Коуэном о политике, и это значительно расширило его кругозор. Придя к власти, он вступил в торговые сношения с Делагоа³, наладил производство ряда предметов и провел военную реформу, разделив войско на несколько дисциплинированных полков. Эти части вскоре превзошли войска его противников настолько же, насколько римские легионы превосходили орды кельтов. Дингисвайо покорил часть окружающих племен, а остальных убедил вступить в конфедерацию, создав таким образом рах Мтетва⁴. Его сюзеренитет был тактичным и необременительным, управление — гуманным, он всегда предпочитал дипломатию силе. В конце концов Дингисвайо объединил под своей властью все говорившие по-зулусски кланы к югу и западу от реки Блэк Умфолози.

Чака быстро отличился в рядах полка Изи-ц'ве. Он отказался от традиционных боевых приемов и использовал метательное копье в качестве колющего оружия. Вместо того чтобы избегать сближения с противником, он стремился войти в соприкосновение с ним. Заметив, что сандалии мешают ему, он отказался от обуви и в результате стал передвигаться гораздо быстрее. Отражая щитом удары метательных копий, он бросался вперед, отводил в сторону щит противника, зацепив его своим щитом, и протыкал врага насквозь, испуская страшный боевой клич: «Нгадла!» («Я поел!»). Однажды враги отрезали Чаку от своих и едва не окружили. Но его спасли два товарища, перенявшие его приемы, — Нг'обока и Мгобози-овела-энтабени. И Чака их не забыл.

Командир Чаки — Буза, да и весь полк, разумеется, заметили мужество молодого воина; он получил право открыть сольным танцем (гийя) праздник победы. Чака был доволен своими успехами, но его тревожило, что легкие метательные копья ломались, когда он изо всех сил вонзал их в тело врага. Метать же асsegай в противника, находящегося на расстоянии, как это делали все остальные воины (причем, как правило, без всякого результата), было, с его точки зрения, равносильно тому, чтобы выбрасывать оружие. Хроника передает, что именно в это время у Чаки родилась идея вооружить каждого воина одним асsegаем с массивным клинком и прочным коротким древком. Такое оружие требовало рукопашного боя со смертельным исходом.

Убив врага, Чака должен был «обтереть топор» (сула изембе)⁵, то есть иметь сношение с женщиной, иначе он считался нечистым, не имел права участвовать в общественной жизни племени и пить молоко; он был ограничен и в некоторых других отношениях. Всякая незамужняя женщина, к которой воин обращался с просьбой совершить этот обряд, была обязана дать свое согласие. Солдату надлежало иметь сношение с первой встречной женщиной, но, как сообщают зулусские хронисты, Чака позаботился о том, чтобы ему попала на глаза Пампата; она со своей стороны тоже приложила к этому усилия. Во всяком случае, девушка, конечно, не случайно оказалась поблизости, когда стало известно, что Чаке надо «обтереть топор». Пампата всегда была высокого мнения о Чаке и предсказывала ему блестящее будущее. Чака же видел в ней не только красивую девушку, но и способного, рассудительного человека. «Более умного, — как он говорил, — нежели советник с кольцом на голове», а для Чаки это было важное красоты. К тому же он был благодарен Пампате за то, что она хорошо отнеслась к нему, его матери и сестре, когда они были всего-навсего голодными бродягами.

Таким образом, в исходе встречи, задуманной Чакой и Пампатой, не могло быть сомнений. Передают, что молодые люди предавались любви, лежа на большом щите Чаки, сделанном из бычьей кожи. А потом девушка сказала, что ее возлюбленный будет царить над всеми известными ей племенами.

Подобно многим другим великим завоевателям, Чака начал с реформы не только тактики боя, но и оружия. Собственный опыт рукопашного боя убедил его в том, что метательное копьё не годится для нанесения удара, оно слишком легко ломается. Тогда Чака решил найти такой клинок, который в точности соответствовал бы его требованиям. Он испробовал все разновидности тяжелых охотничьих копий, но в каждом из них обнаруживались какие-нибудь недостатки, даже если он укорачивал древко или заказывал новое. В конце концов молодой воин пришел к выводу, что необходимо изготовить специальный асегай, причем он, Чака, должен руководить его изготовлением с самого начала, то есть с момента выплавки железа. Работу эту он намеревался поручить только самому лучшему плавильщику и кузнецу, который мог бы выполнить все его сложные требования.

Наиболее искусные кузнецы принадлежали к клану Мбонамби, граничившему с мтетва па юго-востоке, а среди них одним из лучших мастеров считался Нгоньяма («Лев»). К нему-то и отправился Чака. Нгоньяма был одновременно плавильщиком и кузнецом. Подобно всем своим братьям, он построил себе крааль в дикой и пустынной местности. Соплеменники обходили стороной краали плавильщиков, особенно если те были также и кузнецами. Еще бы: ни для кого не было секретом, что они пользуются человеческим жиром для закалки клинков, и всякий раз, как пропадал взрослый или ребенок, виновными в том считали кузнецов. Тем не менее Чака отважился прийти прямо в логово Нгоньямы, несмотря на особенно зловещую репутацию этого мастера, которой он был обязан тому, что изготавливал копьё отличного качества. Вооружившись щитом и тремя асегаями разных видов, самыми тяжелыми, какие только ему удалось раздобыть, Чака пришел в крааль Нгоньямы, который стоял в мрачном лесу. Без всяких колебаний он смело приблизился к ограде и вошел в открытые ворота, с достоинством приветствуя удивленных обитателей краалья, которые встречались ему на пути к «большой хижине». Перед ней сидел на корточках мужчина. Кольцо на его голове говорило о том, что он занимает высокое положение. Чака понял, что это и есть старейшина краалья.

Подняв руку, он приветствовал его обычной формулой: «Сакубона, баба» («Мы видим тебя, отец») и, вытянувшись, невозмутимо посмотрел Нгоньяме прямо в глаза.

— Сакубона, — с таким же достоинством ответил тот, выдержав подобающую небольшую паузу. После этого интервала, который никого не смутил, ибо считался признаком хорошего тона, глава краалья осведомился о здоровье гостя. Гость учтиво ответил, а затем задал тот же вопрос и в свою очередь получил аналогичный ответ.

Когда эти формальности были закончены, Чака присел на корточки ярдах в четырех, то есть на почтительном расстоянии от Нгоньямы. Снова выдержав паузу, Нгоньяма спросил, издалека ли пришел гость, тем самым дав ему возможность представиться. За этим последовал разговор на различные темы, причем собеседники ни словом не обмолвились о том, что их больше всего интересовало, — о причине этого необычного визита. Хотя на Чаке не было куска леопардовой шкуры, который свидетельствовал бы о его королевском происхождении, Нгоньяма инстинктивно почувствовал, что он говорит не с простым человеком. Чутье подсказало кузнецу, что его гость может стать великим вождем. В то время самым мудрым поведением было проявлять дружелюбно, сохраняя сдержанность, чтобы — упаси бог! — не оказать помощь стороне, проигрывающей игру, совершив тем самым гибельную ошибку. Чака ведь мог быть кем угодно: и смельчаком, ищущим убежища там, где никто не станет его искать, и переодетым вождем.

Наконец Чака объяснил, зачем он пришел. Его воодушевление передалось старому Нгоньяме. Он согласился, что ни один из существующих клинков не отвечает полностью требованиям Чаки. Кузнец предложил переделать тяжелое копьё для охоты на буйволов, но гость и слышать об этом не хотел. Чака потребовал, чтобы кузнец изготовил для него закаленный клинок из кричного железа или самородного металла. «В нем должно быть,

конечно, заключено все твое колдовство», — внушительно добавил он, обращаясь к хозяину.

Хотя Чака честно представился как рядовой воин армии Дингисвайо и член незначительного в ту пору клана Зулу, он произвел на кузнеца такое сильное впечатление, что тот не сомневался: перед ним повелитель, притом повелитель незаурядный.

— Ты получишь то, чего желаешь, — ответил наконец Лев. — Но на это нужно время, ибо лучше начинать с самого начала. Новая ночь будет иметь другие мехи, чтобы железо наверняка получилось как можно лучше. Клинок закалим превосходными жирами, и в твоих руках он всегда будет приносить победу. Мне он обойдется недешево, но ради тебя я согласен удовольствоваться одной телкой, да и ту ты сможешь прислать мне лишь после того, как одобришь работу и когда это будет тебе удобно.

Чака пришел в восторг. Его все время тревожил вопрос о плате: ведь в то время все его состояние ограничивалось коровой, которую он получил от Нгомаана за то, что без посторонней помощи убил леопарда, и ее потомством. Однако Чака не высказал ни своего восторга, ни благодарности кузнецу, фактически предоставившему ему кредит на неопределенный срок. Чака с важностью принял предложенные условия, а затем многозначительно добавил:

— Может статься, одна эта телка, которую ты получишь от меня, заполнит твой крааль. Нгоньяма понял его и ответил:

— Я только посылаю свою кукурузу вперед.

Эта зулусская пословица, говорящая о человеке, который, находясь в пути, посылает вперед запас продовольствия, означала предусмотрительность.

Нгоньяма начал с изготовления новых мехов. Следуя стародавнему обычаю, он выбрал из своего многочисленного стада пять лучших баранов и отправил их в мрачное лесное ущелье, где близ прозрачного ручья находились его плавильная печь и кузница. Здесь с помощью подручных кузнец содрал с баранов живьем шкуру, оставив им ее на голове и ниже колен. После этого баранов пустили в огороженный загон, и присутствующие с напряженным интересом стали следить за ними. Страдания несчастных животных ни на кого не производили ни малейшего впечатления. По мере того как бараны издыхали, шкуры их откладывали в сторону, так как для мехов годилась только шкура того животного, которое протянет дольше всех, а следовательно, обладает наибольшей жизненной силой. Страшная сцена продолжалась до тех пор, пока не издох последний баран. Его шкура и пошла в работу, мясом же угостились подмастерья, помогавшие Нгоньяме у плавильной печи и в кузне. Кроме того, из него были приготовлены снадобья для смазки новой печи при ее пуске. Мясо остальных баранов с удовольствием съели обитатели краалья Нгоньямы, а шкуры кузнец роздал своим помощникам, хотя та, что была содрана с барана, издохшего четвертым, могла послужить материалом для запасных мехов. Когда баранов было мало, кузнецам, вероятно, не приходилось проявлять такую разборчивость.

Желая показать Чаке, как он для него старается, Нгоньяма пригласил его присутствовать при обдирании животных, предварительно заставив подкрепиться специальными снадобьями. Сооружение и сушка новой печи, а также обработка шкур для мехов требовали времени. Поэтому Чака вернулся в свой военный крааль в Эма-Нгвени, договорившись с мастером, в какой день он сможет наблюдать за выплавкой железа из руды и всеми прочими стадиями изготовления клинка. Таково было желание заказчика, и мастер в виде особого одолжения согласился исполнить его.

На третий день после полнолуния Чака взял у своего командира отпуск и возвратился в крааль Нгоньямы. Он с большим интересом принялся рассматривать новую печь. В представлении зулусов плавильная печь подобна самке, остающейся бесплодной до тех пор, пока ее не оплодотворит самец. Ибо, как объясняют плавильщики, печь, загруженная

железной рудой и древесным углем, не даст ничего, даже если уголь зажечь. Но если оплодотворить печь воздухом, нагнетаемым мехами, то она в положенное время выдаст металл. Поэтому отверстие в основании глиняной печи, через которое поступает воздух и выходит железо, делается в виде женского полового органа, расширенного, как при деторождении. В него вводится глиняное сопло, которому придается форма фаллоса. Задняя часть сопла соединяется с мехами посредством рогов — это позволяет плавильщику держаться на почтительном расстоянии от пышущей жаром печи. Сама печь сооружается из специальной глины и имеет форму цилиндра. Наружный диаметр ее около двух футов, высота около трех, причем сверху она на протяжении двенадцати дюймов сужается. Печь загружают смесью измельченной руды и древесного угля, а потом сырье и топливо периодически подсыпают, чтобы плавка не останавливалась. В качестве руды обычно применяют латерит, широко распространенный в Южной Африке. Это красновато-коричневая рассыпная горная порода, по строению напоминающая пчелиные соты. Ее легко разбивать на куски нужного размера.

Трудно сказать, добавлял ли Нгоньяма при плавке известковый флюс. Он, произнося заклинания, все время сыпал через открытый верх печи какой-то беловатый, похожий на песок порошок. Возможно, он состоял из измельченных раковин устриц и мидий с близлежащего побережья. Считалось, что это «снадобье» обладает очень сильным действием и именно от него зависит качество железа.

Чака провел в краале два дня, в течение которых помощники Нгоньямы выплавили и выковали заготовку из чистого металла, используя в качестве молотов куски гранита, а в качестве наковальни — глыбу того же камня. Затем настал черед кузнеца. С помощью железного молота он выковал из заготовки клинок. Когда работа приближалась к концу, наступила пауза. Кузнецы явно нервничали и чего-то ждали. Чаке показалось, что должно произойти нечто важное, неотвратимое. Он немного отошел от кузни и приготовился к бою. Наступило молчание, прерываемое только мирным журчанием ручья. Нгоньяма, весь напрягшись, сидел бездействуя на корточках у кузни.

И Чака понял, что тот ожидает Безымянного. Его появлению предшествовал негромкий, но жуткий вой на двух нотах, при первых звуках которого Нгоньяма привскочил, а люди его задрожали. Вой повторился на более близком расстоянии. Два подмастерья кузнеца поспешно натянули на головы козьи шкуры, их примеру тотчас же последовали двое других, стоявших у печи. Свет, исходящий от раскаленного горна, освещал фигуры первых. Они не переставали нагнетать воздух из мехов к горну, возле которого сидели, опустив покрытые головы. В близлежащем подлеске послышался шорох, за ним последовали ужасающие звуки, словно крупный хищник пожирал свою жертву, разрывая ее тело и грызя кости. Группа дрожавших, напряженно ожидавших чего-то людей почувствовала зловоние. Снова наступило молчание. Оно было мучительным для напуганных подмастерьев и подействовало даже на Нгоньяму и Чаку. Вдруг послышался хохот, от которого кровь леденела в жилах: казалось, что безумный демон наслаждается зрелищем адских пыток. Подмастерья застонали. Нгоньяма вздрогнул. Чака весь вспотел. Хохот прекратился столь же внезапно, как и начался. Наконец послышался голос:

— Чую спрятанного. Кто этот чужак, скрывшийся среди нас, и что он тут делает?

Хронисты передают, что Чака смело ответил Безымянному. Мужество молодого воина позабавило колдуна, но понравилось ему. Он предсказал Чаке великое будущее и охотно помог ему. Безымянный показался Чаке умным и сильным мужчиной среднего возраста. На плечи его был накинута каросс⁷. Поясницу закрывали полоски меха, свешивавшиеся до колен. Если не считать хвостов, скрывавших лицо, в одеянии Безымянного не было ничего необычного, что выдавало бы его страшную профессию. В правой руке он держал тяжелое копье, в левой — крепкую палицу из полированного дерева и мешок из козьей шкуры. Он принадлежал к зловещему братству инсвелабойя, что означает

буквально «безволосый». Члены этого братства совершали тайные убийства, чтобы добыть человеческий жир и различные части тела, из которых изготавливали «сильно действующие снадобья». Молва гласила, что помощниками «безволосых» были чудовищные гиены, на которых они ездили по ночам, перекинув одну ногу через спину сказочного зверя, а другой отталкиваясь от земли⁸. От трения о шкуру гиены у инсвелабойя на внутренней стороне одной ноги якобы переставали расти волосы. У зулусов обычно скудный волосяной покров (к растительности на голове это не относится), но если у какого-нибудь горемыки на внутренней стороне ног совсем не оказывалось волос, его сразу же причисляли к инсвелабойя. Как правило, это приводило к губительным для него последствиям, если только бедняга не переселялся в отдельный лес, где, по всей вероятности, действительно становился инсвелабойя. Многие кузнецы несомненно были именно «безволосыми», но, пока могли, скрывали это обстоятельство.

Нгоньяма договорился с «безволосым» о покупке нескольких предметов на выбор, причем цена и место доставки назывались иносказательно. Все, что видел и слышал Чака, производило на него сильное впечатление. В то время он был еще неопытен и не знал, к каким хитростям и обманам прибегали колдуны.

Рассказывают, что, когда инсвелабойя поднялся, чтобы уйти, он повернулся в сторону Чаки и долго и пристально его рассматривал. Заметив, что тот не обращает на это никакого внимания, он сказал:

— Ты мужчина. Я уже вижу вождя вождей. Нгоньяма сделает здесь оружие, которое проложит тебе путь к власти. Проследи, чтобы он в точности исполнил все задуманное тобой. Прощай!

И Безымянный исчез так внезапно и бесшумно, как если бы его поглотил мрак. Послышался звук, похожий на шорох лап поспешно удаляющегося животного, а вскоре издали раздались вой гиены, вышедшей на промысел.

Работа над клинком продолжалась. Снова и снова Чака высказывал недовольство и с упорством гения настаивал на точном выполнении всех его требований. Прошла большая часть ночи, прежде чем он одобрил форму и вес клинка, а также его симметричность. Теперь оставались только окончательная отделка с закалкой и, наконец, наиболее важное — применение «самого сильного снадобья».

Перед совершением этого обряда воцарилась полная тишина: освящение клинка должно было придать оружию особую твердость и наделить его волшебными свойствами, подобными тем, которыми обладал меч короля Артура «Excalibur».

Достав «это», то есть человеческие сердце, печень и жир или то, что выдавалось за них, Нгоньяма стал произносить заклинания и не замолчал, пока клинок не раскалился в горне почти докрасна. Затем он положил «это» на гранитную наковальню, и кузнец провел клинком по останкам человека. Шипение мяса и особенно жира считалось признаком того, что духи одобрили как самый клинок, так и его будущего владельца. Разве не походило оно на шипение духов предков, когда они воплощались в неядовитых змей? Объяснения Нгоньямы показались Чаке вполне убедительными. Ведь, подобно всем своим предкам, он впитал эти верования с молоком матери. Думать иначе было бы ересью. Как только клинок охладился, шипение прекратилось, и Нгоньяма объявил, что духи удовлетворены. Доволен был и Чака. Но впоследствии этот эпизод, как и многие другие, заставил его призадуматься. После долгих размышлений он стал скептиком, а потом еретиком и открыто высмеивал многие суеверия своих соплеменников.

С окончанием колдовского действия Нгоньяма опять превратился в практичного и энергичного человека. Лес снова огласился ударами молота — это кузнец вкладывал все свое мастерство в отделку клинка. До первых петухов оставалось совсем немного времени, но Нгоньяма продолжал трудиться, пока не рассвело. Затем он принялся полировать клинок, в

то время как один из подмастерьев вскарабкался на большое дерево, возвышавшееся над ущельем. С этого наблюдательного поста он увидел первые лучи солнца и сообщил об этом мастеру. «Оно (солнце) приближается!» — разнесся его гортанный крик. «Оно вот-вот появится!» — гласило второе сообщение. «Оно колет!» — объявил он наконец.

Так родился клинок, ставший образцом для изготовления оружия. Его обладателям предстояло с победой пройти через половину материка. Чака взял клинок в руку и горящими от восхищения глазами рассматривал его. Теперь надо было его проверить. Молодой воин испытал оружие на «звучание» и вибрацию, а также на упругость. Поскольку оружие еще не было отточено, он стал с силой тереть его острие о кусок твердого песчаника. Потребовалось немало времени, чтобы клинок стал острым, как бритва. Сбрив у себя на руке несколько волосков, Чака наконец остался доволен и поблагодарил кузнеца.

После этого бродячий мастер приделал клинок к древку, для которого выбрал дерево твердой породы — то ли *Brachylaena discolor*, то ли *Grewia occidentalis*, то ли *Halleria lucida*. Длину древка определил сам Чака. Раскаленным инструментом мастер просверлил в древке удлиненное отверстие, в которое влил сок луковичного растения (*Scilla rigidifolia*), а затем вставил слегка нагретый заостренный черенок клинка; после охлаждения он приклеился соком *scilla*. Вслед за этим древко обмотали твердой корой, а поверх натянули кожу с хвоста недавно заколотого быка. Высохнув и съезжившись, кожа отлично скрепила клинок с древком. К тому же благодаря ей древко не виляло в руке воина.

Каждая разновидность зулусского асегая имела свое название. Чака окрестил свой клинок не сразу, а лишь после того, как убил им в бою первого врага. Он дал ему имя *ик'ва*. Никто не знает, что оно означает. Возможно, это всего лишь подражание звуку, производимому клинком, когда его вытаскивают из глубокой раны. Возникает этот звук оттого, что небольшой желобок в клинке пристаёт к мышцам, которые пронзил. *Ик'ва*, произносимое с характерным для языка зулусов шелканьем, напоминает понукания кучера, погоняющего лошадей.

Глава 4

Новое оружие. Новая тактика. Выдвижение

Прошло очень немного времени, и полк *Изи-ц'ве* в очередной раз был приведен в состояние боевой готовности. Самого большого из имевшихся черных быков привели на скотный двор военного крааля. Целый час его гоняли по двору. Затем все воины полка, безоружные, бросились на него. Одни получили ранения, но другим удалось кое-как уцепиться за животное и свалить его наземь. Опираясь о рога, как о рычаги, они свернули ему шею и сломали спинной хребет. Вслед за воинами приступили к делу знахари, которые отрезали от тела быка куски, нужные для приготовления *снадобья*, — смеси трав с супом, сваренным из мяса убитого животного. Остальное мясо зажарили.

После этого воины по очереди подошли к знахарям и отведали *снадобья*. Кроме того, кистью из бычьего хвоста их всех еще опрыскали этим *снадобьем*. Затем каждый воин должен был приблизиться к глубокой яме и, после того как его вырвет, вернуться на скотный двор. Здесь знахари подбрасывали вверх куски жареного мяса, каждому воину надлежало поймать и съесть кусок. После трапезы остатки быка сожгли, а пепел закопали.

В походе *Дингисвайо* принял на себя личное командование полком *Изи-ц'ве*, сведенным в бригаду с другим полком — *Енгондлову*. Шел 1810 год, значит, Чаке было двадцать три года. На марше только офицерам было известно, куда направлялось войско. Первой остановкой после того, как оно достигло реки *Умлатузи*, был современный *Мелмот*.

В пути зулусские воины кормились зерном и мясом — за ними следом шли стада.

Чака не носил сандалий; вместо обычных трех метательных копий у него был единственный массивный ассегай, — это привлекало к нему внимание товарищей. Друг Чаки Нг'обока опасался, как бы босоногий воин не опередил свое подразделение и не оказался в окружении врагов. Чака же утверждал, что все его однополчане должны ходить босиком и вооружиться, как он, и тогда они победят остальные племена страны зулусов. И он, Чака, это докажет.

— Дадевету (Клянусь моей сестрой¹)! — вскричал он однажды. — Сегодня же докажу, что я прав, или пойду на корм стервятникам.

И тут Нг'обока и Мгобози поклялись, что, если надо, они сбросят свои сандалии и последуют за Чакой.

Когда стемнело, полки снова двинулись вперед, но более медленным темпом. Задолго до рассвета они достигли цели — краалья Пунгаше — вождя племени бутелези. Как только забрезжил рассвет, воины Дингисвайо окружили крааль, но оказалось, что птичка улетела.

Однако вскоре разведчики донесли, что бутелези сосредоточиваются милях в пяти от краалья, и армия двинулась в этом направлении со всей скоростью, на какую была способна. Через некоторое время она настигла бутелези. Их было всего около шестисот человек, но они занимали господствующую позицию в узкой долине одного из притоков Уайт Умфолози. За войском находились стада скота, а за стадами — женщины и дети.

Дингисвайо приказал Бузе с полком Изи-ц'ве подойти к противнику на расстояние ста ярдов, а затем отправил к бутелези герольда с предложением сдаться, поскольку он обладал подавляющим превосходством в силах. Он обещал бутелези прощение, если они признают его своим сюзереном.

Герольда встретили насмешками и оскорблениями. Лучший из воинов бутелези, выйдя вперед ярдов на двадцать, закричал: «Отправляйся, пес, к своему беззубому хозяину и скажи, чтоб он послал сюда кого-либо, способного сразиться со мной, а не такого скулящего щенка, как ты!»

В тот же миг юный Чака бросился вперед. Остановившись в пятидесяти ярдах от неприятеля, он закричал громовым голосом: «Эй ты, высохший пузырь старой коровы, надутый воздухом, я заставлю тебя проглотить твои слова, а заодно с ними и мой ассегай. Защищайся!» Затем Чака большими прыжками ринулся на врага. Это было нечто совершенно новое для воина бутелези, да и для всех зрителей, наблюдавших за столкновением. До этого времени поединок или бой велся на дистанции сорока пяти — пятидесяти ярдов. Обе стороны метали друг в друга копьа — свои и те, что бросал в них враг. Так продолжалось до тех пор, пока одна из сторон не обращалась в бегство, считая, что сделала все, что могла. Если потом начиналось преследование и отступающие кидали на землю оставшиеся у них копьа, победители считали их сдавшимися в плен и сохраняли им жизнь.

Видя, что Чака идет прямо на него, воин бутелези удивился и даже несколько смутился. Когда расстояние между ними сократилось до тридцати пяти ярдов, он метнул свое первое копье, которое отскочило от щита Чаки, не причинив ему вреда. Чака меж тем перешел на бег, слегка оставив щит, чтобы иметь лучший обзор. На расстоянии пятнадцати ярдов он отбил щитом второе копье бутелези, а две секунды спустя схватился с противником. В одно мгновение он зацепил слева своим щитом щит врага и резким рывком, тоже влево, лишил бутелези возможности использовать легкое копье, которое тот держал в правой руке. В то же время левое плечо воина осталось без прикрытия. Чака воспользовался этим, чтобы, размахнувшись ассегаем, нанести ему удар под мышку. Удар был настолько силен, что ассегай не только проткнул сердце и легкие, но и вышел наружу из-под правого

плеча. Бутелези свалился мертвым в направлении удара, и Чака воспользовался тяжестью падающего тела, чтобы, воскликнув «Нгадла!», вытащить копьё.

Оба войска словно оцепенели. Еще более удивились они, когда Чака преодолел последние двадцать ярдов, отделявшие его от войска противника. Тут Нг'обока и Мгобози, сбросив сандалии, со всех ног кинулись прикрывать своего товарища сзади. Это послужило сигналом для всей «гильдии», то есть группы из пятидесяти воинов, в которой служил Чака. Они последовали за Нг'обокой и Мгобози, а за ними двинулся весь полк Изи-ц'ве.

Вскоре бутелези дрогнули под натиском полка Изи-ц'ве и бросились назад, чтобы как-то спрятаться среди своих стад. Только своевременное прибытие Дингисвайю и его индуну предотвратило резню, которая была бы неизбежной, особенно потому, что в авангарде победителей находился Чака.

Вождь Пунгаше со всем своим племенем покорился, признал сюзеренитет Дингисвайю и заплатил небольшую дань скотом.

В ходе короткой стычки было убито около пятидесяти бутелези. В их числе был Бакуза, сын Сензангаконя и его десятой жены Сондабы, а следовательно, сводный брат Чаки. Потери же войска Дингисвайю составили около двадцати человек, ибо бутелези были вовсе не плохими бойцами.

После того как было заколото голов двадцать скота для угощения победителей и побежденных, Дингисвайю велел Бузе представить ему Чаку. Он уже получил весьма благоприятное донесение о первом бое Чаки, да и все, что он видел своими глазами, произвело на него сильное впечатление.

Дингисвайю посмотрел в глаза рослому молодому воину и, встретив его умный и пронизательный взгляд, сразу почувствовал в нем прирожденного вождя. Он задал ему несколько вопросов и был приятно удивлен тем, что толковый воин быстро на них отвечает. Распросив Чаку, как он дрался без сандалий, имея в руках один-единственный ассегай, Дингисвайю признал, что с военной точки зрения Чака прав. Однако он, Дингисвайю, предпочитал пока вести менее кровопролитные бои и достигать своих целей убеждением, применяя лишь минимум силы. Тем не менее, посоветовавшись с Бузой и Нгомааном, он тут же произвел Чаку в командира «сотни», то есть двух «гильдий», а также подарил ему десять голов скота.

Дингисвайю приказал полку Изи-ц'ве, а следом за ним и двум другим полкам продефилировать перед ним. После парада он обратился к полку Изи-ц'ве и поблагодарил его за одержанную победу. Закончив речь, он вызвал из рядов Чаку, Нг'обоку и Мгобози. Первым король поблагодарил Чаку и объявил, что он повышен и награжден. Весь полк громкими криками приветствовал этот знак признания — Чака, не только храбрый боец, но и танцовщик, певец и шутник, был всеобщим любимцем. Молодой воин оправдал почетные прозвища Нодумехлези² и Сигиди³, которые дали ему однополчане. Затем наступил черед Нг'обоки и Мгобози. Они также получили благодарность за отвагу и награду: по три головы скота каждый. А полк в целом Дингисвайю наградил ста головами скота.

Когда Сензангаконя — вождь зулусов и отец Чаки — получил горестное известие о гибели любимого сына Бакузы и поражении бутелези, он сразу же подчинился Дингисвайю. До этого времени бутелези с почти монотонной регулярностью наносили Сензангаконе поражение за поражением, и теперь он пришел к логичному заключению, что бесполезно бороться с теми, кто их победил.

Между тем Дингисвайю повернул на север и внезапно напал на клан Зламини. В схватке вождь клана — Ньянья, сын Согиди, был убит и все племя⁴ подчинилось Дингисвайю. Схватка произошла на равнине Мац-анц'а, за горой Эси-Хлало. Бой по существу выиграла сотня Чаки, которая совершенно затмила остальной полк. Воины Чаки,

испускавшие грозный боевой клич «Сигиди!», были непобедимы.

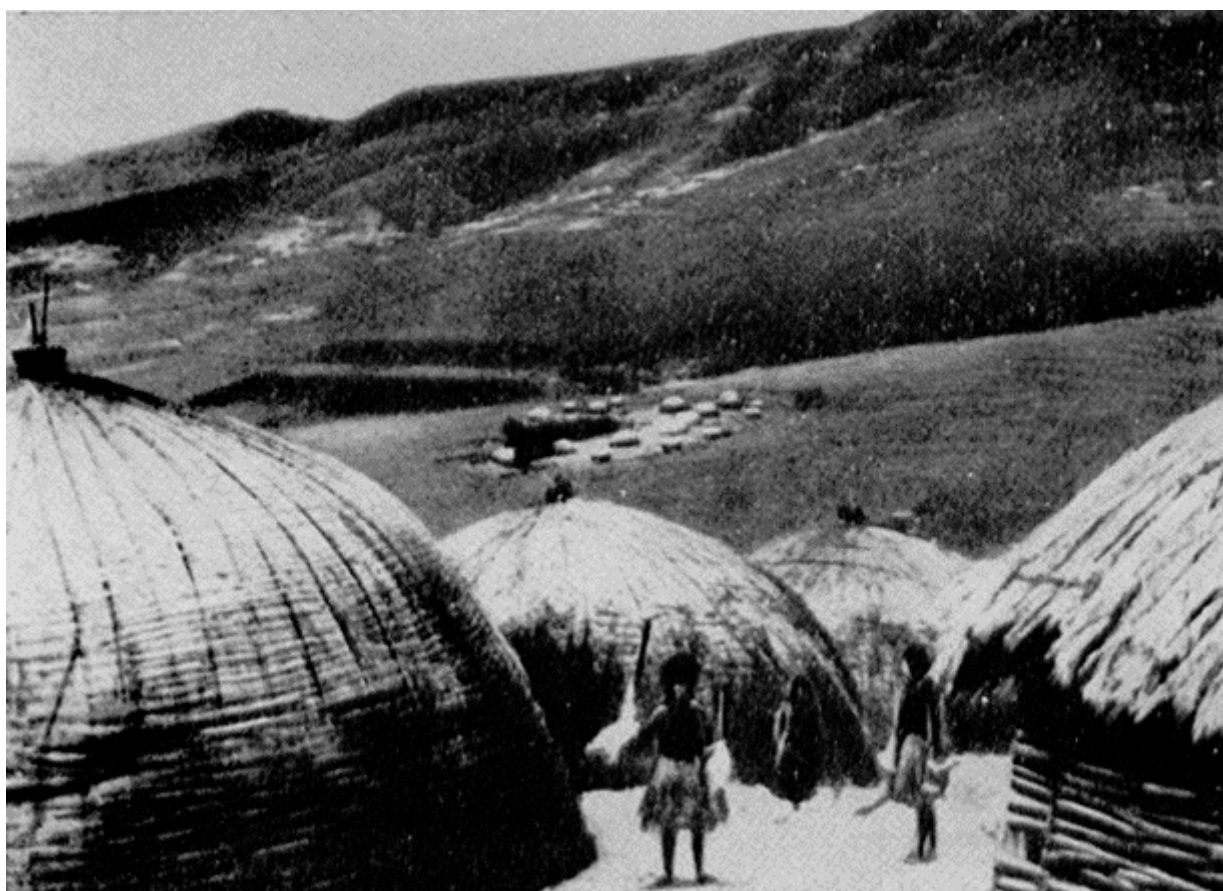
Вскоре были покорены и соседи зламани — мбатени, вождем которых был Кали, сын Шанду.

Далее Дингисвайо двинулся на Веси-Зиба — столицу Донды, вождя клана Кумало. Тот сдался без боя.

Спротивление эба-тенджини, эма-нгадини и э-лангени было преодолено еще до того, как Чака поступил на действительную военную службу.

Удовлетворенная достигнутыми результатами, военная экспедиция мтетва повернула к дому. Чака стал их признанным героем. Он и служившие под его началом Нг'обока и Мгобози образовали грозное трио, какого еще не знали в тех краях.

Из зулусского фольклора можно узнать многое о мужестве, проявленном Чакой в этот период. Самый знаменитый его подвиг — борьба с «Безумным Великаном». Этот свирепый затворник, отличавшийся гигантским ростом, построил себе крааль на холме, в округе Нгомаана, друга Чаки. Совершая нападения на стада, чтобы обеспечить себя мясом, Великан буквально терроризировал население. Против него не раз выступали войска, но он выказывал полное пренебрежение к ним; сначала дожидался противника у ворот крааля, спокойно покуривая коноплю, а затем бросался с огромным топором на врагов, убивая или калеча всех, кто попадался ему под руку. Даже храбрецы боялись его, считая сверхъестественным существом. Чака же встретился с Великаном один на один и убил его. Это состязание в силе и изворотливости воспето в зулусском эпосе. Десять голов скота, принадлежавших Великану, Чака послал Нгомаану, а оружие убитого забрал Мгобози.

Зулусские хижины

Хронисты подробно рассказывают о том, как относилась к Чаке в этот период Пампата. Пока Чака был на войне, она ежедневно навещала Нанди и Номц'обу. Следила за тем, чтобы циновка Чаки в его хижине в краале Мбийи всегда была прислонена в вертикальном положении к задней стене. Если циновка воина, состоящего на действительной службе, упадет, то, по поверьям зулусов, свалится и он. Пампата даже прибила циновку к стене, что не было предусмотрено никакими обычаями. Каждый день она подметала хижину Чаки и разводила в ней небольшой огонь. Не полагаясь на волю случая, она почти весь свой небольшой запас бус потратила на приобретение у знахарей зелий и снадобий, чтобы Чака вернулся здоровым и невредимым. Нанди и Номц'оба, которые не меньше тревожились о Чаке, были глубоко тронуты ее заботой. Все же однажды Нанди ласково, по-матерински побранила Пампату.

— Дочка, тебе нельзя больше менять бусы на зелья и снадобья, — сказала она, — а то ты останешься совсем голой.

— Тогда вместо бус я стану носить на талии травяной пояс, — ответила Пампата.

Перед тем как войско Дингисвайо возвратилось из похода домой, по стране с быстротой степного пожара разошлась молва о славном Нодумехлези.

Сначала Пампата не могла понять, как это случилось, что новый герой затмил Чаку. Вместе с Номц'обой она понесла еду в Эма-Нгвени, где находился военный крааль Изид'ве, но, встретив возвращающийся полк, обе женщины с огорчением узнали, что Чака неподалеку от крааля свернул в сторону, чтобы кратчайшим путем дойти до хижины Безумного Великана. Пампата огорчилась и встревожилась. Ее не успокоило даже сообщение о том, что Нодумехлези и есть Чака. Не радовало ее и то, что Чаку повысили и наградили, она цепенела от страха при мысли об опасном предприятии, которое тот затеял.

Оставив продукты в Эма-Нгвени, женщины поспешили домой. Пампата утверждала, что Чака или — о, ужасная мысль! — осиротевшая сотня, которой он командовал, прежде всего придет доложиться Нгомаану, жившему неподалеку от их крааля.

Пампата стала умолять Нанди помочь ей собрать средства, чтобы добыть новые защитные снадобья. Нанди тоже была встревожена, но старалась этого не показать.

— Не бойся, дитя, — сказала она, — наш Ум-Лилване умеет постоять за себя. Он храбрее всех, но никогда не лезет на рожон.

Затем женщины направились в хижину Мбийи и все ему рассказали. Старик был очень привязан к Чаке и пришел в восторг, узнав, что Нодумехлези и Чака — это одно и то же лицо. Однако, услышав о намерениях Чаки, он также встревожился. Время было полуденное, скот как раз вернулся с пастбищ, и Мбийя распорядился немедленно заколоть быка, чтобы принести жертву духам. Одновременно он послал за известным знахарем, жившим поблизости. Почувяв, что здесь пахнет мясом и пивом, этот достойный человек не заставил себя ждать. По пути к Мбийе он расспросил гонца, зачем его позвали с такой поспешностью. И когда Мбийя попросил знахаря «бросить кости» и поворожить, это не составило для него труда, тем более что после каждого его пророчества, высказываемого в завуалированной форме, все присутствующие должны были кричать: «Мы признаем». По мере того как он приближался к истине, восклицания эти становились все громче и громче — совершенно так, как в известной игре: один участник ее выходит из комнаты, а все остальные прячут какую-нибудь вещь и помогают ему найти ее, исполняя музыкальное произведение; чем ближе ищущий к спрятанной вещи, тем музыка звучит громче, чем дальше — тем тише.

Вернувшись, Чака «обтер топор» с Пампатой, и она же перевязала ему рану, нанесенную Великаном⁵. По преданию, Чака сказал тогда девушке, что после матери она ему дороже всех на свете. Пампата же опять предсказала своему другу великое будущее и

заверила, что скоро Чака станет командиром, а затем и индунгой, то есть полководцем, подчиняющимся только королю; после Сензангаконы он станет вождем зулусов.

Нгомаан приказал Чаке вместе с Нг'обокой и Мгобози явиться к Дингисвайю. Мгобози должен был доставить оружие Великана (десять голов скота Нгомаан давно передал королю). Придя в королевский крааль, Чака увидел, что Дингисвайю сидит на стуле, вырезанном из одного куска твердого дерева, перед «большой хижинкой». Его окружали индунги и отряд воинов. Приблизившись к королю, Чака приветствовал его и сел.

— Добро пожаловать, Нодумехлези! — сказал Дингисвайю. — Мне доложили о твоём великом подвиге, но я хотел бы услышать рассказ о нём из твоих уст.

— Баба нкоси! (Отец мой, вождь!) По твоему приказу я взял взвод воинов, в который входили Нг'обока и Мгобози. Мы отправились к логову Безумного Великана и большую часть дня приглядывались к его повадкам. Перед заходом солнца мы подошли ближе, и я убил Великана. Вот его оружие. Ещё мы взяли у него десять голов скота с различными таврами. Скот доставили Нгомаану, и тот передал его в королевское стадо. Крааль Великана мы сожгли.

— И это все, что ты можешь рассказать о столь великом подвиге? — воскликнул Дингисвайю.

— О вождь, что ещё могу я сказать! Ведь я только воин, пришедший с боевым донесением.

— Нодумехлези, ты столь же скромн, как и велик. Теперь пусть говорят Нг'обока и Мгобози.

Нг'обока подробно рассказал о бое. Аудитория слушала как зачарованная. Изображая эпизоды борьбы, Нг'обока увлекался и впадал в преувеличение. Поело него изложил свою версию Мгобози и, не желая отставать от Нг'обоки, изобразил Великана таким чудовищем, что все присутствующие от удивления разинули рты.

Дингисвайю подарил Чаке оружие Великана и его скот, а также от себя пятнадцать коров. Это составило вместе с десятью головами скота, полученными Чакой за битву с бутелези, его первой коровой и её потомством, стадо почти в сорок животных. Чака сделался настоящим умнумзана (хозяином, важным лицом).

Выслушав рассказы о борьбе с Великаном, Дингисвайю пригласил Чаку отведать мяса и пива и остаться на ночь в его краале, так как он хотел с ним поговорить.

Как обычно, Чака пил и ел весьма умеренно. Вторую половину дня и вечер он провел наедине с Дингисвайю в большой хижине совета.

Прежде всего Дингисвайю заговорил о том, кто наследует сан вождя зулусов. Эта проблема стала особенно актуальной после смерти Бакузы, любимого сына Сензангаконы, которого он уже назначил своим преемником. Дингисвайю тут же посвятил гостя в свой план: всей силой своего авторитета он намерен добиваться, чтобы в самое ближайшее время Чака был объявлен преемником Сензангаконы. Он постарается ограничиться дипломатическими средствами, но, если потребуются, прибегнет и к силе. Чака может считать себя будущим вождем зулусов.

Кроме того, Дингисвайю сказал, что во время очередной кампании, а то и раньше, Чака будет назначен командиром полка, ибо Буза хочет жениться, а следовательно, уйдёт с военной службы. В новой должности Чаке не придется так часто рисковать жизнью в рукопашном бою. Было бы очень жаль потерять такого воина, которому предстоит стать полководцем.

Слова Дингисвайю обрадовали Чаку, и он поблагодарил его.

После этого Дингисвайо долго разъяснял свою политику. Чака слушал с величайшим вниманием, но сам говорил, только когда Дингисвайо спрашивал его мнение.

Зулусы передают, что в этой беседе Дингисвайо рассказал Чаке о великой стране белых, чьи передовые посты находятся на расстоянии многих лун пути к югу, и о другой, родственной ей стране, которая выставила форпост в бухте Делагоа; о том, что за морем белых людей куда больше, чем всех нгуни, вместе взятых. Невозможно пересчитать их воинов, вооруженных смертоносными палками, которые изрыгают гром, дым и смерть. Но страшнее всего их самое большое оружие, похожее на бревно (пушка). Король говорил, что необходимо поддерживать дружественные отношения с белыми, ибо у них кроме смертоносных орудий есть еще сильнодействующие лекарства. Эти зелья вылечивают от самых различных болезней, но, как ни странно, бессильны против колдовства.

У белых такая система управления, при которой все вожди признают власть верховного вождя. Благодаря этому они избавились от усобиц, и во всей их стране царит мир. Правосудие белых гарантирует каждому, будь то вождь или рядовой человек, справедливое решение дела. Смертью наказываются только измена, убийство и другие, особо тяжкие преступления. Колдовство же не карается, ибо белые, по их словам, больше в него не верят. Этого Дингисвайо, разумеется, никак не мог понять. Не выносятся смертные приговоры и ворам, хотя было время, когда у белых казнили даже ребенка, утащившего из баловства цыпленка или какую-нибудь мелочь. Однако, вместо того чтобы пороть напроказивших мальчишек, как это принято у нгуни, белые подвергают их ужасному наказанию: запирают в каменные дома, где преступники, лишённые свободы и солнечного света, влачат жалкое существование много лун или даже лет. Да и кормят их там плохо. Этот обычай вызывает омерзение⁶.

Когда аудиенция закончилась, Чака сделал приветственный жест и ушел отдыхать в хижину, отведенную для него и его товарищей. Аудиенция состоялась в краале Дингисвайо, носившем название О-Енгвени. Он был расположен на холме, который возвышается между Тзангоньяной и Дондотой и служит водоразделом рек Эн-Целени и Умфолози.

На следующий день Чака и его товарищи отправились в обратный путь. Перед собой они с гордостью гнали двадцать пять голов скота. Мбийя, Нанди, Номц'оба и Пампата очень обрадовались, что воины возвратились да еще с такими богатыми дарами. Чака немедленно распорядился заколоть быка, чтобы принести его в жертву духам предков. И он и его мать были довольны, что наконец-то они могут устроить настоящий пир. Кроме того, Чака договорился с Нанди о том, чтобы обменять еще одного быка на бусы и браслеты. Большая часть их предназначалась в подарок Пампате — в виде щедрой компенсации за ее траты, а также в качестве богатого дополнительного приданого.

После этого Чака и его соратники — Нг'обока и Мгобози — вернулись в военный крааль Эма-Нгвени. Служба пошла своим чередом, и Чака принялся насаждать строгую дисциплину в сотне, которой командовал. Он учил воинов перестраиваться, чтобы сотня могла быстро сосредоточиваться и развертываться. Сотню он разделил на три группы, причем та, что находилась в центре построения, была наиболее многочисленной и компактной. Фланговые группы развертывались в рога, охватывающие противника. Это было начало знаменитого строя «головы» и «груди» с вытянутыми «рогами», которым в дальнейшем прославилось войско зулусов.

Вскоре полк Чаки принял участие в нескольких мирных экспедициях в районы, населенные недавно покоренными племенами. Эта демонстрация силы должна была «подогреть» верность тех вождей, которые становились забывчивыми и равнодушными.

По возвращении из одной такой экспедиции Дингисвайо обратился к воинам полка и сообщил, что их командир Буза выразил желание выйти в отставку и жениться. Новость была воспринята всеми с немалым огорчением, но когда Дингисвайо добавил, что новым

командиром станет их товарищ, прославившийся и в бою, и в танцах, и в пении, взоры всех обратились к Чаке. Когда же Дингисвайо подтвердил, что имел в виду именно его, отовсюду раздались приветственные крики, ибо Чака был не только героем всего полка, но и наиболее популярным воином. Нг'обока принял сотню Чаки, но Мгобози пожелал остаться рядовым воином.

Глава 5

Кампания против Звиде. Невиданное великодушие

Владения Звиде — вождя или короля могущественного племени ндвандве — лежали к северу и востоку от реки Блэк Умфолози. Он был очень честолюбив, а в последнее время стал чрезмерно задирист. По примеру Дингисвайо Звиде ввел систему комплектования армии посредством *levée en masse*¹ сумел подчинить себе несколько небольших соседних племен. Сделав их своими вассалами, он увеличил войско.

В свое время Дингисвайо победил Звиде и взял его в плен, но с присущим ему великодушием освободил врага. После этого Звиде решил испытать свою силу на очень слабом противнике — одном из вождей «подклана» племени эма-ц'вангени по имени Звангендаба. Земли этого племени лежали к востоку от ндвандве, ближе к Индийскому океану. Однако поход этот закончился позорно для Звиде: он попал в плен к противнику. Звангендаба в свою очередь великодушно отпустил Звиде, подарил ему несколько голов скота и дал охрану на обратный путь. Униженный Звиде решил мстить своим врагам. Одна из жен его отца — Новава, руководствуясь благородными побуждениями, пыталась отговорить Звиде от вероломных и к тому же рискованных поступков. Но вождь был непреклонен.

Тогда она прибегла к более действенным мерам. Когда войско перед выступлением в поход собралось на скотном дворе, она стремительно вбежала туда, что было категорически запрещено женщинам; на глазах у окруживших ее воинов она разделась донага. Звиде решил, что такой мерзкий поступок не может не быть зловещим предзнаменованием. Напуганное войско с ним согласилось, и все остались дома.

Тогда Звиде решил восстановить свою репутацию иным путем. Он знал, что воины Дингисвайо патрулируют соседний район, и обратился к командиру этого отряда с просьбой наказать как неисправимого правонарушителя Млоту, вождя эма-нчалини, жившего близ Нтабанкулу. Звиде было послано подкрепление, с помощью которого он напал на эма-нчалини, убил Млоту и одержал победу. Череп Млоты пополнил коллекцию, украшавшую заднюю стену хижины матери Звиде — Нтомбази. Самым бережным образом хранила она подобные трофеи, которые вызывали в окружающих суеверный трепет.

После этого Звиде до того обнаглел, что Дингисвайо решил преподать ему урок. Он мобилизовал все три своих полка численностью шестьсот человек каждый, совершил положенные перед началом войны обряды и, переправившись через реку Умфолози, пошел к реке Нонгома, где находилась ставка Звиде. В авангарде двигался Чака с полком Изи-ц'ве, обученным новому строю. В первый день они стали лагерем на берегах Умфолози, и Чака прежде всего позаботился о своих воинах, проследив, чтобы каждый получил положенную порцию вареного мяса².

В те времена кроме оружия и щита каждый воин нес циновку, на которой спал, а также запас муки крупного помола или зерна.

После трапезы Чака и два других командира полка, старейшины из свиты Дингисвайо

и вожди, возглавлявшие контингенты союзных племен, собрались на совет. Обсуждался план кампании, и Чака хранил молчание, пока говорили старшие. Он открыл рот, только когда Дингисвайо предложил ему выступить.

Он заявил, что в следующей битве войско надо построить так, чтобы в центре образовались «голова» и «грудь», а на каждом фланге находилось по половине полка. Эти «рога» окружают и уничтожат противника. Только таким способом можно добиться полного подчинения остатков племени ндвандве и избавиться от необходимости периодически повторять завоевательные походы из-за бессмысленного и бесплодного великодушия. Кроме того, Чака предлагал заменить легкие метательные копья ассегаем с широким массивным клинком и отказаться от сандалий, чтобы воинам было легче двигаться.

Дингисвайо согласился, что импи эбомву (кровавая или тотальная война) имеет свои преимущества, но еще раз подчеркнул, что не стремится уничтожить противника, а хочет лишь преподать ему урок. «Который никогда не будет усвоен!» — резко возразил на это Чака.

Остальные члены совета единодушно проголосовали против Чаки: они не видели ничего хорошего во всех его новшествах. Пожилой командир «Старой гвардии», или полка Енгондлову, обрушился на губительное, по его мнению, предложение отказаться от сандалий и заменить метательные копья неуклюжим колющим ассегаем. Что же до рогов для окружения противника, то никто ни о чем подобном и не слыхивал. Чака с ожесточением защищал свои идеи, в частности от нападков Дингисвайо, ибо на военных советах каждый мог свободно высказывать свое мнение, даже если оно расходилось со взглядами вождя или короля. Чака всегда знал, когда нужно отступить, и, убедившись, что натолкнулся на каменную стену ультраконсерватизма, с одной, стороны, и на казавшиеся ему неуместными гуманные идеи Дингисвайо — с другой, перестал тратить свое красноречие попусту.

После еще одного ночного перехода войско достигло верховьев реки Ум-Мона — одного из левых притоков Блэк Умфолози. Рано утром разведчики и шпионы донесли, что войска Звиде сосредоточиваются в нескольких милях, близ одного из важнейших краалей. Доложили они и о приближении трех значительных отрядов, которые должны были соединиться с основными силами у ставки Звиде. По просьбе Чаки Дингисвайо поручил ему разведку, которой молодой командир полка руководил почти безраздельно. Он разослал во все стороны своих лазутчиков и верных людей из других племен (то есть не из числа мтетва). Чака предложил вступить в бой немедленно и нанести удар, прежде чем Звиде успеет закончить мобилизацию. Дингисвайо и все члены военного совета согласились с ним.

Тогда Чака попросил направить его полк Изи-ц'ве в авангард, так как он состоит из самых молодых, а следовательно, и самых подвижных воинов, а сам Чака ведает разведкой. При соприкосновении с противником пожилые воины полка Енгондлову со вспомогательными отрядами других племен сзади должны были образовать центр, полк И-Ньякени — правый фланг, полк Изи-ц'ве — левый. Военный совет принял это предложение и не подозревая, что тем самым одобрил боевой порядок в виде «головой», «груди» и «рогов». Дингисвайо приказал воинственному Чаке ни в коем случае не лишать жизни Звиде и вообще убивать как можно меньше. После этого войско быстро двинулось вперед.

Противников разделяло не больше двух миль, когда мтетва увидели армию Звиде. Вождь ндвандве занимал сильную позицию на склоне крутого холма близ Нонгомы. Приблизившись еще на милю, Чака разглядел, что к правому флангу Звиде, примерно за милю от него, движется с запада отряд численностью около пятисот человек. Он состоял в основном из нчалини и нк'умало — союзников Звиде.

Чака немедленно разыскал Дингисвайо, который шел во главе полка Енгондлову, и попросил разрешения перехватить отряд, идущий на соединение с врагом: увидев, что его союзники атакованы, Звиде, быть может, оставит свою сильную позицию и поспешит им на

помощь. Тогда все преимущества будут на стороне более дисциплинированной армии Дингисвайо. Дингисвайо разрешил Чаке провести задуманный маневр и замедлил движение полка Енгондлову.

Воины полка Изи-ц'ве, напротив, прибавили шагу, направляясь к точке, расположенной между приближавшимся отрядом и правым флангом Звиде. Заметив это, отряд противника перешел на бег, стремясь достигнуть этой точки раньше Чаки, чтобы не оказаться отрезанным от главных сил. В войске Звиде началось движение, вскоре центр и правый фланг отделились от левого и устремились вниз с холма, чтобы помочь своим союзникам и взять в клещи полк Изи-ц'ве. Однако Звиде плохо рассчитал время, и Чака достиг намеченной точки, когда ндвандве находились еще на полпути. Тут он повернул налево и нанес удар по авангарду отряда, нарушив его боевой порядок. Авангард бросился бежать обратно. Однако дело не обошлось без боевых схваток, и, хотя они происходили на бегу, наступление полка Изи-ц'ве замедлилось. Поэтому вскоре первые ряды главных сил Звиде оказались всего в четырехстах ярдах от арьергарда Чаки. Однако Дингисвайо тоже не дремал. Полк Енгондлову беглым шагом двигался вперед и приближался к позиции, которую раньше занимал Звиде.

Не успел Чака завершить разгром отряда нчалини и нк'умало и сделать «поворот кругом», как Изи-ц'ве подверглись атаке авангарда Звиде. Под сильным натиском противника Чака стал медленно отступать. Но вскоре нажим на его полк прекратился, ибо Дингисвайо со всем своим войском ударил по левому флангу ндвандве. Тогда Чака атаковал противника и своим левым крылом обошел его с правого фланга, который по сути дела стал тылом, поскольку ндвандве пришлось сделать поворот, чтобы дать отпор Дингисвайо. Бой превратился в разгром попавших в ловушку ндвандве, особенно пострадал их авангард. К тому времени, когда левое крыло войска Звиде с опозданием достигло правого крыла армии Дингисвайо, боевые действия на этом фланге уже почти прекратились и левое крыло ндвандве в свою очередь было разбито. В целом битва явилась серией блестящих тактических маневров, в результате которых противника удалось разбить по частям. Впрочем, может быть, правильнее говорить не о «тактических», а о «стратегических» маневрах, поскольку при использовании оружия ближнего боя охватывающие маневры, начатые с расстояния мили или даже менее, могут быть отнесены к таковым.

Одно из правил Чаки гласило: «Неутомимо преследуй разбитого врага и всели в него страх перед Чакой». Полк Изи-ц'ве с величайшей энергией бросился вслед за отступающим войском Звиде. Чаке особенно хотелось нагнать два отряда, шедших, по донесениям разведки, на соединение с ндвандве. Однако, узнав от отступавших, что основные силы понесли тяжкое поражение, эти отряды повернули назад и поспешили восвояси.

Возвратившись в ставку, Чака узнал, что Звиде взят в плен и невредимым передан Дингисвайо. Чака считал, что Звиде следует убить, и хотел сам сделать это при первой же возможности. Дальнейший ход событий показал, что он был прав.

Звиде потерял около пятисот человек убитыми и столько же ранеными при общей численности его войска в две с половиной тысячи человек. Для боевых действий такого рода это были серьезные потери — ведь тогда еще не убивали раненых и брали много пленных — стоило воину бросить щит и копья, как уже считалось, что он сдался на милость победителя. Но впоследствии, когда характер войн изменился, они стали куда более кровопролитными.

Войско Дингисвайо понесло незначительные потери: в три раза меньшие, чем Звиде.

Товарищи оставались с ранеными, стараясь облегчить их участь. В то время у зулусов еще не было принято, как в Спарте, избавлять от мук смертельно раненого друга, с его согласия, хотя бы и молчаливого. Раненых врагов также не добивали, как это делалось позднее. Чака следил, чтобы всем пострадавшим солдатам его полка была оказана помощь, хотя не видел смысла в том, чтобы затягивать агонию тех, кого уже нельзя было спасти.

Иньянгас³ (врачеватели) кипятили травяные отвары с содержимым тонких кишок многочисленных быков, заколотых на мясо или в жертву духам. К лекарству добавляли желчи, после чего каждый раненый воин должен был отпить три глотка. Затем ему надлежало плюнуть на палку и трижды ткнуть ею в сторону врага, восклицая: «Иди сюда!». После этого раненый получал рвотное. Наконец раны перевязывали размятыми листьями *Datura stramonium*⁴, обладающими сильными целебными свойствами и способностью порождать грибок плесени. Эти практические и психологические методы лечения обычно приводили к удивительно быстрому заживлению ран.

Когда в этот вечер Дингисвайо созвал и-бандла (военный совет), присутствующие единодушно признали, что Чака больше всех сделал для победы над врагом, да и весь полк Изи-ц'ве сражался как нельзя лучше.

Пожилой командир полка Енгондлову осыпал похвалами воинов Изи-ц'ве. Его восхитила их тактика ближнего боя и метод «зацепи слева», при помощи которого они отводили в сторону щит врага, а затем наносили смертельный удар в бок, оставшийся без прикрытия. О Чаке он сказал, что Нодумехлези настоящий Сигиди («тысяча»), — то есть он один стоит тысячи воинов, — и назвал его Нкалаката («нечто огромное»): его украшенная перьями голова возвышается над всеми другими, там, где бой ведется с особенным ожесточением. Наконец, он заявил, что Чака не только величайший воин, какого видели армия и страна, но обладает также иканда (разумом), и, хоть он и молод, в будущем надо будет прислушиваться к его словам. Оратор обещал «проглотить все слова», какие он произнес о Чаке на предыдущем заседании совета.

Дингисвайо поддержал старого командира и обещал в знак уважения щедро вознаградить Чаку за счет скота, подлежащего конфискации у Звиде. Чака поблагодарил его; к этой благодарности присоединились и все остальные члены совета. По обычаю нгуни, все присутствующие выражали признательность за дар, сделанный одному, как если бы каждый из них получил подарок.

Чака снова поблагодарил короля, но добавил, что лучше бы его награду уменьшить, а вознаграждение его воинов соответственно увеличить — они хорошо сражались в этот день. Всегда правильнее обрадовать многих, нежели одного. Такое великодушие⁵ заставило членов совета онеметь. Они с удивлением разглядывали Чаку, ибо подобный альтруизм, проявляемый командиром по отношению к рядовым воинам, был для них внове. Слова Чаки имели историческое значение — они повлияли на ход событий не только в настоящем, но и в будущем. Правда, их встретил ропот недоверия, но он тут же сменился громкими приветственными возгласами. Один лишь Дингисвайо с самого начала не удивился и смотрел на Чаку с улыбкой понимания и одобрения.

Он спросил Чаку, как поступить со Звиде и племенем ндванде. Чака, не колеблясь, дал жестокий ответ. Он посоветовал своему королю убить Звиде и Нтомбази, а также всех наследников Звиде: Звиде вероломен и никогда не простит свое унижение. Если же Дингисвайо не убьет его, то настанет день, когда Звиде сам убьет Дингисвайо, и его череп пополнит вонючую коллекцию в хижине Нтомбази. Что же касается Нтомбази, то она просто колдунья, которую надобно посадить на один из кольев, окружающих ее крааль, и затем поджаривать на костре.

Кроме того, следует сжечь все краали ндванде, забрать их женщин, детей и скот и переселить в страну мтетва. Мужчины скоро последуют за ними, и тогда вся их община смешается с народом, подвластным Дингисвайо.

— Врагу надо наносить такие удары, от которых он уже не сможет оправиться, — говорил Чака. — Либо он перестанет существовать как самостоятельное племя, либо снова попытается схватить нас за горло.

— Если уж дело доходит до войны, то пусть это будет война не на живот, а на смерть,

— добавил он. — Но к тем, кто подчиняется добровольно⁶, следует проявлять великодушие.

Многие члены совета, особенно полковые командиры, энергично поддержали Чаку, остальные молчали, ожидая, что скажет Дингисвайо. Он снова признал, что Чака во многом прав, особенно в вопросе о «спасительной сени»⁷. Однако тут же заявил, что намерен продолжать политику примирения и все еще надеется достигнуть своих целей с минимальными кровопролитиями, бедами и разрушениями. Он предложил оштрафовать Звиде на две тысячи быков и небольшое количество коров. Дингисвайо полагал, что эта мера послужит спасительным уроком для Звиде, который и без того потерял много людей и оставил на поле брани свой престиж, а также окажет большое влияние на соседние племена. В конце концов возобладала точка зрения Дингисвайо. Если бы он остался в меньшинстве, то, вероятно, закрыл бы заседание, отослал оппозиционеров с различными поручениями и собрал новое заседание, где большинство принадлежало бы его сторонникам, а на отсутствующих или оставшихся в меньшинстве наложил штраф в пользу их вождя и короля.

Вплоть до уплаты контрибуции войско Дингисвайо стояло лагерем в стране ндвандве и некоторое время помогало последним пить их пиво и есть кукурузу и мясо. Дингисвайо поощрял всяческие увеселения, полагая, что они помогут победителям и побежденным сдружиться.

Но вот оккупация закончилась, и войско вернулось домой. Хронисты подробно описывают встречу Чаки с Пампатай, но что еще важнее — передают содержание примечательной беседы, которая состоялась в это время между ним и матерью его Нанди.

Чака не имел обыкновения доверяться даже ей, но, возвратившись из похода против Звиде, молодой полководец отвел свою мать в сторону и сказал ей:

— Мама! Скоро я смогу спать спокойно, подобно другим мужчинам, ибо приближается время, когда я стану большим вождем, быть может, самым главным в стране. Именно к этому я стремился с того самого дня, как нас выгнал Сензангакона. Ты же станешь главой своего собственного крааля и большой силой в нашей стране. Тот, кто заставит тебя нахмуриться, уже в этот миг будет все равно как мертв. А живущие под твоей сенью станут благоденствовать, как никто. Кого ты простишь — будет прощен. Бери из моего стада столько скота, сколько тебе понадобится, он твой так же, как мой. Ничего не жалея для себя и друзей твоих и запомни хорошенько, что истинные друзья, — это те, кто был добр к тебе в дни горя и нищеты, а не те, кто приходит теперь только для того, чтобы поесть у тебя мяса. Особенно же заботься о Пампате. Хотя я никогда не женюсь, она после тебя самый близкий моему сердцу человек.

Нанди огорчилась, так как мечтала стать когда-нибудь бабушкой. Хотя Пампата была женщиной простого происхождения, это не могло помешать ей породниться с Домом левой руки⁸ или даже Большим домом. Чака попытался объяснить Нанди, почему он твердо решил не иметь наследников: достигнув совершеннолетия, они всегда становятся потенциальной угрозой правящему вождю.

Горе и слезы Нанди тронули Чаку, глаза его тоже увлажнились.

— Мама! — сказал он. — Первый раз в жизни я заставил тебя плакать — для меня это великое горе. Ведь я поклялся, что тебе больше не придется проливать слезы. Пусть заколют быка, чтобы ты осушила их и подкрепилась вкусной пищей, тогда и на сердце у тебя станет веселее. Отдай также побольше быков тем, кто меняет на них бусы. И тогда, разукрашенная так, как не снится ни одной женщине, ты снова станешь сиять улыбкой счастья и тем успокоишь мое страдающее сердце. Со временем, когда планы мои осуществляются, ты, пожалуй, согласишься со мной. А может статься, что и я соглашусь с тобой. Кто знает?

Эти слова совершенно успокоили Нанди, и она отправилась вместе с сыном домой. Увидев, что впереди них гонят принадлежащих Чаке быков и коров, она и вовсе

развеселилась. А ведь это была только четвертая часть военной добычи Чаки, остальное он отдал полку в добавление к тремстам головам скота, которые подарил воинам Дингисвайю.

Многие не верят в то, что безжалостного завоевателя, каким стал потом Чака, могли тронуть слезы матери. Но мы располагаем свидетельством Генри Фрэнсиса Фина, который хорошо знал Чаку в апогее его могущества⁹.

Дело в том, что среди зулусов Чака — фигура совершенно исключительная. Под железным самообладанием в нем скрывались и такие качества, как легкая возбудимость и сентиментальность. У него была чуткая душа артиста — недаром он слыл лучшим поэтом-песенником и танцором, шутником, не знавшим себе равных. Человеку такого склада была, очевидно, присуща большая чувствительность, нежели среднему нгуни.

Глава 6

Примирение с Сензангаконой. Вождь зулусов. Награды и кары

Примерно в это время серьезно заболел Мбийя — приемный отец Чаки. Чака каждый вечер навещал его, проделывая десять миль туда и обратно. И это после утомительного дня, проведенного с воинами, которых он сам обучал. Чтобы продлить жизнь Мбийи, Чака пригласил лучших врачей и обещал им в случае успеха большое вознаграждение. Кроме того, он часто приносил в жертву предкам Мбийи хорошего быка. Только вызов на заседание военного совета в крааль Дингисвайю (О-Енгвени) мог помешать Чаке навещать Мбийю.

Шел, вероятно, 1814 год, и Чаке было приблизительно двадцать семь лет, когда Дингисвайю послал одного из своих старейшин, Нгомаана к Сензангаконе — отцу Чаки и вождю клана Зулу. Нгомаан сказал Сензангаконе: «Великий приказал мне уведомить тебя о том, что сын твой Чака находится с ним. В связи с этим Великому необходимы некоторые разъяснения». Сензангакона понял намек и с подобающим эскортом и несколькими женами поспешил в крааль Дингисвайю.

В его честь был устроен большой прием; гостей угощали с обычной для нгуни щедростью. Первое появление Сензангаконы при дворе было отмечено традиционными церемониями. Начался главный танец — инкондло. Неудержимый Чака, которого отец еще не узнал, плясал с таким искусством и темпераментом, что вызвал восхищение всех собравшихся.

— Послушай! — сказал Сензангакона. — Кто этот красивый и высокий молодой человек со светлой кожей, который так чудесно танцует?

На это Дингисвайю ответил:

— Его зовут Нодумехлези из клана Джобе. Трудно сказать, заподозрил ли что-нибудь Сензангакона, но он решился осведомиться:

— А где же тогда Чака?

— О, вождь, — сказал Дингисвайю, — он боится выйти!

День выдался жаркий, и после танцев Дингисвайю предложил Сензангаконе освежиться в протекавшей поблизости реке. Чаку и еще нескольких молодых людей он тоже позвал купаться. Когда они сняли с себя одежду, Чака заметил Сензангакону и закричал товарищам:

«Вот вождь!». Все, кроме Чаки, подобрали свою одежду и бросились бежать. Чака один остался у реки и, когда Сензангакона спросил его имя, смело ответил: «Я Чака». Так старый вождь узнал, что знаменитый молодой воин, которым он так восхищался, его сын Чака.

Сензангакона так обрадовался тому, что его вновь обретенный сын знаменит да еще к тому же красив, что всем стало ясно: именно этот сын станет его любимцем. А Дингисвайо только того и надо было; ведь, позаботившись о том, чтобы должность вождя в нескольких племенах перешла по наследству к его испытанным сторонникам, он наилучшим образом укреплял созданный им политический строй.

Однако Дингисвайо решил для верности пустить в ход колдовство. У него имелся большой запас зельев на все случаи жизни. Посвятив Чаку в свои планы, он велел рассыпать разные магические порошки по тропе, где предстояло пройти Сензангаконе, и по его циновке. Обильно посыпали ими и Чаку, чтобы его обаяние стало еще сильнее. Все эти средства, вместе взятые, должны были дать Чаке полную власть над Сензангаконой. Так оно и вышло, ибо, когда Сензангаконе намекнули на то, что его околдовали, воля старого вождя ослабела, а Чака, зная о своем могуществе, получил психологический стимул, который еще более усилил и без того почти магическое действие его личности.

В королевских домах нгуни не считались с правом первородства и преемником обычно назначали любимого сына вождя или короля. Чака же обладал четырьмя важными преимуществами: 1) он был самым старшим из всех сыновей вождя, оставшихся в живых; 2) его мужество в бою и способность командовать другими ни у кого не вызывали сомнений; 3) отец отдавал ему предпочтение; 4) он пользовался — и это было важнее всего — поддержкой Дингисвайо, желавшего ему успеха.

Король назначил Чаку главнокомандующим вооруженными силами и членом своего совета. Новый главнокомандующий взял себе за правило посещать по очереди все военные краали, чтобы укреплять дисциплину и обучать солдат форсированным маршам. По сути дела он стал генеральным инспектором армии.

Одно из первых заданий, полученных Чакой в качестве главнокомандующего, оказалось очень приятным: нужно было вернуть его старому товарищу по оружию Нг'обоке престол клана Сокулу. Много лет назад Нг'обока был низложен братом своим Нондлову и нашел убежище у мтетва. Теперь же Нондлову ослушался приказа явиться ко двору Дингисвайо, а потому было решено убрать его и заменить Нг'обокой, в распоряжение которого был передан для этого достаточно сильный отряд. После короткого, но ожесточенного боя, в котором Нондлову погиб, Чака утвердил власть нового вождя. В то время крааль побежденных еще не «съедался» полностью, как это безжалостно делалось в дальнейшем. Перед отбытием главнокомандующего и его отряда Нг'обока устроил в их честь большое празднество. Он и Чака всю жизнь оставались самыми близкими друзьями.

К концу года Сензангакона стал быстро слабеть и в начале 1816 года скончался. Перед смертью обессиленный старик уступил домогательствам восьмой жены — Биби и назначил своим преемником сына ее Сигуджану.

Когда умирает один из вождей нгуни, подданным объявляется, что он «занемог». Это дает возможность наследнику утвердить свою власть, а в случае надобности — устранить «оппозицию». Тело покойного заворачивают в черную бычью шкуру и некоторое время держат в его хижине перед зажженным очагом, которому охрана не дает погаснуть. Чтобы не чувствовать ужасной вони, караульные затыкают ноздри пахучим растением *Lippia asperifolia*.

Хотя в повседневном быту нгуни были добродушны и учтивы, их общественный строй сохранял многочисленные пережитки первобытного варварства. Когда Сензангакона умер, в краале состоялась жестокая древняя церемония: его личных слуг поймали и

умертвили, а тела положили в могилу вождя, чтобы их духи оставались с ним. Убийство совершили обвиняемые в серьезных преступлениях колдуны, которым за это смертную казнь заменили изгнанием в необитаемые дебри, где они навеки лишались общества других людей.

Когда наступил день погребения, подданные Сензангаконы выкопали яму глубиной девять футов. Затем от нее отвели в сторону нишу длиной три фута и высотой четыре. Могила находилась в долине Мпенбени, известной под наименованием Макосини (Место вождей), где уже были погребены семь предков Сензангаконы.

Том временем двое слуг Сензангаконы сидели связанные в его хижине, лицом к своему мертвому повелителю. Когда наступила ночь и взошла луна, палач Хлати напоил обоих самым крепким пивом, применявшимся как обезболивающее средство (впрочем, совершенно недостаточное). Палачу предстояло переломать им кости и убить, не повредив кожного покрова.

Немного погодя в хижину вошла группа людей, на которых не было никаких украшений. Они принесли грубо сколоченные носилки и положили на них труп короля. Когда они удалились, снова явился Хлати со своими помощниками. Для слуг пробил последний час. Со связанными на спине руками их повели за погребальной процессией. Впереди обреченных, но также в конце процессии, шествовал новый вождь — Сигуджана. Провожающие достигли могилы и рядом с ней поставили носилки на землю. Затем их опустили на веревках в могилу. Труп Сензангаконы, который сразу же после его смерти был связан в сидячем положении, в той же позе поместили в нишу, спиной к стене, ногами вдоль ниши. Оружие умершего вождя положили рядом с ним и у его ног. Перед ним поставили печные горшки и пиво.

Погребальная процессия застыла в молчании. Новый вождь Сигуджана выступил вперед и сделал знак Хлати. Те, кто нес носилки, поставили их на ребро и удерживали в этом положении. Палачи схватили первую жертву, положили ее коленями на ребро носилок, а на ноги бросили тяжелый груз, чтобы переломать их в коленях. Та же участь постигла руки: их также переломали в локтях, в направлении, противоположном естественному сгибу. Стонущую жертву положили на землю, зажав ей рот.

Затем той же страшной процедуре подвергся второй несчастный. Когда его стонущее тело также было распростерто на земле, палачи вернулись к первой жертве.

Слугу посадили. Его шею обмотали веревкой из сыромятной кожи, оставив с обеих концов около шести футов свободными. Подручные Хлати затянули концы, и, когда жертва почти задохнулась, один из палачей взял дубину. Ударив ею по туго натянутой веревке, он переломил слуге позвоночник. Так же поступили и со вторым слугой. Затем убитых связали в сидячем положении и опустили в могилу. Там их усадили у ног вождя, лицом к нему. После этого могилу зарыли, соорудили над ней надгробие из камней и накрыли его колючими кустами. Взвод воинов на протяжении многих лун день и ночь охранял могилу, пока не был совершен обряд возвращения души.

Когда Чака узнал, что Сигуджана завладел престолом, уговорив умирающего Сензангакону назначить его своим преемником, он пришел в ярость. Дингсвайю тоже разгневался — ведь никто не спросил его совета или согласия. Чака призвал своего младшего и самого любимого сводного брата — Нгвади, сына Нанди от брака с Гендеяной. Было решено, что Нгвади повидается с Сигуджаной и посоветует ему, пока не поздно, уйти с пути Чаки. Сигуджана, однако, заупрямился. Однажды, когда Нгвади и Сигуджана купались, между ними возник спор. Спор этот закончился поединком не на жизнь, а на смерть, в котором Сигуджана погиб. Некоторые утверждают, будто Чака поручил Нгвади войти в доверие к Сигуджане, а затем умертвить его с помощью наемных убийц. Однако, хотя Чака отличался мстительностью, у него был свой кодекс чести. Нгвади же был простой, честный, отважный воин. Это доказывает и его смерть: окруженный врагами, он убил восемь человек,

прежде чем пал сам. К тому же Дингисвайо не одобрил бы такой поступок. Да и зачем было благороднейшему из нгуни унижаться до подобного вероломства, когда у него было достаточно средств, чтобы в результате честного боя прогнать мелкого вождя с престола, захватить его в плен или убить.

Дингисвайо призвал Чаку и предложил ему стать вождем клана Зулу. При этом он предоставил в его распоряжение недавно сформированный Второй полк Изи-ц'ве (в дальнейшем получивший наименование «Собственный Нгомаана полк»). Этот полк появился на свет благодаря энергичным усилиям Чаки, который стремился увеличить войско Дингисвайо. Дингисвайо придал этой части авторитетный штаб во главе с Нгомааном и своим племянником Сивангу из Мбикваана. С этим непобедимым войском Чака вступил в отцовский крааль Эси-Клебени, где прошли его детские годы.

Огромная, пропорционально сложенная фигура Чаки, выгодно подчеркнутая полной парадной формой, величественная, исполненная достоинства осанка, сочетавшаяся с легкостью в движениях, пронизательный взгляд, строгое, суровое лицо и властный вид убедили зулусов, что перед ними подлинный царь-воин.

Вздых восхищения вырвался из груди собравшихся, когда они увидели Чаку в парадной форме, которая сама по себе производила сильное впечатление и необычайно шла к нему. Бритую голову венчало кольцо из меха выдры с пучками красных перьев бананоеда. Спереди торчало глянцевиное перо голубого журавля длиной два фута. Плечи и грудь украшала бахрома длиной три дюйма, из полосок меха виверры и голубой обезьяны. Набедренный пояс состоял из таких же «полосок», спускавшихся почти до самых колен. Над каждым локтем были подвязаны по четыре выделанных бычьих хвоста, закрывавших верхнюю часть рук глянцевиной белой бахромой. Такие же хвосты, прикрепленные под коленями, прикрывали часть ноги до щиколотки. В левой руке Чака держал четырехфутовый парадный щит овальной формы из шкуры быка. На его белоснежной поверхности выделялось черное пятно. В правой руке Чака сжимал асегай¹.

Нгомаан выступил вперед, чтобы приветствовать старейшин клана Зулу, вместе со своими свитами собравшихся на церемонию.

— Дети Зулу! Сегодня я представляю вам вашего нового законного вождя Чаку, сына Сензангаконы, сына Джамы, потомка Зулу. Так говорит моими устами Великий (Дингисвайо). Есть ли здесь кто-нибудь, кто может оспорить законность этого решения? Если есть, то пусть он выйдет вперед и скажет, что думает, иначе пусть и впредь хранит молчание.

Наступила полная тишина. Только в задних рядах кто-то зашевелился, как если бы собирался заговорить, но один вид Чаки заставил его замолчать. То был Дингаан — сводный брат Чаки, сын Мпиказе — шестой жены Сензангаконы. В то время Дингаану было девятнадцать лет. Он только что ездил в страну г'вабе и вернулся, надеясь стать вождем.

— Все молчат, — сказал Нгомаан. — Раз так, приветствуйте своего вождя.

— Ба-йе-ге! Нкоси!

Такими криками нгуни приветствуют короля. Их заглушил словно бы удар грома. Это воины полка Изи-ц'ве выразили свое одобрение, одновременно топнув правой ногой о землю. Однако они не могли подхватить приветствие, ибо были подданными Дингисвайо.

Чака не поспешил на угощение и велел заколоть для большого пира много быков. С мужчинами, которые пригнали скот Чаки — среди них был и Нгвади, — пришли Нанди, Номц'оба и Пампата. Затаив дыхание следили они за событиями этого дня. Их принимали у себя старые верные подруги — Мкаби и Лангазана, первая и четвертая жены покойного Сензангаконы.

До начала пира Чака созвал заседание государственного совета (и-бандла) и властным

тоном поручил членам совета ряд неотложных дел. Подобная спешка была зулусам незнакома. Деятели, активные и не терпевшие проволочек, являлись среди них исключением.

Убедившись, что у него нет войска, Чака немедленно призвал на военную службу всех мужчин клана Зулу, способных носить оружие. Расформировав традиционные «гильдии», он определил мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет в полк Ама-Вомбе. Поскольку все они были женаты и носили головные кольца, он разрешил им сохранить свое общественное положение и поселил в новом краале на реке Нолеле, который тогда называли «Белебеле». Управление краалем Чака поручил своей незамужней тетке Мкабайе — женщине, известной твердым характером.

Мужчин в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, неженатых, но уже носивших головные кольца², он лишил прежнего положения и права их носить. Они снова стали считаться юношами и были зачислены в полк Джубинг'ванга. Вместе с полком У-Дламбедлу, в который входили воины 1790—1795 годов рождения, еще не носившие головных колец, они составили бригаду Изим-Похло (Холостяков), а крааль их попал в подчинение вдовствующим королевам Мкаби и Лангазане (бывшим женам Сензангаконы).

Однако первым полком, который целиком создал Чака, был полк У-Фасимба, состоявший из двадцатилетних мужчин. Чака был бы в праве поставить на нем свою метку. Воины У-Фасимба построили для Чаки новый крааль и поселились в нем. Не удивительно, что их называли солдатами Чаки.

Чака выбрал для своей новой столицы чудесное место на правом берегу реки Мходи, притока Умкумбаана. Он все еще не забыл горьких обид, пережитых в детстве, а потому назвал свой новый крааль «Ква Булавайо»³ («У места убийства»). Это название служило зловещим напоминанием о временах, когда он проливал слезы. Первый Булавайо был небольшим селением по сравнению со вторым, построенным несколько лет спустя в долине Умлатузи, в семнадцати милях от Эшове.

Второй Булавайо насчитывал тысячу четыреста хижин, первый же — не более ста. Но первый был построен с расчетом на то, что в дальнейшем он будет расти. Впоследствии число хижин в нем, вероятно, увеличилось в два раза.

Через месяц после возведения его в сан вождя Чака перебрался в Булавайо. К этому времени он прочно сидел в седле. Его войска срочно обучались, а Второй полк Изи-ц'ве, присланный Дингисвайо, все еще стоял поблизости, чтобы не допустить вмешательства соседних племен. В Булавайо пригласили Нгоньяму и других известных кузнецов мбонамби. Им было поручено как можно скорее изготовить нужное число новых ассегаев с широкими клинками. Их ковали главным образом из легких копий — из двух получался один массивный ик'ва. Колдовство и таинственность были забыты, кузнечное дело превратилось в открытое и процветающее ремесло. Руководил им Нгоньяма. В качестве оружейника он добился блестящих успехов.

Теперь настало время воздать по заслугам всем тем, кто когда-то обижал Нанди и Чаку, а также мешал Чаке стать вождем племени.

На возвышенной стороне крааля стояло тенистое дерево. Под его сенью Чака расположился на «судейском кресле», состоявшем из свернутых циновок. По обе стороны от него сидели на корточках советники и старейшины. Подле них стояли специально подобранные палачи, вооруженные необычайно тяжелыми палицами. Позади Чаки и его советников выстроилась в виде полумесяца отборная полурота полка Фасимба — зародыш будущей королевской гвардии.

Первым предстал перед судом Мудли — дядя Чаки со стороны отца, — тот самый Мудли, который, узнав о беременности Нанди, отправил ей позорное послание, гласившее, что в ее теле находится просто И-Чака.

Зулусы передают, что слева от Чаки на большой циновке сидела Нанди. Двое воинов подвели Мудли к судье. Это был высокий, еще стройный, но несколько полный мужчина лет шестидесяти. Держался он с достоинством. На расстоянии пятнадцати футов Мудли и его стражи остановились. Подняв правую руку, они приветствовали короля, крикнув хором: «Ба-йе-те! Нко-си!», а затем уселись на корточки.

Мягким ласковым голосом Чака сказал:

— Сакубона (привет), Мудли. Мне давно хотелось услышать из твоих уст побольше мудрых слов насчет этих зловредных насекомых — этих И-Чака. Ну-ка вспомни, что за послание ты направил клану Э-Лангени, из которого происходит моя мать?

— Не помню, о вождь, — ответил Мудли.

— Ты ведь старейшина клана, придумывающий имена. Не будешь ли ты так добр объяснить, почему меня назвали Чакой?

Ответа не последовало. Чака повернулся к матери и сказал:

— Видишь, мама, молчание выдаст его! После этого Чака снова обратился к Мудли и произнес тем же ласковым тоном:

— Скажи, дядя, почему ты всегда так плохо относился к моей матери? Почему всегда оскорблял ее? Говори, потому что она перед тобой и хочет услышать ответ.

Но Мудли промолчал и на этот раз.

— Тогда поведай мне, — продолжал Чака, — почему после примирения моего с отцом ты постоянно старался восстановить его против меня? Почему поддерживал Сигуджану и даже после его смерти не захотел принять меня?

Мудли продолжал молчать с важным видом. Понизив голос почти до шепота, Чака сказал:

— Кусочек раскаленного железа или иные известные нам способы могут заставить тебя говорить.

— Мне нечего сказать, о вождь, — ответил наконец Мудли.

— Слышишь, мать, ему нечего сказать. Тогда говори ты.

— Он всегда был со мной жесток, — ответила Нанди.

— Этого достаточно, мать, — сказал Чака. Затем, поднявшись во весь рост, он закричал, с лицом, искаженным гневом:

— Ты приговорен к смерти, но конец твой будет нелегким. И пусть знают все, что всякий, кто вздумает обидеть мать мою Нанди, может считать себя мертвым, и убьют его тяжким способом⁴. Но все те, кому улыбнется Ндловукази («Слониха» — почетный титул королевы в государствах нгуни), смогут толстеть под моей защитой. А вы, палачи, попридержите Мудли, пока мы рассмотрим другие дела.

Чака снова уселся на циновки и среди гробового молчания приказал вывести вперед следующего подсудимого. Потрясенные зрители поняли, каков их вождь. Положение и родственные связи не спасли Мудли.

Перед Чакой предстали один за другим человек двенадцать, виновных в том, что оскорбляли Нанди, препятствовали возведению Чаки в сан вождя или в обоих этих преступлениях. Допрос каждого велся властным голосом и продолжался несколько минут. Все подсудимые были приговорены к смертной казни через размозжение черепа. Исключение было сделано только для одного из противников Чаки, о котором Нанди сказала, что он был добр к ней. Чака отменил смертный приговор и подарил ему быка. По

окончании судебного заседания Чака повернулся к приговоренным и спросил, не желают ли они что-нибудь сказать. При этом он заметил, что не собирается трогать их семьи или скот.

— Вот что я скажу тебе, сын моего брата, — степенно ответил Мудли. — Я не боюсь смерти, ибо не раз встречался с ней на поле брани. Не страшусь я и боли. Но если особа королевской крови умирает смертью простого преступника, то это позор не только для казненного, но и для всех его родичей.

— Хорошо сказано, Мудли, — ответил Чака. — Я бы никогда и не приказал умертвить тебя так, как убивают колдунов. Я сказал, что конец твой будет нелегким. Но тебя постигнет смерть воина.

— Ба-йе-те! Нкоси! — воскликнул Мудли, и в его голосе звучали нотки искренней благодарности. По преданию, он в последний раз собирался понюхать табаку, когда к нему подошел старейшина, вооруженный не палицей, а копьем.

— Тебя постигнет смерть воина, как приказал Ндловункулу (Могучий Слон). Но не торопись, баба (отец мой), последняя щепотка табаку сладка. Может быть, ты захочешь передать что-нибудь тем, кого больше не увидишь.

— Спасибо, старейшина. Вот что хочу я передать через тебя сыновьям и всему роду моему.

Он сделал паузу и взял из табакерки еще щепотку с таким же хладнокровием, как если бы он сидел на заседании совета.

— Скажи им, — прислушайтесь к моим словам и вы, молодые воины, — что зулусы имеют теперь вождя вождей — даже более великого, чем сам Зулу (небо), из чресел которого произошли все мы и чье имя носим. Скажи им, что я был слеп, не заметив этого давно, и что я заслуживаю свою участь, встав на пути Могучего Слона, который растопчет ныне меня, но не тронет мой крааль. Скажи им, что я умираю с радостью, ибо Могучий Слон вытопчет всегдашних врагов наших — бутелези, которые так часто подвергали нас величайшим унижениям, проглотит все окружающие племена и сделает зулусов великим народом. А напоследок скажи им, чтобы они сражались за нового вождя, не жалея жизни. Это мое желание и мой приказ. Так говорит Мудли, сын Нквело, который станет ныне есть землю. А теперь, старейшина, делай свое дело.

Наступило напряженное молчание. Все присутствующие любили старика и глубоко уважали его, но понимали, что, поставив не на того быка, он совершил величайшую ошибку, на какую способен нгуни, и этим погубил себя.

Старейшина приблизился к нему с копьем в руке. Мудли смотрел вперед, словно не замечая его. В мгновение ока копье поднялось и наискось ударило осужденного под левый сосок, пройдя затем горизонтально сквозь грудь.

Палачи и воины хранили молчание. Его нарушил командир взвода, воскликнувший: «Хау! Индода!» («Настоящий мужчина!»)

Глава 7

Организация войска, воздаяние. Наказание Э-Лангени и аннексия их территории

Чака жил теперь в Булавайо. В возвышенной части крааля он обнес оградой хижин двадцать. Это была его личная резиденция и зародыш Ум-Длункулу — сераля для его

женщин или «сестер», как он называл их. Пока что он жил там со своей матерью, сестрой, Пампатой и слугами. Большую часть остальных восьмидесяти хижин крааля занимали молодые воины полка Фасимба, которому впоследствии суждено было стать знаменитой лейб-гвардией Чаки.

Чака был неутомим в стараниях превратить свое маленькое войско в серьезную боевую силу. Почти ежедневно он посещал один из двух других своих военных краалей. Горе нарушителям его воли! Королевство Чаки было так мало — территория его составляла едва десять миль на десять — что, находясь в центре, он за какой-нибудь час мог достигнуть любой его границы.

Чтобы представить себе задачи, стоявшие перед Чакой и его «армией», или, вернее, унаследованным им сбродом численностью пятьсот человек, следует забежать вперед. Для завоевания страны зулусов шестьдесят три года спустя — в 1879 году — понадобилась целая британская армия в составе двадцати тысяч имперских пехотинцев и кавалеристов, вооруженных винтовками, заряжающимися с казенной части, а также нескольких артиллерийских и ракетных батарей, отрядов колониальной конницы и многотысячного ополчения туземцев Натала (многие ополченцы также имели винтовки). Для питания этих войск потребовалось более тысячи запряженных быками фургонов грузоподъемностью три тонны каждый. Британской армии не пришлось искать зулусов, ибо они всегда атаковали первыми. Несмотря на это, кампания затянулась на целых шесть месяцев из-за тяжелых поражений, нанесенных британским силам на первом этапе войны.

Сопrotивление англичанам оказали нация и армия, созданные Чакой.

Однако, прежде чем Чаке удалось сковать различные племена в однородную зулусскую нацию, ему пришлось сражаться с воинственными ревнителями старины, располагая для этого всего лишь пятьюстами необученных воинов с легкими метательными копьями. Маленькое королевство его со всех сторон окружали неизмеримо более сильные племена и конфедерации, которые в результате войн, происходивших при Дингисвайо, значительно улучшили свою военную организацию и стали сражаться куда более ожесточенно, чем прежде. К тому же если британская армия завоевала только область нынешнего Зулуленда (около десяти тысяч квадратных миль), то Чака полностью подчинил своей власти территорию в десять раз большую, а «тень» его распростерлась над обширной страной, которая могла вместить двенадцать таких территорий или сто двадцать современных Зулулендов. Между тем владения, унаследованные Чакой, составляли всего один процент одного Зулуленда (около ста квадратных миль).

Гениальность Чаки сказывалась прежде всего в пристальном внимании к мелочам и в его трудолюбии. При малейшей возможности он во все вникал лично. Перед каждым решающим сражением сам занимался рекогносцировкой местности и расположения сил противника. Все поступающие донесения он проверял, сопоставляя с другими сведениями. Он твердо верил в истинность изречения: «От хозяйского глаза и бык добреет».

Через два месяца после «вступления на трон» Чака объявил сбор всех полков для проведения маневров. Общая численность его сил по-прежнему составляла около пятисот человек. Он разъяснил им преимущества короткого массивного ассегай для нанесения ударов перед метательным копьем и тут же продемонстрировал боевые приемы.

После этого новое оружие ик'ва поступило на вооружение полка Фасимба и следующего за ним по возрасту полка У-Дламбедлу. Кузнецы еще не успели выковать столько ик'ва, сколько требовалось на всю армию, и переделывали метательные копья. Как и предполагал Чака, молодые воины полка Фасимба с энтузиазмом приняли новое оружие. Вскоре их примеру последовали воины старших возрастов, и в конце концов короткий ассегай проник и в части, состоявшие из старейших и наиболее консервативных членов племени.

Затем Чака приказал всем полкам отказаться от сандалий. Это сначала не понравилось воинам — особенно старшим. Тогда Чака напомнил, что сам ходит необутый, и устроил состязание в беге, которое выиграла он и другие босоногие воины.

Месяц спустя Чака заметил, что упразднение сандалий все еще вызывает недовольство и даже ропот. Тогда он поручил воинам полка Фасимба собрать много корзин нкунзана, трехконечных «колючек дьявола», один шип которых всегда направлен вверх. Эти колючки встречаются в большом количестве в некоторых местах, и любители гулять босиком обходят их стороной. Средняя длина шипов достигает у этих растений трех шестнадцатых дюйма.

Когда было собрано достаточно «колючек дьявола», Чака велел рассыпать их на поле для парадов в Булавайо. Всем полкам было приказано построиться немного в стороне, и Чака обратился к воинам со следующими словами:

— Дети мои, я слышал, что у некоторых из вас нежные ножки. Эта весть наполнила мое сердце скорбью. И решил я как отец помочь вам закалить ноги, чтоб никогда впредь вам не пришлось больше жаловаться на них. Поле для парадов усыпано нкунзана, и вам предстоит вытоптать их босыми ногами, да так, чтоб ни одной не осталось. К тому же, дети мои, я желаю, чтоб вы делали это весело и чтоб я видел, как приятно вам выполнять мои приказания. Кто станет колебаться или топтать колючки с осторожностью — тот, значит, послушник моей воли, а послушание заслуживает смерти. Палачи мои на месте. А теперь веселее принимайтесь за дело.

Воины с боевой песней перешли на поле для парадов. Впереди шагала сам Чака, но он давно уже не носил обуви, подошвы его ног затвердели, загубели, стали нечувствительными. Повернувшись лицом к воинам, он первым начал втапывать колючки, и орлиный взор его мгновенно заметил тех, кто не сразу решился последовать его примеру. Подходя в сопровождении палачей к этим воинам, он приказывал им выйти из строя, и они тут же падали с размозженными черепами. Некоторое время Чака ходил вдоль рядов, выискивая виновных, но шести казней оказалось достаточно для того, чтобы все принялись с величайшим ожесточением затапывать колючки, стараясь перещеголять друг друга.

Удостоверившись, что ни одной колючки не осталось, Чака велел разойтись, сказав при этом:

— Спасибо, дети мои, за то рвение, с которым вы исполнили мою волю. Скоро вы убедитесь, что воля эта единственный закон для вас и для всей страны. А теперь берите быков, ешьте вволю, да не жалеете и пива, которое уже ждет вас. Вы верны долгу и заслужили награду.

Зулусский хронист передает, что во время пира воины полка Фасимба стали высмеивать воинов старших возрастов, с обеих сторон посыпались оскорбления, и началась драка. Фасимбовцы, которых, по некоторым сведениям, подстрекал Мгобози (!), сумели постоять за себя. Говорят также, что, когда Чака, узнав от Пампаты о драке, явился на место схватки и прекратил ее, Мгобози сказал своему вождю:

— Баба, не пройдет и одной луны, как у тебя будет войско настоящих мужчин. Ради тебя воины полка Фасимба затопчут огонь, охвативший целый крааль. Старшие чувствуют боль там, где нкунзана их поцарапала. Но это пустяки. Еще больнее им там, куда кололи их мои ребята. Но и это пустяки — через несколько дней раны заживут. Однако самая сильная боль — в их сердцах, и она пройдет лишь после того, как в настоящем бою против врага они вернут свою честь, превзойдя фасимбовцев. Сегодняшняя стычка — лучшее из всего, что могло случиться. Когда Великий приказал вдосталь напоить нас крепким пивом и накормить мясом, усадив вплотную друг к другу, словно мужей и жен, мне померещилось, что в сердце его зародилось такое желание: пусть подерутся немного, это пойдет старшим воинам на пользу. Теперь они вложат в учение всю душу.

Чака со вниманием прислушивался к мудрым советам Мгобози и предложил ему пост главнокомандующего, подчиненного только ему. Но Мгобози отказался.

— Нет, отец мой, — сказал он, — это было бы ошибкой, ибо в бою я вижу только свой асsegай и того, кто передо мной, а об остальном забываю. На войне я могу командовать лишь небольшим отрядом — и только! В мирное же время я могу учить воинов и заседать в совете — это я сумею; но, когда дойдет до драки, — пусть я буду только воином, идущим впереди всех.

Чака с уважением относился к мнению Мгобози по всем вопросам, связанным с военным делом, и редко обрывал его речи; что же касается управления племенем, то здесь главным, хотя и неофициальным, советником Чаки стала Пампата. Во время его частых ночных визитов она передавала ему слухи, которые ходили в пароде, знакомила со всеми оттенками общественного мнения, сообщала, как относятся к его политике, и, вообще информировала обо всем, что занимало умы его подданных. Ее исключительная интуиция всякий раз удивляла и радовала Чаку. Пампата читала его мысли и всегда исполняла его желания, прежде чем он успевал их высказать. Ей исполнилось двадцать четыре года, он был на пять лет старше ее.

Пампата, видимо, давно примирилась с мыслью, что никогда не станет женой Чаки, но твердо решила быть его первой и главной наложницей и силой, действующей за кулисами. Она сумела стать для него необходимой. В разлуке с Пампатой Чака тосковал не столько по ее телу, сколько по ее рассудительным речам, по ее умению предсказывать события, читая его мысли. Благодаря дружбе с Нанди, которая имела влияние на Чаку, как никто другой, Пампата могла сдерживать своего друга.

Осуществив намеченные реформы на территории зулусов, Чака решил распространить свою деятельность за ее пределы. До этого времени он занимался отдельными людьми, а теперь решил взяться за целые кланы, и прежде всего за клан Э-Лангени, дочь которого была его родная мать; именно среди э-лангени оба они провели первые ужасные годы изгнания и горя, познали жестокость. Собрав свою армию, которая теперь превратилась в настоящую военную машину, Чака совершил ночной марш протяжением двадцать пять миль. Преодолев высоты Мтонджанени, его войско очутилось в земле э-лангени. Еще до рассвета оно бесшумно окружило крааль Эсивени — ставку Македамы — вождя э-лангени. Как только рассвело, вождю было предложено сдаться, что он и сделал не теряя времени.

Чака приказал всем жителям краалья явиться и отобрал из них тех, кто много лет назад причинил неопишуемые страдания ему и его матери. Несколько других краалей, где находились люди, мучавшие его в детстве, были окружены отрядами Чаки. Всех жителей этих краалей тоже заставили прийти в Эсивени для проверки и суда.

Перед Чакой предстали те, с кем у него были старые счеты, остальных же освободили, приказав им, однако, присутствовать при разборе дел и последующих событиях. Человек сорок выстроились перед своим обвинителем и судьей.

Чака мягко напомнил им о днях детства и с поразительной точностью вспоминал один инцидент за другим. Закончив свою речь, он отослал большинство обвиняемых налево, остальных же — направо. Каждому он задал вопрос: может ли тот припомнить хоть один случай, когда проявил доброту к Чаке, его матери или сестре. Кто-то из обвиняемых заявил, что притащил издали для Нанди особо добротный имбоготи (обточенный водой круглый камень для растирания зерна). Чака велел этому человеку отойти в сторону. Другой утверждал, что спас от огня любимого козленка Номц'обы. Этому человеку Чака также велел стать в сторону. Больше подобных заявлений сделано не было. Все подсудимые были на три-восемь лет старше Чаки, которому шел тридцатый год.

Вождь начал обвинительную речь. Он говорил таким мягким тоном, что никто не

подозревал, чем все это кончится. Первым Чака назвал человека, подарившего его матери камень для растирания зерна, и заметил, что это был добрый поступок. Он почти забыл о нем, но теперь вспомнил. Далее Чака сказал подсудимому, что, проявив заботу о его матери Нанди, он позаботился и о Чаке, а потому воспоминания о былых обидах, которые причинил ему тот же подсудимый, изгладятся из памяти вождя. Обвиняемый может вернуться домой и получит в подарок быка. Однако, прежде чем уйти восвояси, пусть он немного задержится, чтобы увидеть, сколь многим он обязан этому имбогото.

Повернувшись ко второму обвиняемому, Чака сурово сказал:

— А ты, спасая козленка от огня, только выполнил свой долг, так как был пастухом. Поэтому у тебя нет никаких заслуг. Иди к тем, кого я послал направо.

Теперь к Чаке подвели всю группу подсудимых, и он обратился к ним с такой речью:

— Много лет назад вы не думали, что пастушонок, над которым вы издевались и насмехались, нередко избивая его без всякой надобности, когда-нибудь будет властен над вашими жизнями. Правда, вы не были столь безжалостно жестоки, как те, кто стоит слева. Однако и для вас наступило время уплатить свой долг. Еще до захода солнца вы станете «есть землю» (умрете). В милосердии своем я решил, что вас постигнет быстрая смерть от удара палицей. Однако, прежде чем расстаться с землей, вы увидите кончину тех, кто стоит слева, и умрете, прославляя меня за доброту к вам.

Чака велел принести два сосуда с водой и в присутствии всех вызванных на суд разделся донага. Связанным осужденным, стоявшим слева, было ведено приблизиться к нему и сесть на корточки. После этого Чака встал во весь рост, высясь над ними, словно башня.

— Все вы умрете, — прогремел он. Затем после страшной паузы он вновь заговорил ровным гортанным голосом. — Прежде чем сообщить вам, как именно это произойдет, я хочу сказать еще кое-что. Вы такая грязная куча утуви (экскрементов), что при виде вас я чувствую себя запачканным и прежде всего должен вымыться.

Он неторопливо стал лить себе на голову воду и тщательно вымыл все тело. Опорожнив первый таз, он напомнил осужденным, как они смеялись над его физическим недостатком, и предложил убедиться в том, что они лгали.

— Вот какую смерть я для вас придумал. Палачи заострят столбы ограды скотного двора — по одному на каждого. Они приведут вас к ограде, а потом станут хватать одного за другим и сажать на колья. Там вы и будете корчиться, пока не умрете, а тела ваши или то, что оставят от них птицы, послужат предупреждением всем тем, кто клеветает на меня или мою мать.

Когда палачи уводили перепуганных жертв, Чака насмешливо крикнул им вслед: «Хланани гахле!» («Счастливо сидеть!» — вместо обычного «Салани гахле!» («Счастливого пути!»)). Затем он велел принести еще воды и снова вымылся с ног до головы, чтобы очиститься от последнего оскверняющего взгляда тех, кого он послал на смерть.

Сам Чака не пожелал насладиться зрелищем неопишуемой агонии своих жертв. Это была его особенность: он по возможности избегал присутствовать при казнях, за исключением сравнительно гуманных, когда он приговаривал сразу несколько человек, и им в его присутствии сворачивали шеи.

Через некоторое время Чака велел палачам прекратить муки несчастных. Под них подложили охапки сухой травы и подожгли ее. Когда пламя стало лизать тела посаженных на кол, те, кто был еще в сознании, громко завопили; но теперь им оставалось мучиться недолго.

Вслед за этим двенадцать человек, которым Чака приказал размозжить головы, с громкими восклицаниями:

«Баба, нкосо!» («Отец, вождь!») —поочередно приблизились к палачу. Одним ударом по черепу их отправляли на тот свет.

Македама, вождь э-лангени, был человек покладистый и вместе со своим племенем покорно принял требования Чаки. Они сводились к созданию такого тесного союза, который по существу означал слияние с кланом Зулу. Дингисвайю, которого Чака информировал о своих действиях, закрыл на них по крайней мере один глаз: превращение зулусов и соседних кланов в мощный бастион между сильными кланами Нц'обо, Ц'уну и Г'вабе, с одной стороны, ндвандве и нгваанами — с другой, вполне отвечало его планам.

О том, как Чака отомстил э-лангени, распространилось много фантастических слухов, лишенных какого бы то ни было основания. Такой непревзойденный авторитет, как д-р А. Т. Брайант и все другие историки, заслуживающие доверия, признают, что Чака приказал посадить на кол и сжечь нескольких прежних своих мучителей. Но на том дело и кончилось. Ведь э-лангени были все-таки родичами его матери, следовательно, он и сам наполовину принадлежал к этому клану. Чака не только не собирался мстить всем э-лангени, но даже предоставил клану — что было только естественно — особые привилегии, тем более что вождь Македама стал его послушным орудием. Только дураку, — а Чаку никак нельзя назвать дураком, — могла прийти в голову мысль уничтожить э-лангени: они не уступали по численности зулусам, и, присоединив их, Чака сразу удвоил свои силы.

Если же авторы популярных книг утверждают, будто он приказал сбросить в пропасть всех э-лангени — мужчин, женщин и детей, хотя, и это очень важно, в целом племя приветствовало его как героя, — то подобные заявления, не имеющие под собой никаких оснований, объясняются лишь стремлением упомянутых писателей к дешевой сенсации. Такого рода рассказы, которыми пичкают доверчивую публику, породили бесчисленное множество столь же фантастических легенд. Если верить им, во всем Зулуленде и на побережье Натала нет, пожалуй, такой пропасти или такого водопада, куда Чака не сбрасывал бы отдельных осужденных, полки или даже целые племена.

Глава 8

Вторая победа над бутелези. Учреждение гарема

Вернувшись в Булавайю из экспедиции против э-лангени, Чака вновь усердно занялся укреплением своей армии. Последняя получила значительное пополнение за счет г'унгбени и э-лангени. Вожди присылали целые отряды воинов одного возраста, которые включались в состав полков Чаки в качестве отдельных «крыльев» или рот. Вождь зулусов заключил также союз с соседними племенами сибийя и газини, и их вожди уговаривали молодежь добровольно вступать в войско Чаки. Такой же союз был заключен с г'унгбени, жившими на север от зулусов; в дальнейшем эти два клана слились.

Слава Нодумехлези привлекала к нему кондотьеров со всей страны. К последним относились Мдлака — сын Нц'иди из клана Газини, который несколько лет спустя возвысился до положения главнокомандующего, а также Нзобо — сын Собадли из клана Нтомбела, также ставший видным военачальником. Кроме того, Дингисвайю разрешил многим своим воинам перейти на службу к Чаке. Вновь прибывшие проходили суровую муштровку и получали ассегай с широкими клинками (как только кузнецы успевали изготовить их в нужном количестве). Новичкам приходилось также отказываться от сандалий; за один месяц они должны были привыкнуть ходить босиком.

Через некоторое время вождь зулусов обратил внимание на свою западную границу. Сосед Чаки — вождь бутелези Пунгаше — обозвал его «прихлебателем Дингисвайю». Этого

было достаточно. Он ему покажет! Пунгаше был тем самым человеком, который так часто брал в плен его отца, оскорблял и унижал Сензангакону и весь клан Зулу. К тому же этот случай давал Чаке возможность проверить на практике свои военные реформы. И он направил к Пунгаше посла, требуя извинения. Пунгаше велел послу передать Чаке: «Чтобы щенок не лаял, надо взять в руки хлыст!» Вслед за этим, по доброму стародавнему обычаю, была объявлена война.

Обе стороны встретились в условленном месте и построились в боевой порядок. Немного позади бутелези стояли их женщины, пришедшие «поразвлечься»; они принесли с собой много пива, чтобы отпраздновать победу.

Чака лично командовал войсками. Воины полка Фасимба — их было теперь около трехсот человек — находились в центре, сразу за ними построились белебеле. Таким образом, эти два полка составляли «голову» и «грудь». По обе стороны от полка Фасимба расположилась бригада Изим-Похло, разделенная, следовательно на две части. Перед самым началом боя они поспешно развернулись, образовав охватывающие «рога». Общая численность войск Чаки достигала примерно семисот пятидесяти человек.

Бутелези, числом около шестисот, под командой Пунгаше построились в четыре или пять шеренг. Протяженность их фронта составляла около двухсот ярдов. Сам Пунгаше устроился на холме позади своих войск. До Чаки все вожди придерживались того же правила: подальше от опасности.

Благодаря своим шпионам Чака знал численность бутелези с точностью почти до одного человека. Он старался, насколько это было возможно, скрыть собственное численное превосходство, построив своих воинов как можно плотнее и приказав им держать щиты в положении «к ноге» (то есть прижимая к бедру).

Но вот он проревел приказ изготавиться к бою. Воины повиновались, и тогда последовала новая команда:

«Щиты на руку!» (То есть обратить их к противнику). Этот маневр был рассчитан на то, чтобы у врагов создалось впечатление, будто численность его войск, как по волшебству¹, удвоилась.

Между двумя армиями оставалось ярдов сто. Чака приказал «рогам» развернуться; некоторое время пораженные бутелези глазели на них, ничего не понимая. Но тут центр размеренным шагом двинулся вперед. Мгобози находился в авангарде полка Фасимба. Чака стоял позади, непосредственно перед белебеле; он был более чем на полголовы выше своих воинов и отлично видел все, что происходило на поле боя.

Подойдя к бутелези на расстояние шестидесяти ярдов, зулусы издали свой страшный боевой клич: «Си-ги-ди!» и ринулись на сбитого с толку противника, который успел лишь осыпать их градом метательных копий, но без всякого результата. Вслед за этим воины полка Фасимба, вооруженные смертоносными асегаями, атаковали врага. Через короткое время первый ряд бутелези словно растаял под натиском торжествующих зулусов, громко провозглашавших «Нгадла!». Мгобози находился в гуще сражающихся. Следуя правилу «цепляй щитом слева», он заставлял одного противника за другим подставлять ему левый незащищенный бок и наносил удар под сосок, крича своим воинам: «Колите, ребята, колите!». Вскоре бутелези в панике бросились бежать, но что толку! Босоногие убийцы не только не отставали, но и обгоняли бутелези, обутых в громоздкие сандалии.

К тому же два сближавшихся «рога» стали смыкаться, и в образованном ими кольце очутились кроме воинов перепуганные женщины — зрительницы. Напрасно бросали на землю свои копья бутелези, ожидая, что, по освященному веками обычаю, зулусы возьмут их в плен. Вооруженных или безоружных, их тут же убивали. Опьяненные воинственным пылом и видом крови, зулусы настигли окруженных женщин, среди которых пытался

спрятаться кое-кто из воинов бутелези, и начали безжалостно убивать кричащих женщин. Через короткое время последняя жертва умолкла навеки.

Затем зулусы добились всех раненых противников. Каждому убитому вспороли живот, «чтобы из него могла выйти душа». Только Пунгаше и половине его свиты удалось спастись: они бежали по заросшей лесом долине речки, впадающей в Уайт Умфолози. Остальные приближенные Пунгаше образовали заслон и некоторое время отвлекали преследователей, пока те не настигли их и не уничтожили.

По всем направлениям были разосланы отряды зулусов, чтобы захватить женщин, детей и скот, убить старых и больных, сжечь все краали.

Потери зулусов оказались удивительно невелики. Ранеными занялись друзья, а тех, кому уже нельзя было помочь, ударом assegая в сердце еще до захода солнца отправили на тот свет. Предполагалось, что тяжело раненные, которые были не в силах говорить, дали согласие на применение к ним этого нового спартанского метода, даже если их никто об этом не спрашивал.

Подводя итог событиям дня, Чака избавился от всяких сомнений: в стране нгуни родилось новое военное искусство. Правда, вождю бутелези удалось бежать, но он бросил свое племя и превратился в изгнанника, укрывающегося в чужих землях. Как выяснилось позднее, он искал убежища у Звиде, вождя сильного племени ндвандве. Когда Пунгаше пожаловался Звиде на то, что вождь зулусов выгнал его из родного дома, а племя уничтожил, Звиде задал издевательский вопрос:

— Что же это за вождь, если он смог прогнать такого великого вождя, как ты?

— Это мальчишка, — ответил Пунгаше, — но его войско неотразимо, как огонь; ничего подобного я прежде не видывал, к тому же он сам ведет своих воинов в бой.

Звиде удивился и порядком встревожился. Передают, что в дальнейшем он приказал убить Пунгаше, но невозможно установить, так ли это. Во всяком случае Пунгаше сошел со сцены.

Соседние племена стали относиться к Чаке с опаской и уважением. Племя бутелези он слил с кланами Зулу, Э-Лангени и Г'унгебени, а пустующие земли бутелези заселил семьями из состава собственного и союзных племен. Захваченный скот пошел Дингисвайю, которому номинально подчинялся Чака. Дингисвайю, однако, вернул значительную часть скота своему протезе.

Незамужние женщины бутелези сделались «собственностью зулусской короны», то есть того же Чаки. Их было около ста человек в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Чака разделил их на три примерно равные группы: первую и вторую он отправил в краали Белебеле, главой которого была его незамужняя тетка Мкабайи, и Эси-Клебени, где распоряжались Мкаби и Лангазана — первая и четвертая жены покойного Сензангаконы. Третья группа — Чака подчинил ее Нанди — явилась ядром Ум-Длункулу («те, что относятся к Большому дому»). Такое название он присвоил сералям, созданным при каждом военном краале. Затворниц из сералей он звал своими сестрами и ни при каких обстоятельствах не разрешал именовать женами. В Булавайю за их поведением следила Нанди, и в ее обязанности входил тщательный гинекологический осмотр «сестер» в период наступления месячных с целью проверки, не забеременели ли они. Признаки повреждения девственной плевы должны были соответствовать воспоминаниям самого Чаки о каждом таком случае. Просто поразительно, что даже в зените своего могущества, когда общая численность «сестер» в различных сералях достигла почти невероятной цифры (тысячи двухсот, а по утверждению Фина, пяти тысяч женщин), Чака отлично помнил историю своих отношений с каждой из них.

Чтобы это не вызывало у читателя удивления, необходимо в порядке иллюстрации

рассказать о мнемонических способностях среднего зулуса. В каждом королевском стаде насчитывалось до пяти тысяч голов. Пастухи их не пересчитывали по той простой причине, что не знали счета. Но стоило пропасть хоть одному животному, как они тотчас об этом узнавали, потому что на каждые сто голов скота приходилось по пастуху. Тот сразу замечал исчезновение одного из вверенных ему животных, ибо знал их всех по виду. Для него каждый бык и каждая корова имели свою индивидуальность, а он умел распознавать их так же хорошо, как распознает сто женщин и детей старейшина большого крааля. Еще более примечательны в этом отношении современные пастухи-басуто, имеющие в своем ведении по тысяче мериносовых овец. Европейцу они кажутся одинаковыми, как горошины, но пастух, который никогда их не пересчитывает, сразу же дает знать о пропаже хотя бы одного животного и сообщает его точные приметы.

Чака любил, чтобы его стада подбирались по масти. У него были стада белые, черные, бурые... В дальнейшем стада составлялись из животных одинаковой смешанной расцветки. Для европейца это только затруднило бы распознавание животных, но зулусам было все равно. Зулусская номенклатура мастей скота достигает трехсот названий — цифра совершенно невероятная, если учесть, что мы располагаем какой-нибудь дюжиной названий для коров и лошадей. Зулус не умел читать, все его помыслы были сосредоточены на том, что его окружало. В детстве это были растения, птицы, животные, насекомые, позднее — скот, женщины, война.

Язык зулуса, не знающий ни одного заимствования, состоит приблизительно из девятнадцати тысяч слов — они вошли в монументальный словарь д-ра А. Т. Брайанта. Это всего лишь на тысячу слов меньше словаря Шекспира. Какой высокий подвиг для народа, не имеющего письменности! Все девятнадцать тысяч слов являются обиходными — в противном случае, не будучи записаны, они бы не сохранились. Как это ни странно, наиболее эрудированными в области языка были зулусские женщины: наряду с обиходными словами им приходилось запоминать выражения, связанные с обычаем хлонипа.

Зулусский язык имеет восемь различных классов существительных, управляющих флексиями глаголов и прилагательных. Они подчиняются чрезвычайно сложным, но точным грамматическим правилам, которые до прихода европейцев оставались незаписанными. Тем не менее зулусы и в то время и сейчас, как один человек, говорят абсолютно правильно. Безграмотную речь среди них не услышишь.

Незадолго до битвы с бутелези Нг'обока — соратник Чаки, ставший теперь вождем сокулу, владения которого находились у побережья на расстоянии семидесяти миль от зулусских, послал Чаке двух красивейших девушек своего племени. После битвы его примеру последовали г'унгебени, нтомбела, газини, э-лангени и сибийя: каждый из них украсил сераль Чаки по крайней мере двумя красотками. Эти девушки — их число перевалило за десять — были поселены в Булавайо.

Чтобы придать блеск двору, Чака перевез в Булавайо свою сводную сестру Номзитлангу, дочь Мкаби, и Нкосазану, принцессу царствующего дома зулусов. Чака питал к последней особую симпатию, ибо она, как и ее мать, ласково относилась к нему, когда он был ребенком. Впоследствии он поставил ее по главе одного из своих многочисленных военных краалей.

Теперь Чаке приходилось много заниматься государственными делами. Путем завоевания и заключения союзных договоров он подчинил себе не меньше шести кланов. По размерам территории и численности населения сфера влияния зулусов за один год выросла в четыре раза, и Чака, не теряя времени, старался упрочить свои завоевания. Армия его увеличилась теперь до двух тысяч воинов, в одном полку Фасимба было восемьсот человек. Она непрерывно пополнялась кондотьерами и людьми, которым по той или иной причине пришлось бежать из своих кланов. Их не отпугивала даже суровая дисциплина в войсках Чаки.

Секрет популярности Чака состоял в том, что он щедро награждал воинов за счет вождей подчиненных племен и внимательно относился к нуждам солдат. К тому же, подобно своему современнику Наполеону, который твердил солдатам, что каждый из них носит в ранце жезл маршала, Чака говорил воинам, что независимо от того, к какому клану они принадлежат и какое общественное положение занимают, для их продвижения нет никаких пределов: пусть только докажут свою доблесть. Так он назначил Мдлаку из клана Газини командиром полка Фасимба, а Нзобу из клана Нтомбела — командиром бригады Изим-Похло.

Вскоре после битвы с бутелези Чака вызвал Мгобози в хижину совета для беседы с глазу на глаз. Они обсудили ход битвы и ее значение для внедрения новых военных методов. Мгобози одобрил переход к «тотальной войне», но осудил резню женщин. Это было, по его мнению, совершенно ненужное расточительство, так как некоторые из них могли бы пригодиться хотя бы и ему самому.

— Когда ты, Могучий Слон, разрешишь мне жениться, — добавил он.

Разрешение на брак было дано тут же; такое поощрение Мгобози восхитило войско. Через короткое время он надел головное кольцо, выбрал место для своего крааля в двух милях от Булавайо и испросил аудиенцию у Могучего Слона.

«Августейший», как обычно, умывался в возвышенной части крааля Булавайо, на глазах у подданных, многие из которых дожидались аудиенции. Мгобози провозгласил приветствие «Байете!» и присоединился к толпе.

«Несколько пажей принесли тыквенные бутылки с водой, которые они держали вертикально над головой, а затем на вытянутых руках передали Чаке. Он окатил себя водой, после чего к нему подошел еще один паж с большим черным деревянным блюдом»³. Чака «намылил» все тело смесью из жира и толченого проса, взятой с блюда. Тогда ему подали миску с водой, которой он смыл с себя мыльную пасту. Все это время он беседовал с окружающими. Как только тело его обсохло, паж подал ему корзиночку с парфюмерией. «Его величество взял оттуда комок мази из красной глины, намазал ею все тело и втирал в кожу, пока ее почти не стало видно. В завершение король натерся маслом местного приготовления⁴, которое придало телу красивый шелковистый красноватый блеск, как то и подобает королю»⁵.

Затем Чака, также *al fresco*⁶, проследовал в свою гардеробную, находившуюся в прохладной тени дерева. Здесь в холодке он неторопливо облачился в юбку из меховых хвостов, надел ручные и ножные браслеты, нацепил на себя белые шелковистые пучки коровьих хвостов. Усевшись на трон, то есть огромную грудку циновок из тростника индули, он украсил голову и тело пышными красными перьями бананоеда и разноцветными бусами. На протяжении всей церемонии рядом стоял паж с королевским зонтиком — большим щитом из белой бычьей кожи, — чтобы повелителя не коснулись лучи солнца.

Зулусы, независимо от своего положения, моются в любой пригодной для этого речке, никого не стесняясь, но Чака первым превратил свой туалет в публичную церемонию, которая происходила при его дворе ежедневно около десяти часов утра. В это время вокруг него собиралась большая толпа мужчин и женщин.

Чака сделал Мгобози знак приблизиться.

— Клянусь моей сестрой, Мгобози, ты не мешкал, раздобывая головное кольцо, и оно очень подходит тебе, как моему «личному советнику». Выбрал ли ты уже место для крааля?

— Да, отец.

— Где же?

— Вон там, на холме, близ реки.

— Хорошо. Тогда займемся строительством. Пусть туда отправятся все воины полка Фасимба — к ночи крааль должен быть готов. Сколько тебе нужно хижин?

— Это должен решить ты сам, отец мой. Я только воткнул в землю несколько вешек — просто наметил, где будет стоять хижина, другая.

Придя на место будущего крааля, Чака обнаружил неисчислимое множество вешек. Мгобози очертил с их помощью большой внешний круг, а также внутренний, поменьше (для скотного двора); в промежутке между ними виднелось около двадцати кружков — то были места, намоченные для хижин.

Даже Чака был удивлен.

— Мгобози! Это и есть «хижина, другая», о которых ты упомянул невзначай, или же зрение обманывает меня и я вижу план большого военного крааля?

— Нет, Могучий Слон, я только рассчитываю на дальнейшее расширение. Ты ведь сам твердишь каждый день, что оно необходимо. А, как известно отцу моему, я всего лишь послушный пес его.

— Мгобози, если я разрешу тебе и дальше заговаривать мне зубы, то твой крааль будет больше Булавайо. Но знайте вы, люди, и вы, воины, что здесь собрались: Мгобози дозволяется осуществить его планы, ибо не раз в сражениях он прикрывал меня сзади и, если бы не он, меня бы давно не было в живых. А теперь принимайтесь за дело и чтоб к завтрашнему дню крааль был готов! Зовите женщин на подмогу.

Затем Чака повернулся к Мгобози.

— Теперь потолкуем о женщинах. Сколько их у тебя будет?

— Отец мой, я говорил с одной или двумя, и они поглядывали на меня довольно ласково, но у их отцов сердца из камня, расплавить который может только взор, брошенный тобой, или достаточное количество скота, приведенного мной.

— Когда ты, Мгобози, говоришь «одна или две», то в переводе на обычный язык это значит двадцать, как я имел случай убедиться, на свою беду!

Рассказывают, что Мгобози и в самом деле захотел иметь двадцать жен. И Чака дал ему на это свое согласие. Он стремился показать, что человек, хорошо послуживший ему, может достигнуть богатства и высокого положения, хоть он и не зулус и происходит из отсталого племени, которому даже неизвестно употребление металлов. Лобола (выкуп)⁷ за невест Мгобози уплатил Чака, хотя, казалось бы, мог бы и не делать этого. Но Чака, ставший уже настоящим самодержцем, ни тогда, ни после не нарушал обычаи своей страны. Правда, он мог устроить так, чтобы человека, богатого скотом и имевшего много дочерей, при очередном «вынюхивании» признали колдуном (умтагати) и под этим или иным предлогом приговорили к смертной казни с конфискацией имущества, но это делалось в полном соответствии с обычаем.

Глава 9

Женитьба Мгобози. Смерть Мбийи

В устных хрониках зулусов Мгобози выступает прежде всего как прославленный воин, «молот Чаки», но иногда он оказывается и комическим персонажем; женитьба на двадцати невестах — сюжет сотни веселых анекдотов. Делая предложение, он обещал каждой девушке, что именно она станет Великой женой. Во всех зулусских краалях

положение жен всецело зависит от того, где они живут. Хижины делятся на три группы, или «дома». Первое место занимает «Большой дом», за ним идет «Левый» и, наконец, «Правый». Такой «дом» может состоять из любого числа хижин, и внутри «дома» статус жен тоже определяется расположением их жилища. Поэтому никакое внимание мужа к обитательнице хижины номер два не может повлиять на тот факт, что она стоит рангом ниже обитательницы хижины номер один, хотя, конечно, такое внимание является немалой компенсацией.

Говорят, будто Мгобози уверил каждую из двадцати невест, что, где бы ни стояла в краале ее хижина, сам он будет находиться с ней, и это не раз ставило его потом в комичное положение. Чака по этому поводу сказал: «Мгобози, ты попал в печной горшок, крышку которого прижимают двадцать пар рук»¹. На свадьбе Мгобози Чака был посаженным отцом; все воины полка Фасимба были гостями.

Нанди и ее домочадцы подобрали себе помощниц для приготовления к приему невест с их свитами. Последним полагалось, по обычаю, выкупаться по пути в крааль в ручье или в реке. Некоторые совершили омовение неподалеку от краалья Мгобози в реке Умкумбаан. Группу невесты по большей части составляли ее ровесницы, но их сопровождало много мужчин старшего возраста. Они тоже вымылись в реке, в стороне от девушек. Зулусы говорят, что им нравится, когда человек «пахнет водой», и сам Чака был горячим поборником этого обычая. Зулусы были одним из самых чистоплотных народов, у них не водились насекомые, тело их не пахло.

После купания девушки натерлись пахучей смесью из растертых листьев и жира. Считалось, что она действует как афродизиак².

Вскоре после захода солнца в крааль стали прибывать невесты, прятавшиеся за спинами своих подружек. Каждая невеста затягивала ихубу — песню рода, к которому она принадлежала. Тихое пение сопровождалось ритмическими движениями тела. Постепенно ей начинали подпевать и подружки. Эти песни были заклинаниями, обращенными к духам предков.

«Невеста никогда не отправляется в свое новое жилище с пустыми руками. Помимо кухонной и прочей утвари, циновок и мотыги ей дарят уквендиса — одну или несколько голов скота (в зависимости от материального положения отца). Все это переходит в крааль жениха. Но гораздо большее значение имеют такие дары, как бусы, циновки, корзины и т. д., которые невеста раздает всем важным лицам в том же краале»³.

Чака был посаженным отцом Мгобози, Нанди и нескольких других матрон — «матерями», воины полка Фасимба — «братьями», а дочери матрон — «сестрами». Доступ в крааль был прегражден бревном. Группа каждой невесты бросала через него кусок мяса в качестве входной платы, только тогда бревно отодвигалось. Посажённый отец Мгобози преподносил каждой группе в подарок козла, исивукула, которого гости утром закалывали и съедали на завтрак.

«Отец» и «мать», «братья» и «сестры» Мгобози соревновались в щедрости со свитами невест; обе стороны подносили друг другу все новые дары, стараясь расположить к себе. Свадьба почти совпала с полнолунием, и было достаточно светло.

Затем каждую невесту проводили в «хижину»⁴, где он предстояло остаться до рассвета в обществе одной лишь девочки из родного краалья. Невеста не получала иной еды, кроме той, которую принесла с собой.

Группы невест, но уже без невест, собирались на правой стороне краалья, а группы жениха — на левой. Постом все возвратились ко входу в крааль и, встав друг против друга, начали г'убушела. Этот обряд представляет собой обмен взаимными оскорблениями. «Выкрикивают такое, что никак нельзя высказать в другое время, но никто не обижается»⁵.

Подружки поносят жениха, а дружки отпускают шутки насчет непорочности невесты.

Двадцать групп, сопровождавшие невест, и столько же групп жениха подняли страшный шум; они били в барабаны, хлопали в ладоши, пели... Женщины орали во всю мочь. Время от времени гости подкреплялись пивом и жареным мясом. Празднество продолжалось до рассвета.

Все это время Мгобози сидел в полном уединении в одной из пристроек Большой хижины: жених до следующего дня не имел права принимать участие в празднике.

Чака рано удалился и передал функции «отца» Мдлаке, новому командиру полка Фасимба.

На рассвете каждая группа подружек, забрав «свою» невесту, покинула крааль и, выбрав подходящее место за его пределами, заколола и съела козла, которого ей подарили накануне вечером. Из краалья Мгобози гостям прислали пиво. После завтрака все направились к реке, чтобы помыться и надеть украшения.

Дело уже близилось к полудню, когда появились двадцать, также разодетых, групп жениха. Они пригласили подружек вернуться в крааль, чтобы приступить к свадебным танцам. Каждая невеста обмотала вокруг рук и ног белые коровьи хвосты, которые отличали ее от подружек, все еще скрывавших девушку от взоров посторонних. «Наиболее заметным отличительным знаком невесты является покрывало, закрывающее лицо до самого рта. Материалом для него служат скрученные листья фигового дерева. Голову украшают черными перьями зяблика. В руке невеста держит игрушечный ассегай, которым во время танца должна показать на будущего мужа. Это означает, что она девственница»⁶.

Группы невест и свита жениха снова стали друг против друга — на этот раз на специальной площадке для танцев, расчищенной на открытой местности за пределами краалья. В первый раз появились отцы невест. Каждый из них обратился к группе жениха со следующими словами: «Вот мое дитя, обращайся с ним хорошо ради меня. Если она заболит — дай мне знать. Если между вами не станет согласия и она надоеет тебе — верни ее мне. Если она будет досаждать тебе — пожури ее, как родное дитя. Если совершит проступок — сообщи об этом мне. Единственные ее недостатки таковы... (следует перечисление)»⁷. После этого отец вознес молитву, прося духов предков послать его дочери плодородность, а затем выбежал на открытое место и исполнил гийяс, то есть изобразил схватку с воображаемым врагом.

Вслед за этим все девушки запели инкондло — свадебную песнь. Невесты и подружки построились в ряды и изображали копыеносцев, сладострастно покачивая при этом бедрами. Несколько пожилых женщин тоже пустились в пляс, потрясая ассегаями, на которые были насажены кукурузные початки — символы счастья и плодородия⁸. Наконец исполнили колыбельную, которую сочинила мать для невесты, когда та была младенцем. После паузы и новых плясок каждая невеста подошла к свекрови и, опустившись на колени рядом с ней, сказала: «Пусть я буду твоим ребенком, имей терпение ко мне, не сердись, если я тебе надоем, не оставляй меня, если я заболею. Прошу — не обижай меня». Далее она попросила научить ее обязанностям жены и указывать на ошибки, а в заключение сказала: «Будешь обращаться со мной хорошо, я отвечу тем же. Будешь обращаться со мной плохо, я поступлю с тобой так же».

На следующий день полагалось преподнести невесте козла, именуемого умеке (от «мекезиса» — лишить невинности), если она, повернув свой маленький ассегай острием книзу, тем самым объявляла, что стала женщиной. Чака решил, что в наказание за жадность — одновременная женитьба более чем на одной невесте была делом неслыханным — Мгобози должен будет платить по козлу за каждый день задержки в исполнении супружеского долга. И зулусы говорят, что Мгобози наверняка разорился бы со своими двадцатью невестами, если бы сам Чака, не внес за него штраф скотом из королевских стад.

Весть о том, как щедро одарил Чака наемного солдата, к тому же принадлежавшего к клану, который даже не живет в его владениях, разнеслась повсюду, обрастая по пути легендами. Это немедленно вызвало усиленный приток в его войско искателей приключений. Многие из добровольцев сделались лучшими его бойцами, а Чаке нужны были все новые воины, хотя главным для него была не численность армии, а ее доблесть. Только имея сильную и боеспособную армию, он мог осуществить свои планы и даже просто существовать, так как у него было много сильных соседей, завидовавших его растущему могуществу.

Говорят, что к тому времени Чака не прикоснулся еще ни к одной девушке или «сестре» из своего гарема, хотя огромный рост, прекрасная внешность и доблесть делали его привлекательным для женщин. Он не желал растрчивать на них силы и духовную энергию, пока не укрепит свою власть.

Все девушки сераля любили добросердечную и заботливую Пампату. Чака был слишком практичным человеком, чтобы держать «сестер» в праздности, и, когда начиналась обработка земли, все девушки, кроме дочерей вождей, привлекались к работе. Но работа была нетрудной, пища вкусной и обильной, и девушки ценили свое привилегированное положение. А завистливые вздохи при виде Пампаты прекращались, когда она уговаривала «сестер», что и их час настанет.

Однажды к Чаке прибыл гонец с вестью, что на побережье, в семидесяти милях от Булавайо, умирает его приемный отец Мбийя. Гонец прибыл в полдень, а уже час спустя Чака, поручив ведение государственных дел Мдлаке, Мзобо и совету старейшин, в который входил Мгобози, отправился к Мбийе, сопровождаемый эскортом из двухсот отборных воинов полка Фасимба. Утром следующего дня он прибыл на место. Чака послал к Нгомаану гонца с вестью о своем приезде, а сам вошел в хижину умирающего. Мбийя был стар и слаб, но находился в здравом уме. Он встретил Чаку с трогательной радостью. Приемный сын заботился о старике и часто со специальными гонцами слал ему приветы. Часть скота вождя зулусов все еще паслась в этих местах, и он распорядился тотчас же закалывать быка и принести его в жертву духам, чтобы старик выздоровел. Пройдя семьдесят миль менее чем за сутки, воины Чаки буквально валились с ног и не смогли даже поесть, пока не выпались. Чака же не проявлял никаких признаков усталости. Весь день и весь вечер он просидел около Мбийи, подбадривая его.

На следующее утро Мбийя почувствовал себя лучше, и Чака с Нгомааном отправились засвидетельствовать свое почтение их сюзерену Дингисвайо, жившему в восемнадцати милях отсюда, в краале О-Енгвени. Воины полка Фасимба остались у Мбийи, кроме нескольких человек, сопровождавших Чаку.

Дингисвайо, которого заранее предупредили о предстоящем визите Чаки, устроил большой пир в честь своего любимца. Пива и мяса подавалось вдоволь, но, как обычно, Чака ел и пил немного. После еды Дингисвайо, Чака и Нгомаан удалились в хижину совета и до поздней ночи обсуждали государственные дела. Дингисвайо горячо поздравил Чаку с тем, что ему удалось быстро распространить свою власть, притом в наиболее уязвимой части королевских владений, но слегка пожурил за жестокость, проявленную в кампании против бутелези. Он согласился с тем, что кампания эта послужила запоминающимся уроком другим племенам, но выразил надежду, что в будущей войне удастся избежать таких крутых мер. Затем он сообщил, что хочет подчинить себе Мативаана, вождя сильного племени нгваанов. Это племя жило в Табанкулу (нынешний Врейхейд) и вокруг него; территория нгваанов граничила с северо-западной частью владений Звиде.

Участники совещания обсудили во всех подробностях предстоящую кампанию против Мативаана и согласились, что, когда настанет подходящее время (а именно зимой 1817 года), Чака с половиной своих воинов присоединится к экспедиционным силам (разговор происходил в начале осени, которая в южном полушарии наступает в марте).

На следующее утро Чака вместе с Нгомааном вернулся в крааль Мбийи. За время его отсутствия состояние больного сильно ухудшилось — Мбийя явно находился при смерти.

— Сын мой, я рад, что ты пришел, ибо очень скоро я уйду домой. Духи предков сделали меня ясновидящим. Ты стоишь передо мной, как могучее дерево, которое будет простирает свои ветви над многими землями, и над уже знакомыми нам, и над теми, до которых много лун пути. Твое имя будет внушать уважение и страх всем, кто услышит его, все племена и народы станут трепетать, как тростник на ветру, при одном лишь его упоминании. Ты станешь таким вождем, какого не было до тебя и больше никогда не будет. Но слушай внимательно, что я скажу тебе, сын мой. Ты пьешь мало пива и совсем не куришь коноплю, которая придает силу. Почему? Ты знаешь, что от избытка пива мутится разум, а конопля превращает человека в бешеного быка — сильного, но безрассудного. Однако власть — это такой напиток, который пьянит больше, чем самое крепкое пиво или курение. Поэтому не забывай мешать ее с милосердием, прислушивайся к мнениям твоих советников и друзей, чтобы она не завладела тобой, обратив в бешеного быка. Умертвив своих врагов, такой бык начинает бодать незащитных коров и телят и в конце концов кидается на ограду собственного крааля и бессмысленно разбивает себе голову об нее, вместо того чтобы выйти через открытые ворота разума.

Наступило долгое молчание, которое было прервано Чакой:

— Не покидай нас, отец мой, без тебя мы будем как заблудившиеся телята, и никто не сможет передать нам желания духов наших предков.

— Не печалься, сын мой, час мой настал, и я так же не могу остановить смерть, как не мог остаться во чреве матери, когда ей пришло время родить меня. Сейчас я подобен старому, засохшему дереву, но под моей сенью выросло молодое, которое перерастет все другие. И в этом мое великое счастье. Хотя ты не производишь от моих чресел, ты был мне лучшим из сыновей, как ни хороши мои родные дети.

Эти слова заметно растрогали Чаку, глаза его увлажнились.

— Еще раз говорю тебе: ты не должен горевать, сын мой, — утешал его Мбийя. — Духи предков милостивы к старому человеку, давно ставшему бесполезным. Как мать отучает свое дитя от груди, положив на нее горькое алоэ, так и духи понемногу отнимают у старого человека вкус к радостям жизни, чтобы ничто не привязывало его больше к земле и он с удовольствием покинул ее. Я надолго задержался здесь, чтобы видеть, как ты растешь, но теперь, когда ты стал велик и могуч, мне лучше удалиться, пока голова моя не сделалась снова глупой, как у ребенка. Быть может, став духом, я смогу навещать тебя во сне и направлять тебя, как направлял в дни твоей молодости. А теперь давай попрощаемся, и я покину тебя через исанго элихле⁹.

Но вот прощание закончилось, и Мбийя сказал, что его клонит ко сну. Плача навзрыд, Чака ушел. В эту ночь Мбийя скончался.

Наутро Чака подготовил все необходимое для похорон, но не стал ждать самой церемонии, иначе, согласно обычаю, ему пришлось бы задержаться на месяц для выполнения всех положенных обрядов. Солнце еще было далеко от зенита, когда он вместе со своим эскортом выступил в обратный путь. Торопиться особенно уже не было надобности, и Чака достиг Булавайо только под вечер следующего дня.

Глава 10 Борьба со знахарями

В Булавайо Чаку ждали дурные вести. Началось с того, что над краалем пролетела молотоголовая цапля. Потом забрел дикобраз. Вслед за этим на ограду крааля уселась ворона и заговорила человеческим голосом. И, наконец, у самых ворот крааля убило молнией двух коров. Совершенно очевидно, что тут не обошлось без колдовства. Надо было «вынюхать» злодея или злодеев.

Немедленно послали за Нобелой — известной исангома — «искательницей колдунов». Совершив обряд «бросания костей», она распорядилась провести всеобщее «вынюхивание».

Три дня спустя почти всем взрослым мужчинам, жившим во владениях Чаки, включая воинов, было ведено явиться в Булавайо. Они построились на площади для парадов, оставив широкие проходы между шеренгами. Строй напоминал подкову, отверстие которой было обращено к Чаке. Окруженный своими советниками, он сидел на большом искусственном холме из глины, откуда открывался отличный вид на все сборище.

Люди стояли неподвижно, охваченные страхом перед тем, что их ожидало. Молчание нарушали только жуткие, пронзительные крики и завывания, исходившие от группы пяти нелепо одетых женщин. Они приближались из-за глиняного холма к отверстию подковы, то пригибаясь к земле, то подпрыгивая.

Первой шла Нобела. Лицо ее, вымазанное белой глиной, которая покрывала также руки и ноги, походило на страшную маску. Голову и руки украшал целый набор высушенных и надутых пузырей и змеиных кож. С шеи свешивались когти и зубы леопардов и гиен, а также козы рога. На высохших грудях ухмылялись черепа двух бабуинов. Юбка из коровьей шкуры, смягченной специальной обработкой, закрывала нижнюю часть тела — от поясницы почти до самых колен. В руке она держала хвост гну или вильдебееста. Так же были одеты и четыре ее спутницы.

Наконец извивающаяся шеренга исангомас во главе с Нобелой появилась перед Чакой и строем зулусов. Здесь «искательницы колдунов» образовали круг, который стал медленно вращаться. Из него все время раздавался тихий, шипящий свист, который становился громче по мере того, как ускорялся темп вращения. Вращаться начали и глаза пяти женщин, а тела их, не прекращавшие движения по кругу, все сильнее и сильнее подергивались. Постепенно исангомас довели себя до исступления. Словно демоны, они вертелись, прыгали, отвратительно гримасничали, гогоча и испуская вопли, от которых кровь стыла в жилах.

Глядя на исангомас, пораженные ужасом люди цепенели. Никто, кроме самого вождя, не был в безопасности от «вынюхивания», которое немедленно влекло за собой мучительную смерть. Самым жестоким было то, что если «вынюханный колдун» оказывался главой крааля (а это обычно так и было), то убивали, — правда, милосердно, закалывая ассегаем, — всех его близких. Воины окружали крааль и уничтожали поголовно всех его обитателей, стар и млад, хижины поджигали, а скот угоняли. Он пополнял собой стада вождя, который раздавал часть добычи в награду искателям колдунов и палачам.

Таков был с незапамятных времен обычай всех нгуни и родственных им рас¹. Справедливость его никогда не подвергалась сомнению, ибо считалось, что даже ни в чем не повинный человек, может, сам того не зная, служить орудием какого-нибудь колдуна, а значит, и источником зла для всей общины. По этой причине он подлежал уничтожению со всеми чадами и домочадцами.

Апеллировать к вождю было бесполезно: колдовство считалось таинством, скрытым от взоров непосвященных и доступным лишь одним знахарям. Только они могли понимать и истолковывать его. Если, однако, приговоренному все же удавалось спастись от палачей, которые шли следом за искателями колдунов (это удавалось ему чрезвычайно редко), и

броситься к ногам вождя, он мог просить и получить убежище и тогда более не подвергался преследованию.

Когда крики, вопли и судорожные движения достигли апогея, Нобела и ее зловещие спутницы с драматической внезапностью замерли, и вся группа повернулась к Чаке. Затем, искоса поглядывая на него, все они стали принюхиваться по-собачьи, а Нобела заголосила:

«В стране нашей есть злые люди!». Тут она сделала паузу, а четыре ее спутницы повторили хором ту же фразу.

«Мы можем учуять их мысли!» — продолжала Нобела, нюхая воздух. Остальные, также принюхиваясь, слово в слово вторили ей. «Они могут повредить вождю колдовством, но мы способны учуять их злобные замыслы... Да, можем учуять в дыме их краалей и в утреннем тумане... В воздухе, на земле и под землей... В дожде и текучих водах нашей земли... От нас они нигде не спрячутся... Мы — псы вождя...» И они снова и снова нюхали воздух... «И мы найдем их повсюду!»

С последними словами они высоко подпрыгнули вверх и, повернувшись в воздухе, опустились на землю лицом к строю зулусов, то есть спиной к Чаке. Затем, припав к земле, словно хищник, приготовившийся к прыжку, и прикрыв глаза от солнца левой рукой, они уставились на оцепеневшие шеренги людей.

Нобела пронзительно закричала: «Пойте, люди, пойте, чтобы мы могли обонять сладкое дыхание невинных и вонь изо рта тех, кто замешан в колдовстве!»

Все присутствующие, включая советников, окружавших Чаку, тихо запели, как того требовал обычай. Лишь один вождь не должен был подпевать.

Пять исангомас с Нобелой во главе быстро пробежали посередине подковообразного строя и достигли крайней точки дуги, в двухстах ярдах от Чаки. Здесь в каждой шеренге был оставлен проход для исангомас. На бегу они подпрыгивали примерно через каждые десять шагов, дико вращали глазами и издавали исступленные крики и вопли. Время от времени искательницы колдунов становились на четвереньки и обнюхивали землю и ноги несчастных людей. Иногда они продвигались вперед ползком, ни на секунду не переставая принюхиваться. Гримасничая и кривляясь, они оглядывали окаменевших воинов, которые, задыхаясь от страха, все же старались не прекращать пение. Время от времени, подобно собакам, идущим по следу, они поворачивали назад, как бы в поисках потерянного запаха, и приподнимали смертоносный хвост гну, словно собираясь ударить им человека в знак того, что он оказался «вынюханным» ими колдуном.

За исангомас торжественно шествовали палачи. Муки ожидания порою становились нестерпимыми, но пять искательниц колдунов знали, что настал их час, и не спешили вынести приговор. Они наслаждались зрелищем этих мук и старались продлить их, насколько было возможно. Только при вторичном обнюхивании каждой шеренги хвосты гну опустятся на заранее намеченные и обреченные жертвы.

Всякий раз, как вурдалаки, совершавшие свой обряд, приближались к человеку, которого по той или иной причине считали возможным виновником зла (хотя бы потому, что его вообще недолюбливали), остальные невольно начинали петь громче. Это, естественно, помогало знахаркам избирать жертв, угодных народу, независимо от тех, кто уже был внесен в их список. Когда же они приближались к человеку, пользовавшемуся всеобщим уважением, пение почти замирало.

Командир полка Фасимба — Мдлака, человек несравненного мужества, внутренне содрогнулся, когда Нобела принюхалась к нему, чуть не коснувшись своим искаженным злобой лицом его лица, и затем дважды возвращалась к нему. Однако всякий раз пение затихало, воины же и вовсе неслышно шевелили губами, ибо наряду с Мгобози Мдлака был одним из самых популярных людей в стране. Нобела, однако, не любила его и Мгобози, как

не любила вообще всех умных людей, особенно если они советовали вождю придерживаться умеренной политики и не домогались ее расположения.

Чака нахмурился — он знал, что даже он не полновластен, когда на сцене появляются искательницы колдунов. В тот самый миг, когда они ударят свою жертву хвостом гну, палачи, не дожидаясь приказа вождя, уведут ее и предадут ужасной казни.

Закончив первый предварительный обход рядов, Нобела и ее помощницы занялись советниками, окружавшими Чаку. Исангомас, построившись в ряд и согнувшись почти вдвое, приблизились к ним. Если не считать звуков, издаваемых при принюхивании, они молчали, но зато гримасничали и вращали глазами самым устрашающим образом. Даже Чака, находившийся в полной безопасности, почувствовал их гипнотическое воздействие. Когда они проходили мимо его парализованных советников, покрывшихся от страха испариной, он вспомнил слова Мбийи и пробормотал:

— Не ищите колдунов среди моих испытанных друзей. Оставьте их в покое.

С лицом, искаженным яростью, ни на кого не глядя, Нобела тихо пропела в ответ:

— Те, кто ближе и всего дороже тебе, — самые сильные орудия колдуна, хотя они того и не знают. Берегись, о вождь, ибо глаза наши видят то, чего не можешь видеть ты, а носы наши чуют запах зла, как нос собаки чует неуловимый для человека запах быка.

Чака чувствовал себя неуверенно: он все еще испытывал к знахаркам большое уважение, которое впитал с молоком матери, хотя благодаря своему врожденному уму подозревал, что многие их действия основаны на обмане или корысти, а некоторые исангомас — просто мошенницы.

— Я слышу тебя, мать страха, но что, если твой выбор противоречит мнению народа? — вполголоса спросил Чака.

— И без того нам многое мешает. Неужто дети станут поучать свою мать? — снова пропела Нобела.

— Продолжай свою охоту, но, смотри, не потревожь осиное гнездо, — тихим, но зловещим голосом ответил Чака.

Со злобной улыбкой торжества Нобела направилась к Мгобози и стала кружиться вокруг него, как настоящий ангел смерти, терзая его ожиданием худшего. Шедшие за ней палачи поигрывали связками двенадцатидюймовых деревянных колышков, каждый из которых был ненамного толще карандаша. Если Мгобози будет признан виновным, палачи немедленно его уведут, загонят колышки в задний проход и бросят осужденного умирать медленной смертью в вельде, а все его жены будут уничтожены.

Квнтет с Нобелой во главе построился в извивающуюся линию и направился к отверстию подковы для решительного и окончательного «вынюхивания». К этому времени все сборище, парализованное мучительным чувством ожидания, впало в состояние столбняка. И вдруг напряжение, ставшее невыносимым, было нарушено. Чака встал во весь рост и закричал:

— Эй, Мдлака! Собери-ка лучших ребят из полка Фасимба и встань рядом со мной в караул.

Словно очнувшись от ужасного кошмара, Мдлака протер глаза и, преисполненный надежды и радости, быстро выполнил приказ вождя.

Удавка Нобелы разжалась — по крайней мере на время, — и никто не понимал этого лучше, чем она сама. Изливая на окружающих свой яд, она довела ужас толпы до предела и, прыгая вдоль внешней шеренги, где начала «вынюхивание», принялась кружиться вокруг мужчины лет пятидесяти пяти с кольцом на голове. Несчастный был, очевидно, зажиточным

главой крааля. Глаза его от страха вылезли из орбит, а она все играла с ним, то удаляясь и возбуждая в нем надежду, то возвращаясь на цыпочках назад. Наконец с дьявольским криком она подпрыгнула до самых его плеч и ударила по лицу хвостом гну.

Почти немедленно к нему подскочили с двух сторон палачи и отвели в центр подковы, где он остановился в оцепенении, сохраняя, однако, мужество. Вскоре к нему присоединился другой несчастный, потом третий и четвертый. Это, очевидно, завершило «сбор урожая» во внешних шеренгах, где стояли люди второстепенные. Нобела и ее коллеги выбежали, подпрыгивая, в центр подковы и, вытянув указующие персты в сторону жертв, вопили о том, какая участь их ожидает.

— Смотрите на них, о люди. Это абаатаги (колдуны), они хотели околдовать нашего вождя и его народ, но мы их вынюхали, как вынюхаем еще многих в этом внутреннем кругу, от которого разит колдовством. Уведите их, о палачи, и проследите за тем, чтобы они как следует помучились, прежде чем умрут. Сообщите имена военному совету, чтобы воины успели смести с лица земли их краали, до того как зараженные жители получат предупреждение.

Палачам потребовалось минут пять, чтобы вогнать колышки в задний проход первым двум жертвам. Остальные двое приговоренных глядели на эту процедуру в состоянии полной прострации. Обычно жертвы «вынюхивания» до такой степени поддавались суеверному страху, что, считая себя невольными орудиями колдовства, оказывались парализованными и духовно и физически. Крайне редко кто-нибудь из них делал попытку спастись бегством. К тому же они знали, что семьи их обречены, даже если им самим удастся бежать, — разве только они сумеют вырваться из рук палачей и броситься к ногам вождя, чтобы просить у него убежища. В любом другом случае, покинутые и отвергнутые всеми, как зараженные злодеи, несущие пагубу всему племени, они умрут медленной и ужасной смертью, причем дух их будет страдать не менее, чем тело.

К тому времени, когда палачи вернулись в центр подковы, Нобела собрала там еще одну группу из четырех горемык. Все они были почтенными и зажиточными главами краалей. Один из них выступал против режима Чаки. Другого не любили за негостеприимство, благодаря которому он и разбогател. Третий предпочитал удобрять свои поля, вместо того чтобы платить Нобеле за зелья, приносящие удачу. Урожай у него всегда был значительно выше, чем у соседей, опекаемых Нобелой, а потому ее агенты-шептуны вскоре внушили всем, что таких исключительных результатов можно достигнуть только посредством колдовства. И стоило Нобеле приблизиться к этому человеку, как пение стало громче, а когда она нанесла ему удар хвостом, оно сделалось оглушительным. Народ поддержал выбор Нобелы.

Четвертый «колдун» был очень удачливым скотоводом. Он отбирал лучших быков-производителей и всячески старался избежать падежа среди телят. Необычайно быстрое увеличение поголовья скота в его стадах казалось сверхъестественным. Среди завистливых соседей пошли толки. К тому же хищные звери не пытались проникнуть в загон богача, обнесенный надежной оградой, предпочитая хуже защищенные краали соседей. Всем было ясно, что тут не обошлось без колдовства.

Этих четырех увели на страшную смерть. Вскоре их участь разделили еще трое, также «вынюханные» во внутреннем кругу. Расправившись с одиннадцатью жертвами, Нобела занялась напоследок советниками и стражами, окружавшими Чаку. Здесь драматические события этого дня должны были достигнуть кульминации. Нобела собиралась нанести сильный удар, опираясь на могущество племенного права, на традиции, восходящие к незапамятным временам. Вождю придется подчиниться, а новым правителям, особенно если они упрямы, всегда нужно показать, что без знахарей и прорицателей обойтись нельзя. Она твердо решила избавиться от Мдлаки и Мгобози, так как эти честные воины никогда не скрывали свою антипатию к ней, а когда Мгобози «гнал коз» (зулусский эвфемизм,

означающий «был пьян»), он даже плевался при упоминании о ней, называя «задницей гиены». Подобное оскорбление непростительно, оно требует, чтобы виновный был наказан смертью.

Но одно дело, когда Нобела не противоречила воле Чаки и ограничивалась поисками колдунов, и совсем другое, когда она, преследуя собственные цели, угрожала его власти, пользуясь большими правами, которые предоставлял знахарке обычай и которых ее невозможно было лишиться. Потому-то Чака и велел заблаговременно Мдлаке и Мгобози сесть поблизости от его ног и вполголоса предупредил их, чтобы они просили убежища, если Нобела «вынюхает» их. Таким образом, они оказались за кордоном воинов из полка Фасимба, которых по приказанию Чаки привел Мдлака.

Нобела миновала этот заслон, дрожа от предвкушения новой добычи. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы правильно оценить обстановку. Желая выиграть время, она сначала стала «принюхиваться» к рядам воинов полка Фасимба. Вплотную за ней шли палачи — их главарю она шепотом дала какие-то указания.

Затем пять прорицательниц выстроились в ряд лицом к Мдлаке и Мгобози, встали на четвереньки и медленно, с остановками, как хамелеоны, начали приближаться, не переставая вращать глазами и принюхиваться. В середине, слегка опережая остальных, двигалась Нобела, так что слева и справа от нее находилось по две помощницы. За ними, едва не наступая им на пятки, шли восемь палачей. То было медленное шествие ужаса.

Мгобози и Мдлака, сидевшие на расстоянии всего двух футов друг от друга, покрылись холодным потом. Они помнили, что из-за крутизны склона, а также потому, что Чака приказал им сесть пониже, чтобы дружкой не было видно за спинами воинов, их отделяло от ног вождя около трех ярдов.

С отвратительным визгом, напоминавшим дьявольский смех гиены, все пять знахарок разом подскочили вверх. Нобела с быстротою молнии нанесла направо и налево удары хвостом гну и перескочила через плечи Мдлаки и Мгобози. Каждая из следовавших вплотную к ней помощниц также ударила одного из них и перепрыгнула через его голову. Две прорицательницы, находившиеся на флангах, обежали вокруг жертвы, в свою очередь нанося ей удары, и присоединились к своим коллегам. Все пятеро встали вплотную друг к другу, отделив «учуянных» от Чаки. Не успели три прорицательницы, находившиеся в центре, перепрыгнуть через Мгобози и Мдлаку, как палачи бросились вперед и схватили обоих военачальников — по четыре пары рук на каждую жертву. Рывком оторвав их от земли, они потащили Мдлаку и Мгобози в сторону от Чаки. Все это заняло три-четыре секунды, и Чака не мог, нарушив обычай племени, вмешаться и спасти своих дружкой. Нобела обвела его вокруг пальца, и он затрясся от скрытой ярости, особенно потому, что это чудовище и четыре другие ведьмы выражали свое торжество хохотом.

Мгобози и Мдлака были парализованы и гипнотическим воздействием знахарки и внезапною происшедшего. Мгобози первым пришел в себя и со страшной силой ударил ближайшего палача коленом в пах. Тот закричал от боли и выпустил свою жертву. Словно взбесившийся бык, Мгобози боднул следующего в солнечное сплетение, а затем, пользуясь своим огромным превосходством в силе, освободился и от остальных двух. В одно мгновение он схватил тяжелую палицу первого палача, ударил ею по лицу третьего, а секундой позже раскроил череп четвертому. Он бился, как бешеный, и, подобно урагану, ринулся на тех, кто схватил его друга. В мгновение ока все они оказались поверженными наземь с проломленными черепами или сломанными конечностями. Он и Мдлака подобрали несколько палиц, бросились к подножию холма, на котором восседал Чака, и приветствовали его возгласами: «Ба-йе-те! Нкоси!»

— Вы просите убежища? — обратился к ним Чака.

— Да, отец мой! — ответили оба. После этого Мгобози сказал еще:

— Если, однако, отец мой прикроет меня сзади, я лучше выйду на бой со всей сворой и умру как воин, который закрывает глаза на доброй циновке из тел врагов. Эта дурная женщина убивает своих противников, а вовсе не тех, кто желает тебе зла.

Тут Мгобози у всех на глазах плюнул в направлении Нобелы, размахивая при этом тяжелой палицей.

Чака засмеялся и обратился к Нобеле:

— Ты слышала, что сказал Мгобози. Не раздражай его. Он вспыльчив, а я не вижу никого, кто может помешать ему раскрыть тебе череп. Я же ни в коем случае не стану вмешиваться, ибо предупреждал тебя, чтобы ты не совалась в осиное гнездо. Хочешь ли ты что-нибудь сказать, прежде чем мы закончим сегодняшнюю церемонию?

— Нет, о вождь! — покорно ответила Нобела.

— Согласна ты с тем, что эти двое получили законное убежище в соответствии с законами страны?

— Да, о вождь!

— Желаеть ты, чтобы я подверг их испытанию корой моаве (ядом), которую даст им выбранный мной знахарь?

— Нет, о вождь!

— А почему?

Нобела не сразу нашлась, что сказать, но Чака не стал ждать ответа.

— Сдается мне, что ты несправедливо обвинила Мгобози и Мдлаку. Признайся, что твое «вынюхивание» зависело от личной неприязни — ведь тебе донесли, что, когда Мгобози «гнал коз», он плевался, упоминая твое имя, и сравнивал тебя с задницей гиены.

— Нет, о вождь, дело было не так. Эти двое служили невольными, а потому особенно опасными орудиями злого колдуна, но им на помощь пришли духи и помогли освободиться от колдовства — иначе у них не хватило бы сил справиться со столькими палачами.

— Люди твоего братства всегда вывернутся. Как молотоголовая цапля вьет себе гнездо с четырьмя отверстиями, чтобы при любом направлении ветра иметь выход с подветренной стороны, так и вы всегда оставляете себе запасной выход. Но во время «вынюхиваний» вы допустили две грубые ошибки, за которые должны умереть двое из вас. Принюхайтесь теперь друг к другу и найдите виновных или, если это вам больше нравится, бросьте кости.

Ужас охватил знахарок. Нобела первая овладела собой и ответила, что о вынюхивании не может быть и речи, так как ни одна из них не была околдована, но, если они судили неправильно, кости покажут, чья это вина. Нобела надеялась, что сначала две младшие помощницы обвинят друг друга и тогда она и две старшие признают виновными младших и так обеспечат себе большинство.

Чака приказал, однако, чтобы Нобела бросала кости первой. Каждой прорицательнице он предоставил только один голос.

— Смертный приговор, — разъяснил он, — вступит в силу, если за него проголосуют хотя бы двое; если же не наберется двух голосов за два смертных приговора, то кости придется бросать снова.

Прорицательницы образовали полукруг лицом к Чаке, который сидел под навесом слева от них. Нобела попала в настоящую западню. При всей ее хитрости она не могла уклониться от того, чтобы бросить кости первой, а потому младшая помощница, на которую пал выбор Нобелы, сделалась ее непримиримым врагом. Вторая по старшинству также

обвинила младшую: это обрекало последнюю на смерть, если в том же раунде будут поданы два голоса еще против одной знахарки. Младшая закричала, что старшие жульничают при бросании костей, но Нобела бросила на нее пронзительный взгляд и спросила:

— С каких это пор ученик поучает учителя?

— Я тебя выучу, и не позже чем сегодня, ты, старая злобная матаназана (бесплодная самка бабуина, доступная всем самцам, которых вожак не подпускает к остальным самкам: они принадлежат только ему, пока более сильный соперник не изгонит его из стада)! Прежде чем умереть, я расскажу вождю, как ты заставляла нас лгать и мошенничать ради твоих дурных целей. Может быть, он прикажет разможить мне голову еще до того, как в нас станут загонять колышки, но ты — ты получишь двойную порцию!

— Прекратите шум! — приказал Чака женщинам, которые что-то бормотали под аккомпанемент истерических выкриков осужденной.

— Если не перестанете, я велю набить вам рты коровьим навозом, и тогда мы сможем закончить это дело без помех.

Вторая старшая прорицательница бросила кости и указала на Нобелу. С воплем ярости и страха последняя обвинила бросавшую в мошенничестве и осыпала ее проклятиями, пока Чака не произнес только два слова: «Коровий навоз!» Тогда она погрузилась в злобное молчание.

Теперь настал черед второй младшей помощнице, четвертой по счету, бросать кости. Нобела уставилась на нее гипнотическим взором, и на лице прорицательницы появилось отсутствующее выражение. Она собирала кости, как сомнамбула, и долго не могла их бросить. Чака смотрел на все с напряженным интересом. Наконец прорицательница бросила кости, сонно взглянула на них и сказала:

— Что ж, они указывают во все стороны, а определенно — ни на кого.

Тут вторая старшая прорицательница энергично потрясла ее за плечо и велела проснуться.

— Броска не было, — заявила она и потребовала начать все сызнава.

— Она бросала правильно, — завизжала Нобела, — повторять нельзя.

Вмешался Чака и объявил, что «броска и впрямь не было» и что вторая младшая помощница должна повторить свое действие, но повернувшись спиной к Нобеле.

Младшая помощница так и поступила, заявив затем четко и энергично, что кости, как это видно всем, указывают на Нобелу.

С ловкостью бабуина Нобела бросилась к холму, взобралась по склону и очутилась у ног Чаки; секундой позже к ней присоединилась младшая прорицательница.

— Убежища, о вождь, мы просим убежища! — жалобно завопили они. — Мы всегда были преданными слугами и верными псами в твоём доме и доме отца твоего.

Все присутствующие были потрясены драматическим поворотом событий и быстротой, с которой они разворачивались. Чака с суровым выражением лица повернулся к обеим умолявшим его женщинам:

— Убежище предоставляется только тем, кого «вынюхивают» как колдунов. Вас же обвинили не в колдовстве, а в обмане корысти ради, и ваши же товарки сочли вас виновными. Теперь остается решить лишь вопрос о том, как вас казнить: как обыкновенных преступников или... — и тут Чака сделал паузу.

— Разве что вы признаетесь в том, что виновны в колдовстве, а не в простом обмане. В этом случае, в порядке особой милости, я предоставлю вам убежище — ведь и вы могли

оказаться орудиями более сильного колдуна, — рассудительно добавил он. — Но только не вздумайте опять обманывать меня. Тогда уж вы нигде не найдете убежища.

Разоблачив, укротив и унизив Нобелу, Чака не собирался, однако, ее убивать. Он ценил ум знахарки, она могла еще ему пригодиться, особенно теперь, когда он подрезал ей крылья и посеял раздор между прорицательницами.

Нобела и младшая помощница признали, что являлись невольными орудиями колдовства, и Чака предоставил им убежище, предложив отказаться от испытания ядом. После этого он выстроил всех прорицательниц ниже того места, где сидел под навесом, и велел им повернуться лицом к собравшимся и подтвердить все, что он станет говорить. Палачей, убитых или раненых Мгобози, уже оттащили назад. Отряд воинов полка Фасимба все еще служил заслоном, скрывающим от глаз присутствующих всех, кто находился на холме, кроме самого Чаки на его высоком сиденье. Теперь отряду был дан приказ разомкнуться посередине и обеим частям сделать поворот на сто восемьдесят градусов, подобно вращающимся дверям. И народ снова увидел советников, сидевших ниже Чаки и вокруг него, и пять прорицательниц, стоявших лицом к подкове.

Чака поднялся и сказал, что в этот день было сделано много полезного, так как прорицатели не смогут впредь использовать свои способности в собственных интересах. В дальнейшем смертные приговоры после «вынюхивания» будут приводиться в исполнение только после утверждения их Чакой или назначенным им лицом. Впредь все будут жить в безопасности — он станет защищать зулусов, как навес защищает от солнца, — пусть только повинуются его приказам. Но горе тому, кто посмеет их ослушаться!

Мелодичный зулусский язык, в котором каждый слог и каждое слово заканчиваются гласной, облегчал задачу Чаки: громовой голос его разносился далеко, размеренная величественная речь своим ритмом ласкала слух, как благозвучные стихи.

Каждый из присутствующих хорошо слышал все, что говорил Чака. Обратившись к войску, вождь сказал, что впредь ни один воин не будет подвергаться «вынюхиванию» и, следовательно, может ничего не бояться, пока выполняет свой долг. В этот день злые силы пытались погубить Мгобози и Мдлаку — членов дальних кланов, — но он укрыл их у себя под мышкой и разоблачил их обвинителей. Это показывает, что, откуда бы ни происходил воин, он найдет убежище у небесного вождя (ама зулу). Чака сделал паузу. Войско воспользовалось этим, чтобы устроить ему громовую овацию.

Далее Чака заговорил об одиннадцати человеках, «вынюханных» в этот день.

— Первый из внутреннего круга злоумышлял против меня, а потому заслужил свою участь. Вся его семья также будет «съедена». Остальные были большей частью богачами, которые внушали зависть соседям, не любившим их за скупость. Скупость богатых и жадных — серьезный порок. Этим людям следовало бы оказывать щедрую поддержку вождю: ведь он вместе со своим войском единственный щит, ограждающий их богатства. Войску нужны скот и зерно. Кому же снабжать его, как не людям, которые жиреют под защитой того же войска, — ведь без него у всех вас не было бы ничего. Посмотрите на меня. Я гораздо хуже любого мужчины моего возраста. Ем ли я ваш скот, пью ли ваше пиво? Нет, но то и другое нужно мне для войска. Те, кто не дает мне того, в чем нуждается войско, бесполезны для меня и для племени и пойдут на корм птицам. А потому я говорю, что если у человека есть десять голов скота, то одну — а в трудную минуту и две — он вполне может отдать своему вождю и народу. Мы окружены со всех сторон сильными соседями, которые «съедят» и вас и все ваше имущество, если только войско не остановит их, а я и есть войско. Почему? Да потому, что корова жиреет от хозяйского глаза, и только мой глаз дал нашей небесной стране (стране зулусов) войско, способное постоять за себя.

Теперь о наказании остальных «вынюханных». Нет смысла уничтожать их семьи, ибо они не были виновны в подлинном колдовстве. Поэтому пусть их семьи останутся жить, но

половина их скота будет конфискована, а вторую половину, которая останется в их владении, возместят мне Нобела и ее помощницы: это штраф за ошибочные приговоры. Людей, в которых вогнали колышки, нельзя спасти, а потому я приказал палачам укоротить их путь к смерти, разможив им головы. А теперь Нобела подтвердит, что все мои решения правильны и соответствуют закону.

Нобела встала и завизжала:

— И-Зулу ли дума иг'иниза! (С неба раздается гром истины!)

— «Гром истины», — повторили, как эхо, ее ассистентки.

— Ли-зо шайа аба-тагати (Оно — небо — поразит колдунов, то есть злодеев), — захлопотало все сборище.

— Индаба ипелиле (Дело закончено), — прогудел Чака.

— Байете! Нкоси! — гремела толпа, устроившая такую овацию, какой еще не бывало в стране зулусов.

Глава 11

Звиде. Переселения племен

Беспрецедентный отпор, который Чака дал прорицателям, имел множество последствий. Он освободил воинов от «вынюхиваний» и обещал еще более щедро награждать их скотом за счет «страховых платежей», вносимых богатыми хозяевами. Это сделало армию Чаки притягательной далеко за пределами его территории. Владельцы скота со своей стороны не обижались на введение обязательного сбора, так как теперь они могли не опасаться, что станут жертвами «искателей колдунов». Многие умные люди, жившие во владениях других вождей и уже непригодные по возрасту для военной службы, перебрались со своими краалями в страну зулусов, которая оправдала теперь название «Небесной». Интуиция подсказывала им, что в один прекрасный день «вынюхают» и их, и только потому, что благодаря своим способностям они стали богаче соседей. Подобно тому как гугеноты и отцы пилигримы некогда потянулись в страны, где господствовали более либеральные нравы, чем у них на родине, так теперь страна зулусов, представлявшая собой еще только зародыш государства, стала своего рода Меккой для разумных людей, убежищем для угнетенных.

Однако те же события возбудили у всего братства прорицателей, к какому бы племени они ни относились, смертельную ненависть к Чаке. В те времена суеверный страх перед колдовством держал в своих тенетах решительно всех нгуни. Поэтому трудно оценить по достоинству необычайную смелость и проницательность, которые проявил Чака в борьбе против этого проклятия, тем более что он был молод, совсем недавно стал вождем и действовал в окружении могущественных племен, стремившихся его уничтожить.

Нобела вынашивала планы мести, а Чака тем временем еще больше ограничил ее власть, предложив крупное вознаграждение молодым мужчинам той же профессии, если они пожелают переселиться в Булавайо. Среди тех, кто откликнулся на его призыв, был Мг'алаан, ставший личным врачом и близким другом Чаки. Мгобози настаивал на том, чтобы Чака казнил Нобелу, уверяя, что она всегда будет представлять опасность. По преданию, Чака ответил ему так: «Укушенный змеей принимает противоядие из мяса змеи». Уверенный, что Нобела не может выйти из-под его власти, он сохранял ее на случай осложнений с другими колдунами.

Между тем Чака заканчивал приготовления (включая и обрядовые) к задуманной Дингисвайо кампании против Мативаана, вождя нгваанов. Он решил взять с собой тысячу человек из различных полков, оставить Мгобози во главе сил, несущих гарнизонную службу, а Мдлаке с остальными полутора тысячами зулусских воинов поручить охрану южной границы и наблюдение за г'вабе.

Дингисвайо оставил две тысячи человек, чтобы сдерживать Звиде, и выступил против Мативаана во главе двух с половиной тысяч воинов. Нчалини и другие данники должны были выставить объединенный отряд в тысячу воинов, что доводило общую численность экспедиционных сил примерно до четырех с половиной тысяч человек.

Дингисвайо и его войско прибыли в страну зулусов к назначенному сроку — в июне 1817 года, то есть в начале южной зимы. Соединившись с силами Чаки, его армия переправилась через реку Уайт Умфолози немного западнее горы Нхлазаче и вступила во владения нчалини. Здесь к ней примкнул последний из намеченных отрядов.

Мативаан, жестокий и гордый вождь нгваанов, был невысокий, коренастый, очень сутулый человек. Природа наделила его гением полководца и безжалостной душой, но в то время никто еще об этом не знал. Закутанный в свой неизменный каросс из черно-белой телячьей шкуры, он всегда посматривал на юг, откуда ждал опасности. Разведка держала его в курсе победоносных походов Дингисвайо и Чаки, их войска постепенно приближались к владениям нгваанов. Зачем была проведена всеобщая мобилизация, о которой ему донесли? Как опытный военачальник, он стал готовиться к надвигающейся буре и обратился к своему западному соседу Мтимкулу, вождю хлуби, с просьбой укрыть скот нгваанов в расположенных в его владениях горах (вокруг современного Утрехта). Просьба эта была удовлетворена, и весь скот нгваанов нашел надежное убежище в земле хлуби.

Как ни старался Чака убедить Дингисвайо превратить войну в тотальную, тот не соглашался. К этому времени зулусы Чаки были, разумеется, вооружены ассегаями для нанесения ударов, ходили босыми, научились соблюдать боевой порядок и строгую дисциплину. К тому же они были обеспечены всем необходимым гораздо лучше, чем остальная армия: из мальчиков четырнадцати-пятнадцати лет Чака организовал отряд у-диби, то есть носильщиков циновок, или ординарцев, из расчета один у-диби на каждых трех воинов. Помимо циновок мальчики несли легкие одеяла, сухие дрова и продовольствие. И в то время как воины других племен мерзли по ночам и испытывали всяческие неудобства, солдаты Чаки спали в тепле, хорошо питались, а следовательно, настроение у них было хорошее. Однако Дингисвайо все еще не разрешал Чаке по-настоящему «пустить в ход» его военную машину и позволил только напугать Мативаана, принудить его к капитуляции, подчинить и фактически (хотя и неофициально) включить нгваанов в состав конфедерации племен под главенством Дингисвайо.

Прощаясь с Мативааном, Дингисвайо прочел ему целую лекцию. Он установил для него законы и объявил, что твердо решил поддерживать порядок среди драчливых кланов нгуни и превратить их в великую и добрую нацию, подчиненную его отеческой власти. Намерения у Дингисвайо были самые благородные, но, как показало будущее, пользы они не принесли никакой.

Чака был чрезвычайно раздосадован и не преминул откровенно изложить Дингисвайо свои взгляды. По его убеждению, Дингисвайо отнюдь не приобретал друзей, но создавал себе врагов, которые когда-нибудь возьмут над ним верх, ибо с каждым днем они, подобно иддандве, становятся сильнее и воинственнее.

Тем не менее вся экспедиция возвратилась домой.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и дать читателю представление об эпохе, предшествовавшей важнейшим походам Чаки.

Даже обладая самым богатым воображением, нельзя возложить на Чаку ответственность за опустошения, о которых пойдет сейчас речь. Несмотря на это, упорно распространяется клеветническая версия, будто именно он их виновник. Позднейшая резня и опустошение остальной части Натала и ряда других областей также приписываются Чаке, но, ознакомившись с фактами в их хронологической последовательности, читатель убедится, сколь абсурдны эти обвинения. На самом деле Чака уничтожал только для того, чтобы строить. Это был подлинный создатель империи, в то время как большинство вождей племенных орд, опустошавших страну, были просто головорезами, помышлявшими исключительно о самосохранении.

Едва ушло войско Дингисвайо, Мативаан потребовал у Мтимкулу свой скот. Однако Мтимкулу и не подумал возвращать чужую собственность. Племя Мтимкулу — хлуби — было многочисленным и сильным. Дингисвайо относился к нему особенно благосклонно, так как в годы правления отца Мтимкулу — Бунгаана — укрывался в его владениях. Получив отказ, Мативаан раздобыл немного волос, состриженных с головы Мтимкулу, и решил подчинить себе вождя хлуби при помощи колдовства. Но в это время на него напал другой завоеватель, менее милосердный, чем Дингисвайо.

Король ндвандве Звиде обрушился на нгваанов и погнал их перед собой, истребляя все на своем пути. «После того как нгвааны лишились своих богатств и были изгнаны из жилищ и вообще из родных мест, Мативаан решил не мешкая отправиться на поиски новой родины».

Таким образом, вовсе не Чака, а Звиде положил начало эпохе ужасных переселений племен, о которой узнает сейчас читатель.

Войско Мативаана (за ним шли все женщины и дети племени) напало без предупреждения на ставку вождя хлуби и сравняло с землей это селение, уничтожив всех, кто в нем находился, включая Мтимкулу. Прежде чем племя успело организовать сопротивление, нападающие сожгли и вырезали все и вся и удалились, гоня перед собой и захваченный скот и собственный, который им удалось разыскать. Однако значительная часть хлуби спаслась бегством на запад. Мпангазита, брат убитого вождя, сколотил из них грозную орду. Она преодолела Драконовы горы и в свою очередь обрушилась на владения басуто, составляющие ныне Оранжевое Свободное государство. Здесь хлуби вступили в смертельную борьбу с племенем батлоква, которым управляла в качестве регентши Мантатизи — мать малолетнего вождя Сиконьелы.

Мантатизи стала выдающейся военачальницей своего времени, настоящей Боадицей². После столкновения с хлуби во главе с Мпангазитой она повернула на юго-запад и двинулась по долине реки Каледон, сея смерть и разрушения. А Мпангазита, захвативший весь скот ее племени, пошел на северо-запад, оставляя за собой такие же страшные следы. Они обрушили горе, смерть и разруху на весь запад Басутоленда и на большую часть Оранжевого Свободного государства³.

Свирепая Мантатизи действовала столь успешно, что за один-два года рассеяла бафукенгов, заставила отступить баквена, ограбила махвава и даже разбила самого Мшвешве (Мошеша)⁴. Победу над Мшвешве она одержала при Батабуте, в ходе «войны горшков» (название это объясняется тем, что во время боя была разбита вся посуда племени Мантатизи).

Производя все эти опустошения, Мантатизи и Мпангазита, сами того не ведая, приближались друг к другу, описывая полукруг, и близ Маболеле снова столкнулись. После ожесточенной битвы Мантатизи отступила, переправившись через Каледон ниже Колоньямы, и там нанесла поражение Мпангазите. В последующие тяжелые годы отважная предводительница спасала свое племя от истребления, но другим племенам пришлось заплатить за это страшной ценой. Хитрости и уловки, к которым прибегала Мантатизи, не

говоря уже о ее беспримерном мужестве, достойны отдельного повествования.

Что же касается Мпангазиты, то после бесчисленных победоносных битв и разгрома множества кланов он в конце концов снова столкнулся с Мативааном. Это произошло в 1825 году, недалеко от Мабололе, когда Мативаан стремился уйти как можно дальше от Чаки. Пять дней нгвааны во главе с Мативааном бились не на жизнь, а на смерть с Мпангазитой и его хлуби.

После первого столкновения с хлуби на их родине Мативаан отказался от преследования остатков племени, перешедших через Драконовы горы. Вместо этого он опустошил все северные, центральные и западные районы современного округа Клип-ривер в Натале. Он уничтожил племя беле — ближайших родичей хлуби — и проложил себе путь па юг, повсюду беспощадно сжигая селения и истребляя без разбора детей и женщин, стариков и больных.

Всякий раз как Мативаану удавалось найти тело убитого вождя, он вырезал из него желчный пузырь и жадно выпивал содержимое, полагая, что к нему перейдут смелость и лютость павшего врага. Переправившись через реку Тугелу, он поселился в современном округе Бергвилл, у подножия Драконовых гор, достигающих здесь наибольшей высоты — двенадцати тысяч футов. Тут он обрел мир, но всего лишь на четыре года. Затем Мдлака — полководец Чаки — опрокинул его войска и отгеснил Мативаана с его племенем за Драконовы горы. Они нашли убежище в Оранжевом Свободном государстве⁵, но потеряли весь свой скот.

По северо-западным районам Басутоленда и восточной части Оранжевого Свободного государства пронеслась вторая волна опустошений. Остатки племен, пытавшиеся заново устроить свою жизнь после кровавого погрома, учиненного Мпангазитой и Мантатизи, оказались разбитыми и рассеянными. Голодная орда нгваанов разграбила запасы зерна и угнала оставшийся скот.

Опустошительные межплеменные войны сопровождались неописуемыми зверствами. В этом Мативаан, Мпангазита, Мантатизи и прочие вожди ни на йоту не уступали друг другу⁶.

26 августа 1828 года близ горы Базийя в Восточной провинции Капской колонии полковник Сомерсет во главе тысячи европейцев, поддержанных восемнадцатью тысячами коса и тембу, нанес поражение Мативаану. Первоначально экспедиция была направлена против Чаки, войска которого проникли в эту местность. Однако, умело маневрируя, Чака сумел уйти с большой добычей. Если измерить путь, проделанный Мативааном от начального до конечного пункта, исключив бесчисленные зигзаги, то окажется, что он прошел почти тысячу миль по неизведанной местности. Покинув родину предков, он превратил свое племя в кочующих Сынов гнева и умело провел их через горнило бесчисленных опасностей и лишений. Только ружья и лошади белых людей, к которым присоединилась орда других нгуни, обладавшая подавляющим численным превосходством, сломили наконец могущество Мативаана. Постоянно принимая в свое войско беженцев, этот талантливый полководец создал куда более грозную ударную силу, чем та, которой он располагал в начале своих походов. Кочующие Сыны гнева совершали самые кровопролитные зверства, но умирали они мужественно, и даже смертоносный гром с дымом не могли заставить их отступить.

Сам Мативаан с горстью воинов избежал гибели и решил сдаться на милость Чаки. В пути он снова миновал Гору ночи (Таба Босиу) и вступил во владения басуто, с которыми несколько лет обращался самым варварским образом. «Мшвешве (Мошеш), человек непревзойдённого благородства и великодушия, забыл и простил все. Правитель басуто милосердно предложил Мативаану поселиться в его владениях. Но Мативаан, оставив на его попечение одну из своих жен с сыновьями, гонимый тоской по родине, пошел с разбитым

сердцем дальше».

Достигнув наконец страны зулусов, он узнал, что Чаки нет в живых, а трон его занимает Дингаан. Последний поселил его в своем королевском краале, а через некоторое время пригласил к себе. Ожидая худшего, Мативаан торжественно снял с руки браслет и передал его своему четырнадцатилетнему сыну Зикали, которому велел остаться дома.

— Где твои люди? — спросил Дингаан.

— Они здесь — все те, кто уцелел, — последовал ответ.

— Тогда заберите их всех, — приказал Дингаан.

Нгваанов увели и каждому свернули шею. Исключение сделали только для Мативаана — его замучили до смерти.

Таков был конец Мативаана — самого грозного и изобретательного из конкистадоров народа нгуни. Быть может, при более благоприятных обстоятельствах, не будь он вынужден стать волком ради того, чтобы выжить, Мативаан сумел бы основать такое же большое королевство нгуни, какое создал впоследствии вождь матабеле Мзиликази. Но Мативаан неудачно выбрал направление своих походов: если бы он двинулся не на юго-запад, а на северо-запад, то, может быть, опередил бы Мзиликази на четыре года и смог бы действовать совершенно свободно, не сталкиваясь ни с другими племенами нгуни, ни с белыми.

Автор не рассчитывает на то, что читатель полностью разобрался во всех описанных им передвижениях и столкновениях. Да в этом и нет надобности. Обзор этих событий, пусть краткий и схематичный, имел двойное назначение. Во-первых, показать, что не Чака, а Звиде положил начало цепной реакции разрушений и кровопролитий (можно считать виновником ее также Дингисвайю, хотя последний действовал с наилучшими намерениями). Во-вторых, дать некоторое представление об анархии, которую благодаря Чаке сменил зулусский рах. Чака не только не затеял межплеменные войны, опустошившие Натал, Оранжевое Свободное государство и Басутоленд, но и прекратил их. В годы его правления непрерывно увеличивалась территория, где независимо от того, что происходило за ее пределами, уважался закон, царили мир и благоденствие.

Глава 12

Смерть Дингисвайю. Первая война зулусов с ндвандве

Дингисвайю был разочарован и рассержен. Политика милосердия и примирения, которую он вел по отношению к Звиде, оказалась ошибочной. Трижды он побеждал, брал в плен, а затем великодушно освобождал Звиде, после того как тот давал торжественное обещание признать его верховенство и не нападать на соседей без веского основания, да и то с разрешения Дингисвайю.

Звиде принялся запугивать соседей с востока и севера, принуждая иступить в союз с ним. Эти усилия увенчались беспричинным, но губительным ударом по Мативаану с его нгваанами. Звиде стремительно погнал их из родной страны, безжалостно истребляя мужчин, женщин и детей, попадавшихся ему па пути, и сжигая их краали. Таким образом, именно Звиде явился причиной опустошительных переселений племен, описанных в предыдущей главе. Дингисвайю отправил к Звиде несколько гонцов, властно требуя объяснений и возмещения убытков. Коварный вождь ловко оправдывался, выдвинув правдоподобное объяснение: он-де боялся, что в связи со спором из-за скота нгвааны могут напасть на хлуби, старинных друзей Дингисвайю. Дальнейшие события показали, что его опасения были вполне обоснованны.

Дингисвайо, однако, не поверил лицемерным объяснениям. Тогда Звиде направил послом к Дингисвайо свою сестру Нтомбазану, дочь печально известной Нтомбази, владелицы музея черепов. Он рассчитывал, что сестра, которую сопровождала привлекательная кузина — дочь Малузи, сумеет завоевать любовь Дингисвайо.

Миссия имела еще одно, несравненно более важное назначение: добыть какую-нибудь частицу тела Дингисвайо, чтобы получить возможность околдовать его. Считалось, что чем более интимный характер носит эта частица, тем сильнее действие чар. После недавней победы над Мативааном Звиде сделался непомерно честолюбив и мечтал о том, чтобы одолеть Дингисвайо и занять престол верховного вождя нгуни. А этого, по его убеждению, можно было добиться только с помощью колдовства. Поэтому он поручил Нтомбазане добыть и привезти с собой некоторое количество спермы короля. Женщины отправились в путь. Нтомбазана успешно выполнила поручение и в назначенный срок вернулась, имея при себе «его» (Дингисвайо).

Знахарь ндвандве принял у Нтомбазаны «контрабанду» и занялся изготовлением колдовского зелья.

Посредством искусной дипломатии и с помощью подарков Звиде удерживал Дингисвайо от нападения. Этому помогло и то, что наступило время сева и прополки, а затем праздника урожая. Наконец Звиде полностью подготовился к тому, чтобы попытаться счастья в борьбе с Дингисвайо, используя и колдовство и оружие. В самом начале 1818 года он приказал убить Малузи (последний был женат на сестре Дингисвайо — Номатули), чтобы создать *kasus belli*. Звиде был уверен, что вдова несомненно сумеет восстановить своего брата против Звиде. Дингисвайо действительно пришел в ярость и стал готовиться к войне против непокорного Звиде. Он отмобилизовал одну бригаду (Нъелези) и приказал своему вассалу Чаке последовать его примеру. Обе бригады должны были одновременно вторгнуться в страну ндвандве.

Войско мтетва пересекло местность Мкнанази, прошло вдоль горной гряды и в пункте, расположенном поблизости от троны Нонгома — Сомкселе, в нескольких милях к востоку от нынешнего окружного центра Нонгома, стало ждать прибытия Чаки. В спешке оно не смогло соединиться с ним раньше, нарушив тем самым основные правила военного искусства, так как подставило под удар противника часть своих сил. Несомненно, у Дингисвайо был сначала разумный план, предвосхищавший афоризм Мольтке: «На марше раздельно, в бою вместе», — но план этот не был выполнен.

Дингисвайо остановился в окрестностях крааля Звиде — Ква-Дловунга, откуда на него посыпались самые губительные заклинания. Они, по-видимому, возымели действие, ибо, только потеряв рассудок, верховный вождь мог решить продолжать наступление в сопровождении всего лишь личной охраны, состоявшей из нескольких девушек. Войско он оставил на месте, никому не сообщив, куда и зачем он направляется. У холма Мбузи он встретил патруль ндвандве, который доставил его в Ква-Дловунгу. Там ему воздали царские почести. В его честь закололи быка и устроили пир, на котором было выпито много пива.

Колдунья Нтомбази — мать Звиде — уговаривала сына не проявлять слабости теперь, когда король в его руках. Звиде, впрочем, и не нуждался в уговорах. Он послал сказать Дингисвайо: «Вождь Звиде зовет тебя!», — на что Дингисвайо сердито возразил: «Разве короля зовут?»

Последовала перебранка. Вооруженные посланцы Звиде попытались ворваться в хижину, где сидел вождь мтетва. Вход преградили амазонки короля, и возникла схватка. Продержав несколько дней своего царственного гостя под домашним арестом в краале, Звиде уступил настояниям матери и приказал предать короля смерти. Дингисвайо увели на казнь.

Он пошел на смерть с царственным достоинством. Амазонки предприняли отчаянную

попытку отбить его у вооруженной стражи, которая окружала осужденного, но Дингисвайю, шедший твердым шагом с несвязанными руками, ласково попросил их не пытаться сделать невозможное и не огорчать его напрасными жертвами.

Выйдя из краля, Дингисвайю остановился и тихим, но властным голосом приказал палачу ударить его копьем точно под левое плечо, чтобы клинок пронзил сердце.

Один сильный удар — и трагическое событие свершилось.

Верным амазонкам было приказано вернуться домой, но они категорически отказались возвращаться без своего повелителя. Девушки окружили его труп, проливая горькие слезы. Долго причитали они низкими голосами, а когда последняя нота замерла вдали, каждая обнажила маленькое брачное копьё или нож, который прятала в мешке с продовольствием для своего властелина. Все, как одна, вонзили оружие в свои сердца и попадали на мертвое тело любимого, решив хранить верность ему и в потустороннем мире.

«Сам Дингисвайю, или, вернее, то, что осталось от трупа после того, как голова украсила хижину Нтомбази, а от различных частей тела были отрезаны куски, чтобы вытопить из них жир, имевший, как и грязь с головного кольца, мистическое значение, — сам Дингисвайю был торжественно похоронен. Церемонией руководил специальный умтакти (тот самый, который отрезал от тела куски и вытапливал жир). Предварительно этот знахарь принял укрепляющие снадобья, защищавшие его от дурных последствий. Несколько туш быков, зарытых в могилу по соседству с королевской, должны были обеспечить царственного странника запасом вкусной пищи на весь долгий путь в лучший мир».

Так в 1818 году или около этого времени погиб Дингисвайю, наиболее прогрессивный вождь своего народа. Его гуманность и терпимость могли бы увенчаться успехом, будь его подданными менее воинственные и более спокойные кланы, например кланы басуто. Это доказывает карьера Мшвешве (Мошеша). Но непокорных вождей нгуни и их кланы, привыкшие к жестоким усобицам, мог сплотить в единую нацию только не знавший жалости гениальный Чака, который, предварительно твердой рукой нанес многим из них удары, искалечившие их до неузнаваемости. Возможно, что и Мшвешве не достиг бы успеха, если бы вторжения орд нгуни во главе с Мпангазитой, Мативааном и Мзиликази не создали предварительно хаоса среди басуто, так что Мшвешве оставалось собрать обломки и склеить их общим стремлением к самосохранению.

Однако, с какой бы меркой мы ни подходили к Дингисвайю, он, бесспорно, был великим человеком, великим еще и потому, что старался воздействовать на умы доводами разума, а не обычными методами завоевателей, которые добиваются своего с помощью силы и страха.

После ухода Дингисвайю его войско, встревоженное странным исчезновением короля, оставалось на прежнем месте. Когда на холмах показался авангард ндвандве, командиры мтетва поняли, что случилось худшее, и непобедимое войско их впервые проявило нерешительность и нервозность. Однако оно мужественно исполнило свой долг, не поддавшись ни трусости, ни панике, и, чтобы спасти положение, отступило в полном порядке, успешно отбиваясь по дороге домой от противника. На этом нелегком пути к нему присоединились воины сокулу во главе с Нг'обокой, которому, как и Чаке, не дали времени подготовиться к злосчастному походу.

Между тем Чака достиг со своим войском перешейка Ама-Йване (эси-калени сама Иване — града невысоких холмов у истоков реки Ама-Йване, в двух или трех милях от нынешнего окружного центра Ма-Хлабатини). Там к нему явился гонец от Донды — одного из вождей кумало, также опоздавшего на неудачно назначенную встречу с войском мтетва. Послание Донды гласило: «Куда ты идешь? Дингисвайю уже убит, а мтетва отступают».

Тогда Чака вернулся домой.

Хотя Чака не принял участия в боевых действиях этой кампании, тот факт, что значительные силы его войск угрожали Звиде с фланга, помешал вождю ндвандве использовать свою победу над армией мтетва и вторгнуться в их страну. Пока войско Чаки стояло наготове, Звиде приходилось держать свои силы собранными в кулак. Это лишало его воинов возможности сжигать хижины и захватывать скот, поэтому они повернули обратно и возвратились домой почти с пустыми руками.

Между тем Нгомаан — старейшина в краале покойного Дингисвайо — присоединился к Чаке со вторым полком Изи-ц'ве. Его примеру последовали и многие мтетва, пришедшие в одиночку. В распоряжении Чаки находился также отряд сокулу, возглавлявшийся другом его молодости Нг'обокой, к которому примкнули многие мтетва, оставшиеся без вождя. Эти пополнения, а также постоянный приток новобранцев, вызванный тем, что Чака поставил Нобелу на место, довели численность его войск почти до пяти тысяч человек. Каждый день новобранцев безжалостно муштровали.

Тем не менее положение Чаки оставалось опасным, ибо он находился между могущественным и честолюбивым Звиде на севере и грозным кланом Г'вабе на юге. Г'вабе с завистью и подозрением следили за растущей силой клана Зулу, членов которого считали своими младшими братьями. На западе владения Чаки граничили с территорией столь же опасных тембу (вождем их был Нгоза).

Звиде старался вовлечь г'вабе и тембу в войну против зулусов, обещая им в награду зулусские земли. Чака же, наоборот, стремился заключить с г'вабе и тембу союз против «Пожирателя вождей» Звиде.

Пока происходили дипломатические маневры, Звиде узнал, что вождь кумало Донда, территория которого находилась между его владениями и страной зулусов, предупредил Чаку, когда тот спешил на помощь Дингисвайо, что ему угрожает западня. Звиде решил тогда уничтожить Донду и его племя, прибегнув для этого к обману. Он предложил Донде устроить в его владениях небольшую охоту, после которой девушки с листьями капустного дерева в руках исполнят, как обычно, танец любви. При этом Звиде просил Донду не тревожиться, если ндвандве придут с боевым оружием, ибо им всегда приходится остерегаться внезапного нападения Чаки. В назначенный день доверчивый Донда и его

люди отправились на охоту, вооруженные только легкими копьями, даже без щитов. Там они были окружены и вероломно уничтожены все до последнего человека. Девушек увели в качестве трофеев. Трофеем стала и голова Донды — онаполнила коллекцию Нтомбази.

Дальше к северу жили другие кланы кумало, их вождем был Машобаан, отец Мзиликази, прославившегося впоследствии тем, что он создал сильное государство матабеле. Хотя Машобаан приходился Звиде зятем, и он и большая часть его клана также стали жертвами вероломства. Голова Машобаана в свою очередь украсила стену в хижине Нтомбази. Мзиликази сделался на время вассалом Звиде, но вскоре присоединился к Чаке, и в его войсках быстро выдвинулся.

Коварные массовые убийства, каких раньше никогда не бывало среди нгуни, заставили все окрестные племена относиться к Звиде с ненавистью и недоверием. Всем стало ясно, что Чака был прав, предлагая г'вабе и тембу вступить в оборонительный союз с зулусами. Поскольку, однако, территория Чаки играла роль буфера между ними в землях ндвандве, эти два племени не прислушались к его предупреждениям.

Между тем Звиде быстро расширял свои владения, заставляя кланы, жившие на север, восток и запад от его племени, вступать с ним в союз. Только Чака еще мешал ему стать верховным вождем нгуни, и Звиде решил, что нора его убрать.

Звиде нужен был какой-нибудь повод, чтобы в глазах союзников и других вождей война выглядела справедливой. Тут он вспомнил, что давным-давно отец Чаки — Сензангакона — обещал ему трех зулусских девушек за помощь в борьбе против бутелези, которые в то время были его главными противниками. Правда, никакой поддержки Сензангаконе Звиде не оказал и обязательство было дано (если вообще было дано) не Чакой, а его отцом: по обычаю нгуни, вместе с имуществом переходили по наследству и долги покойного, и просто удивительно, сколько кредиторов объявлялось вдруг после смерти богатого человека! И вот Звиде потребовал, чтобы Чака немедленно выдал ему девушек.

— Какая наглость! — сказал Чака. — Никогда сестра моя не станет женой этой ссохшейся старой шкуры, которая сожрала уже половину вождей нашей страны. Пусть попробует сам взять их!

Разъяренный Звиде решил последовать этому совету, руководствуясь больше злобой, чем доводами рассудка: он мог бы подготовиться к походу куда тщательнее, если бы действовал не столь поспешно.

Чака был наготове. Он не только мобилизовал армию, но отправил остальных членов племени, а также скот на южную границу, приказав пастухам держаться близ реки Умлатузи, откуда в случае необходимости они могли за один день достигнуть непроходимого леса Нкан-дла. Несколько ранее Чака объявил мобилизацию всех мужчин старше или моложе призывного возраста, но способных носить оружие. Неутомимый Мгобози создал из них более или менее дисциплинированное ополчение. Ополченцев назвали Нкомендала, что означает «беззубый старый скот», но прозвище это сделалось столь же почетным, как «Презренные старцы»². Большинство ополченцев, а также сильный отряд регулярной армии были посланы для защиты женщин, детей и скота, эвакуированных на юг. После этого у Чаки осталось для сражения со Звиде куда меньше четырех тысяч человек; войско же Звиде было вдвое больше и могло бы стать еще больше, если бы он мобилизовал всех своих северных союзников.

Большую помощь оказал Чаке вождь сокулу Нг'обока. Он, Мгобози и вождь зулусов были друзьями, еще когда служили рядовыми в армии Дингисвайю. Нг'обока принял на себя командование контингентами союзных войск — зламины, сибийя и других, откликнувшихся на призыв инкомо ибадживе (корова увязла, увязла в грязи)³.

Войско Звиде атаковало Чаку примерно в начале апреля 1818 года. Подойдя к берегу реки Уайт Умфолози, которая являлась в то время северной границей маленького зулусского королевства, оно обнаружило, что из-за поздних дождей и недавнего необычайно сильного ливня вода в реке стояла высоко, хотя наводнения не произошло. Поэтому бродов было немного, и каждый охранялся большим отрядом зулусов. Главные силы Чаки сосредоточились на холме Г'окли немного к югу от реки. Чака избрал для них округлое построение. Глубина боевого порядка составляла пять-шесть шеренг. На плоской вершине холма скрытно расположился стратегический резерв. Там же был собран достаточный запас воды в глиняных горшках, тыквах и корзинах для пива. Находилось здесь и значительное количество кота (мука из поджаренных в початках, а затем лущенных и растертых кукурузных зерен) и стояло несколько быков. Чака не забыл и о дровах.

Поблизости от холма Г'окли не было воды, и зулусы очистили окружающую местность от всего съедобного.

Зная от своей отлично действовавшей разведки, что ндвандве вместе с их союзниками в вспомогательными отрядами значительно превосходили численностью его войско, Чака не хотел рисковать и вести бой при линейном построении с открытыми флангами, которые не могли опереться на какие-либо естественные препятствия.

Поэтому-то он и придал своему войску округлое построение, при котором противник мог окружить его, но не уничтожить по частям. Чака считал, что, нанося ему потери, враг,

однако, не сумеет прорвать фронт, ибо потери эти будут компенсироваться постепенным сжатием круга. Он понимал, что опасный план, дающий противнику возможность полностью окружить его войско, требует наличия хорошо обученных и стойких воинов, но не сомневался в железной дисциплине зулусов, а также в испытанном мужестве и упорстве вспомогательных отрядов. Чака, сам того не зная, повторил опыт герцога Веллингтона, который в битве при Ватерлоо построил свои войска в каре. Однако в соответствии с представлениями нгуни он заменил каре кругом, тем самым избавившись от уязвимых для противника углов и избежав риска, па который пришлось пойти герцогу, когда каре, поредевшее под сильным нажимом противника, пришлось перестраивать в треугольники.

Чака был уверен, что сумеет продержаться при любых условиях и что благодаря запасам продовольствия и особенно воды воины его сохранят силы до конца дня. Ндвандве же будут страдать от жажды, которую ничто не возбуждает так, как бой, тем более что в начале апреля бывает еще очень жарко. Поиски воды будут отвлекать значительную часть их сил. Занимая господствующее положение на вершине холма, в центре своей армии, Чака сможет обзирать все поле битвы и заметит любые маневры противника. В случае же какой-либо ошибки с его стороны Чака сможет нанести ему сильный удар в любом направлении, располагая таким преимуществом, как возможность маневра вдоль фронта. Чака всегда считал, что оборонительный бой или кампания приемлемы лишь как средство заставить противника сделать ложный шаг или раскрыть свое слабое место, на которое Чака незамедлительно обрушивался.

Если бы к концу дня оказалось, что он понес слишком тяжелые потери, то после наступления темноты он мог построить своих воинов в одну фалангу, пробиться сквозь ряды противника и уйти со всем своим племенем в лес Нкандла. Однако представлялось более вероятным, что ндвандве прекратят бой, чтобы утолить жажду, а для этого им придется идти до самой реки Умфолози на севере или до реки Умкумбаан на западе, которая ничуть не ближе.

Войском ндвандве командовал Номакхланджана, наследник Звиде. Это был молодой человек, примерно того же возраста, что и Чака. Его сопровождали почти все сыновья Звиде, достигшие совершеннолетия. Все они служили в знаменитом полку или бригаде Ама-Нкайя. Звиде, которому в это время было около пятидесяти лет, никогда не участвовал в походах.

Обнаружив, что брод, к которому вышло его войско, охраняется как будто немногочисленным отрядом, Номакхланджана попытался тут же форсировать реку. Течение было сильным, местами вода доходила воинам до самых плеч. Ниже, сразу за бродом, начиналась гряда коварных порогов. Ндвандве вошли в воду по пяти-шести воинов в ряд — больше не позволяла ширина брода. Каждый нес в высоко поднятой руке щит и асегай, а другой рукой держался за плечо идущего впереди. Таким образом они составили цепь, которая была особенно необходима в глубоких местах.

Отрядом сокулу и зулусов, охранявшим центральный брод, командовал Нг'обока. Ему помогал Ндлела⁴, который появился у Чаки недавно, и храбрый воин Нджикиза Нц'олози. Вооруженный огромной палицей, он совершал ею такие чудеса, что впоследствии эту палицу прозвали «Нохлола-Мазибуко» («Сторож Брода»). Под тем же именем стал известен и ее владелец.

Стоя по пояс в воде поблизости от берега, обороняющиеся имели огромное преимущество перед атакующими. Ндвандве надо было пересечь яму, где вода доходила им до плеч. Вот здесь-то на них и обрушивалась палица на длинной ручке, усаженная железными остриями. Один за другим ндвандве падали в реку, ширина которой достигала ста ярдов. Поток увлекал их к порогам, и те, кто не был убит на месте, гибли, захлебнувшись в волнах. Нг'обока и Ндлела также находились в авангарде и длинными метательными копьями наносили воинам ндвандве удары под водой. Наступающие не могли отводить их, так как борьба с быстрым течением при скользком скалистом дне отнимала все их силы.

В это время прибыл сам Чака с полутысячей наиболее быстроногих воинов полка Фасимба. Основные силы он оставил под командованием верного Мдлаки, который теперь был его заместителем. Чаку сопровождал рвавшийся в бой Мгобози. По плану он должен был оставаться в тылу со стратегическим резервом, скрытым на вершине холма Г'окли. Чака высоко ценил проницательность Мгобози в государственных делах и в общестратегических вопросах, но знал, что при виде противника завятым воякой овладевает одна страсть: схватиться с врагом, независимо от соотношения сил и требований тактики.

Услышав, что у брода завязался бой, Мгобози стал умолять Чаку, чтобы тот разрешил ему принять участие в схватке.

— Отец мой, неужели мы должны сидеть, как стервятники, на вершине холма и ждать, пока враг перебьет наших людей? Не лучше ли показать, что мы мужчины, и ринуться в бой?

— Мгобози, с тобой невозможно спорить! Можешь сопровождать нас, но помни, что хоть в этот раз ты должен сдержаться!

— Байете, баба! — воскликнул Мгобози, славя своего вождя, а затем с горящими глазами обратился к окружающим его воинам:

— Кажется, еще можно избежать смерти от старости, какой умирают коровы в краале.

Когда Чака достиг брода, бой был уже в разгаре. Ндвандве полагали, что, сковав здесь силы Нг'обоки, они смогут незаметно переправиться через реку, используя броды, находящиеся ниже и выше, а затем атаковать зулусов с тыла. Однако вскоре они убедились, что все броды тщательно охраняются.

Чака пришел в восторг от могучих ударов Сторожа Брода, от исключительных способностей, проявленных бывшим людоедом Ндлелой, от того, как руководил боем Нг'обока.

Задолго до полудня Номакланджана понял, что не сможет форсировать реку, и прекратил атаки. Он потерял несколько сот человек убитыми и утонувшими, тогда как у Чаки всего несколько десятков воинов получили ранения, большей частью несмертельные.

Во второй половине дня уровень воды в реке стал быстро падать, и Чака приказал Нг'обоке отойти к главным силам, как только броды станут ненужными. Сам Чака возвратился со своим эскортом на холм Г'окли и потратил большую часть дня на то, что изучал расположение противника за рекой. До наступления темноты он лично проследил за тем, чтобы запас воды в его лагере был полностью обновлен. Воины получили питательный обед из жареного мяса и kota. Были выставлены дозоры, в сторону противника направились патрули, поддерживалась связь с Нг'обокой. После заседания военного совета, в котором участвовали все командиры и старшие офицеры, включая Мдлаку, Нзобе, Нгомаана и Мгобози, Чака улегся спать рядом с Мгобози. Очень скоро его сосед принялся «таскать сухие шкуры» (зулусский эвфемизм, означающий «храпеть»). Спал он счастливым сном, как ребенок накануне большого праздника.

Задолго до рассвета пришел Нг'обока с отрядом, защищавшим брод. Этот отряд был придан центральному резерву на холме Г'окли. Нг'обока, явившийся с рапортом, нашел Чаку сидящим на большом камне на краю плоской вершины, или плато. Отсюда открывался обзор на север, в сторону реки Уайт Умфолози и расположения ндвандве. Чака, окруженный рядами спящих воинов, был догружен в глубокое раздумье.

Нг'обока тихо приветствовал его словами: «Байете, баба!» — и Чака дружелюбно ответил: «Сакубона, Нг'обока, старый друг». Последовал по-военному лаконичный рапорт. Он гласил, что уровень воды быстро снизился, так что через реку можно теперь переправиться во многих местах, и единственным препятствием остаются глубокие омуты. По всему берегу расставлены наблюдательные посты, которым велено не спускать глаз с

противника и через определенные промежутки времени докладывать о его действиях. В это время явились Мдлака, Нзобо и Мгобози, и Нг'обока при них доложил, что за ночь ндвандве получили значительные подкрепления и силы их превышают силы зулусов не менее чем в три раза.

Выслушав донесение, Чака раскрыл Нг'обоке свой план, имевший целью отвлечь часть войск ндвандве от направления главного удара. На рассвете ндвандве увидят, что зулусы гонят свой скот через высоты Тонджанени (в шести или семи милях к югу от Г'окли). Стадо (на самом деле лишь четвертую часть всего поголовья животных) будут охранять пятьсот резервистов Нкомендала, а арьергард составят двести отборных воинов полка Фасимба. Ндвандве — они к этому времени окружают зулусское войско на холме Г'окли — решат, что зулусы угоняют весь свой скот на юг, где он окажется вне пределов досягаемости противника, и обязательно выделяют значительные силы для преследования стада. Нагонят они скот только далеко за высотами Тонджанени, милях в двенадцати от Г'окли, и охрана стада сильно задержит противника. К тому времени, когда он, обремененный большим количеством скота, успеет вернуться, исход боя на холме Г'окли уже будет решен.

Чтобы еще больше ввести в заблуждение ндвандве и их молодого и неопытного командующего Номахланджану, решено было сосредоточить большое число зулусов вокруг центрального резерва, на вершине холма, где они будут незаметны для противника. В результате создается впечатление, что на Г'окли находится всего полторы тысячи зулусов, тогда как на самом деле их будет больше трех с половиной тысяч. Командиру охраны зулусского скота тоже было приказано прибегать к различным уловкам — перегруппировывать своих людей, прятать и снова выводить, чтобы на расстоянии его отряд, насчитывавший семьсот воинов, казался в несколько раз больше. Это заставит ндвандве думать, будто зулусская армия разделилась на две почти равные части.

Кроваво-красный рассвет возвестил наступление нового дня. В этот момент появился отряд воинов, сопровождавший вереницу девушек, каждая из которых несла на голове горшок с пивом. Во главе их шла Пампата.

— Откуда вы в такое время? — воскликнул пораженный Чака.

— Ндловукази («Слониха» — почетный титул Нанди — матери Чаки) послала нас, чтобы развеселить тебя и передать ее послание, — ответила Пампата. — Мы вышли из дому вчера после полудня, и эти воины сопровождали нас всю ночь.

— Тебе следовало оставаться дома, — резко возразил Чака. — Скажи, Пампата, тебя действительно послала моя мать или ты сама все это придумала?

— Господин мой, я умолила ее послать меня к тебе, ибо сегодняшний день будет матерью многих смертей, и я хотела быть с тобой. Гляди, какой красный и зловещий нынче рассвет.

— Да, это так, и до того как зайдет солнце, холм станет еще краснее от крови, которую прольют враги и лучшие люди страны зулусов. Ты говоришь правильно, сегодняшний день действительно будет матерью многих смертей, особенно на стороне ндвандве. Пампата, тебе не страшно?

— За себя я не боюсь нисколько. А за тебя, господин мой, очень боюсь. Умоляю тебя не забывать в пылу боя, что ты не должен сам в нем участвовать. Ибо какой толк в туловище без головы? Ты только руководи боем, и тогда нынешний день породит не одну лишь смерть, но и величайшего из полководцев.

Пампата умолкла и, нервно перебирая пальцами бусы, нерешительно посмотрела на него.

— Что тебя тревожит, Пампата? — ласково спросил Чака. — Говори, не бойся.

— Господин мой, ндвандве много, и бьются они хорошо. А мы все знаем, как Новава — жена отца Звиде, — раздевшись на скотном дворе перед выстроившимся там войском, помешала войне с вождем клана Нц'вангени — Звангендабой. Это была ум-хлоло (дурная примета), и она до того напугала всех, что до войны дело не дошло. Вот я и подумала; что, если нам тоже устроить такое? Даже если дурная примета окажется менее страшной из-за того, что здесь нет скотного двора, то ндвандве все равно охватит тревога и в бою они скоро потеряют мужество.

Чака широко раскрыл глаза от удивления, но спросил ее самым ласковым тоном:

— Что ты задумала?

— Господин мой, как ты знаешь, я не замужем и все еще ношу девичий наряд. Однако я достала нужную одежду и, сделав подобающую прическу, могу придать себе вид замужней женщины⁵. Когда войско ндвандве начнет строиться у подножия холма, я с твоего разрешения разденусь на глазах у воинов и стану молча спускаться к ним, указывая поднятыми руками в их направлении. Мое молчание и медленное приближение собьют врагов с толку, они решат, что это ум-хлоло. Их охватит страх, ведь ничего подобного они еще не видели. Даже если они убьют меня, то все равно им будет не по себе, кровь их обратится в воду, и вы без труда заставите их бежать. Вот и все, если не считать маленького прощального подарка из ниток бус, смысл которого ты поймешь.

Тут она сняла с шеи и передала Чаке нитку причудливо перемежавшихся белых, красных и черных бус, молчаливых вестников ее любви и преданности.

Храбрость всегда вызывала у Чаки восхищение, но это поразительное проявление мужества, сочетавшегося с любовью и преданностью, настолько потрясло его, что он не смог вымолвить ни слова и только сжимал в руке подарок, скромный, но исполненный глубокого смысла. Наконец, после долгого молчания, во время которого глаза его, как передает хронист, увлажнились, он заговорил:

— Спасибо, Пампата. Подарок твой невелик, но голос его звучит громче, чем все голоса страны зулусов. Скажи мне, вон в том свертке не юбка ли, которую ты собралась надеть в первый и последний раз, прежде чем пойдешь на врага обнаженной, как невеста смерти?

— Да, господин мой, но сердцем я буду чувствовать, что мой жених ты, а войско на холме — наши дети; многие из них избегнут тогда жатвы смерти, которая угрожает ныне нашей стране. А потому, господин мой, идя на смерть, я буду самой гордой и счастливой из невест, и в сердце моем зазвучит ихубу (лебединая песнь невесты, покидающей отчий дом) и благодарность за честь, которую ты мне оказал.

— Пампата, ты самая лучшая, но и самая странная женщина на свете. Ну, где ты найдешь зулуса, который сможет когда-нибудь высоко держать голову, если мы станем трусливо прятаться, да еще за беззащитным обнаженным телом храброй и прекрасной молодой женщины? Тем не менее я благодарю тебя за это предложение и никогда его не забуду.

Солнце только что взошло, и разведка донесла, что в двух милях от холма ндвандве начали на двух участках переправляться через реку. Требовалось немало времени, чтобы все они очутились на том же берегу, что зулусы. Поэтому воины Чаки спокойно завтракали жареным мясом и кота. Чака со своими советниками следовал их примеру. На далеких высотах Тонджанени вырисовывались многочисленные силуэты коров и быков, казалось, что это арьергард стада, уже скрывшегося за перевалом. Следом шли воины, копья которых сверкали в лучах восходящего солнца.

— Прекрасно! — сказал Чака. — Ндвандве подумают, что большая часть зулусов ушла со скотом.

Сопровождаемый командирами Чака направился затем к воинам, которые стояли на северном склоне холма, лицом к приближающимся врагам. Он напомнил им, сколь необходимо абсолютное послушание и дисциплина, как важно сохранять строй, не выходить из рядов, внимательно прислушиваться к команде начальников, а самое главное — не попадаться в ловушки ндвандве, так как враги могут симулировать бегство. Даже преследуя противника, подразделения не должны удаляться на расстояние свыше полуброска копья от соседей справа и слева. Отдельные воины или группы, которые окажутся впереди других больше чем на эту дистанцию, поплатятся за это жизнью после боя (если не погибнут раньше), и даже проявление недюжинного героизма их не спасет. Затем Чака обратился с тем же воззванием к воинам, составлявшим остальные три четверти круга, и наконец к резерву. Глубина построения резерва (также в виде круга) была весьма значительна. Он располагался довольно далеко от краев плоскогорья, так что должен был оставаться невидимым противнику, когда тот обложит холм. Воинам резерва было приказано до поры до времени сесть на землю и соблюдать тишину. Остальным была дана команда «сесть на копья».

Время от времени Чака останавливался и обращался к отдельным воинам, называл их по имени, вспоминал какой-нибудь случай из прошлого. Благодаря удивительной памяти полководца на имена и факты зулусы были уверены, что он интересуется каждым из них. Так, словами ободрения, уверенными и властными жестами он передавал каждому воину свой собственный неукротимый дух.

Глава 13 Бой на холме Г'окли

Как и предвидел Чака, Номахланджана послал четыре полка — треть своих сил — за высоты Тонджанени, в погоню за скотом зулусов и охраной. Остальные ндвандве переправлялись через Уайт Умфолози и в количестве восьми тысяч человек построились полукругом у подножия холма Г'окли, с северо-восточной стороны. Номахланджана взял на себя командование северным крылом армии, где стояли четыре гвардейских полка, в том числе полк ветеранов Ама-Нкайя.

Чака расположил свои силы таким образом, что примерно половина каждого полка была хорошо видна противнику, а вторая половина, построенная за гребнем холма, позади первой, оставалась совершенно невидимой врагу. Боевой состав войск, сосредоточенных на холме Г'окли, достигал почти трех тысяч шестисот человек, причем только тысяча шестьсот из них были видны атакующим. Они были построены в пять шеренг с интервалами в два шага между воинами, что давало им возможность свободно действовать оружием.

Разведчики Номахланджаны донесли, что на холме мало войск. Чака всячески способствовал возникновению этой иллюзии: перед приближением ндвандве к холму он приказал четырем задним шеренгам подойти вплотную к передней. Воины уселись на щиты, закрывая друг друга, так что создалось впечатление, что построение лишено глубины. Кроме того, щитов не было видно, и противник не мог по ним определить, какие полки находятся на холме. Поэтому Номахланджана, обладая подавляющим превосходством в силах, был более чем уверен в том, что без труда подавит сопротивление зулусов. Диспозиция последних казалась ему глупой и самоубийственной.

— Биться с ними — все равно что резать скот в краале, — сказал он своим военачальникам.

И Номахланджана громким голосом приказал воинам ндвандве приблизиться к зулусам на расстояние двойного броска копья. С радостными криками его войско выполнило приказ, но по мере сужения круга шеренги воинов все больше уплотнялись и наконец стали выгибаться. Порядок нарушился. Наступая сомкнутым строем, ндвандве не учли, что, начав

с круга диаметром около пятисот пятидесяти ярдов при периметре свыше тысячи семисот, они очень скоро сократили диаметр ярдов на двести, так что периметр уменьшился до тысячи ста ярдов. Командиры сотен и взводов обрушились на них с бранью. Наконец ндвандве вытянулись нестройными шеренгами в двух бросках копья (в ста ярдах) от врагов.

Зулусы продолжали сидеть, сохраняя полное молчание. Многие беззаботно нюхали табак. Суровый строгий вид воинов старших полков резко отличал их от исполненных задора молодых ребят из частей Фасимба и Изи-ц'ве.

Согласно обычаю, ндвандве стали поносить зулусов. Зулусы хранили мрачное молчание. Но когда ндвандве обозвали их беззубыми псами и бабуинами, укрывшимися на холме, послышалось злое рычание, и среди обороняющихся началось движение. Чака громовым голосом приказал им снова сесть на щиты. Команда была повторена Мдлакой и Нзобо, а за ними командирами полков. Ее подхватили, как эхо, командиры сотен и спокойно, но твердо передали воинам взводные.

— Где ваши удальцы? — завопили ндвандве.

— Здесь, — воскликнул Маньози, сын Длекезеле, выступив из рядов Изим-Похло. С разрешения Чаки он приблизился к врагу на расстояние полуброска копья. Навстречу ему направился воин ндвандве. С дистанции в четверть броска он метнул свой асsegай в Маньози и проткнул его щит. Подойдя еще ближе, ндвандве сделал вид, что собирается метнуть и второе копьё, но так как Маньози укрылся за своим щитом, задержал бросок, дожидаясь, пока снова увидит лицо врага. Затем, улучив момент, он бросил копьё и едва не попал в цель. В тот же миг Маньози подбежал к нему, и широкий клинок, войдя в тело ндвандве под левым плечом, пронзил ему сердце. Ндвандве со стоном испустил дух. Маньози же издал победный клич: «Нгадла!»

Со стороны зулусов послышались возгласы.

— Ну, что, такие ли мы беззубые, как вы думали? — кричали они.

Ндвандве ответили яростным ревом.

— Кто следующий? — воскликнул Маньози, и из рядов ндвандве вышел еще один воин. Не успел он метнуть копьё, как Маньози ринулся на него. Щиты их столкнулись, и тогда зулус поддел щит противника и, рванув его влево, получил возможность нанести удар в левый бок ндвандве. Снова раздалось торжествующее «Нгадла!». После того как Маньози расправился с третьим противником, охотников драться с ним больше не нашлось, и он вернулся в строй.

Подстегиваемое насмешками зулусов войско ндвандве двинулось вперед. Было около девяти часов утра — солнце прошло половину пути от восхода до зенита.

— К оружию! — скомандовал Чака. Как и предыдущий, приказ был громко повторен сначала командирами бригад и полков, затем сотниками и, наконец, взводными. С удивительной синхронностью движений, которой всегда отличались зулусы, полторы тысячи воинов, сидевших вокруг вершины холма, поднялись как один человек. Затем полторы тысячи ног — в подобных демонстрациях участвует только одна правая нога — одновременно топнули о землю, так что холм чуть ли не дрогнул. И тут же раздался звук, похожие на раскаты грома или барабанный бой: то каждый воин в течение нескольких секунд быстро бил древком копья по щиту. Четыре шеренги, стоявшие вплотную к передней, теперь отошли назад, так что между ними образовались интервалы в три-четыре шага.

Мгобози, сидевший на плоской вершине холма в центре резерва, который оставался невидимым для противника, застонал. Он слышал топот и знал, что это означает.

— Я даже не вижу их и должен сидеть здесь без пользы, как насадка на куче тухлых яиц.

— Нет, Мгобози, — возразил штабной индуна, только что явившийся с приказанием. — Могучий Слон лишь учит тебя тому же, чему ты учишь своих ребят. Он зовет тебя прийти поглядеть на них. Но ты будешь около него и не вступишь в бой, пока он сам тебе не прикажет. Твое дело следить за боем и говорить, что делать дальше.

В глазах Мгобози появился проблеск надежды, и он поспешил к Чаке. Тот с Мдлакой и несколькими индунами стоял у северного края плоской вершины. Командир бригады Холостяков Нзобо и его индуны занимали такую же позицию у южного края. Нг'обока и Нгомаан находились соответственно на восточной и западной сторонах. Все четыре командира действовали согласованно. Чака предоставил им полную свободу действий, чтобы самому иметь возможность время от времени осматривать все участки фронта. За две минуты он мог обойти вершину холма и составить полное представление о том, что где происходит. От его глаз не укрывался ни один маневр противника.

В совсем ином положении находился Номахланджана. Сидя в тени мимозы у северного склона холма, он видел только то, что происходило непосредственно перед ним, а о ходе боя на других участках узнавал лишь от гонцов. Он был способным и честлюбивым человеком, но как наследник Звиде не любил особенно утруждать себя или заботиться о мелочах. Да и к чему — ведь это даже не бой, а простая прогулка! Чем возиться с этим делом, куда приятнее осушить в холодке горшок-другой пива!

Войско ндвандве вступало в бой очень медленно и осторожно, ибо, когда зулусы внезапно вскочили с земли и «показали щиты», их войско приобрело совершенно иной вид.

В то же время сжатие круга приводило ко все большему уплотнению боевого построения ндвандве. К моменту, когда они остановились в двадцати пяти шагах от противника, готовясь метнуть копья, среди них царил неопиcуемый хаос, так как длина шеренги вновь сократилась с тысячи ста ярдов до шестисот.

Чака, глаза которого сверкали от возбуждения, правильно оценил положение и молниеносно бросил па ндвандве первую шеренгу своих воинов, а сразу же за ней и вторую. «Си-ги-ди!» — орали атакующие зулусы. Затем боевой клич сменился зловещим, свистящим шипением. Подобно лавине, обрушились зулусы на сгрудившихся ндвандве, которые в тесноте не могли даже мотнуть копья. Началась ужасающая резня.

Зулусский полководец следил за происходящим со злобной радостью, но вид одного лишь участка фронта не удовлетворил его, и он быстро обошел всю вершину. Однако и в трех других секторах бой развертывался не менее успешно.

Минуты через две командиры рот и полков ндвандве приказали своим частям и подразделениям отойти. Это, а также потери в передних шеренгах наконец освободили воинам руки. С присущим всем нгуни мужеством ндвандве стали оказывать энергичный отпор, но им не хватало железной дисциплины, выучки и зулусского асsegая с широким коротким клинком.

Менее чем через десять минут в бою наступила обычная пауза — обе стороны, словно повинувшись приказу, немного отступили. Затем Номахланджана отдал распоряжение вернуть все полки к подножию холма, чтобы обдумать, как избежать скученности и связанных с ней потерь. Тогда Чака приказал двум передним шеренгам пристроиться в затылок к остальным, так что первой стала третья шеренга. Сначала, однако, воины собрали копья ндвандве и помогли тяжело раненым зулусам подняться на холм. Тех, кто не имел надежды оправиться от ран, милосердно прикончили: по спартанской логике зулусов, надо было быстрее прекратить их агонию. Если раненый еще мог говорить, у него спрашивали разрешения, которое он неизменно давал. А если он уже утратил дар речи, его молчание рассматривалось как знак согласия. Раненых врагов поголовно убивали и, разумеется, вспарывали им животы.

Тяжело раненных зулусов положили на вершине, поблизости от запаса воды.

Ухаживали за ними мальчишки у-диби. Легко раненные оставались в строю. Все воины получили возможность глотнуть воды. Это пришлось очень кстати, так как не только физические усилия, но и нервное напряжение во время битвы вызывают страшную жажду.

Увидев, какую резню учинили зулусы среди его воинов — свыше тысячи из них полегли на поле боя, — Номахланджана решил одну половину войска оставить у подножия холма, а другую бросить на противника, так чтобы между шеренгами и отдельными воинами в шеренгах оставались большие интервалы.

Чака еще раз тщательно проверил боевой порядок своих войск. Когда он проходил между шеренгами, воины, стоявшие в переднем ряду, поворачивались к нему и снизу вверх смотрели на него: огромный, величественный, атлетически сложенный полководец казался еще больше благодаря тому, что находился выше их по склону холма. Время от времени он подбадривал легко раненных, оставшихся в строю, и с удовлетворением отмечал, что раны на их руках и бедрах перевязаны корой, под которой находятся листья *Datura stramonium*. То и другое он предусмотрительно велел у-диби захватить с собой, так как знал, что нуждается в каждом воине, и всячески старался избежать лишних потерь. Нескольким тяжело раненным Чака приказал выйти из строя — он считал, что они не могут продолжать бой. Заметив плохо перевязанную рану, он сердился и требовал немедленно принять нужные меры. То же происходило, если он обнаруживал дефект в вооружении.

Мгобози шел следом за своим вождем. Похвалами и добродушными шуточками любимый командир подбадривал своих людей. Но горе незадачливому воину, у которого плохо были подвязаны крепления щита, а на клинке ассегая обнаружилось хоть малейшее пятнышко.

Ндвандве снова пошли в атаку, но на этот раз между ними оставались нормальные интервалы. Они опять остановились в полуброске копья от зулусов, которым было приказано присесть на корточки за своими пятифутовыми щитами. И когда на них обрушился град копий, он почти не причинил им вреда. Теперь в первой шеренге ндвандве на каждого воина осталось всего по копью, да и его требовалось сохранить для рукопашной. Что же делать? Эти странные зулусы не бросали копий обратно в противника. Они просто забирали их себе. Ндвандве опять глядели на врагов, как «баран на новые ворота».

Чака ликовал. Повернувшись к Мгобози и своему штабу, он сказал:

— Я с самого начала говорил, нет ничего глупее, чем бросать свое оружие!

Когда второй ряд ндвандве также метнул копья, Чака приказал первым двум шеренгам своего войска атаковать противника. С боевым кличем «Си-ги-ди!» они ринулись на ндвандве, находившихся на двадцать пять ярдов ниже их. Битва превратилась в сотни поединков, происходивших на всех склонах холма. Дуэли эти продолжались от нескольких секунд до многих минут и были чрезвычайно изнурительны, так как требовали энергичной работы ног и рук и акробатической ловкости. Заканчивались они обычно гибелью одного или даже обоих противников. Поединки велись по-рыцарски, никто не вмешивался, чтобы помочь товарищу одолеть врага.

Когда после пятиминутной отчаянной схватки ндвандве и зулусы сделали паузу, причем обе стороны немного отступили, стало очевидно, что ндвандве потеряли вдвое больше воинов, чем зулусы. Из зулусов, составлявших первую шеренгу, одна треть была убита или смертельно ранена, а треть получила легкие ранения, но могла продолжать бой. У ндвандве полегла вся первая шеренга и столько же воинов было ранено в других.

На протяжении боя Чака находился большей частью у северного края плоской вершины, откуда он мог наблюдать за Номахланджаной, сидевшим в тени дерева, и за той частью зулусов, которую атаковал полк ветеранов Ама-Нкайя. Чины штаба Чаки все время осведомлялись, что делается на других секторах фронта, и возвращались с донесениями к

командующему. Но он ничего не оставлял на волю случая и во время схватки сам перебежал через вершину, покрывая дистанцию почти в сто ярдов, чтобы видеть все собственными глазами.

После нового столкновения, продолжавшегося несколько дольше, чем предыдущие, противники опять разошлись. При подсчете потерь (который неизменно производился обеими сторонами) превосходство зулусов стало особенно очевидным.

Номахланджана снова прекратил бой, вернув своих воинов к подножию холма, созвал военный совет, а потом приказал той половине своей армии, которая оставалась в тылу, встать впереди сражающегося войска. Боевые офицеры обстоятельно объясняли новую тактику воинам, еще не участвовавшим в бою. Им надлежало сблизиться с зулусами, воздерживаясь от метания копий, а затем ринуться на врага. При этом первая шеренга схватится с ним врукопашную, а вторая забросает его копьями, пользуясь тем, что в пылу схватки зулусы не смогут прикрываться щитами.

Всякие проволочки были на руку Чаке, ибо чем ощутимее становилась жара, тем скорее должен был прийти ему на помощь главный его союзник — жажда. После полудня, рассуждал он, жара особенно усилится, и воины противника, участвующие в бою, а также легко раненные, станут изнемогать от жажды. Ближайший источник находится в двух милях. За ранеными увяжутся те, кто в бою не пострадал, но не может вытерпеть муки жажды. Ведь по своей дисциплинированности армия ндвандве не идет ни в какое сравнение с зулусской. Вот тогда-то Чака введет в бой свой свежий резерв, не страдающий от отсутствия воды, и нанесет сокрушительный удар по противнику. К резерву присоединятся и легко раненные, напившиеся вдосталь и перевязавшие свои раны.

Чака заранее разработал систему дымовых сигналов, которые должна была подавать охрана стада, чтобы держать его в курсе передвижения полков ндвандве, отправившихся в погоню за скотом. Столбы дыма на крайнем левом фланге означали, что ндвандве настигли зулусов и перешли в наступление. Такие же столбы справа возвестили бы о том, что ндвандве повернули назад. Пока что дым вздымался к небу только со стороны левого фланга.

Когда ндвандве снова перешли в наступление, Чака поломал их планы: едва они подошли на расстояние полуброска копья, на них стремительно ринулись первые две шеренги зулусов. Атакующие сбросили первый ряд ндвандве на второй. Оба ряда слились, интервалов между людьми не осталось, и это лишило третий ряд возможности метать копья. Снова возникла ожесточенная схватка. Зулусы получили приказ использовать преимущество атаки сверху и, прикрываясь щитами, прыгали на ндвандве. Постепенно ряды противника все более уплотнялись. В то же время вторая шеренга зулусов настолько придвинулась к первой, с которой составляла один эшелон, что воины могли рубить врагов, не задевая товарищей, находившихся впереди. Держа копья за концы древка, они без труда дотягивались до противника. Тогда Чака послал вперед еще и третью шеренгу, сохранив при себе в резерве только одну, состоящую исключительно из более или менее легко раненных воинов. Однако резерв на вершине оставался в неприкосновенности.

К тому времени, когда наступила очередная пауза, яростный напор зулусов отбросил ндвандве больше чем на двадцать шагов.

Противники снова оторвались друг от друга, и Номахланджана в очередной раз отвел свои полки к подножию холма. Он был крайне раздосадован повторяющимися неудачами и, собрав старших командиров и большинство сотников, долго ругал их за то, что они не умеют воевать.

Он снова послал свои войска в бой, но им опять не удалось прорвать строй зулусов. Полдень уже миновал, стояла сильная жара, и многие раненые, но еще боеспособные воины уходили на север и запад, где надеялись найти воду.

Командиры ндвандве обсуждали положение. Из пяти шеренг зулусов двух уже не стало, а в остальных было немало раненых. Однако и ндвандве понесли большие потери, и теперь соотношение сил было для них менее благоприятным, чем в начале боя.

«Если б только удалось поколебать несокрушимый строй этих зулусов!» — думал Номахланджана. И он велел командирам шепотом передать воинам такой приказ: атаковать противника, но после короткой схватки изобразить паническое бегство; достигнув же подножия холма, где они соединятся с резервом, сделать поворот кругом и ринуться на зулусов, которые в пылу боя обязательно последуют за ними.

Ндвандве соответственно пошли в атаку; когда они приблизились, зулусы, как и прежде, бросились на них. После непродолжительной схватки в задних рядах ндвандве раздался крик, и они обратились в бегство, прикрывая спины щитами. Ряд за рядом поворачивал назад, но, прежде чем передний успел произвести маневр, Чака объявил громовым голосом, что это ловушка, и запретил своим воинам преследовать противника более чем на один бросок копья. Однако торжествующие зулусы, обезумев от жажды крови, вышли из повиновения. Ндвандве несли страшные потери, так как преследователи, не обутые в сандалии, легко их опережали. Напрасно командиры рот, не жалея глоток, кричали зулусам, чтобы те прекратили погоню у линии, указанной Чакой. Большинство взводных сами были охвачены горячкой боя и не отставали от рядовых в кровавой и славной погоне.

Чака пришел в ярость, но не мог не заметить, что его люди наносят бегущему врагу чудовищный урон. Мозг его лихорадочно работал, ибо столб дыма поднялся теперь на правом фланге отряда ндвандве, посланного за скотом. А это значило, что отряд возвращается и сможет принять участие в бою, если тот не закончится вскоре после того, как солнце пройдет немного больше половины пути между зенитом и закатом. Не пора ли бросить на врага замаскированный резерв и, воспользовавшись резней, которую устроили зулусские воины, превратить ложную панику среди ндвандве в настоящую? Чака сообразил, однако, что ндвандве сумеют рассеяться во все стороны и чересчур многим удастся избежать окружения, которое он задумал. К тому же он считал, что успеет уничтожить основные силы ндвандве до возвращения четырех полков, посланных в погоню за скотом. Чака с удовлетворением отметил, что, хотя его воины и закусили удила, они сохраняют свой замечательный боевой порядок и не обгоняют друг друга, что было им запрещено под страхом смерти. Когда ндвандве, достигшие подножия холма, повернули назад, часть зулусов прорвала их строй, а многие даже успели зайти в тыл врага, прежде чем были перебиты.

Большинство зулусов пришли, однако, в себя и поняли, что очутились в отчаянном положении. Тут их выручила железная дисциплина и большая подвижность. «Назад на вершину холма, щиты держать сзади, — снова и снова звучали слова команды. — Бежать как можно быстрее, но строй не нарушать!». Ротные, взводные и многие рядовые громко повторяли этот приказ.

Зулусы и на этот раз без труда обогнали своих противников, и те снова очутились перед двумя сплоченными шеренгами, занявшими первоначальные позиции вокруг вершины холма. Таковы были плоды дисциплины и быстроты передвижения.

После довольно беспорядочной схватки все повторилось сначала: ндвандве отступили и были отозваны к подножию холма. Командиры собрались на очередной совет.

Жара достигла апогея, и раненые уходили в сторону от холма, а за ними шло немало воинов, страдавших только от жажды. Номахланджана и его штаб были равнодушны к этим мукам: у них-то было достаточно и воды и пива.

Между тем воинам Чаки у-диби без устали подносили воду. Энтузиазм последних все возрастал. Некоторые из них даже напроказили, присоединившись к погоне и уложив нескольких ндвандве метательными копьями, подобранными на поле боя.

Пока у противника шло заседание военного совета, Чака обходил ряды своих воинов, суровый, как смерть, и разъяренный, «словно лев, попавший в сеть», раскатистым голосом он обличал неповиновение и, подобно Тору, метал молнии смерти. Чака приказал в каждом взводе казнить одного воина в назидание остальным. Но перед лицом врага не должно быть бессмысленного убийства одних зулусов другими. Осужденным будет предоставлена возможность умереть, как приличествует воинам. Хотя они виновны в самом тяжком преступлении, какое может совершить воин, а именно — в неповиновении, сражались они по-геройски. Однако дисциплина должна быть железной. Кто именно умрет — решат ротные, которые проследят за тем, чтобы провинившиеся командиры взводов выставили свою квоту. Казнь совершится следующим образом: приговоренные выдвнутся вперед на расстояние броска копья от своих взводов и там станут дожидаться атаки противника, с которым будут биться одни, пока не погибнут.

Штрафники не ропща заняли указанные им позиции. Затем эти обреченные на смерть повернулись назад и, подняв копья, в последний раз приветствовали короля: «Байте!» А потом, снова сделав поворот кругом, топнули правой ногой о землю и прокричали во всю мощь своих легких: «А-йи-зе!» («Пусть он (враг) придет!»).

Вождь зулусов, который все время был начеку, заметил, что ндвандве совершают необычный маневр. Они отвели части, полукругом охватывавшие северный склон холма, и сосредоточили их вокруг дерева, под которым сидел Номахланджана. В начале битвы у Номахланджаны было восемь полков — всего около семи с половиной тысяч человек. Одна треть была убита или получила смертельные раны. Другая треть отправилась на поиски воды — среди них свыше половины получили те или иные ранения, но могли еще сражаться. Легко раненых было бы больше, если бы они не возвращались в строй, где гибли или получали новые, на этот раз смертельные раны. Итак, в распоряжении Номахланджаны осталось лишь около двух с половиной тысяч человек, но, насколько он мог судить, этим силам противостояли только две шеренги зулусов — всего человек шестьсот, из коих половину или даже больше составляли раненые, не способные биться так, как прежде. И он решил сокрушить зулусов одним ошеломляющим ударом. Плохо, конечно, что столько его воинов покинули поле боя, но и без них хватит сил, чтобы справиться с врагами.

На холме воцарилось зловещее молчание. Воздух был пропитан тошнотворным запахом крови и мертвых тел, уже начинавших разлагаться. Солнце пекло нещадно. Высоко над головами противников проносились стаи стервятников. Их становилось все больше — о том свидетельствовали тени, кружившие над полем битвы. Лишь изредка тишину нарушали резкие крики белошеих ворон, питающихся падалью.

Чака пристально следил за сосредоточением сил Номахланджаны, особенно с того момента, как заметил, что часть воинов, составлявших южный круг, тоже направилась к своему полководцу. Он почуял, что готовится нечто новое. Столбы дыма на правом фланге зловеще приближались, но все еще находились за высотами Тонджанени. Значит, у него еще оставалось время, хотя и немного. Наступал критический момент.

План противника начал вырисовываться. Из массы ндвандве, сосредоточившихся вокруг Номахланджаны, выделилась колонна воинов. Они построились рядами по двадцать человек с интервалами в три шага между рядами; Колонна направилась к центру северной дуги, образуемой построением зулусов, где на вершине холма сидел сам Чака. Перед его глазами проходил ряд за рядом, пока голова колонны не достигла подножия холма. Всего было семьдесят пять рядов, а длина колонны равнялась двумстам ярдам. Номахланджана намеревался использовать ее как таран. Ударив по двум шеренгам зулусов, он бросит их прямо в пасть южному полукругу ндвандве.

Глаза Чаки сверкали. Численность приближавшейся колонны составляла полторы тысячи человек, а у него в резерве находилось две тысячи еще не участвовавших в бою воинов. Полторы тысячи он бросит на врага, добываясь полного охвата, а пятьсот оставит на

холме для отпора голове колонны. Они составят «грудь» боевого порядка, а также послужат центральным резервом на случай наступательных действий южного полукруга противника, в котором оставалась теперь всего тысяча воинов. Две шеренги воинов, окружавшие гребень холма, Чака решил пока не трогать.

Номахланджана очень удивился, увидев, что из-за гребня выходит зулусская колонна, идущая навстречу его собственной. А вслед за этим глазам его предстало еще более поразительное зрелище: две параллельные колонны, состоявшие из рядов по восемь воинов, со страшной быстротой ринулись вниз по склонам холма; они неслись вдоль обоих флангов его колонны, держась от нее на расстоянии, несколько превышавшем бросок копья. Едва он успел сообразить, что противник охватывает его таран, как полк Фасимба, находившийся справа от Чаки, и полк Изи-ц'ве, находившийся слева, почти достигли хвоста колонны ндвандве, создав угрозу безопасности командующего. Номахланджана и его свита вскочили с мест и укрылись в глубине своей колонны. Вскоре после этого «рога» зулусского боевого порядка сомкнулись вокруг противника, подобно лапам свирепого медведя.

За полком Фасимба неся вспомогательный отряд во главе с Нг'обокой, а за воинами полка Изи-ц'ве спешили у-дламбедлу. Ветераны Ама-Вомбе окружили голову колонны ндвандве. Все это были только полуполки, но они вступили в бой со свежими силами и страстным желанием сражаться. Воины полка Джубинг'ванга находились в резерве за центром южного полукруга ндвандве. Обе шеренги этого полукруга атаковали зулусов так же ожесточенно, как прежде. Все форпосты штрафников, выставленные на южной стороне, погибли, мужественно сражаясь. Некоторые из них, придя в ярость, проложили себе путь через шесть или семь шеренг ндвандве, а затем напали на противника с тыла и дрались в глубине его боевого порядка, пока не погибли. Уцелевшие ндвандве впоследствии создали легенду о том, что зулуса мало убить: чтобы он упал на землю, надо еще толкнуть его труп.

Наконец Чака разрешил Мгобози вступить в бой. Он поставил его во главе полка Фасимба, но окружил отрядом отборных ветеранов Ама-Вомбе, в составе которого был и Нджикиза — Сторож Брода, — чтобы менее импульсивные ветераны сдерживали молодых бойцов.

— Смотри, чтобы ворота моего краая были хорошо заперты. И пусть ни один из молодых бычков Звиде не останется на воле, — внушал Чака Мгобози. — Следи за этим больше, чем за самим боем.

Едва «рога» зулусов сомкнулись вокруг ндвандве, как Мгобози, «заперший» таким образом «ворота» краая, почувствовал, что с него спало бремя ответственности, и счел себя вправе развлечься небольшим кровопролитием: он поставил себе целью пробиваться сквозь строй ндвандве, пока не убьет всех сыновей Звиде.

Самая кровавая из битв, происходивших дотопе в стране зулусов, приближалась к своему апогею. Повсюду слышались крики «Нгадла!», но хотя ндвандве знали, что они обречены, полк ветеранов Ама-Нкайя сражался с беззаветным мужеством, причиняя зулусам немалый ущерб. Широкие клинки зулусских ассегаев наносили врагам кровопролитные раны. Кровь ндвандве и зулусов образовала на поле боя ручейки и лужи. Запах ее опьянял бойцов. Истекающие кровью воины вырывали у себя пряди волос и ими или перьями с головных украшений затыкали в секунды затишья зияющие раны.

Получив первое ранение, Мгобози пришел в ярость и с убийственной стремительностью леопарда сеял смерть направо и налево от себя. Однако и сам он несколько раз избежал гибели только благодаря бдительности Сторожа Брода, который, следуя приказу Чаки, шел вплотную за ним. Много смертельных ударов, нацеленных в коренастого Мгобози, так и не было нанесено, так как с высоты своего огромного роста Сторож опускал на голову противника усаженную шипами палицу с длинной ручкой или той же палицей бил его наотмашь по лицу. Ндлела — бывший каннибал и будущий премьер-

министр — охранял Мгобози справа, совершая почти невероятные подвиги. Нкайшана Кузвайо, действовавший слева, почти не уступал ему, но Мгобози превзошел их всех.

Номахланджана предпринял отчаянную попытку выбраться из западни. Командир южного участка фронта ндвандве не имел никакого понятия о трагическом положении своего главнокомандующего, а потому от него нельзя было ждать помощи. И Номахланджана отдал своей колонне приказ пробиваться на север, подальше от холма-ловушки. Он рассчитывал, что хоть некоторым из его воинов удастся прорваться и вернуться домой. И сам он и его братья не были трусами. Когда хвост колонны, где они находились, после поворота кругом превратился в ее голову, они вступили в бой с фалангой Мгобози и сражались героически. Но, конечно, им было далеко до воинов Мгобози. Номахланджана и его четыре брата — Номбенгула, Мпепа, Сик'олоба и Дайингубо — бились с величайшим мужеством, но вскоре погибли. То был черный день для отца их Звиде: эти сыновья были гордостью его сердца. Охваченные жадной мести, ветераны полка Ама-Нкайя в бешенстве бросились на врагов, презрев смертельную опасность.

Сообразительный Ндлела понял, что настало время податься в сторону, но ни ему, ни телохранителям не удалось заставить Мгобози уйти с пути этой лавины: в боевом азарте он совершенно потерял способность рассуждать. Телохранители обернулись, чтобы посмотреть, не идут ли подкрепления. Когда через мгновение они снова взглянули на Мгобози, он уже неподвижно лежал под своим щитом среди тел сыновей Звиде, Сторож же молча добивал группу растерявшихся ндвандве.

— Они убили Мгобози С Холма! — закричали телохранители. Пронзительный вопль был подхвачен всем опечаленным войском. Зулусы, обезумевшие от ярости, с воплями ринулись на врага. Ндвандве встретили их столь же яростно.

Вскоре все кончилось: вся колонна ндвандве численностью полторы тысячи человек погибла, но рядом полегло пятьсот зулусов. Итак, две тысячи мертвых и умирающих на пространстве в четыре тысячи квадратных ярдов. Над телами сыновей Звиде, там, где лежал Мгобози, высился злоедейский курган трупов.

Чака с мрачным удовлетворением отметил быструю гибель Номахланджаны и его колонны. На юге с высот Тонджанени уже спускались полки ндвандве, ведя с собой захваченный скот. То была серьезная потеря, но, как он рассчитывал, временная.

Теперь Чаке надо было как можно быстрее ликвидировать отдельные группы воинов ндвандве, которые отправлялись на поиски воды, а сейчас возвращались к холму, и, кроме того, уничтожить южный полукруг врага.

Он немедленно приказал, чтобы тысяча воинов, уцелевших после уничтожения колонны ндвандве, отправилась на север и на запад и разгромила отряды, ушедшие за водой. Затем отвел назад, за исключением выдвинутых вперед смертников, две шеренги воинов, составлявшие северный полукруг у вершины холма, и велел им образовать правый и левый «рога» на флангах южного полукруга.

Так он подготовился к тому, чтобы бросить на оставшиеся силы ндвандве всех бойцов, находившихся в его распоряжении, кроме двухсот более или менее тяжело раненных, которым поручил охрану холма.

Как раз перед этим командир южного полукруга ндвандве с удивлением узнал от своих разведчиков о страшной трагедии, разыгравшейся на северном склоне. В то же время он заметил полки ндвандве, возвращающиеся с зулусским скотом, и приказал своим воинам начать поспешный отход в этом направлении. В начале маневра между южным полукругом ндвандве и их преследователями зулусами было двести ярдов. Многим зулусам мешали передвигаться раны. Тем не менее они быстро настигли отступающих. Но командир ндвандве искусно маневрировал, используя узкие долины и овраги, а также гряды невысоких

холмов. Он пожертвовал медленно двигавшимися ранеными воинами, и те погибли, сдерживая врага в арьергардных схватках на пересеченной местности. Это дало ему возможность избежать боя до тех пор, пока главные его силы не вышли на более открытое место тремя милями дальше. А там уже должна была подоспеть помощь со стороны авангардов четырех возвращающихся полков. Все же он едва избежал полного уничтожения и понес тяжелые потери, прежде чем натиск возвращающихся ндвандве заставил Чаку отказаться от продолжения битвы и начать медленный отход с арьергардными схватками. При этом Чака завлекал противника в направлении Булавайо, где на помощь ему должна была прийти — после ликвидации мелких групп ндвандве — бригада Белебеле. При благоприятном стечении обстоятельств это дало бы ему возможность зажать противника в клещи.

Ндвандве, получившим задание захватить скот зулусов, пришлось нелегко. Нкомендала и двести воинов полка Фасимба не раз давали им ожесточенный отпор. Предпринимая контратаки, они уничтожили много взводов ндвандве, которые имели неосторожность обогнать в пылу преследования свои полки. Босые Нкомендала, юные и старые, передвигались гораздо быстрее, чем ндвандве в их неуклюжей обуви. Зулусы потеряли триста человек из семисот, но потери ндвандве были вдвое больше. Уцелевшие зулусы не отрывались от арьергарда ндвандве, стараясь отбить свой скот.

Приблизившись к Булавайо, Чака решил дать бой противнику, чтобы не допустить сожжения краала. В его распоряжении оставалось свыше тысячи человек.

Нкомендала продолжали тревожить противника с тыла партизанскими действиями, которые должны были сковать значительную часть его сил. Кроме того, Чака получил сведения о том, что бригада Белебеле завершила разгром мелких групп ндвандве, отправившихся за водой, и теперь спешит к нему на помощь со стороны левого фланга, в направлении, почти перпендикулярном линии движения врага.

Свежие силы ндвандве численностью три тысячи человек упорно теснили Чаку, а около пятисот, спасшихся с холма Г'окли, сдерживали натиск Нкомендала. Основная тяжесть боя легла на плечи полка Джубинг'ванга, ибо большинство воинов других частей бригады Иси-Клебе или Изим-Похло получили ранения в битве на холме Г'окли и не могли уже сражаться по-настоящему. Маньози, прославившийся своим удальством перед началом боя, бился, как лев. Однако постепенно его крыло бригады стало отходить к краалу, и сам Маньози грудью защищал вход в королевскую хижину. Здесь он был тяжело ранен метательным копьем.

Бой грозил кончиться плохо для зулусов, но Чака сохранял спокойствие и во главе резерва из отборных воинов устремлялся на те участки, где создавалась наиболее серьезная опасность. При этом он не колеблясь лично бросался в бой, поддерживая своих воинов не только оружием, но и вовремя сказанной шуткой или похвалой.

Тут на правый фланг противника вышла бригада Белебеле, и это сразу изменило обстановку. Чтобы избежать окружения, ндвандве попытались немедленно выйти из боя, но «Лишенные головных колец»² неотступно преследовали их на западе. Нкомендала частично перерезали линию отступления противника на юг, а бригада Белебеле полностью преградила пути отхода на север, угрожая создать такое же положение и на востоке.

Менее тысячи ндвандве избежали окружения и смерти. Последняя фаза сражения принесла Чаке такую же победу, как уничтожение колонны Номахланджаны, а может быть, даже и большую. Всех раненых врагов, а также зулусов, находившихся в безнадежном состоянии, тут же прикончили, а тяжело, но не смертельно раненных разместили в Булавайо под надежной охраной.

После этого наиболее быстроногих воинов послали за скотом, остальные же, в основном легко раненные, вдоволь напились из реки Мходи и к заходу солнца возвратились

с Чакой к окровавленному холму Г'окли.

Заходящее солнце было таким же багровым, как на рассвете, возвестившем наступление этого рокового дня.

Снова очутившись на холме, Чака мрачно оглядел театр смерти. Зулусская армия дала свое первое настоящее сражение и билась со славой, но заплатила за победу дорогой ценой. Насколько дорогой, он узнает только завтра, когда поредевшие полки выйдут на перекличку.

Чака взглянул на северный полукруг и увидел, что штрафники все еще находятся на своих местах, за исключением одного, которого увлекла за собой колонна. Далеко внизу, у подножия холма, высился Сторож Брода. Он стоял, опершись на длинную ручку своей чудотворной палицы, продолжая охранять курган трупов, под которым лежали Мгобози и сыновья Звиде. Тут Чака смягчился и приказал штрафникам выстроиться перед ним.

— Духи оказались добры к вам, — сказал он. — Всех ваших товарищей на южной стороне настигла смерть, а вы потеряли лишь одного человека. Я обещал, что вас убьют не зулусы, но противник не сумел сделать это, а потому мне остается только отпустить вас. Отдыхайте пока с остальными на вершине холма, а завтра отправляйтесь в свои полки.

Поблагодарив вождя возгласами «Байте!»), штрафники отправились выполнять его приказ.

К Чаке присоединился его штаб и члены военного совета, включая Мдлаку, Нгомаана и Нг'обоку. Нзобо и Ндлелы еще не было — они руководили погоней за скотом. Чака не упустил из виду ни одной детали. Он решил разбить лагерь на холме, — там для его сильно уменьшившегося войска должно было хватить запасов воды и продовольствия, тем более что после битвы у-диби принесли еще воды, а от ндвандве удалось отбить несколько голов зулусского скота. Холм был удобен и по соображениям безопасности: у ндвандве оставалось еще около двух с половиной тысяч человек, а силы, находившиеся с Чакой, были невелики.

Близилось полнолуние. Месяц ярко освещал членов военного совета, которые расположились полукругом возле Чаки, сидевшего на большом камне. Все были опечалены гибелью Мгобози. О нем же грустно беседовали воины, сидевшие неподалеку от своих командиров, вокруг костров, на которых у-диби жарили мясо.

Нг'обока, некогда вошедший в тройственный союз с Мгобози и Чакой, был особенно огорчен смертью Мгобози и просил рассказать о ней подробнее. Чака сообщил, что Сторож все еще стоит на посту у кургана тел, и предложил отправиться туда, осмотреть трупы и расспросить Сторожа.

Над холмом, по склону которого они спустились, стояло страшное зловоние. Повсюду слышался мрачный вой гиен, сменявшийся демоническим смехом, который животные издают, когда находят много пищи. Это самый жуткий звук, какой только можно услышать в джунглях Африки. Вдалеке раздавался рык льва.

Сторож стоял, как статуя, освещенная луной, лениво опираясь на свою палицу. Но, завидев Чаку, он моментально вытянулся перед ним.

— Где Мгобози? — спросил Чака.

— Он спит с сынами Звиде под этим курганом тел.

— Что, под кучей мертвецов? Ведь я поручил тебе охранять его жизнь.

— Я выполнял приказ Могучего Слона до последней возможности. Чу! Отец мой!

— Дадевету (клянусь сестрой)! Кто-то под этими трупами «тащит сухие шкуры» (храпит), — радостно воскликнул Чака. — Я хорошо знаю этот звук. Разве не он помешал мне заснуть минувшей ночью, когда Мгобози лежал подле меня? А что, он серьезно ранен?

— Раны не тяжелые, отец мой, хотя он потерял немало крови. К тому же на него попало малость крови небесной (зулусской). Трупы удержали его на месте и спасли от новых бед. Он давно уже шевелится и скоро проснется.

Чака приблизился к кургану.

— Мгобози! — заорал он.— Мгобози! Мгобози! После третьего зова из глубины кургана раздался глухой замогильный голос:

— Йебо, баба.

— Что ты там делаешь?

— Не знаю, отец мой, но на меня обрушился холм. Командиры, сопровождавшие Чаку, преодолели суеверный страх и принялись энергично растаскивать трупы, которые придавили к земле их любимца Мгобози.

Когда с него сняли последнего мертвеца, старый боевой конь приподнялся и сел. В правой руке он все еще держал свой испытанный клинок. Мгобози положил его на колени и протер глаза. Затем оглядел кучу трупов и воскликнул, засопев:

— Эге! Похоже, что тут здорово дрались! Искренние проявления радости по поводу его «чудодейственного» возвращения очень тронули израненного ветерана. Кровожадное выражение сошло с его сурового лица, оно расплылось в улыбке. Теперь оно излучало то скрытое очарование, которое привлекало к Мгобози всех, кто его знал.

Воин произнес характерные для него слова, которые потонули в громовых возгласах одобрения:

— Да, ребята, я вернулся! А то кто же иначе стал бы вам досаждать?

На следующий день Чака приказал покинуть холм и отправиться в военный крааль Эси-Клебени. Товарищи поддерживали тяжело раненных или несли их на руках. Они миновали окружавшее холм кольцо трупов со вспоротыми животами. Зачем это делается, стало очевидно, когда на равнине воины наткнулись на останки ндвандве, ходивших за водой. В пылу погони убитым не успели вспороть животы, и их раздувшиеся от газов трупы приняли фантастические формы, словно подтверждая суеверия нгуни. Ведь они объясняли это явление тем, что дух не может покинуть тело. К тому же вонь была здесь несравненно сильнее, чем на холме, ибо в телах, оставшихся нескрытыми, процесс гниения протекал гораздо быстрее. Так с очевидностью была доказана гуманность бесчеловечного на первый взгляд обращения с павшими. Один злосчастный воин ндвандве все еще был жив. Он стонал от жажды и боли, которую причиняла ему смертельная рана. Его быстро прикончили — самый милосердный и гуманный поступок в этих обстоятельствах, а затем вспороли ему живот.

В течение дня полки, посланные в погоню за стадом, вернулись в крааль Эси-Клебени с большей частью скота, захваченного ндвандве. Однако под покровом темноты врагу удалось все же угнать много животных, а для зулусов это было равносильно утрате воинских почестей.

Когда обескровленные полки вышли на смотр, Чака установил, что потери его составили свыше полутора тысяч убитыми и пятьсот человек ранеными. Большинство остальных воинов получили легкие ранения. Начинал же он сражение, имея около четырех тысяч трехсот воинов, включая и охрану стада.

Когда, обходя поредевшие ряды, Чака заметил зловещее отсутствие стольких знакомых лиц, по лицу его заструились слезы. То была молчаливая дань павшим. Затем он поблагодарил всех воинов, полукругом выстроившихся вокруг него, за их непревзойденную доблесть.

Ндвандве потеряли около семи с половиной тысяч человек. Для зулусов это была большая победа, ибо Звиде не в силах был сразу оправиться от такого поражения, хотя всегда мог рассчитывать на подкрепление от своих родичей на севере. Но и войско Чаки изрядно пострадало. Самый сильный его отряд состоял теперь приблизительно из полутора тысяч воинов, которые остались вне боя, охраняя женщин, детей и скот на южной границе (с землями г'вабе). Все население возвратилось теперь в свои краали и не переставало благодарить Чаку за то, что храброе зулусское войско спасло незащищенных жителей от ужасов войны.

Пампата первая принесла Нанди весть об одержанной победе.

Глава 14   Преемник Дингисвайо

После смерти Дингисвайо союз племен, возглавлявшийся мтетва, лишился верховного вождя. Как ни прочно утвердилась уже репутация Чаки, какими бы грозными противниками ни считались зулусы, до битвы на холме Г'окли их вождь был еще недостаточно крупной фигурой, чтобы возглавить конфедерацию (этот термин употребляется здесь в общем смысле) и перенести ее центр в Булавайо. Но теперь положение изменилось: Чака и его воины нанесли поражение самому большому войску в стране зулусов и самому способному после Дингисвайо вождю. Поэтому все те, кто прежде привык слушаться Дингисвайо, почти автоматически обратили свои взоры теперь к Чаке. Зулусы и мтетва объединились: вождем вторых стал Мландела, старый друг Чаки, а мтетва Нгомаан сделался премьер-министром у зулусов. По мере роста молодого зулусского государства увеличивалась его притягательная сила, которая и без войны вовлекла в его орбиту мелкие кланы Сикакане, Мпунгосо и Ндлову.

В это время на службу к Чаке поступил молодой вождь небольшого клана Кумало — Мзиликази, будущий основатель и король нации завоевателей, матебеле. Отец его Машобаан приходился зятем Звиде, что не помешало последнему вероломно убить его. Череп убитого, как обычно, украсил собой музей Нтомбали. Некоторое время Мзиликази оставался вассалом своего деда — Звиде, но после битвы у холма Г'окли этот умный, честолюбивый и талантливый молодой человек решил соединить свою судьбу с судьбою Чаки.

Прирожденный полководец, Чака умел с первого взгляда оценивать людей. Мзиликази сразу понравился ему, он понял, что перед ним человек незаурядный. Хотя Мзиликази был лет на восемь моложе Чаки — в то время, следовательно, ему было не больше двадцати трех лет, — он сразу же был назначен на ответственный пост в зулусской армии. Мзиликази привел с собой лишь небольшое число родичей — северных кумало.

Вскоре южные кумало, мабасо и родственные им кланы Коса, Магубаани и Нц'убени, населявшие территорию между Бабананго и Нг'уту, заключили союз с быстро растущим зулусским государством или же влились в него на основе мирного соглашения.

Благодаря наследию Дингисвайо и этому дополнительному притоку сил Чака мог теперь выставить армию из восьми полков, численностью тысячу человек каждый. И это несмотря на потери, понесенные в битве у холма Г'окли. Он сформировал также первый женский полк, получивший наименование «Вутвамини» («Те, что созревают в полдень» — название дикого, но сладкого плода).

У быстро оправившегося от ран Мгобози, который занимался обучением армии, дел было по горло. Он неустанно муштровал полки, пока они не овладевали искусством сохранять почти идеальное линейное построение даже при движении беглым шагом по пересеченной местности. Мгобози проявил себя настоящим педантом, добиваясь быстрой

передачи приказов от командира к рядовым, вслед за которой после паузы продолжительностью в глубокий вздох все воины должны были одновременно топнуть правой ногой о землю; это служило сигналом к выполнению приказа.

Он учил также воинов быстро перестраиваться, сохраняя строгий порядок, вести ближний бой по правилам, разработанным самим Чакой, проводил военные игры и упражнения с затупленным оружием. Воины боялись Мгобози из-за его требовательности и острого языка, но и любили за заботливость. «Неужели мне суждено увидеть, как после следующей битвы вас пожрут стервятники и гиены, и только потому, что по глупости или лености вы не захотели понять: чему учу сегодня — спасет вас завтра», — говорил он.

После того как новобранцы проходили у Мгобози огонь, воду и медные трубы, начиналось утомительное обучение в поле под руководством Чаки и Мдлаки. Переходы по пятьдесят-шестьдесят миль в день, большей частью рысцей, заканчивались боевыми маневрами. Если на марше воин отставал от товарищей без веской на то причины, специальный индунга или старейшина арьергарда немедленно закалывал нерадивого бойца его же копьем. Так родилась зулусская армия, девизом которой было: победить или умереть.

Звиде тоже энергично восполнял понесенные потери. В лице своих северных родичей — свази — он располагал почти неограниченным источником живой силы. Своим главнокомандующим он назначил Сошангаана. Этот человек был сыном Зикоде, сына Газы, сына Манукузы и являлся представителем младшей ветви царствующего дома ндвандве. Впоследствии он прославился как один из трех великих конкистадоров (два других — Мзиликази и Звангендаба), каждый из которых основал большое государство в пятистах — двух тысячах миль от страны зулусов. Сошангаан создал империю Газа или Шангана, охватившую восточное побережье от пункта чуть севернее бухты Делагоа до самой Замбези. Победоносно продвигаясь вперед, он уничтожил или сбросил в море всех португальцев, встретившихся ему на пути, а также истребил на южном берегу Лимпопо отряд форттреккеров во главе с ван Ренсбурггом.

Звангендаба — последний из трех удачливых конкистадоров, происходивших из страны зулусов или граничащих с ней земель, в то время также получил ответственное назначение в армии Звиде, которой командовал Сошангаан. Он был сыном Хлачвайо и главой подклана Гумби, одного из ответвлений клана Нц'вангени (или Мфекаан).

К числу грозных полководцев, поступивших на службу к Звиде, относился также Нк'аба из клана Мсане, к которому принадлежал и Мгобози. Своими подвигами он почти не уступал Сошангаану. Пришли в армию ндвандве и многие другие прославленные воины. Черпая все новые силы на севере, востоке и западе, эта армия росла настолько быстро, что угрожала утвердить свое господство над всеми нгуни. К тому же северные родичи и друзья Звиде развернули такую кампанию против зулусского выскочки, убившего сыновей Звиде, что дело явно шло к крестовому походу против Чаки.

Вождь зулусов, ценивший превыше всего правильную и своевременную информацию о планах противника, сумел подкупить высокопоставленного советника Звиде по имени Нолуджу (Медовый человек) и точно знал, что происходит в лагере Звиде. Вскоре Чака понял, что на границах его владений подготавливается вражеское нашествие.

Он снова обратился с просьбой о помощи к Пакатвайо — вождю клана Г'вабе, являвшегося старшим братом клана Зулу. Просьбу передал его посол Нц'озана, сын Мони. Он заявил Пакатвайо, что его господин не нанес Звиде никаких обид, если не считать того случая, когда назвал его «ссохшейся старой шкуркой». На что Пакатвайо ответил:

— Пойди и скажи своему королю: «Зачем ты это сделал, зачем употребил оскорбительные слова, говоря о старшем? Если тебе требуется теперь помощь, проси ее у судо (клан, живший в двухстах милях)».

Получив этот мало обнадеживающий ответ, Чака поклялся именем своей сестры Номц'обы и приказал послу сказать вождю, чтобы тот велел вставить клинки в древки.

Зловещее послание, в котором назначались также место и время встречи двух армий, совершенно ошарашило Пакатвайю, и он выразил свои чувства такими словами: «Горе мне, люди, на меня опорожнился ворон, пролетавший мимо!» (зулусская идиома, обозначающая неожиданное несчастье; как говорят у нас, «гром с ясного неба»).

Зная через своего шпиона Нолуджу, что Звиде слишком занят укреплением армии и оплакиванием сыновей, чтобы тотчас же затеять новую военную авантюру, Чака уверенно повел свои силы на южную границу, не опасаясь вмешательства с севера. Битва произошла в середине зимы 1818 года, и Чака благодаря своему блистательному маневрированию легко и быстро одержал победу. Вскоре после начала военных действий воины нк'умало захватили в плен вождя г'вабе. После этого Чака приказал сложить оружие и отпустить всех вражеских воинов.

Разгром так подействовал на Пакатвайю, что с ним случился удар, и ночью он умер в конвульсиях. Чака обвинил его братьев в небрежности, а может быть, и в преступлении и отправил их в изгнание. Королевский же скот, который они рассчитывали унаследовать, конфисковал так же, как и весь гарем.

Покорение и включение в состав зулусского государства клана Г'вабе, притом с минимальным кровопролитием и без уничтожения их имущества, было большим успехом, и Чака счел, что со стороны южной границы, которой стала теперь река Тугела, ему не грозят более никакие неприятности.

Начав с территории в сто квадратных миль, Чака за два с половиной года распространил свое господство более чем на семь тысяч квадратных миль — от Уайт Умфолози на севере до Тугелы на юге и от океана до большого леса Нкандлы — крыши страны зулусов — на западе. Тридцать вождей со своими кланами, включая такие крупные, как Мтетва и Г'вабе, составили военно-политическое объединение, признав Чаку верховным вождем и самодержавным правителем всей страны. Чака стал теперь настоящим королем. Боевая подготовка армии не прекращалась ни на минуту, оружейники и кузнецы не покладая рук мастерили щиты, служившие отличительным знаком полков, и стандартизированные клинки для ассегаев.

Земледелие интенсифицировалось. По всей стране плели из травы мешки для зерна, но зачем — это знал один Чака. В животноводстве широко практиковалась селекция: малорослых бычков подпергали кастрации, лучших же животных отбирали на племя.

Хотя Чака нанес сильный удар колдунам, или прорицателям, необыкновенный успех, которого добился Звиде, околдовав Дингисвайю, невозможно было отрицать. Оккультная «профессия» создала себе такую рекламу, что дела ее пошли необычайно хорошо. И это не могло не повлиять и на самого Чаку. Никогда не полагаясь на случаи и полагая, что Звиде начнет напускать на него колдовство, если только завладеет какой-нибудь частицей его тела, Чака принял все возможные контрмеры. Он считал себя менее уязвимым, чем другие, ибо не вступал (пока еще) в связь ни с одной женщиной из своего гарема и допускал в свою хижину только самых близких друзей. Кроме того, он поручил доверенному знахарю Мг'алаану из клана Пзуза окружить его чарами, противодействующими колдовству. Однако Чака никогда не был сторонником исключительно оборонительной тактики и перенес войну колдунов в стан противника. Он стал регулярно получать через Нолуджу — вероломного советника Звиде — состриженные волосы и ногти вождя ндвандве, травы с порога (амакогамо), обрывки одежды — словом, все то, в чем нуждался зулусский знахарь для своих заклинаний. Затем началась контрбомбардировка.

Чака настолько усовершенствовал разведку, что обо всем, что случалось в стране ндвандве, он уже через сутки узнавал от гонцов зламини. Зламини были близкими родичами

ндвандве, но ненавидели их. Маленькое государство зламани с севера граничило с владениями Чаки и, хотя числилось союзником Звидо, поддерживало усилия, направленные против него.

С того времени как Чака стал вождем маленького клана Зулу, он был так занят, что никак не мог выбрать время для большого умкоси — праздника урожая. Разумеется, и при нем ежегодно отмечали малые умкоси, то есть праздники сбора первых плодов, ибо без этого никому не позволялось даже отвесть продуктов сельского хозяйства.

В 1818 году малый умкоси состоялся, как и обычно, в полнолуние, примерно совпавшее с рождеством. На нем было решено, что в следующее полнолуние состоится празднование большого умкоси. Все торжества зулусов происходили только в эту фазу луны.

Ежегодный праздник сбора первых плодов был связан с сельским хозяйством. Считалось, что урожай всех культур, а следовательно, и богатство нации зависят от состояния короля, потому и сам он и орудие его власти — армия — должны были предварительно подкрепиться специально приготовленными снадобьями, сопровождая их принятие соответствующими обрядами.

По случаю празднества устраивался парад и смотр всей армии, объявлялись новые законы и отменялись старые. На большой умкоси собиралось все взрослое мужское население, все девушки, достигшие зрелости, и все замужние женщины. Малый же умкоси, как видно и из его названия, был делом второстепенным, хотя почти во всем походил на большой. Оба празднества служили поводом для развлечений; зулусы плясали, пели новые песни. В это время не происходило никаких казней.

Замечательной особенностью праздника было то, что в день смотра воинам предоставлялась значительная свобода слова. Любой из них мог безнаказанно задать королю любой вопрос, и король обязан был отвечать всем и каждому. Разрешалось открыто критиковать его поступки, требовать объяснений, подвергать сомнению и опровергать выдвигаемые им доводы².

В новолуние после малого умкоси в королевский крааль Булавайо стали прибывать полки для обработки огородов правителя. Каждый воин принес с собой полную парадную форму, и командиры следили за тем, чтобы к смотру все были одеты с иголки. Из полковых краалей пригнали большое количество скота. На некотором расстоянии от королевского крааля каждый полк построил себе временный лагерь. Между полками существовало острое соперничество, поэтому во избежание столкновений между ними лагерь располагали далеко друг от друга.

К празднику был создан женский полк Вутвамини, которому тоже был отведен участок земли под лагерь. Доступ мужчин в этот лагерь строго запрещался. Это был самый большой из полков — он насчитывал около трех тысяч человек.

По обе стороны от него разместились два полка кадетов — тоже нововведение Чаки. Они состояли из ребят от шестнадцати до девятнадцати лет, то есть уже зрелых юношей, но еще не достигших призывного возраста.

Щиты их были совершенно черными, в то время как на щитах воинов младших полков — также черных — имелись белые пятнышки. По мере накопления воинами боевого опыта количество белых пятен на щитах возрастало, ветераны же носили чисто белые щиты, иногда с небольшой черной отметиной. Щиты красные или с красными пятнами при Чаке не пользовались популярностью.

За три дня до полнолуния на скотный двор пригнали самого свирепого и сильного быка из всего стада. Воины младшего полка должны были голыми руками поймать его, повалить наземь и задушить. При этом обычно быку удавалось забодать несколько человек, притом одного или двух насмерть. Из жира убитого быка готовили снадобье для воинов.

Часть его шла на укрепление сил всей армии, а из остального варили самое сильное «черное» снадобье, которое с той же целью должен был принять сам Чака. Оно состояло из животного и человеческого жира, а также многих растительных компонентов. Считалось, что, выпив его, простой смертный немедленно погибнет.

Поскольку благополучие нации зависело от короля, сильный король означал сильный народ — логика простая, но неопровержимая!

Два дня и две ночи Чака должен был провести один в своей «большой» хижине. В дневное время к нему имели доступ знахарки, которые давали ему снадобье, сопровождая это обрядами очищения и укрепления. Ночью же при нем разрешалось находиться одной лишь избранной им девице³. Выбор Чаки, естественно, пал на Пампату. По словам Ндженгабанту Эмабомвини, девушка рассказала королю аллегорическую историю.

— Взгляни на смоковницу, господин мой. Она растет быстро и своим молодым могучим стволом и раскидистыми ветвями дает тень и уют множеству людей и их скоту. Но потом ветви разрастаются настолько, что становятся бременем для ствола. Наступает день, когда они ломаются от собственной тяжести, оставляя большую рану в теле, давшем им жизнь, и неся смерть и разрушение тем, кто укрылся внизу. После такого случая все разумные люди избегают этого дерева, ибо знают, что несчастье может и должно повторяться, пока от смоковницы не останется гнилой пень или, в лучшем случае, голый остов, смутно напоминающий о былом величии.

— И это потому, Пампата, что у дерева или ствола не хватило сил, чтобы поддерживать ветви?

— Нет, не так, господин мой, ибо каким бы крепким ни было дерево, оно не может помешать ветвям сломаться, от собственной тяжести, если они будут расти и расти. А когда сломаются — остатки их начнут гнить. Постепенно гниение охватит и породивший их ствол, и он тоже зачахнет и погибнет. Об этом я узнала от нашего «отца», Мбийи. Как женщине, мне было бы легче вспомнить старую поговорку, которая гласит: не зарься на поле, коли его не прополешь.

Чака, по словам хрониста, ответил:

— Хорошо сказано, Пампата. Никто не выразил бы твою мысль лучше, а тем более приятнее, чем ты. Не бойся — по крайней мере до поры до времени, — что я перерасту свою силу. Людоед с севера день и ночь ищет моей гибели. И может еще случиться, что нам придется, как диким зверям, питаться кореньями и ягодами в лесу Нкандла.

Сообщают также, что, хотя Чака не нарушил обычая и выпил приготовленные для него снадобья, он понимал — и сказал об этом Пампате, — что благотворное действие их носит «психологический» характер и никак не зависит от их состава. А Пампата согласилась с ним.

— Мои мысли бегут рядом с твоими, господин мой, — сказала она. — Когда я однажды перепутала травы, лекарство для желудка излечило меня от головной боли. Но, когда я обнаружила ошибку, оно перестало действовать, как и все другие.

На второй день, незадолго до заката, Чака должен был совершить обряд уку-квифа, то есть, подняв голову, выплюнуть снадобье в направлении заходящего солнца.

Когда Чака вышел из хижины, все воины и остальные взрослые мужчины, построившись в ряды, приветствовали его троекратным кличем: «Байте!»

Нацелив асsegай и государственный жезл на заходящее солнце, Чака выплюнул «лекарство» в этом же направлении, воины же скандировали: «Он вонзился, краснохвостый!». Выплювание и скандирование повторились дважды, после чего Чака вернулся в хижину. Всем взрослым мужчинам подали угощение — пиво и мясо. Пение и

пляски продолжались всю ночь.

На рассвете воины приблизились с песнями к хижине Чаки и принялись кричать: «Выходи, иди сюда!» Чака, согласно обычаю, вышел не сразу, дожидаясь, пока к поющим присоединятся принцессы королевского дома. Наконец он показался, украшенный кукурузными початками, листьями, различными травами, а также бусами и браслетами. Он проследовал вдоль рядов своих воинов, стоявших сомкнутым строем, и, дойдя до ворот скотного двора, остановился в ожидании восхода солнца.

С первыми лучами солнца король повторил обряд плевания. Затем он бросил на землю глиняный сосуд, так что тот разлетелся на куски. После этого воины развели костер из горькой полыни, и король несколько раз выплевывал на огонь лекарство, пока вся полынь не сгорела⁴. Всякий раз воины кричали хором: «У! У! У!». Целью этого обряда было выдворение злых духов, заразы и болезней.

В жертву духам предков было заколото несколько голов скота. Все славил подвиги короля и его отцов. А потом полки направились на кладбище, где в освященной земле были похоронены предки Чаки. Не подходя близко к могилам, воины почтительно обратились к духам с просьбой выйти на свет. «Придите, придите сюда!» — кричали они. После молитв, обращенных к предкам, началось общее веселье. Все пили, пели и плясали до упаду.

Ближе к полудню появился Чака в полной парадной форме, и это послужило сигналом к церемониальному маршу полка Вутвамини. Девушки шли почти нагими, пленя естественной красотой форм. Их было три шеренги, по тысяче человек в каждой. Одеты они были в соответствии с обычаем того времени: пояс с бахромой, сплетенный из побуревших фиговых листьев, на талии. Ширина его составляла четыре дюйма (спереди — немного больше). Кроме того, один-два браслета, иногда нитка бус на шее. Вот и весь наряд.

Дочери вождей, старейшин и богатых людей обходились даже без такого пояса, заменяя его символическим одеянием в виде нескольких нитей бус (в то время это был редкий и дорогой товар), закрывавших участок тела длиной три дюйма и шириной два. Бусы свешивались со шнурка, повязанного вокруг бедер, и играли роль скорее фартука, чем одежды.

На глиняный бугор высотой девять футов, служивший во время парадов трибуной, принесли связку тростниковых циновок. Матери Чаки — Нанди — они заменили кресло. Справа от нее вождь посадил свою сестру Номц'обу, а слева — другую свою, сводную, сестру Номзинтлангу, принцессу королевского дома зулусов. У ног Нанди сидела Пампата, окруженная дамами зулусского двора.

Чака стоял впереди сиденья матери, чуть ниже по склону холма, но высокий рост позволял ему обозревать все поле.

Мужские полки, численностью около тысячи воинов каждый, выстроились справа от него. Слева — напротив них, на расстоянии примерно двухсот ярдов — стояли три шеренги девушек. Мужские полки и женский медленно двинулись навстречу друг другу. При этом они пели и танцевали, но не нарушали строй, сохраняя почти безупречно прямую линию. Воины в полной парадной форме со щитами цвета присвоенного их полку являли собой великолепное зрелище. Вот показалось море белых щитов и колеблемых ветром страусовых перьев: это идут полки ветеранов. За ними следуют полки более молодых воинов с черно-белыми щитами. На солнце сверкают копья. Замечательная картина, выражающая не только суровую красоту войска, но и высокую его боеспособность. От ритмического топота тысячи ног содрогалась земля — то была зловещая демонстрация силы, впечатление от которой еще усиливалось звчным пением воинов.

Когда между шеренгами мужчин и девушек осталось всего несколько шагов, они немного отступили — столь же медленно, как сближались, но затем снова пошли вперед. Это

повторилось несколько раз. Потом шеренги снова расступились, и между ними прошел Чака. Он пел песни, которые сочинил к новому году. Их подхватили заранее подготовленные запевалы, а за ними и все собравшиеся.

После этого воины образовали перед бугром полукруг, и Чака вступил в него. Песни и пляски он перемежал новыми шутками, которые встречали громкое одобрение аудитории. Все шутки были облечены в форму загадок. Например: «Труса (и-гвала) презирают, а дважды труса уважают. Что это?» Ответ: «и-гвала-гвала (красный бананоед)», яркими перьями которого награждали воинов, проявивших особую доблесть.

Чаку сменили воины и девушки, плясавшие группами по пятьсот человек. Затем они построились в роты и подошли к бугру, приветствуя Чаку и королеву-мать Ндловукази (Могучая Слониха), которую особенно почитали как первую и самую великую женщину страны.

Стоя возле сидевшей матери — случай, не имевший прецедента среди нгуни, — Чака сказал:

— Гляди, мать! Все эти люди твои. Я не бросал слова на ветер, когда клялся тебе в дни нашей бедности, что когда-нибудь ты станешь величайшей из королев.

— Да, дитя мое, ты обладаешь теперь почти пугающим меня могуществом, о котором я и мечтать не смела. Но чем больше оно становится, тем меньше я тебя вижу.

— Верно, мама, но если это могущество не будет и дальше расти быстрее, чем могущество моих врагов, тебе и всем нам придется есть ягоды в далеких лесах.

На следующий день рано утром состоялся большой военный парад. Полки соревновались друг с другом, перестраиваясь и совершая другие маневры. Парад закончился церемониальным маршем поротно. Вслед за этим все войско окружило Чаку и началась замечательная дискуссия с полной «свободой слова». Каждый полк выставил одного или двух ораторов, которые принялись критиковать различные действия и упущения короля.

Подойдя к Чаке, первый оратор бесстрашно спросил:

— Почему чужаков ставят над зулусами? Чака ответил:

— Всякий, кто вступает в зулусское войско, становится зулусом, а дальнейшее его продвижение по службе зависит только от заслуг, независимо от того, по какой дороге (ндлела) он пришел.

Двусмысленный ответ Чаки был встречен громкими возгласами одобрения: экс-каннибал Ндлела являлся наиболее ярким примером выдвижения независимо от происхождения, и он-то скорее всего (это понял умный Чака) и послужил причиной вопроса.

— Почему г'вабе отделались так легко? — спросил второй оратор.

— Брат не пожирает брата, а два брата сильнее, чем один.

Снова громовые возгласы одобрения.

— Почему не ударить по ндвандве сейчас, пока они не стали чересчур сильны? — спросил третий.

— Умный вопрос. Но скажи мне, разве рука говорит желудку, что пора есть, или наоборот?

Снова крики одобрения и насмешки над смущенным вопрошателем.

— Почему ты не убил Нобелу? — гласил четвертый вопрос. — Она послала на мучительную смерть многих невинных, обманула тебя, и ты признал ее вину.

— Она попросила убежища и по закону страны получила на него право, как только

призналась в более тяжком преступлении — колдовстве.

— Да, но ты мог казнить ее за менее тяжкий проступок — обман. В этом случае она не могла бы требовать убежища. Ты же стал с ней торговаться. Зачем?

Вопрос потонул в возгласах одобрения. Чака ответил несколько раздраженно:

— Разве пальцы знают, куда голова пошлет ноги?

— Это не ответ, — закричал спрашивающий. — Скажи, зачем ты сторговался с ней и напустил на нас это чудовище?

. — Потому что она нужна мне, как нужен огонь, идущий против ветра, когда надо спастись от другого, большего огня, идущего по ветру.

— Это разумный ответ, но жаль все-таки, что ты ее отпустил.

— Почему король не женится и не имеет детей? — задал свой вопрос пятый оратор.

— Бык живет спокойно, пока бычки — его потомство — не начинают бунтовать против его власти.

— Тогда почему ты не трогаешь Дингаана (младший сводный брат Чаки), который ходит по земле как вечная угроза тебе?

— Неужели я должен убить сына моего отца?

— Нет, Могучий Слон, но запомни мои слова и не доверяй ему. То, кто любит тебя, заметили, что, когда он смотрит на тебя, в его глазах появляется злобный блеск. Носи щит на спине, отец мой.

— Когда воинам будет разрешено жениться? — спросили далее Чаку.

— Для молодых воинов брак — безумие. Их первый и единственный долг — защищать нацию от ее врагов. Но выполнять его как следует они могут, только когда руки их не связаны семьей. Пусть достигнут зрелого возраста и докажут свою доблесть, тогда я стану давать разрешения на брак отдельным воинам или даже особо отличившимся полкам. Но пока не будет в стране безопасности от нападения внешних врагов, запрет на браки сохранится и будет сниматься только в совершенно исключительных случаях.

— Неужели все эти прекрасные девушки обречены тосковать в одиночестве, неужели они увянут, так и не став матерями?

— Зрелая женщина рождает более здоровых детей. Лучше иметь мало детей и рожать их пореже.

— Неужели не жаль отдать этих девушек потом нескольким старикам, которые выживут благодаря своей осторожности в бою, в то время как самых храбрых из нас настигнет смерть?

— Взгляни на Мгобози. Один такой мужчина породит больше настоящих воинов, чем двадцать не испытанных в бою юношей, если им будет разрешено жениться без всяких ограничений. Разве мы не отбираем быков на племя? Так неужели же мы станем менее тщательно отбирать отцов будущих детей страны зулусов? Говорю вам всем, что впредь каждый мужчина должен будет доказать свою доблесть, прежде чем получит право жениться и стать отцом. Я не допущу, чтобы продолжение нашего рода зависело от непроверенных мужчин, которые могут оказаться плохими отцами. Взгляните на меня, вы мои однолетки, и все, кто моложе меня. Хоть я король и всевластен, у меня нет жены. Я назвал вам истинную причину этого, но есть и другая: впереди слишком много битв, чтобы я мог позволить себе возиться с женщинами, и все вы знаете, что до сих пор я не притронулся ни к одной ум-длункулу. Поэтому никто из вас не может пожаловаться на то, что я заставляю воинов ступать туда, куда не ступаю сам, что я обращаюсь с вами иначе, чем тогда, когда повел на

поле, усеянное колючками, и показал, как затаптывать их в землю, прежде чем потребовал того же от других.

Воины, сгрудившиеся вокруг Чаки, ответили громкими приветствиями.

— Он настоящий вождь вождей, — кричали они, — ибо никогда не требует от нас того, чего не сделал сначала сам. Кто подобен ему? Веди нас, отец, и мы будем следовать за тобой, пока не станем есть землю. Только прикажи, сын неба, и мы сделаем все. Байете!

Десять тысяч ног одновременно топнули о землю, так что гул пошел. «Байете! — снова загремели воины, а потом еще раз повторили: «Байете!»

После полудня все взрослые мужчины опять явились на народное собрание. Чака провозгласил новые законы на этот год и отменил ряд прежних. Его слова с замечательной точностью передавались глашатаями по рядам.

Затем все разошлись, чтобы снова есть, пить и обсуждать события дня.

На следующий день зулусы, не служившие в армии, отправились по домам, а полки вернулись в военные краали.

Глава 15

Вторая война с ндвандве

Столица Чаки — Булавайо — находилась всего в пяти милях от северной границы его государства — реки Уайт-Умфолози; на почти прямой линии между столицей и рекой были расположены военные краали Эси-Клебени и Белебеле. Первый отстоял от границы на три мили, второй — на одну.

За рекой, в направлении владений Звиде, жили дружественные зламини, а немного ниже по течению той же реки — нейтральные зунгу. Эти два маленьких государства являлись единственными буферами, сохранившимися между Чакой и Звиде.

Молодой и неопытный вождь зунгу по имени Манзини располагал полком праздных юношей, которых он называл «Дикими собаками». Чака, всегда озабоченный пополнением своих сил, сделал Манзини неожиданное предложение: уплатить за каждого воина этого полка (всего их было человек двести) по теленку, и еще двадцать быков за полк в целом. Манзини ухватился за это предложение, и Чака с помощью Мгобози быстро превратил «Диких собак» в мужественных, дисциплинированных воинов, а их полк — в настоящую воинскую часть¹. Когда надо было пролить кровь, они по храбрости не уступали зулусам. Со временем в зулусской армии появились представители трехсот различных кланов нгуни. В этническом и лингвистическом отношении они составляли одну нацию, во всяком случае в такой же мере, в какой принадлежат к одной нации многочисленные кланы шотландцев.

Вскоре после этой сделки Манзини получил еще одно заманчивое предложение — на этот раз с севера. Могущественный Звиде сообщил, что хочет выдать замуж лишних девушек своего племени и намерен устроить пляски любви (иджаду), чтобы зунгу могли выбрать себе подруг. Ничего не подозревавший Манзини согласился, и радостная пляска любви снова была превращена вероломным Звиде в кровавую бойню. Правда, Манзини и многим его соплеменникам удалось спастись, переплыв через вздувшуюся реку Уайт Умфолози. Достигнув южного берега, они укрылись под крылом у Чаки.

В мае 1819 года, сразу же после уборки зерновых, Чака приказал всему населению сорокамильной полосы, простиравшейся от северной границы до реки Тугела, засыпать урожай в предоставленные им мешки и спрятать в отдаленных пещерах и дебрях леса

Нкандла. Остальным жителям было предложено укрыть зерно где придется. В каждом краале разрешалось держать только то, что необходимо для текущих нужд.

Между тем Нолуджу — доверенный советник Звиде — энергично старался заманить своего повелителя в западню. Под предлогом разведывательной деятельности в стане противника он нанес визит Чаке и окончательно согласовал с ним план, целью которого было ослабить и измотать войско ндвандве, втянув его в бесконечную погоню, притом на пустой желудок. Убедившись, что Чака действительно готов к войне, он поспешил назад к Звиде и доложил ему, что существует прекрасная возможность «застичь зулусов спящими». Поверив в это, Звиде мобилизовал всю конфедерацию ндвандве, и огромное войско двинулось на юг, имея при себе трехдневный запас просяного теста.

У Чаки агентурная разведка была организована настолько хорошо, что уже за день до выступления армии ндвандве из столицы конфедерации он эвакуировал в лес Нкандла всех до единого жителей из коридора шириной в сорок миль, куда намеревался заманить врага. На остальной территории все женщины, дети и домашний скот были эвакуированы из краалей в леса Эдлинза близ Эшове, Дуку-Дуку и другие.

Во главе войска ндвандве стоял прославившийся впоследствии грозный Сошангаан, а одним из его восемнадцати полков командовал Звангендаба, который привел в дальнейшем свои легионы завоевателей-нгуни на берега озера Виктория-Ньяза, в двух тысячах миль от этих мест.

Сошангаан извлек должные выводы из поражения ндвандве на холме Г'окли и в дополнение к двум метательным копьям большинство его воинов было теперь вооружено той или иной разновидностью тяжелого короткого асегая для рукопашного боя. Однако они все еще были обуты в сандалии, хотя это делало их гораздо менее мобильными, чем зулусы. Значительно улучшились выучка и дисциплина.

Армия ндвандве, насчитывавшая восемнадцать тысяч человек, снова переправилась через реку Уайт Умфолози в страну зулусов, где она уже побывала однажды. Войско миновало холм Г'окли, усеянный белыми костями, но не встретило там главных сил зулусов. Навстречу попадались только разведчики, а иногда — сильные патрули. Продолжая наступление, ндвандве увидели, наконец, первый полк зулусов, медленно двигавшийся на юг, через высоты Тонджанени.

В конце первого дня ндвандве стали лагерем на голом плоскогорье Мелмот. Зима уже наступила, было холодно и даже морозно. Не имея топлива, воины сильно продрогли, к тому же они страдали от частых боевых тревог. Целые роты зулусов предпринимали ложные атаки на их лагерь, оглашая окрестности, погруженные во мрак, страшными боевыми криками.

Ндвандве отправились в поход, имея трехдневный запас провианта, ибо рассчитывали пополнить его за счет зулусских зернохранилищ. Однако, к их удивлению, закрома оказались совершенно пустыми. Нигде не было ни горсти зерна, а полное отсутствие признаков жизни в зулусских краалях пугало пришельцев, производя на них гнетущее впечатление.

Утром они покинули плоскогорье Мелмот и продолжали марш на юг, преследуя неуловимый поток зулусов. К этому времени у них оставалось очень мало просяного теста, ибо они потратили почти два дня на то, чтобы достигнуть границы, а затем королевской ставки и военных краалей, где рассчитывали в изобилии найти продовольствие.

На второй день марша по вражеской стране (четвертый после выступления из своей столицы) ндвандве совершили губительную для них ошибку: около ста голов своего скота они поместили в самом конце колонны. Внезапно, как из-под земли, появился целый полк зулусов, легко справился с немногочисленной охраной и угнал большую часть быков.

Нападение произошло незадолго до наступления сумерек. Отходя на запад, зулусы

использовали ущелья и другие неровности рельефа для арьергардных боев. Так они успешно отбивались от врага и отбрасывали его, пока ночь не прекратила преследование.

Эту ночь голодные ндвандве провели на южном берегу Умлатузи — большей частью без сна из-за холода и ложных атак зулусов. Их главные силы расположились поблизости от восточной опушки леса Нкандла, где под защитой деревьев было немного теплее.

Теперь Чака больше всего тревожился о том, как бы голодные ндвандве не повернули вспять. Поэтому в ту же ночь он велел перегнать быков из следовавшего за ним стада в пункт милях в двух к югу от противника и разбрызгать здесь кровь недавно заколотого животного. Как обычно в таких случаях, быки принялись громко реветь. Рев далеко разносился в чистом зимнем воздухе, и голодные ндвандве услышали его. У них создалось впечатление, что быки совсем близко. Поднялся шум: воины хотели тут же отправиться за «мясом». Но осторожный Сошангаан почуял западню и настоял на том, чтобы сначала выслать разведку. Зулусы намеренно не тронули разведчиков. Стараясь создать видимость, что они испугались ндвандве, они стали кричать друг другу, что надо поскорее угонять скот. У разведчиков сложилось впечатление, что все зулусы вместе со своим скотом либо уже переправились, либо переправляются через Тугелу напротив Нтундхамбили (Кранскоп), спасаясь бегством на юг.

Выслушав донесения разведчиков, Сошангаан решил дожидаться утра, а затем как можно быстрее начать преследование противника. На рассвете ндвандве увидели, что отряды зулусов вместе со стадами переваливают всего в семи милях от них через восточные отроги холма Сун-гульвени, к востоку от леса Нкандла. Голодные полки бросились в погоню.

Зулусы с помощью этой уловки заставили врагов преодолеть чуть ли не бегом расстояние в тридцать пять миль, отделявшее их от Тугелы, затем увели у них из-под носа скот, послуживший приманкой, переправили через реку, а сами построились на противоположном берегу, в ожидании атаки ндвандве. Однако некоторые броды охранялись настолько слабыми отрядами, что подозрительный Сошангаан не позволил своим воинам, обезумевшим от голода, продолжать погоню. Его поддержали Звенгендаба и Нк'аба, огорченные тем, что ндвандве так и не настигли зулусов. Поэтому было решено начать ложный отход, а затем укрыться в восточном отроге леса Нкандла и там ожидать дальнейших действий зулусской «лисицы». В то же время командование послало в восточном направлении фуражиров, поручив им во что бы то ни стало добыть скот, ибо последних быков, оставшихся у ндвандве, уже закололи и, хотя рацион был уменьшен в четыре раза, запас мяса кончился. В степи и открытой саванне встречалось мало дичи — об этом позаботились зулусы. В густом лесу Нкандла можно было рассчитывать на более удачную охоту, но там были вероятны и внезапные атаки противника. К тому же все нгуни испытывали глубокое отвращение к мрачным диким лесам в стране противника, хотя очень ценили такое убежище на собственной территории.

Пока военачальники ндвандве совещались, Чака и его штаб, расположившись на возвышенности Нкандла, в тылу противника, разглядывали его лагерь на берегу реки, в нескольких милях вниз по течению; множество костров разгоняли ночь. Вместе с вождем зулусов находились Мзиликази, будущий король матабеле, и Мдлака, который стал теперь первым после Чаки лицом в его войске. Чака, как и всегда, был неутомим: весь день он собственными глазами следил за каждым шагом вражеских войск. Он был в отличном настроении и заметил: «Крокодил опасен в воде. Но замани его на сушу, и справиться с ним будет легко. Ндвандве голодны, несчастны, находятся далеко от дома... Надеюсь, что они переправятся через реку, но если даже этого не случится, скоро они ослабеют настолько, что можно будет их атаковать».

На следующее утро Сошангаан отозвал оба отряда, переправившиеся через Тугелу, и начал отход вверх по крутому северному берегу реки. Еще до наступления вечера вся его армия укрылась в восточном отроге леса Нкандла. Маневр был осуществлен с большим

искусством, его прикрывали многочисленные разведчики; однако еще до наступления темноты Чака был обо всем осведомлен. Его силы находились в глухой чаще леса, всего лишь в трех милях к западу от войска ндвандве. На бесчисленных небольших кострах жарилось мясо, причем был отдан приказ приготовить его и на завтра.

За исключением Мдлаки ни одна живая душа не знала планов зулусского короля. Чака всегда заботился о том, чтобы они хранились в тайне, пока не наступало время нанести удар. В дальнейшем, когда король зулусов больше не сопровождал свою армию в наиболее отдаленных походах, он посвящал в свои стратегические замыслы только главнокомандующего и его заместителя. Такая секретность предотвращала утечку информации. Именно благодаря этому зулусской армии почти неизменно удавалось застигнуть противника врасплох, как бы далеко он ни находился.

В эту июльскую ночь 1819 года дикий лес представлял собой жуткое, но величественное зрелище. Десять тысяч зулусских воинов расположились под сенью больших акатников. Тыльная сторона их листьев отражала огни тысячи костров, блеск ассегаев и щитов. Воют дикари, но какой замечательный повсюду порядок, какая дисциплина!

Мпанде, сводный брат Чаки. Король зулусов с 1840г. Рис. Ангаса, ок. 1848

Король Чака сидел, прислонившись спиной к стволу лесного гиганта, которому было полторы тысячи лет от роду. Перед ним ярко горел костер. Слева от него находился молодой Мзиликази, справа — мрачный Дингаан, его двадцатидвухлетний сводный брат и будущий король зулусов. Другой сводный брат — пятнадцатилетний Мпанде — в то время был одним из у-диби.

Впоследствии он стал королем и тридцать два года подряд правил зулусами. Пока что он подавал мясо и пиво своим братьям. Присутствовал в качестве у-диби и будущий вождь Сигананда Ц'убе². В лагере противника находились три человека, будущее которых было не менее величественным. В ту ночь этот лес заключал в себе судьбу половины Африки.

Чака изложил своим военачальникам план первых наступательных действий против ндвандве. В течение дня он сформировал специальный сводный отряд из пятисот человек. Он должен был подкрасться к спящим ндвандве с восточной, то есть дальней стороны, изображая возвращающихся фуражиров. Зулусы и ндвандве говорили на одном языке и носили похожую форму. Отличить в темноте друга от врага без заранее согласованного пароля было невозможно. Таким образом, все преимущества внезапности оказались бы на стороне зулусов. Им предстояло проникнуть в расположение противника, ориентируясь на почти погасшие, но еще тлеющие костры ндвандве.

Целью Чаки было вызвать среди ндвандве панику, чтобы они во мраке начали убивать друг друга. Войско проведет бессонную ночь и падет духом. Таким образом, Чака предвосхитил более чем на целое столетие рейды «коммандос»³.

Отряд, предназначенный для рейда, выстроился перед Чакой на лесной поляне. Пылал огромный костер, и было светло, несмотря на очень темную ночь. Чака сообщил воинам пароль, которым следовало пользоваться в случае сомнений. Сомневающийся должен был сказать тому, кто покажется ему подозрительным: «Ндвандве!» Ответ должен был гласить «коболвайо!» В противном случае надо было немедленно заколоть того, кто не давал правильного ответа. Услышав же ответ «коболвайо», тот, кто заговорил первым, должен был повторить его и тем кончить дело. Слово это означает «самый что ни на есть», а в соединении с «ндвандве» — «я настоящий ндвандве». Такой пароль мог еще больше увеличить смятение в стане неподготовленного противника. Вражеский воин в лучшем случае ответил бы «я ндвандве, но не «я настоящий ндвандве».

Чака тихим голосом проинструктировал каждый взвод в отдельности, так как считал, что лес имеет уши, особенно по ночам. «Когда их костры станут гаснуть и все заснут,— шептал он своим испытанным ветеранам,— вы вползете в их стан подобно змеям (нити кисы, кисы, кисы), стараясь заколоть как можно больше спящих. Смотрите не отрывайтесь от своего дела и возвращайтесь не раньше рассвета».

Всего в трех милях от лагеря Чаки, в отроге того же леса, сидел у костра Сошангаан, окруженный воинами ндвандве. Им не давали покоя голод и тревога за будущее: дичи, которую им удалось убить, хватило ненадолго, несмотря на гуманный обычай нгуни делить все поровну. Фуражиры не вернулись, многие из разведчиков — тоже. Зулусская армия вела себя как блуждающий огонек, но у нее были зубы и когти, о чем свидетельствовало уничтожение патрулей и постов ндвандве. Все это не походило ни на какую другую кампанию и казалось ндвандве сверхъестественным. Поэтому было решено завтра же идти назад, а вернувшись домой, — заготовить достаточно зерна, заколоть сколько потребуется быков и начать новую, лучше подготовленную кампанию против зулусов. На лесном биваке было теплее, чем на возвышенностях, открытых всем ветрам, и в сырых долинах рек, где ндвандве провели предыдущие ночи. Усталые воины рано улеглись и вскоре крепко уснули.

Едва начали гаснуть костры ндвандве, как в лагерь проникли и распространились по всей его территории не то люди, не то призраки. Они ориентировались по огонькам костров. На вопросы, которые сонными голосами задавали ндвандве, прикорнувшие у тлеющих в золе угольков, «ангелы смерти» шепотом давали краткий ответ: «Возвращается патруль» или «Возвращаются фуражиры», — а затем шли дальше. Первые зулусские убийцы прошли через весь лагерь, а затем улеглись рядом со спящими ндвандве и стали ждать сигнала.

Внезапно в лесу раздался душераздирающий вопль, затем такие же крики послышались отовсюду. Зулусские воины стали сеять смерть. В мгновение ока лагерь

превратился в ад крошечный. Завязались сотни поединков — преимущественно между самими ндвандве. Почти каждый зулус убил намеченную жертву, а затем вышел из боя, притворившись мертвым. Нападающие улеглись подле трупов и лишь изредка смешивались со вскочившими на ноги ндвандве. За первой волной убийств наступила пауза. Ндвандве снова уселись, подозрительно оглядывая соседей, которых они во мраке едва различали.

Такое напряженное состояние продолжалось довольно долго. Наконец, с командного пункта Сошангаана потребовали объяснений. Громкие голоса повторяли запрос, пока он не достиг границ лагеря. Тем же путем на командный пункт пришли сбивчивые донесения, которые только усилили растерянность как среди рядовых воинов, так и в окружении Сошангаана. Все согласилось на том, что общей, организованной атаки не было, и все же смерть вышла из рядов самих ндвандве. Очевидно, тут не обошлось без колдовства, ибо друг убивал друга.

Сошангаан приказал собрать побольше веток и хвороста и разжечь гаснувшие костры, чтобы осветить лес. Не успели, однако, ндвандве приступить к исполнению этого приказа, как снова раздались стоны умирающих. Сбор топлива немедленно прекратился. Ндвандве оцепенели от страха перед невидимыми носителями смерти. Не страшась обычных опасностей, они трепетали, когда сталкивались с таинственным. Даже в дневное время они чувствовали себя неудобно в сумрачном первозданном лесу. Таких заповедников первобытной природы сохранилось немного, и ни один не был столь велик, как лес Нкандла. Между тем большинство ндвандве никогда не видели густого Леса и чувствовали себя как дома только в открытой парковой саванне или на горных пастбищах. Достаточно было маленького толчка, чтобы в их воображении это мрачное и сырое место превратилось в источник всяческого колдовства.

Сошангаан был человек смелый и находчивый. Он тут же приказал воинам сосредоточиться вокруг его штаб-квартиры и держаться близко друг к другу, насколько это позволяли деревья и подлесок.

В лагере ндвандве началось общее движение, как вдруг позади групп, находившихся дальше всего от центра, снова послышались страшные крики умирающих. Зулусские убийцы пристроились большей частью к хвостам бесчисленных групп ндвандве. Стоны и хрип смертельно раненных раздавались все громче, и оставшиеся в живых бросились стремглав к командному пункту, руководствуясь принципом: каждый за себя, и пусть черт забирает того, кто позади! Громовые крики и огромный костер, видимый на расстоянии двухсот ярдов, указывали дорогу к штаб-квартире.

Когда ндвандве наконец собрались вокруг командного пункта Сошангаана, он приказал сделать поворот кругом и сесть на землю. Командиров полков и многих рот он подозвал для доклада. Большинство командиров склонно было объяснить происшедшее действием сверхъестественных сил. Они считали, что колдуны своими чарами вызвали панику, приведшую к братоубийственной резне. Нашлись, однако, и разумные люди, почти уверенные в том, что резню затеяли зулусские разведчики, проникшие в лагерь. Их поддержал и Сошангаан. Как же, однако, обнаружить и выловить этих разведчиков, если предположить, что они остались среди ндвандве, собравшихся вокруг командного пункта? В лесу было очень темно, ибо дело происходило в новолуние. Месяц скрылся, а свет звезд не проникал сквозь густую листву. В сыром лесу, где мало сухого топлива, разжечь много больших костров было невозможно.

Поэтому Сошангаан решил дожидаться рассвета. Чтобы ободрить войско, он обратился к нему с речью, а сотники повторили ее слово в слово.

Ндвандве улеглись и попытались уснуть, но после пережитого это оказалось нелегко. Среди них лежал храбрый молодой зулус по имени Номбанга. Он был начеку и ломал себе голову, как ему выбраться из лагеря, прежде чем рассвет выдаст его врагу.

Через некоторое время, решив, что пора действовать, Номбанга стал всматриваться в неясные очертания фигуры воина, лежавшего рядом с ним, а затем нанес ему сильный удар в грудь. Воин захрипел, среди ндвандве началось смятение, Номбанга еще усилил его, закричав, что его тоже ранил колдун, скакавший верхом на гиене. Все нгуни истово верили в эту невероятную комбинацию, и заявление разведчика вызвало страшное волнение. Постепенно оно охватило весь лагерь, ибо примеру Номбанги последовали другие зулусы. Возникла новая паника, и многие ндвандве закололи своих товарищей.

На рассвете Номбанга явился в штаб-квартиру Чаки. К этому времени две трети воинов разведывательного отряда, которым удалось ускользнуть из лагеря ндвандве до того, как там началась давка, выстроились перед королем зулусов. Номбангу объявили пропавшим без вести, что очень огорчило Чаку. Номбанга был знаменитый воин, получивший много изибонги — благодарностей, что в зулусской армии соответствовало награждению медалью или нашивкой. Естественно, что вернувшемуся была оказана самая теплая встреча. Когда он закончил свой рапорт, в котором слегка приукрасил события, Чака снова выразил ему благодарность и, намекая на перья, которые тот носил, назвал «птицей-вдовушкой, потерявшейся среди тараканов» («Ама Пела» — «таракан» — одна из дивизий ндвандве).

Ндвандве постарались как можно скорее выбраться из мрачного леса, казавшегося им заколдованным, вернулись в открытую степь и направились домой. Потери, большую часть которых они нанесли себе сами, были весьма тяжелыми, и Чака с удовлетворением отметил это, осмотрев сцену побоища после их ухода. На каждого убитого зулуса приходилось почти десять мертвых врагов. Но важнее было то, что ндвандве не сумели выспаться и в это ночь, а моральное состояние их еще ухудшилось. Поэтому Чака решил нанести удар в тот же день.

Во главе всей своей армии Чака ринулся в погоню за ндвандве. Быстроногие зулусы еще утром нагнали их арьергард к востоку от холма Сугульвени. Обо армии приняли теперь боевой порядок. Чака знал, что Сошангаан полностью реорганизовал армию ндвандве и вооружил почти всех воинов тяжелыми ударными асегаями различных типов. К тому же это был весьма способный полководец, имевший много первоклассных офицеров. Основными преимуществами зулусов являлись их железная дисциплина, превосходная боевая подготовка и большая мобильность. Численное превосходство по-прежнему оставалось всецело на стороне ндвандве, армия которых все еще насчитывала шестнадцать тысяч человек против десяти тысяч у Чаки. Зато зулусы хорошо питались, в то время как ндвандве страдали от голода. Все же разница в численности была столь велика, что компенсировать ее могло только превосходство в тактике и стратегии (добиться перевеса в этой области было, впрочем, нелегко, пока действия ндвандве направлял Сошангаан), а также высокое моральное состояние зулусских воинов. Противников разделяло около полумили. Чака приказал завязать бой молодым полкам, входившим в состав бригады Белебеле, в частности Изин-Тенджана (Зуек) и У-Кангела (Гляди в оба). Атака носила весьма необычный характер и удивила Сошангаана. Как правило, перед атакой полк развешивался по фронту приблизительно в триста ярдов при глубине боевого порядка в несколько шеренг. Чака же построил два полка в две колонны по пять человек в шеренге и приказал им обходить армию Сошангаана с обоих флангов. Сошангаан развернул свое войско более широким фронтом, чтобы помешать зулусам обойти его с тыла. Колонны зулусов уклонились тогда еще дальше вправо и влево. Сошангаан понял, что, пожертвовав плотностью своего боевого порядка, он подставит себя под удар главных сил зулусов, построенных сомкнутой фалангой. Поэтому он приказал двум полкам, находившимся на крайнем фланге его войск, продолжать прикрывать главные силы, которые отвел на первоначальные позиции. А Чаке только того и надо было, чтобы Сошангаан отделил от основного ядра войск два полка. Зулусы сделали вид, что решили атаковать позиции ндвандве, но остановились в двух бросках копья от противника, за исключением флангов, где завязали ожесточенный пятиминутный бой. Тем временем два полка зулусов, построенные в колонны, обошли фланги и ринулись прямо на два полка ндвандве, прикрывавшие армию последних.

Сошангаан сразу понял, в каком опасном положении он очутился, но фланги его были скованы, кроме гонцов, он не имел иных средств связи, а потому оставался бессильным свидетелем того, как злой рок надвигался на эти полки сзади. Правда, он мог бы передать приказание по рядам воинов, как передается искра, зажигающая фейерверк⁴, но выделить из своего боевого порядка новые полки, в то время как масса вражеских воинов находилась поблизости, он не решился, опасаясь сумятицы и боясь создать в своем строю разрывы, которыми не замедлит воспользоваться эта зулусская лиса, вечно измышляющая новые хитрости и каверзы. Сошангаану оставалось надеяться, что его обреченные полки постоят за себя, сумеют измотать противника и не поддадутся панике, очутившись между зулусскими жерновами.

Изолированные ндвандве вскоре увидели, что настал их последний час. Они поняли, что бежать некуда, и построились в каре. Если бы они лучше усвоили уроки битвы на холме Г'окли, то избрали бы круговое построение и тогда смогли бы продержаться дольше и нанести зулусам гораздо больший ущерб.

Зулусский полк Зук действовал совместно с полком Фасимба. Сделав пол-оборота, атакующие перестроились: вместо колонн по пять человек в шеренге появилось пять боевых линий фронтом около трехсот ярдов, каждая из которых насчитывала примерно двести воинов. Идя на сближение с ндвандве, находившимися в центре, зулусы запели звучную боевую песнь. С очень быстрого бега воины полка Фасимба перешли на неторопливый шаг: добыча была загнана в тупик и не следовало начинать бой запыхавшись. Зуйки поступили так же, чтобы ударить по врагу одновременно. Наступающие шли, сохраняя почти идеальное равнение. На расстоянии одного броска копья раздался страшный боевой клич зулусов, перешедший в такое злое шипение, словно тысячи разъяренных змей готовились ужалить свою жертву. То был сигнал к атаке. Столкнулись сотни щитов, засверкали копья.

Натиск двух зулусских полков, ударивших по врагу с противоположных сторон, отбросил ндвандве, прижав друг к другу и лишив возможности свободно двигаться. Однако ндвандве сопротивлялись с бешеным упорством, поразившим зулусов, в том числе и Чаку. Оба полка ндвандве погибли, но и Чаке их уничтожение стоило больших потерь: из убитых и раненых можно было составить почти целый полк.

Как только стало ясно, что изолированные части ндвандве обречены, Чака прекратил давление на фланги армии Сошангаана. Когда же Сошангаан попытался атаковать его по всему фронту, Чака уклонился от боя и отошел, но лишь настолько, чтобы между двумя армиями оставалась дистанция в два броска копья. Он неуклонно сохранял этот мучительный для противника интервал и продемонстрировал превосходную дисциплину своих полков, которые шли, как на параде. Никакие насмешки и оскорбления ндвандве не могли поколебать их строй.

После того как зулусы отошли на полмили, Сошангаан понял бессмысленность дальнейшего преследования; быстро двигавшаяся вражеская армия удерживала инициативу в своих руках. Он приказал своим воинам сделать поворот кругом и снова взял направленно на родной крааль. Армия построилась так, что каждый полк был развернут в одну линию фронтом от полутора до двух тысяч ярдов. Полков было шестнадцать, следовательно, и глубина боевого порядка составляла шестнадцать шеренг.

Главные силы зулусской армии снова последовали за ндвандве, но каждый полк — всего их было шесть — держался компактным отрядом. Впереди армии Сошангаана оставались четыре других полка зулусов, которые при уничтожении двух полков ндвандве потеряли примерно четверть своего состава.

Пока ндвандве шли по равнине, они соблюдали походный порядок, который обеспечивал им безопасность. Но стоило им попасть на пересеченную местность, как шеренги их расстроились. Между ними появились большие разрывы, образовались заторы.

Зулусам не раз удавалось отрезать арьергарды, задержавшиеся в ложбинах, сквозь которые прокладывали себе путь главные силы ндвандве. Их стройные шеренги из-за неровного рельефа превращались в беспорядочные толпы.

Действия зулусов с фронта также приводили врага в смятение. Они то словно растворялись в воздухе, то снова появлялись как из-под земли, притом в самое неудобное для ндвандве время. Разведчики и патрули Сошангаана почти не приносили ему пользы: зулусы, как пантеры, бросались на них с хорошо замаскированных позиций и поголовно уничтожали.

Достигнув более открытой местности, Сошангаан снова остановил на ночь свою голодную и павшую духом армию. Чтобы избежать резкого ночного ветра, он укрылся в долину Умлатузи, близ слияния ее с Мвузане, где было достаточно топлива.

На рассвете в полумиле от них показалась зулусская армия. Она заняла возвышенность, господствовавшую над позицией ндвандве. Настроение у зулусов было превосходное, успехи, достигнутые накануне, заставляли их рваться в бой. Но Чака приказал им сесть на щиты. Сошангаан предпочел бы тут же сразиться, однако озабоченный подозрительной неподвижностью зулусов, зная, что в отличие от противника его изголодавшаяся армия не может ждать, решил немедленно начать отход. Он приказал своим шестнадцати полкам, которые теперь насчитывали всего около двенадцати тысяч человек, начать переправу через реку. Ширина брода позволяла переходить реку шеренгами по двадцать воинов.

Чака стоял на одной из вершин, господствовавших над бродом. Ему необходимо было одержать в этот день полную победу, чтобы раз навсегда избавиться от опасности со стороны ндвандве и подготовиться к борьбе с коалицией тембу и ц'уну, угрожавшей ему с запада. Пирровой победы, которой закончилась битва на холме Г'окли, теперь было уже недостаточно. Ндвандве надо было уничтожить. Однако их численное превосходство и талантливое руководство Сошангаана, казалось, делало это невозможным.

Но тут появился совершенно непредвиденный шанс, нечто не входившее в расчеты Чаки. Как говорится, «куропатка сама залетела к нему во двор». Сошангаан, изменив своей обычной осторожности, выделил гвардейский полк и приказал ему охранять брод, действуя сомкнутым строем. Под прикрытием гвардии должны были переправляться другие полки, развернутые фронтом к реке. Таким образом, каждый полк опять построился, как и накануне, в одну линию протяжением две тысячи ярдов. Но Сошангаан не принял мер к тому, чтобы по мере ухода полков к переправе фронт укорачивался и сохранялась прежняя плотность боевого порядка. Эту ошибку можно объяснить только тем, что, находясь внизу, в долине, он не мог видеть, что происходит у брода.

Десять полков Чаки насчитывали примерно восемь с половиной тысяч копий. Когда около половины ндвандве переправились через реку Умлатузи, а вторая половина, за исключением гвардейского полка, прикрывавшего переправу, оставалась растянутой по фронту в две тысячи ярдов, Чака понял, что настало время действовать. Резким голосом он отдал приказ, который немедленно передали вдоль шеренг сотники и другие командиры. Несколько мгновений спустя из-за гребня возвышенности появилась словно по волшебству вторая, ранее скрытая половина зулусского войска, которая уселась на свои щиты позади товарищей.

Оставив в резерве всего один полк, Чака бросил остальные девять на врага, проводив их словами:

— Встаньте, дети Зулу, ваш час настал! Встаньте и уничтожьте их всех!

Свыше семи тысяч зулусов вскочили на ноги. «Байете!» — вскричали они. Семь тысяч правых ног топнули о землю, так что гул пошел. Затем человеческий вал в полном

молчании понесся вниз, на врага, растянувшегося на две тысячи ярдов. Зулусы ринулись в атаку семью идеально стройными шеренгами по тысяче человек в каждой. Дистанция между рядами составляла около десяти ярдов.

На расстоянии четырех бросков копья от противника зулусы запели боевую песню. Величественные звуки ее прокатились по долине, как раскаты грома. С бега воины перешли на ритмический шаг пляски смерти. Через каждые десять шагов они притопывали правой ногой, да так, что земля содрогалась. Когда до врага оставалось не больше одного броска копья, пение внезапно прекратилось. Наступило мертвое молчание, пауза, необходимая для того, чтобы сделать глубокий вздох. Затем загремел страшный боевой клич зулусов «Сигиди!», и воины бросились на врага.

Операция закончилась очень быстро. Те ндвандве, которые не были убиты, либо оказались сброшенными в реку, либо кинулись в нее сами. Только гвардейский полк продолжал охранять брод, сохраняя плотный боевой порядок. Яростно обороняясь, гвардейцы под натиском «Лишенных головного кольца» начали без паники переправляться через реку.

Чака едва смог сдержать радость, когда установил потери ндвандве в этой первой схватке. Половина их была убита на берегу, другая потеряла копья и щиты, переплывая через реку. Многие плывущие были пронзены метательными копьями, которые зулусы подобрали на поле брани. У Сошангаана осталась только та часть армии, которая успела перейти реку до начала боя, и присоединившиеся позднее гвардейцы. Те, кто переправился вплавь, могли повлиять на исход битвы не больше чем если были бы мертвы, так как потеряли щиты и копья. И весь этот поразительный успех обошелся Чаке менее чем в тысячу человек.

Гвардейцы ндвандве понесли при переправе тяжелые потери, ибо им пришлось отчаянно отбиваться от врага. Но и зулусам не удалось закрепиться на противоположном берегу. Ндвандве контратаковали их с такой яростью, что они были сброшены в реку и отошли по тому же броду.

Тогда Чака попытался осуществить переправу на мелководных участках выше и ниже собственно брода, но ндвандве отчаянно оборонялись на широком фронте вдоль берега. Под умелым руководством Сошангаана и его помощников Звангендабы и Нк'абы они вступали в бой с зулусами посреди реки, пока Умлатузи не покраснела от крови. Даже полк ветеранов Ама-Вомбе не смог продвинуться вперед. Экс-каннибал и будущий премьер-министр Ндлела, а также Хлати — брат Мдлаки (заместитель Чаки) — получили серьезные ранения.

Чака направил свой резервный полк (Фасимба) вниз по течению с задачей переправиться сначала через Мвузане, а затем через Умлатузи и нанести удар по левому флангу противника. Полк Изи-ц'ве и другие части, которые по его приказу незаметно отошли после первой стычки, осуществили аналогичный маневр выше по течению реки.

Эти два отряда сумели обойти издали противника настолько скрытно, что ндвандве заметили опасность, только когда зулусы с тыла атаковали их фланги, а затем отбросили к центру. Новая атака очень быстро ослабила сопротивление противника у брода и мелководных участков реки, так что ветеранам полка Ама-Вомбе удалось выйти на противоположный берег и закрепиться на нем. Другие части также форсировали реку, и вскоре зулусская армия закончила переправу.

Остатки армии Сошангаана распались на мелкие группы беглецов. Зулусы яростно преследовали их и — что было еще хуже для ндвандве — гнали не на север, а на восток, то есть в сторону от родных мест.

Неутомимое преследование разбитого врага довершило победу Чаки. Когда наступление ночи заставило прекратить резню, Чака приказал своим наиболее свежим и мобильным полкам — Мбонамби и Иси-Пези — двигаться как можно быстрее к краалю

Звиде, чтобы, опередив беглецов, захватить короля и его зловредную мать Нтомбази (устроившую гнусный музей черепов). За сутки полки прошли семьдесят миль и, как им было приказано, подошли к королевскому краалу, распевая национальную песню ндвандве. Полагая, что это возвращается с победой армия Сошангаана, все жители, за исключением короля и Нтомбази, высыпали навстречу. Зулусы поспешили убить пораженных ужасом женщин и детей. Узнав таким образом об угрожавшей ему смертельной опасности, Звиде успел скрыться в окрестных зарослях тростника. Нтомбази же была захвачена зулусами.

На рассвете следующего дня остальные части армии Чаки смертоносным валом прокатились по земле ндвандве, беспощадно уничтожая на своем пути людей и собак, сжигая хижины, угоняя скот.

Звиде тем временем бежал с сыновьями Сикуньяной и Сомапунгой на северо-запад, через нынешний Врейхейд. Затем он устремился прямо на север, переправился через реку Понгола, оставив Свазиленд по правую руку от себя, и перешел реку Инкомати. В верховьях этой реки он и поселился с той частью своего племени, которой удалось спастись. Двести миль отделяли его теперь от прежней родины, которая стала достоянием зулусов в качестве незаселенной территории, где паслись большие стада.

Сошангаану, сопровождаемому Звангендабой и Нк'абой, удалось бежать с небольшим сводным отрядом. Только наступление ночи спасло их от гибели.

Полная победа Чаки над ндвандве имела для него важнейшие последствия. Одним сокрушительным ударом он раз и навсегда завоевал сан верховного вождя нгуни. Ни одно племя не оспаривало больше власть Чаки, хотя некоторые вожди пытались сопротивляться его агрессии. Единственное исключение имело место много лет спустя, когда Сикуньяна — сын Звиде — организовал неудачный крестовый поход против победителя ндвандве.

Чака стал преемником Дингисвайо, верховным правителем самых воинственных кланов нгуни. Власть его распространялась на более обширную область и носила более абсолютный характер. Территория в одиннадцать с половиной тысяч квадратных миль, простиравшаяся от Тугелы на юге до Понголы на севере и от реки Баффало на западе до Индийского океана на востоке, образовала теперь Великую Зулусию, которой было суждено стать ядром куда более обширной империи.

Когда зулусская армия, состоявшая первоначально из десяти полков, вышла на парад в краале Звиде, она насчитывала не больше пяти полков.

Чака поблагодарил воинов и сказал, что нет надобности искать среди них трусов, ибо все сражались, как львы. Пусть этот день будет посвящен отдыху и развлечениям, раздаче наград и пирам⁵.

Первая награда Чаки явилась необычайным новшеством для всех нгуни. Указав на поредевшие ряды, он сказал:

— Те, кого здесь нет, едят землю, чтобы мы могли жить. Так неужели же мы забудем скорбящих матерей, которые породили их, допустим, чтобы их младшие братья и сестры терпели нужду только потому, что они отдали жизнь за страну зулусов? Разве нет у нас поговорки, гласящей, что желудок, полный мяса, успокаивает сердце горюющей матери? Так вот — отдадим тем, кто в горе, награды, которые получили бы погибшие воины, если бы остались жить, отдадим в двойном размере и обеими руками, чтобы во ртах скорбящих не было привкуса горечи, какой оставляет алоэ.

Воины разинули рты от изумления, не веря ушам своим. Почти все они потеряли близких родственников, но, несмотря на это, никому из них и в голову не приходило, что можно оказывать почести погибшим и награждать их посмертно. Вдруг словно небо раскололось — такой раздался гром приветственных кликов: «Байете!». Чака такого еще не слышал.

Затем он перечислил награды оставшимся в живых: одинаковое вознаграждение всем воинам плюс премия за каждого убитого врага или подвиг в бою. Взводные получили вдвое больше, чем рядовые, ротные — в четыре раза больше. Командиров полков Чака наградил не менее щедро, в соответствии с их заслугами. Другие офицеры высокого ранга — Мзиликази, Мдлака и Мгобози — получили в среднем по пятьсот голов скота.

Чака лично входил во все детали отбора и распределения скота, которым наградил своих соратников.

Прежде всего он выбрал самых лучших животных для королевских стад. Это не было эгоистичным поступком — его стада являлись национальным имуществом, казной государства, из которой можно было черпать в трудные времена. Далее, руководствуясь подлинно демократическим принципом, он отобрал лучший скот для рядовых воинов, потом для взводных и так далее. В результате этого единственного в своем роде метода распределения наиболее высокопоставленные офицеры получили самый низкорослый скот, хотя каждому из них досталось куда больше голов, чем их подчиненным. Чака, смеясь, сказал своим военачальникам, чтобы они не огорчались. Пусть радуются тому, что у них много скота, а отборные племенные быки из королевских стад, которые будут им предоставлены, быстро устранят все недостатки. К тому же, по доброте сердечной, он прибавит к этим быкам несколько лучших племенных коров. Таким путем Чака удовлетворил военачальников, рядовые же воины стали просто боготворить короля, который с такой справедливостью заботился об интересах простых людей.

Глава 16 Суд над Нтомбази

Прибыв в крааль Звиде, Чака приказал поймать и доставить ему невредимой живую гиену. Звиде удалось бежать, но Нтомбази была захвачена зулусскими воинами и заперта в ее большой хижине, где находилось около тридцати черепов вождей (включая Дингисвайю).

Чака расположился во временной штаб-квартире, устроенной за пределами краалья: обычай не разрешал зулусам жить в чужом селении, покинутом хозяевами или завоеванном во время войны. Однако в день, назначенный для суда над Нтомбази, он вошел в королевский крааль и уселся на том месте, где прежде вершил суд сам Звиде. Сюда-то и доставили Нтомбази.

Хотя ей было уже за семьдесят, по виду ей можно было дать едва пятьдесят. Она сохраняла энергию и осанку женщины среднего возраста. Нтомбази была человеком с «тенью», как говорят зулусы, то есть с характером, с ярко выраженной индивидуальностью, и злобный, гордый взор ее говорил о неукротимом духе. Даже теперь, будучи беззащитной пленницей, чьим мечтам о завоеваниях не суждено было сбыться, она сохраняла какое-то дикое величие и с места в карьер стала оскорблять зулусов и поносить Чаку. Когда же он приказал ей замолчать, Нтомбази насмешливо возразила ему:

— Сначала вынеси приговор, а затем устраивай комедию с судом.

— Да, ты стоишь перед судом, но я хочу выслушать тебя и установить, можешь ли ты сослаться хоть на одно обстоятельство, которое смягчит мой приговор.

И Чака перечислил вождей, черепа которых Нтомбази повесила в своей хижине, но умолчал пока о Донде, об отце Мзиликази и зяте Звиде — Машобаане и о Дингисвайю, своем великом друге и благодетеле.

— Зачем ты приказала убить этих вождей, захваченных большей частью вероломно? — спросил Чака.

— Чтобы приобрести власть над другими, как это делаешь сейчас ты сам, — с вызовом ответила Нтомбази.

— Это уважительная причина, но почему ты прибегла к вероломству, так что доброе имя народа нгуни завоняло? Наши законы гостеприимства никогда не допускали таких злодеяний.

— Власть ударяет в голову и не заботится о выборе средств. Очень скоро ты и сам узнаешь об этом, — спокойно ответила Нтомбази.

— Зачем ты отрубила им головы и повесила в своей хижине? Это противоречит всем добрым обычаям нгуни. Так поступают только колдуны.

— Я сделала это для того, чтобы приобрести власть всех убитых. Если простой вождь стоит выше законов о колдовстве, то насколько возвышаюсь над ними я, королева. Как же можно обвинять меня в колдовстве?

Чака, никогда не упускавший случай высказать свою точку зрения, которая с годами становилась все более рационалистической, возразил колдунье:

— Ты отвечаешь умно, но скажи мне, чего достигла ты всем своим колдовством в борьбе с моей армией, лучше обученной и лучше руководимой? Если бы Звиде обращал больше внимания на обучение и вооружение армии — особенно во время нашей первой войны, — оба вы находились бы не там, где сейчас. Колдовство только может помочь слабым уверовать в себя, но в борьбе с более сильным противником оно бесполезно.

— А как же тогда мы захватили могущественного Дингисвайю? — с лукавой усмешкой бросила Нтомбази.

— Напрасно ты похваляешься таким подлым делом. Этот великий и добрый король погиб из-за доброты своего сердца и излишней доверчивости. Я часто предупреждал его о том, что великодушное отношение к Звиде и к тебе не встретит и не может встретить благодарности. Думать иначе — это все равно что рассчитывать на признательность раненой гиены, которую человек излечил. Зачем ты подстрекала Звиде убить Дингисвайю и отплатить за добро злом?

— Чтобы приобрести власть, добиться главенства над всеми нгуни.

— А зачем тебе понадобилось надругаться над его телом, отрубив голову?

— Чтобы приобрести всю власть, какая жила в нем.

— Что ты скажешь о зяте твоего сына — Машобаане и о моем друге Донде, которого ты пригласила на пляски любви, а потом вероломно убила и обезглавила?

— Я поступила так ради власти, которую могли дать мне их головы.

— А где теперь вся твоя власть? Нтомбази со злобной усмешкой указала на свою хижину, а потом на собственную голову.

— Те, кто занимаются колдовством, прибегают к помощи гиен. Не так ли?

— Да, так, — сказала Нтомбази, надеясь поселить в сердце Чаки страх перед сверхъестественным.

— И вы располагаете полной властью над этими зверями?

— Да, полной властью, — выразительно ответила Нтомбази.

— Это хорошо, — сказал Чака и добавил мягким тоном, не предвещавшим, однако, ничего хорошего; — Можешь вернуться в хижину — средоточие твоего могущества — и глазеть там на головы твоих жертв. Быть может, в присутствии тридцати молчаливых свидетелей обвинения ты даже поразмыслишь над тем, какой награды ты заслужила за

вероломство. А чтобы тебе не было скучно, я дам тебе друга — единомышленника, который поможет тебе скоротать время. Мои воины не причинят тебе никакого вреда — только не дадут выйти из хижины. Еду и питье будут приносить только тебе, а друг твой должен будет сам позаботиться о пропитании.

Нтомбази беспокоивно переступала с ноги на ногу.

— Какое же наказание ты назначишь мне? — воскликнула она.

— Об этом ты узнаешь в свое время, — спокойно ответил Чака.

— Ты захватил моего сына Звиде? Это он составит мне компанию?

— Нет, с тобой будет более близкий родственник. А теперь иди и отведай вкусной еды, пока хижину приготовят, чтобы принять тебя и твоего друга.

Нтомбази была удивлена и встревожена, но достоинство королевы не позволяло ей выказать какие-либо признаки волнения. Перед уходом она сказала:

— Благодарю тебя, о вождь!

— Не благодари меня, пока не узнаешь всего, — сурово ответил Чака.

Среди бела дня в хижине нгуни совершенно темно, если дверь закрыта, а в очаге нет огня. Окон в ней нет. Воздух проходит через травяную крышу, опирающуюся на крепкий каркас из связанных между собой прутьев и жердей, образующих как бы пчелиные соты. Лучи света проникают только через щели между перекрытием и столбами, поддерживающими дверь, и между столбами и самой дверью. Сквозь положенные крест-накрест жерди (в те времена доски были нгуни еще неизвестны) тоже проходило очень мало света.

Когда дверь хижины закрылась за Нтомбази, она ничего не могла разглядеть, пока глаза ее не привыкли к мраку. Однако она сразу почувствовала сильный запах животного. Как ни храбра была королева, в ее сердце закрался страх перед неведомой опасностью. Не меньше, чем мрак, ее пугала тишина. Если бы только она могла увидеть, что ее ждет! Страх ее увеличивался с каждой минутой, а она все стояла у входа. Постепенно она привыкла к мраку и наконец в дальнем конце хижины, на расстоянии примерно двадцати футов от себя, заметила пару тускло светящихся глаз.

Женщина Нтомбази вскрикнула, забыв на миг, что она королева. Сторожившие ее воины немного раздвинули травяное покрытие двери и спросили, в чем дело. Нтомбази взмолилась, чтобы ей сказали, что это за неведомое существо находится в хижине. Часовые ответили, что не знают.

Теперь, когда через отверстия, проделанные стражниками, в хижину стало проникать больше света, блеск глаз усилился и сделался устрашающим. Постепенно Нтомбази различила под сверкающими глазами очертания массивных хищных челюстей. Они начали двигаться. В раскрытой пасти зверя показались могучие клыки, не имеющие себе равных во всем мире зубы гиеновидной собаки, с легкостью перегрызающие бедренную кость быка.

Нтомбази снова вскрикнула. Хотя страх сковал ее мозг, она осознала весь ужас своего положения. Отвратительный, трусливый, но сильный зверь, питающийся падалью, вероятно, сначала не осмелится прикоснуться к ней, но, подстрекаемый голодом, постепенно наберется мужества отчаяния. И настанет миг, когда он захватит свою жертву врасплох, и эти страшные челюсти оторвут кусок мяса от ее живого тела. Правильно оценив обстановку, Нтомбази опять вскрикнула. Стражники еще раз подошли к отверстиям в покрытии хижины.

— Больше света, больше света, — потребовала она в ответ на их вопросы.

— Как будет угодно инкосикази (королеве), — почтительно ответствовали стражники и принялись расширять отверстия. Каркас ограничивал их размеры четыремя дюймами на

четыре, но их проделали целую дюжину, и благодаря этому Нтомбази смогла наконец хорошо разглядеть палача, который распорядится ее телом — частично живым, частично мертвым, не оставив от него и косточки.

Нтомбази была смелой и находчивой женщиной, недаром она была матерью и советчицей грозного Звиде, который едва не стал верховным вождем нгуни. Если б только ей удалось заполучить хоть одно из копий мертвых вождей, воткнутых в стены хижины, она бы, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, тут же напала на хищника и если б не убила его, то умерла бы в бою, как подобает королеве. Но, к ее ужасу, она обнаружила, что со стен снято решительно все, кроме тридцати с лишним черепов, которые, казалось, теперь смотрели на нее со злобной усмешкой. Только на полу хижины, ближе к двери, виднелись два горшка с водой — один для нее, другой для гиены, да еще черпак.

Вот добродушный и доверчивый, но глуповатый Донда, которого она и сын ее Звиде пригласили на пляску любви. Как точно соблюдал он правила этикета, которым полагается следовать вождю, когда его казнят. Как улыбался, какими сердечными и доброжелательными были его прощальные слова!

Череп Дингисвайю занимал почетное место, на несколько голов выше остальных. Как она торжествовала, когда вешала его туда, уверенная, что теперь-то Звиде добьется сана верховного вождя. «Так и было бы, — горько подумала она, — если б не этот зулусский выскочка». Очутись он в ее власти, она уж сумела бы сделать его смерть нелегкой.

Вечером хижину окружила многочисленная стража. Через отверстия узнице подали умеренную порцию жареного мяса и небольшие ковши с самым лучшим пивом, которое она могла получать в неограниченном количестве. Нтомбази боялась приближавшейся ночи и попросила у охраняющих ее воинов огня, но ей было вежливо отказано.

Вдохновленная внезапно вспыхнувшей надеждой, Нтомбази бросила первый кусок мяса гиене. Челюсти зверя сомкнулись, щелкнув, как металлический затвор. От этого звука Нтомбази содрогнулась.

Но когда она попыталась повторить свой маневр, стражники почтительно, но твердо запретили ей это:

— Нет, мать, у нас есть мясо только для тебя, и нам велено следить за тем, чтобы ты съела его, прежде чем получишь следующую порцию.

Нтомбази огорчилась, но, исполненная решимости поддержать свои силы, заставила себя проглотить все мясо на глазах у стражников. Пива она напилась вдосталь, но потом вспомнила, что от хмельного напитка клонит ко сну, а заснуть в одной хижине с этим голодным чудовищем значило тут же навлечь на себя беду. Мысль эта привела ее в ужас, ибо в возбужденном воображении Нтомбази снова расцвел цветок надежды: она решила, что, если сумеет продержаться, зулусский выскочка, действия которого предугадать невысказанно, может отпустить ее. Получив свободу, она отправится к северным родичам, организует против него поход и поставит в такое же положение, в каком находится сейчас сама, с той разницей, что он-то из хижины не выйдет.

Итак, Нтомбази решила бодрствовать всю ночь, но она страшилась непроницаемой тьмы, которая вскоре окутает хижину.

Зная, что гиены могут долгое время питаться одними костями, Нтомбази решила снять в сумерках со стены черепа нескольких второстепенных вождей и скормить их голодному зверю. Когда первый череп упал к ногам гиены, та отпрянула в сторону, но вскоре Нтомбази с удовлетворением услышала зловещий хруст: мощные челюсти зверя сомкнулись, дробя кости. Страшный хруст этот продолжался во мраке, и гиене не понадобилось второго приглашения, когда Нтомбази бросила ей следующий череп.

Богатое воображение Нтомбази рисовало одну картину страшнее другой. Час за часом

проходил в непроницаемой тьме и абсолютном молчании, нервы ее стали сдавать. Измученной женщине показалось, что она слышит шаги подкрадывающегося зверя.

— Прочь! — закричала она. — Но прикасайся ко мне, проклятая.

И она захохотала историческим смехом: все усиливаясь, он перешел в безумный.

Вслед за этим раздался неопишимо жуткий, демонический хохот, который издает гиена, когда чует поблизости мясо, недоступное ей. Даже стражники на постах почувствовали, что волосы встают у них дыбом, а это были гвардейцы Чакн, не боявшиеся ничего и никого на свете, за исключением своего вождя.

Обезумев от страха и ярости, Нтомбази решила сама встретить смерть, бросившись на зверя, с которым была как бы заперта в клетке. Дико хохоча, она кинулась к нему в темноте. Однако к гиене, желудок которой был наполовину наполнен костями, вернулась ее обычная робость. Она отпрянула в сторону, щелкнув челюстями.

Нтомбази пришла в себя. Раз трусливый зверь избегает ее, то она может рассчитывать на безопасность до утра, если только не сомкнет глаз и станет время от времени кричать на гиену. А утром оживет надежда, родятся, быть может, новые планы. Так провела Нтомбази эту страшную ночь, дрожа от страха и все же на что-то надеясь. Гиена сохраняла тревожившее ее молчание, только перед рассветом поплакала воды.

Наконец рассвело. Нтомбази увидела, что гиена лежит, положив голову на лапы и со зловещим терпением следит за узницей. Снова стали видны черепа, висевшие кругом. Теперь они походили на строгих судей, собирающихся вынести приговор. Нтомбази завопила от ужаса. Но ей отчаянно хотелось спать, и она задремала сидя, но часто пробуждаясь в страхе.

Ко времени первой трапезы зулусов — около одиннадцати часов утра — стражники почтительно сообщили, что еда и пиво принесены и могут быть поданы через отверстия. Нтомбази сонно поднялась с места, чтобы принять свою порцию. Стражники дали ей столько еды — притом самой лучшей, — сколько ей хотелось, но следили за тем, чтобы она съедала у них на глазах всю полученную пищу или же возвращала обратно.

Несмотря на свой возраст, Нтомбази была здоровой и крепкой женщиной. Она много ела и пила, стараясь поддержать свои силы. Видя, как она поглощает большие куски вкусного жареного мяса, гиена засопела от голода. Тогда грозная старая амазонка сняла со стены еще несколько черепов второстепенных вождей и принялась швырять их в алчущего зверя. А когда пиво начало оказывать свое действие, Нтомбази стала гоняться за гиеной, испуская отчаянные вопли, которыми рассчитывала напугать ее. Услышав, что хищник хрустит костями, которые Нтомбази для вкуса натерла жиром, она улеглась спать по-настоящему.

При заходе солнца стражники снова позвали ее, чтобы она отведала вечерней трапезы. Нтомбази проснулась, вздрогнув. На этот раз она ела умеренно и только пригубила пива. Затем положила рядом с собой еще несколько черепов, чтобы кинуть их ночью гиене, и терпеливо стала готовиться к тому, чтобы провести часы мрака как можно спокойнее. Время от времени она кричала на невидимого, хранившего молчание зверя и бросала ему череп, с удовлетворением слыша хруст костей, который указывал ей местонахождение врага. Так, в ужасном напряжении прошла еще ночь, и Нтомбази не решилась сомкнуть глаз до тех пор, пока не стало совсем светло. Перед этим она долго кричала, бесновалась и топала ногами на гиену, прогнав ее к дальней стене хижины.

Когда Чака услышал о непоколебимом мужестве Нтомбази, он не смог скрыть восхищения, которое всегда внушала ему храбрость.

— Ого! — сказал он. — У старой ведьмы есть печень (смелость). Я почти готов передать ей копье. Но что я буду с ней делать, если она победит? Ведь я приговорил ее только к заключению в хижине, и рано или поздно старая змея ужалит меня.

Как сообщает хронист, Мгбози возразил:

— Сожги эту гнусную хижину, и пусть будет конец. Мне не нравится, когда одного человека подвергают многим казням, даже если они заслужены.

— Нет, я не могу сделать это, пока она жива, — ответил Чака, — ибо тогда получится, что я съел свои слова; ведь я обещал ей, что мои воины не причинят ей никакого вреда.

И все осталось по-прежнему.

Этот день прошел для Нтомбази почти так же, как и предыдущий. Утром она ела и пила больше, а после еды спала более глубоким сном, чем накануне. Закат солнца и сгущавшиеся сумерки застали ее лежащей на полу. Вскоре она снова заснула, но ненадолго. Щелкнули страшные челюсти, раздался пронзительный крик боли, треск и хруст мышц и костей. Гиена отскочила, унося с собой переднюю часть ступни Нтомбази.

Смелая и грозная Нтомбази овладела собой и позвала стражника. Тот сразу же подошел к одному из отверстий. Она попросила принести повязку из коры, моток паутины и листьев «джойе». Стражник ответил, что ему приказано снабжать ее только пищей и водой, но что он тотчас же доложит королю. Через короткое время воин вернулся и сообщил, что просьба ее удовлетворена и что, кроме того, Чака послал ей копьё в знак почтения к ее мужеству. Тут в сердце неукротимой старой королевы снова зародилась надежда. Она тщательно перевязала свою израненную ногу. Стало совсем темно, и Нтомбази попросила, чтобы хоть снаружи зажгли яркий костер. Просьба была передана Чаке, который удовлетворил и ее. С одной стороны хижины удалили часть тростникового покрытия, и узница обрадовалась: теперь она сможет различить что-нибудь внутри, пусть даже это будут светящиеся хищным блеском глаза гиены. Затем с царственным спокойствием старая королева потребовала пива и мяса. Ела она мрачно, а пила неумеренно, сначала молча, а потом изрыгая брань и проклятия и угрожая копьем зверю, который дожидался своего часа. Затем она стала забрасывать стражников вопросами о настроении Чаки. Под действием пива она сделалась болтливой и стала подробно рассказывать о своей жизни в этой хижине, расцвечивая повествование блестками иронии и юмора.

— Я убью это чудовище, но если даже не сумею, то буду знать, что в брюхе его есть кости и других вождей, а не только мои.

Так большую часть ночи продолжалось это мрачное ожидание, а свет от костров, разведенных снаружи, стал между тем слабеть. Несмотря на боль и тревогу, Нтомбази задремала. Зверь же, отведавший свежего мяса и почуявший запах крови, все время был начеку. Ему страстно хотелось еще мяса, но его удерживал страх перед опасностью.

Вдруг Нтомбази почувствовала, что челюсти хищника смыкаются на ее культе. Мгновение спустя гиена оторвала кусок ее икры, прежде чем узница, крича от испуга, успела нанести удар копьем. Она ничего не могла разглядеть в окружающем мраке и стала громко звать стражников, чтобы они раздули огонь в кострах. Стражники повиновались, и Нтомбази увидела, какая серьезная рана нанесена ей. С тем же мужеством и стойкостью, что и прежде, она снова перевязала ногу. Затем поползла к гиене, смутно видневшейся во мгле, но зверь уклонился от схватки, и Нтомбази снова села, упираясь спиной в стену хижины. Через некоторое время гиена приблизилась и принялась лизать лужицу свернувшейся крови, которая вытекла из раны. Потом она уставилась на Нтомбази, оставаясь вне пределов досягаемости. Постепенно гиена осмелела и снова залилась дьявольским смехом, который то стихал, то усиливался. Это было чересчур даже для Нтомбази. Она забилась в истерике, вскрикивая и хохоча.

Начальник караула заглянул в хижину через одно из отверстий в покрытии. Стоя лицом к ярко разгоревшимся кострам, он увидел страшное зрелище: женщина и гиена сидели друг против друга, между ними было не более двух шагов. У голодного зверя сверкали глаза,

из слюнявой пасти несся страшный хохот ожидания. Потерявшая рассудок женщина с глазами, полными ужаса, в свою очередь отвечала смехом.

Вдруг гиена сделала молниеносный прыжок в сторону ноги королевы. Нтомбази ответила ударом копья, но зверю удалось его избежать. Гиена сбоку ухватила клинок своими могучими челюстями и, отпрыгнув, вырвала копье из рук женщины.

Нтомбази поняла, что проиграла. Фатализм, свойственный ее расе, помог ей вновь обрести царственное достоинство. Обратившись к стражникам, она сказала прежним топом королевы:

— Это чудовище сожрет меня теперь кусок за куском. Скажите королю, что я благодарю за копье, но получила его слишком поздно. Попросите, чтобы он поскорее велел сжечь хижину, тогда и я смогу еще раз посмеяться, видя, как вместе со мной гибнет в пламени мой последний враг.

Пока посланный ходил к Чаке, гиена все более смелела и наконец одолела свою быстро слабевшую жертву. Когда стражник принес разрешение сжечь хижину, Нтомбази была уже почти без ног. Размахивая руками, она еще удерживала хищника от покушений на более важные части тела, но тем не менее умирала от потери крови.

Огонь с треском охватил травяное покрытие хижины. Гиена с жалобным воем принялась носиться взад и вперед. Нтомбази же, все еще упиравшаяся спиной в стену, издала крик дикого торжества и осыпала своего мучителя бранью. В хижине стало необыкновенно светло. Черепа вождей, ухмыляясь, вперили безжизненные взоры в гибнущую убийцу.

Приподнявшись в центре хижины и глядя снизу вверх на черепа, Нтомбази крикнула: «Дингисвайо!» — и упала навзничь за миг до того, как горящая крыша обрушилась, а ревущее пламя охватило и ее, и гиену.

Когда Чаке доложили о ее смерти, он выразился так:

— Она была дурной, но очень мужественной женщиной и умерла, как королева.

Глава 17

Карнавал победы. Царственный любовник. Великая охота

После великой победы, одержанной у реки Умлатузи, Чака приказал женским полкам отправиться в лес Нкандла и доставить спрятанное там зерно. Большие запасы были найдены и в зернохранилищах ндвандве, которые, как и у всех нгуни, представляли собой глубокие ямы в форме большой тыквы, вырытые на скотном дворе. Стенки их обмазывали глиной, а затем обжигали. Получалась внутренняя оболочка, по твердости не уступавшая кирпичной. Яму прикрывали большим плоским камнем, который вдавливали так, что его верхняя часть оказывалась на уровне земли. Сверху камень обмазывали шестидюймовым или даже более толстым слоем сухого коровьего помета. Во время дождя он поглощал большое количество влаги, предохраняя от нее хранилище, в сухую же погоду быстро выделял ее, чему способствовали копыта животных, топтавших па скотном дворе. В таких ямах зерно не портилось в течение семи лет, не заводилось в нем и долгоносиков. Но когда хранилища почти пустели, а также после особенно сильных дождей они порой наполнялись угарным газом.

Кроме доставки зерна у женских полков была еще одна менее тяжелая и более приятная обязанность. Пять тысяч уцелевших воинов безусловно имели на своем счету такое же, а то и большее количество убитых врагов. А за каждого убитого полагалось «обтереть

топор». Чака не мог допустить, чтобы его люди отправились куда-то на поиски незнакомых девушек. Поэтому он приказал мужским и женским полкам построиться подковой, образовав соответственно ее внутренние и внешние обводы, а затем объявил, что тысячам воинов надлежит «обтереть топор». Но так как никакие отношения между мужчинами и женщинами недопустимы в военном краале, личный состав всех полков получает увольнительную на две ночи и один день, чтобы совершить перед праздником победы очистительный обряд.

По словам Нджонгабанту Эма-Бомвини, никто не оспаривал власть Чаки над Великой Зулусией¹, простиравшейся от реки Понголы до Тугелы и от реки Баффало до самого моря. За пределами этого государства у него не было соперников, которые могли хотя бы надеяться, что им удастся бросить вызов его могуществу. Менее чем за три года, прошедшие с того времени, как он стал вождем незначительного клана Зулу, Чака создал такое королевство нгунн, какого никогда прежде не было.

— Отец мой, ты теперь величайший и единственный Слон, — пылко сказал ему Мгобози, — и ничто не может устоять против зулусского войска.

— Не забывай о тембу за рекой Баффало, — возразил осторожный Мдлака. — Если они вступят в союз с ц'уну, а может быть, и нгваанами, живущими дальше, вдоль гор Кахламба (Драконовы горы), то нам придется порядком повоевать. Эти племена уже не те, что были раньше, у них способные военачальники, которые обучают их всем новшествам в военном деле.

На это Чака ответил:

— Хорошо сказано, Мдлака! Хотя мы и устроим по случаю победы такое празднество, какого еще не видели нгуни, нельзя ослаблять бдительность, пока решительно все племена от гор Кахламба до самого океана не признают нашу власть или не будут уничтожены.

— А как быть со свази и другими племенами, живущими дальше к северу? — вставил Мзиликази.

— Тебе и там хватит дела, петушок, но всему свое время. — добродушно ответил Чака, глядя на своего молодого любимца.

— Это хорошо, — заметил Мзиликази с обезоруживающей улыбкой, скрывавшей честолюбивые планы, которые зрели в его голове после разгрома ндвандве. Со временем они осуществились, и он стал главой новой большой нации.

Ко второму восходу солнца полки обоего пола собрались в полном составе. У всех девушек был покорный вид, у мужчин несколько суровый. Некоторое время Чака молча глядел на них, потом на лице его появилась сардоническая усмешка.

— Дадввету! — воскликнул он. — Все вы похожи на зябликов, промокших под проливным дождем.

Чака приказал полкам идти торжественным маршем в его ставку Булавайо, находившуюся примерно в пятидесяти милях от этого моста. Большое количество захваченного скота — около шестидесяти тысяч голов — задерживало движение, и только на третьи сутки, незадолго до полудня, войско прибыло на место. Впереди гнали королевский скот, разделенный по масти на отдельные стада. За ним двигалась армия во главе с Чакой и его военачальниками. Замыкали шествие женские полки. Последние две мили перед королевским краалем войско прошло между рядами женщин, которые выстроились вдоль дороги и каждый отряд приветствовали возгласами. Площадь для парадов окружали полки кадетов, вооруженные черными щитами. На высоком глиняном холме, где обычно находился Чака, принимая парад, сидела Нанди. У ног ее расположились Пампата и все женщины королевского дома зулусов, включая теток Чаки — Мкабайи, Ммаму и Маву, каждая из которых управляла военным краалем.

Чака направился прямо к матери и прежде всего поздоровался с ней, бросив при этом дружелюбный взгляд в сторону Пампаты. Затем он уселся на большую связку тростниковых циновок, служившую ему треном. Пока он беседовал с матерью и другими представительницами королевского дома, полки и народ построились плотными рядами, чтобы выслушать его обращение.

Чака встал и кратко изложил результаты кампании, после чего сообщил, что желает устроить большой праздник для всей нации. Каждый получит столько мяса и другой пищи, сколько сможет съесть, пива тоже будет вдоволь, а после танцев и пения состоится смотр захваченного скота.

В радиусе двух миль от королевского крааля были построены временные жилища. Военные краали Иси-Клебе и Белебеле находились соответственно в трех и пяти милях от Булавайо, — значит, в холодные зимние ночи каждый имел крышу над головой. Пиво и пища равномерно распределялись повсюду, кроме того, большие запасы находились под охраной в ставке и военных краалях. Сотни отборных жирных быков были по мере надобности заколоты на мясо. Среди зулусов воцарился дух веселого карнавала, и сам Чака показывал пример как плясун и певец. В веселье участвовал и Мгобози со всеми своими женами, кроме трех «неходячих». Из прочих только половина явилась с младенцами на спине. Передают, что Чака спросил его с насмешливым удивлением:

— А где же остальные твои дети?

— Отец мой, они еще в пути, — ответил смущенный Мгобози.

На второй день праздника Чака обнародовал манифест о том, что всем ветеранам, проявившим в бою героизм, разрешается носить головное кольцо, иными словами, они могут вступить в брак, причем лобола — приданое скотом — будет предоставлено их невестам из королевских стад. Это решение было встречено оглушительными криками одобрения. Отобранные в полках смельчаки — их оказалось свыше тысячи — получили разрешение жениться на девушках старшего возраста из женского полка Вутвамини. Этих воинов уволили с действительной службы и зачислили в запас, откуда они могли быть призваны только при чрезвычайных обстоятельствах.

Головное кольцо — отличительный признак женатого мужчины — делалось из вязкого растительного латекса², имело около пяти дюймов в диаметре и около трех четвертей дюйма в толщину. Оно в еще не затвердевшем состоянии надевалось на голову и вскоре становилось довольно прочным. От времени кольцо чернело и приобретало глянец. На него смотрели с уважением, как на знак почета и достоинства.

Чака был в очень благодушном настроении и долго беседовал с матерью и другими представительницами королевского дома. Он подарил по пятьсот голов скота своим теткам и «сводным матерям», управлявшим военными краалями, щедро наградил и остальных жен отца. Нанди стала обладательницей стада в несколько тысяч голов. Кроме того, Чака принял меры к сооружению для нее большого королевского крааля в Эмкиндипи — на полпути между современным Мелмотом и рекой Умлатузи, неподалеку от Мфуло.

Нанди сказала о своем сыне:

— Все, что мой огонек обещал мне, когда был еще пастушонком, сбылось. В те дни только Пампата верила в него. Что до меня, то я мечтала лишь о том, чтобы мы все жили в одном хорошем краале.

Ей казалось, что наступил благоприятный момент для того, чтобы вновь заговорить с Чакой о женитьбе. Но он, как обычно, отшутился, боясь обидеть ее правдой. А правда состояла в том, что он решил не жениться. Нанди очень огорчилась, а затем рассердилась и стала отчитывать Чаку, особенно после того, как он намекнул, что ему пора войти в свой гарем.

— Итак, у тебя будут только наложницы, но не жены, и никто из твоих детей не станет законным наследником, — сказала она.

— Нет, мама, детей не будет, — мягко возразил Чака.

Нанди желала, чтоб сын женился, и так как он продолжал уклоняться от разговоров на эту тему, расстроилась еще больше и осыпала его упреками.

На торжествах присутствовала Мкаби — первая жена Сензангаконы, мать Номзинтланги, принцессы королевского дома зулусов. Мкаби и четвертая жена Сензангаконы — Лангазана³ — стояли во главе военного крааля Иси-Клебо.

Представительницы королевского дома зулусов играли большую роль в совете при верховном вожде и в управлении страной. Во времена Чаки они занимали гораздо более высокое положение, чем его младшие братья и другие мужчины из той же семьи.

Отец Ндженгабанту Эма-Бомвини рассказывал ему про церемониальный марш женских полков. С маленькими щитами и палками в руках, почти совершенно нагие, девушки являли собой замечательное сочетание воинской четкости с блеском естественной красоты. Зрители встретили их появление на поле для парадов возгласами восхищения. Но затем все умолкло, чтобы не мешать девушкам петь. На Чаку зрелище произвело большое впечатление, в глазах его зажегся радостный огонек. Парад как бы увенчал одержанную им победу, он почувствовал себя подлинным королем. Находясь в благодушном настроении, он решил наградить воинов за их великие усилия, ослабив (но на очень ограниченный срок) суровый воинский устав и моральный кодекс. С хитрой улыбкой он обошел ряды воинов, голодными глазами смотревших на девушек, и обратился к ним со следующими словами:

— За то, что вы хорошо сражались и по доброте своего сердца, я решил сделать вам уступку, чтобы отметить праздник великой победы. Вся дивизия Изим-похло (Холостяков) распускается на трое суток. После этого она вновь приступит к несению службы, и наступит черед Белебеле («Вечные заботы»)⁴. Женские полки освобождаются от службы на шесть дней. На это время ослабляется действие запретов. Воины могут сома (иметь нормальные половые сношения) с любыми девушками по своему выбору, но я желаю все же, чтобы они проявляли сдержанность. Во всех случаях, когда девушка потеряет невинность, виновный должен будет уплатить ее отцу возмещение в размере двух голов скота, а если дело дойдет до беременности — трех коров, чтобы обеспечить мать и ребенка. Если в дальнейшем воин получит разрешение жениться, штраф ни в коем случае не может быть зачтен как приданое, а должен рассматриваться как наказание за недостаток сдержанности. Кроме того, как только истечет льготный срок, снова вступит в действие прежний суровый закон, всякое отступление от которого, как и прежде, повлечет за собой казнь обоих правонарушителей. Дивизия Холостяков и все женские полки распускаются. Я сказал.

— Байете! — заревели пять тысяч обрадованных воинов. Дивизия Холостяков растаяла с удивительной быстротой.

Воины спешили расстаться с оружием, а девушки не отставали от них и немедленно отнесли в свои временные жилища щиты и палки. Это было почти все, от чего они могли освободиться, ибо «обмундирование» их легко было спрятать в одной руке.

Дисциплина и самоконтроль, даже при проведении столь деликатной и рискованной операции, стояли в зулусской армии на такой высоте, а техника половых сношений среди нгуни достигла такой виртуозности, что среди девушек были лишь незначительные потери. Они выявились во время очередного ежемесячного осмотра, и виновные внесли установленный штраф.

Впервые со времен своего детства Чака почувствовал, что может позволить себе развлечься. Он стал верховным вождем нгуни, и никто не мог поколебать его положение. У него было несколько сот девушек ум-длункулу, которых он еще не трогал. Чака называл их

«сестрами» и употреблял этот эвфемизм до конца дней своих. Теперь он решил, что пора ему войти в гарем. Он показал воинам хороший пример безбрачия, но после того, как разрешил им предаться удовольствиям, натура его потребовала, чтобы он опередил и превзошел их в сфере Венеры, как уже сделал это в сфере Марса.

Пампата неизменно поддерживала все разумные желания Чаки и способствовала их осуществлению, чем и укрепляла свое сильное влияние на него. И когда он спросил:

— Ты не будешь ревновать, Пампата? Она ответила:

— Нет, мой повелитель. Твое удовольствие — мое удовольствие.

При этом она, как говорят, дала ему для укрепления сил мазь, пахнущую ароматическими листьями мпепо и действовавшую как афродизиак.

«Свадебным» дворцом Чаке послужила большая королевская хижина, имевшая форму пчелиного улья. Диаметр сот составлял около тридцати футов, максимальная высота — около двадцати. Крышу поддерживала дюжина толстых столбов, которые в то же время увеличивали прочность и без того крепкого остова из жердей. Остов был покрыт слоем тростника и травы. Толщина его по краям хижины составляла около четырех дюймов, а максимальной глубины, примерно в фут, он достигал в верхней части куполообразной крыши. Чака отобрал пятьдесят особенно нравившихся ему девушек и вошел с ними в хижину. Он знал каждую по имени, знал, откуда она родом. Утром он предупредил их, что вечером начнется массовый медовый месяц, а тех, кто в это время отдавал обычную дань месяцу, заменил другими.

Чака первым вошел в хижину и уселся на нескольких слоях каросс, расстеленных на полу в правой и центральной частях хижины. Пятьдесят девушек вереницей последовали за ним и в свою очередь уселись, образовав двойной полукруг вдоль стен левой части хижины. Чака находился прямо против них, примерно на середине расстояния между дверью и задней частью хижины, настолько близко от стены, чтобы голова его почти касалась ее, если он откинется, вытянув ноги, в направлении очага в центре хижины.

Угощая девушек пивом и развлекая шутками и прибаутками, Чака вскоре развеселил их, что он умел (когда хотел), как никто. Затем Чака сделал свой первый выбор. Он пал на Гиджиму, что означает «Беги» или «Торопись». Она принадлежала к клану Сибийя. Когда Чака сказал: «Беги», — чтоб она прибежала к нему на ложе, все, кто был при этом, одобрили возгласами шутку и оказанную девушке честь.

Нгуни не целуются, вернее, не целовались до того, как вступили в контакт с европейской цивилизацией. Однако они обладали глубоким знанием физиологии женщины, которое передавалось им старшими во время и после совершения обрядов, связанных с достижением зрелости. Мужчины были подлинными мастерами деликатного искусства возбуждать женщин в любовной игре. Мужья нгуни предоставляли своим женам по отдельной хижине и навещали их более или менее поочередно. Однако вожди порою не считались с этим обычаем и принимали жен в большой хижине совета. Иногда одновременно являлись несколько жен. Наложниц — они не имели никаких прав, но тщательно охранялись как королевская собственность — неизменно вызывали поодиночке или группами в хижину вождя, ибо они не имели собственных жилищ. Впоследствии их отдавали в жены особо отличившимся подданным; в качестве компенсации за несколько сомнительную девственность они приносили мужьям ореол близости с самим королем.

Решительно все с величайшим уважением относились к девушкам Большого дома — ведь они считались королевской собственностью и «сестрами» вождя. Эти наложницы — их было приблизительно тысяча двести человек — находились на положении фрейлин и аристократок и уступали только представительницам королевского дома или женам короля — если таковые были. Они стояли выше советников и даже самого премьер-министра.

Вождь или король не мог сделать ничего дурного, а потому не считалось предосудительным, что Чака наслаждался с Гиджимой в тусклом и неверном свете, падавшем от костра на каросс, ничем не огражденный от взоров других девушек гарема.

Через некоторое время Чака объявил, что намерен выбрать другую девицу. Болтовня тотчас же прекратилась, ее сменило напряженное ожидание. Зажгли еще один факел из травы уг'унгу, и Чака принялся поддразнивать девушек, которые сидели как на иголках. Он переводил взор с одной на другую, называл по имени и превозносил их прелести. Чтобы никого не обидеть, он сказал, что все они одинаково желанны и он просто не знает, которую выбрать. Он понимал, что любое могущество бессильно без психологического воздействия, и часто говорил, что с женщинами ничего нельзя сделать против их желания. К тому же его честолюбие требовало, чтобы все обитательницы гарема признали его величайшим любовником всех времен. Взяв в союзники своей сохраненной мужской силе и искусной, но деликатной технике щедрые дары, веселый разговор, пиво, вкусную еду и песни, он верил, что в любви его ждет такой же успех, как на войне.

Чака вполне удовлетворил своих партнерш, но ему удалось лишить невинности только небольшое количество девушек. По словам Лангазаны, в первые лихорадочные трое суток «марафонского бега» любви их было меньше, чем пальцев на обеих руках. Чаке это было чрезвычайно неприятно, но находчивая Пампата сумела успокоить его.

Поздно ночью Чака распорядился сделать перерыв, и девушки на время вышли из хижины. Затем все улеглись спать — девушки на своих циновках, покрывшись хорошо выделанными шкурами, а Чака на более комфортабельных кароссах. «Марафонский бег» возобновился только на рассвете, и рано утром все девушки были временно отпущены. После этого Чака позавтракал, совершил, как всегда, публичное омовение и занялся неотложными государственными делами. После окончания непродолжительного заседания совета Чака отбыл в свою большую хижину и послал за Пампатой.

Она тотчас увидела, что он в плохом настроении и даже раздражен, и поняла, в чем дело. Как только Чака отрывисто бросил: «Говори!», — она сразу же стала утешать его.

— Все девушки, которых ты почтил минувшей ночью своими ласками, твердят, что ты необыкновенный мужчина, столь же выдающийся в любви, как и на войне. Ни одна из тех, с кем ты лежал, не осталась девственницей, ты силен и могуч. Похвалы девушек разносятся по всей стране, подобно огню, который ветер гонит по сухой траве. А те, которых ты еще не удостоил своим вниманием, готовы от нетерпения съесть свои сердца.

Чака был явно обрадован, но, стараясь сохранить суровый вид, спросил:

— А где ты взяла скот для подкупа девушек, подобно тому как я подкупил жен Мгобози, чтобы заставить их говорить ложь?

— Никакого подкупа не было, мой повелитель. Я просто перекинулась несколькими словами с девушками — они ведь все ходят ко мне за советом. Я только сыграла на их тщеславии. Сказала, что будь я на месте той, которая случайно не лишилась невинности, то промолчала бы об этом, чтобы остальные не стали смеяться надо мной и говорить, что король был ко мне не так милостив, как к ним.

— Ты меня утешила, но я уже устал. Однако ради сохранения своей репутации буду заниматься этим еще двое суток, хотя предпочел бы наслаждаться твоим обществом и разговором.

Гаремные развлечения несомненно доставляли Чаке удовольствие, но он никогда не отличался чувственностью своего сводного брата и преемника Дингаана. Почти всегда ему нравились умные женщины, но его привлекали и те, в ком он умел вызвать необыкновенное сексуальное возбуждение, в особенности Мбузикази из клана Ц'еле — настоящий ураган страсти. Впрочем, вопреки своему имени⁵ она отличалась также рассудительностью и

остроумием, язычок у нее был, как бритва. Несмотря на все предосторожности, к которым прибегал Чака, чтобы в его гареме не было беременных, этой молодой женщине удалось — пусть только один раз — преодолеть его железный самоконтроль и довести до экстаза, в результате чего она забеременела.

Вскоре после великого праздника победы Чака решил снова отвлечься от государственных дел и устроить такую королевскую охоту, какой еще не видели зулусы. Он выбрал для этого опустевшие владения ндвандве и привлек к охоте большую часть регулярной армии, вооружив охотничьими ассегаями воинов, а также всех кадетов и многих у-диби старшего возраста.

Охотничий танец зулусов. Рис. Ангаса, ок. 1848

Охота была запланирована столь же тщательно, как и военный поход. Предполагалось окружить всю местность, лежащую между реками Уайт Умфолози и Блэк Умфолози от места их слияния до пункта, расположенного в двадцати милях вверх по течению. В ходе облавы намечалось гнать зверей вниз по течению в тупик, образованный слиянием рек. Здесь путь животным должны были преградить многочисленные глубокие водоемы, броды через которые охраняли большие группы охотников. Охотники располагались и по берегам обеих рек вплоть до тех мест, где проходила линия, откуда предстояло начаться облава. Цепь загонщиков (с интервалами между воинами в десять-двадцать шагов) имела задание гнать дичь в суживающийся водораздел двух рек. Цепь эта будет укорачиваться, и постепенно интервалы станут такими короткими, что охотники смогут почти касаться друг друга. За пределами территории, где намечалась облава, на берегах рек предполагалось выставить лишь немногочисленную охрану, но там, где предполагались броды, охрана удваивалась.

Сам Чака со своими телохранителями из полка Фасимба и большим отрядом отборных охотников намеревался утром накануне облавы занять позицию на правом берегу реки Уайт Умфолози, близ ее слияния с Блэк Умфолози. Таким образом, между ним и линией, откуда начнется облава, окажется река.

На этом берегу во всех подходящих местах были вырыты игебе (ловчие ямы для крупной дичи), соединенные с замысловатой исенг'ело — изгородью из колючих кустарников и ветвей. В отличие от ям ивеку, на дне игебе не было заостренных кольев. Глубина этих ям с отвесными стенками равнялась девяти футам, ширина — шести, длина — приблизительно десяти-двенадцати. Они были так умело замаскированы ветками, тростником и травой, что казались дорожками, ведущими сквозь грозные колючие изгороди, которые перечертили все пространство между водоемами. Изгороди шли зигзагами и образовывали как бы туннели, ведущие к замаскированным ямам. За ними, дальше от реки,

были сооружены более легкие изгороди, параллельно первым.

Они должны были скрывать прятавшихся за ними охотников, но тоже образовывали тропинки или своеобразные туннели, которые постепенно суживались и превращались в довольно длинные коридоры. Охотники, укрывшиеся за изгородями, располагались таким образом, что дичь, попавшая в коридоры, становилась удобной мишенью для множества копий. Животным, которым удалось бы миновать обе изгороди, предстояло преодолеть крутую возвышенность, тянувшуюся вдоль берега.

Через нее вело несколько естественных проходов. Параллельно проходам были сооружены густые изгороди с замаскированными отверстиями. Отсюда в нужный момент ловкие охотники могли внезапно атаковать слонов, карабкающихся вверх по склону, и перерубать топорами сухожилия на их задних ногах.

Так была подготовлена великая охота. Состоялась она, очевидно, в августе 1819 года. Время было выбрано удачно, так как в августе преобладают северо-западные ветры, которые дуют в том направлении, в каком предстояло двигаться цепи загонщиков. Погода была еще прохладная, и это позволяло сохранить большое количество мяса по методу бенга, то есть разрезав его на ломти, а затем провялив и прокоптив над костром.

Чака очень интересовался различными методами охоты на слонов, особенно путем перерезания сухожилий. Этот опасный способ охоты импонировал вождю зулусов, тогда как применение импинго он не одобрял. Импинго — небольшой клинок с зубринами и желобками, покрытый густым слоем яда и свободно соединенный с древком: при ударе он легко отделялся от последнего. В качестве яда применялась смесь атропина — его выделяли из семян ##### и септических веществ, добывавшихся из разложившихся трупов. При ранении слон редко получал такую дозу этой смеси, чтобы атропин мог оказать свое мгновенное смертоносное действие. Чаще толстокожий становился жертвой септических веществ и погибал от заражения крови много дней спустя. Такой способ охоты был чужд зулусскому характеру. Его несомненно заимствовали у бушменов, но применяли редко. Чака и слышать о нем не хотел, считая подобную охоту недостойной мужчины.

На рассвете Чака и его охотники заняли намеченные позиции. Так же поступили и воины, выделенные для охраны берегов рек до того места, где находился король со своими людьми. Это был единственный участок, где животным не мешали переправляться на другой берег. Загонщики еще накануне вечером расположились между обеими реками на линии, откуда должна была начаться облава. С первыми лучами солнца, при попутном ветре, они стали двигаться по направлению к Чаке. Эта цепь с интервалами между воинами в десять-двадцать шагов перемещалась по открытой местности, поросшей кустарником, и вскоре стала загигаться, но когда переваливала через низкие холмы и складки местности, откуда наблюдатели могли давать соответствующие указания, старейшины спрямили ее. По мере сближения рек интервалы между загонщиками уменьшались. Они все время старались производить как можно больше шума.

Прошло уже немало времени после восхода солнца, когда облачка пыли, клубившейся вдали, возвестили о приближении бегущей дичи. Первыми охотники заметили слонов; если их растревожить как следует, они делают большие переходы и передвигаются очень быстро. За этим авангардом показалось несколько жирафов. Вот и все, что удалось увидеть сначала. Облака пыли появились и выше по течению реки, но вскоре отодвинулись в глубь местности, так как охрана отпугнула животных, не давая им переправиться раньше времени.

Большинство слонов шло зигзагами от реки к реке, не зная, какое направление выбрать. Но одна группа двинулась прямо на притаившихся охотников. Во главе ее находилась старая слониха без клыков, за нею следовали слонята самого разного возраста, замыкали шествие молодые и взрослые самцы. Все они сделали короткую остановку у реки, чтобы напиться, а затем переправились через нее и достигли первой массивной изгороди.

Старая слониха-вожак подозрительно оглядела ее и попыталась обойти, но тщетно. Затем, вытянув хобот, обнюхала один из мнимых проходов и в тревоге отскочила назад. Тогда она пошла вдоль забора и, найдя место, где он выглядел менее массивно, оторвала от него несколько деревьев и ветвей и прошла в образовавшееся отверстие. За ней последовали остальные животные.

Чака, стоявший на возвышении, восхитился пронизательностью вожака.

— Мамо!⁷ У старухи ум мужчины, она спасла по крайней мере одного из своих детей.

Пройдя вдоль второй, маскировочной изгороди, слониха-вожак проявила явное отвращение к гостеприимно оставленным «проходам» и, проломив изгородь в стороне от них, направилась к возвышенности. Тем самым она избежала охотников. Как только стало ясно, где именно она собирается перевалить через возвышенность, Чака и его охотники бросились наперерез стаду. Слоны, почуявшие охотников, скрытых второй изгородью, тревожно затрубили.

Попытка преградить путь веренице этих животных, идущих почти вплотную друг к другу, равносильна самоубийству. Однако атаковать замыкающего шествие слона в тот момент, когда он поднимается по крутому склону, значит идти на оправданный риск. Правда, есть такие смельчаки, чтобы не сказать отчаянные головы, которые выскакивают на тропу и пытаются ранить слона, когда следующее за ним животное находится на расстоянии не менее броска копья (пятидесяти ярдов). Такой охотник должен быть необычайно проворен, чтобы успеть перерезать сухожилия проходящему мимо слону и одним прыжком вернуться в безопасное место, прежде чем следующее животное дотянется до него своим хоботом.

Чака и его охотники достигли прохода, чуть опередив слониху-вожака, и заняли места за изгородью, подле многочисленных отверстий. Отсюда они наблюдали, как громадные животные с трудом поднимались по крутому склону, так близко от изгороди, что их почти можно было коснуться рукой. Наконец последний слон — большой самец — вступил в коридор. Шел он довольно медленно, ему мешали идущие впереди. Когда его задние ноги оказались на одной линии с притаившимися охотниками, они немедленно атаковали его с двух сторон. Топорами, похожими на томагавки, воины нанесли ему глубокие раны, перерубив ахилловы сухожилия и сухожилия икроножных мышц. Самец затрубил от боли и ярости и, пошатываясь, повернулся к атакующим, размахивая смертоносным хоботом. Однако раненый слон не представлял больше опасности для своих врагов. Ловко уклоняясь от его хобота, они наносили ему одну за другой глубокие раны в задние ноги. Между тем специальный наблюдатель был начеку, чтобы предупредить охотников, если сзади покажется другой слон.

Не успел первый раненый слон выйти из строя, как охотники атаковали из-за изгороди того, который двигался перед ним. Этот маневр был повторен со всеми животными, следовавшими вереницей. Не все, конечно, шло гладко. Очень часто слон, шедший впереди атакованного, услышав крики своего собрата, поворачивал назад и бросался ему на выручку. Копье, даже самое тяжелое, в таких случаях бесполезно, ибо нанесенные им раны скажутся слишком поздно.

Когда наступил черед Чаки попытать свое счастье, он с дикой энергией выскочил из укрытия и, размахнувшись тяжелым топором, нанес страшный удар в самую уязвимую часть задней ноги слона. Его спутникам было приказано не отходить далеко, но и не вмешиваться без крайней надобности. Крупный самец затрубил и, размахивая хоботом из стороны в сторону, повернулся быстрее, чем можно было ожидать после такого ранения. Чака проворно нагнулся и новым ударом перерубил сухожилия на другой ноге, заставив слона присесть. С дьявольской яростью животное принялось вырывать ветви из изгороди по обе стороны от себя. Используя одну из них как дубину, слон едва не нанес Чаке смертельный удар.

Легкие концы ветви все же прошли по нему. Отскочив в сторону, Чака оказался лицом к лицу со смертью: она молчаливо надвигалась на него в облике самца, который шел впереди атакованного. Самец этот ринулся защищать раненого собрата. Африканский слон, несущийся на врага, — страшное зрелище: расстояние между кончиками огромных ушей, стоящих под прямым углом к телу, доходит до девяти-десяти футов; хобот высоко поднят над грозными бивнями и туловищем, возвышающимся на двенадцать футов над землей; все вместе составляет живую машину смерти и разрушения.

В этот тяжелый для Чаки миг двое воинов-охотников самоотверженно преградили путь приближавшей смерти, проявив характерную для зулусов удивительную верность своему вождю. Подняв топоры, они успели с двух сторон атаковать мчавшееся на них чудовище. Каждый нанес ему глубокую рану, но что толку? Слон мгновенно сбил с ног и растоптал насмерть одного из них. Другого обвил хоботом, высоко поднял и с силой бросил на землю. Это дало Чаке возможность отпрянуть в сторону. В то время как слон втапывал в землю распростертое тело охотника, Чака и другой воин сзади перерубили ему сухожилия. После этого слон оказался в таком же состоянии, что и его собрат, которого он так отважно пытался спасти.

Такая же участь постигла пять или шесть слонов, замыкавших шествие и брошенных на произвол судьбы остальными животными. Никто не пытался добить раненых гигантов: это требовало больших усилий, да и трубные вопли раненых заманивали в ловушку одиноких или изгнанных из стада слонов. Эти животные обладают наибольшими бивнями, а потому представляют собой особенно желанную добычу. Охотники убрали останки погибших и заняли прежние места за изгородью вдоль коридора. Глядя на изуродованные тела двух воинов, пожертвовавших собой ради вождя, Чака горестно воскликнул:

— Они были храбрейшими из храбрых — иначе не бросились бы под ноги этой бегущей горе. Если бы не они, я тоже был бы сейчас бесформенной кучей мяса и костей. Теперь же я могу только наградить их краали и принести жертву духам наших предков.

Когда появились крупные слоны-одиночки и стали пытаться пройти по одному из двух главных проходов, Чака участвовал в нескольких сражениях с ними. Бой с этими чудовищами возбуждал его. Благодаря тому, что слонам приходилось карабкаться по склону, охотникам удалось перерубить сухожилия почти всем огромным животным.

И снова Чака чуть не погиб. Охотники заметили, что к ним приближается разъяренный носорог. Когда он начал с трудом взбираться по самому крутому участку узкого прохода, Чака выскочил через одно из отверстий заграждения и нанес удар по ахиллову сухожилию; огромное животное завизжало от злости и присело. Торжествующий Чака не заметил, что носорог медленно поворачивается. Вдруг, словно выпущенный из катапульты, раненый зверь ринулся на него вниз по склону с быстротой и яростью, которые едва не стали губительными для Чаки. Только проворство пантеры, которым обладал вождь зулусов, спасло его от смерти. Он отскочил в сторону, и, охваченное жаждой мщения, огромное толстокожее пронеслось мимо. В него вонзились тяжелые метательные копья охотников, полдюжины тяжелых клинков пронзили его легкие и печень; истекая кровью, носорог наконец свалился на землю.

Взметая тучи брызг, через реку переправилось около двухсот буйволов. Впереди шли крупные самцы. За ними следовали молодые самцы попеременно с самками и детенышами различного возраста. Достигнув первой изгороди, вожаки остановились и подозрительно уставились на нее. Остальные выстроились по обе стороны в одну шеренгу, рог к рогу. Они высоко задрали головы, словно вызывая противника на бой, и застыли в неподвижности. Это было внушительное зрелище. Некоторые охотники, охранявшие реку выше и ниже места переправы, подползли теперь к кромке тростника, заросли которого тянулись здесь вдоль берега. Когда ветер донес запах людей, буйволы насторожились. Охотники подняли страшный крик. Стадо бросилось бежать, одни животные мчались по проходам, другие

прокладывали себе путь через все отверстия, какие могли найти в первой и второй изгородях. Воины, которые находились за изгородями в сравнительной безопасности, стали метать в буйволов через широкие смотровые щели тяжелые копья — исипапа. Только ширина изгороди отделяла охотников от бегущих буйволов — на такой дистанции копья были очень эффективным оружием. Многие животные свалились в ловчие ямы. Случалось, что в одну яму попадало двое буйволов, и тогда остальные перебирались по мосту, образованному их телами.

Однако потери несли не только четвероногие. Многие раненые буйволы приходили в бешенство. Если сидевший в засаде воин неосторожным движением выдавал свое присутствие, разъяренное животное поворачивалось и сквозь отверстие в изгороди кидалось на врага. И горе охотнику, которому не удавалось одним прыжком укрыться за достаточно толстым стволом (если такой находился поблизости): ничто не могло помешать буйволу сбить его с ног. Правда, падая на землю, воин прикрывал себя щитом, но только счастливым удавалось избежать рогов зверя. Обычно дело кончалось благополучно лишь в тех случаях, когда товарищи успевали прийти на помощь поверженному и убить буйвола ударом в сердце или же отвлечь атаку на себя, а затем уже нанести животному смертельную рану.

Это было опасно и волнующе, — словом, совершенно во вкусе Чаки. Напрасно руководитель охоты и Мгобози упрашивали его держаться в стороне. Чака избрал себе позицию в удобном месте за изгородью, образовывавшей одну стенку узкого коридора. Одержав несколько полных или частичных побед, он, видимо, ослабил бдительность, ибо при появлении очередного буйвола выдал себя легким движением. Огромная туша молниеносно повернулась, и буйвол просунул голову в изгородь. Мгновение оба противника, совершенно ошеломленные внезапной встречей, глядели друг на друга, почти касаясь головами. В этот миг Мгобози успел просунуть между ними свой щит, а Сторож⁸, всегда державший палицу наготове, нанес животному могучий удар по голове. Буйвол опустился на колени, а Чака отпрянул в сторону. Но, несмотря на то, что быку нанесли новый удар, на этот раз по спине, он поднялся и ринулся на копыеносцев из полка Фасимба, отбросив в сторону Мгобози со щитом и всей амуницией. Буйвол опрокидывал воинов, как кегли, но им большей частью удавалось подставить под его рога щит и, падая, накрыться им. Все же одного охотника буйвол поддел рогами и забросил на колючее дерево.

Колоть зверя копьями спереди было бесполезно: при атаке он так низко держал голову, защищенную рогами, что грудь его оставалась недосыгаемой. Но, когда раненый буйвол повернулся, чтобы боднуть одного из воинов, лежавших под щитом, Чака, Мгобози и несколько других охотников пронзили его копьями с двух сторон, а Сторож ударом палицы с длинной ручкой переломил ему заднюю ногу. Но и после того как буйвол потерял подвижность и хрипел уже при смерти, так как охотникам удалось поразить его легкие, он продолжал обороняться. Двое воинов полка Фасимба были убиты или умирали, несколько других получили ушибы и увечья.

— М-да! Вот это был бык! — тихо, но восхищенно заметил Чака, отирая пот со лба. — Ну и бой!

— Он стоил жизни двум моим ребятам, — проворчал Мгобози. — Если нужно биться со зверями, так почему не схватиться со львами и леопардами? Это ведь наши прирожденные враги.

— Будут и львы, Мгобози, много львов! — весело воскликнул Чака.

В это время мимо пробежали большей частью крупные антилопы. Огромные, но добродушные антилопы элани падали под копьями охотников, не оказывая сопротивления. Антилопы гну, напротив, вступали в бок, справиться с каннами и чалыми антилопами тоже было непросто. Жирафы, метко прозванные Индлулами (те, кто выше деревьев),

встречались довольно редко даже тогда. Охотникам посчастливилось уложить только двух — одна попала в ловчую яму, другую убили копьями на тропе. Было много зебр, но их удавалось настичь только в тех случаях, когда они спасались от загонщиков в коридорах или в узких проходах. Куду и водяных козлов убили бесчисленное множество. У этих антилоп рогами обладают только самцы, да и те не вступают в бой с человеком.

Охотникам достались сотни более мелких антилоп — импала, бушбок. Кабаны не пожелали перейти реку, к которой их гнали, и, повернув назад от поросших тростником берегов, прорвались сквозь ряды загонщиков, нанеся им внушительные потери. Тут их встретили отряды охотников с собаками. Собак держали в резерве, чтобы преследовать раненых животных, уносивших в своем теле ценное копые, а то и не одно, или наконецник к нему. Отрядам пришлось выдержать несколько ожесточенных схваток с кинувшимися назад злобными старыми хряками и не менее яростными матками, защищавшими детенышей.

Под конец появились одиночные шакалы и гиены, стаи диких собак и — самыми последними — львы и леопарды. Все они дорогой ценой заплатили за встречу с охотниками.

Леопарды шли по одному, молча и угрюмо. Немногим из них удалось спастись, но и у охотников не обошлось без потерь. Раненые звери неоднократно бросались на воинов, перепрыгивая через амбразуры, сделанные на уровне человеческой груди. Иногда им удавалось прорваться через коридоры. Если такое случалось, то тогда их встречал полукруг охотников, вооруженных копьями и щитами.

Коль скоро леопард избрал себе жертву, только смерть может отвлечь его от объекта атаки в отличие от льва. Кроме того, леопард чрезвычайно быстро и ловко орудует когтями, и, если раны его жертвы немедленно не обработать, она погибнет через несколько дней от заражения крови. Это объясняется тем, что вопреки распространенному мнению львы и леопарды поедают разложившиеся трупы, если нет мяса посвежее, поэтому на внутренней стороне их когтей всегда таятся трупные яды.

Затем появились три семьи львов, встревоженных и раздраженных. В этот день им пришлось не меньше шести раз в ущерб своему достоинству отступить под натиском цепи загонщиков. Между тем никакие кошки не любят испытывать чувство унижения.

Чака со своей группой (к ней присоединилось теперь несколько специально отобранных охотников) охранял наружную стенку одного из коридоров, ведущих от массивной изгороди в большой загон (образованный обеими изгородями). Наблюдатель, сидевший на дереве, сообщал группе о всех передвижениях зверей; Чака у одной из амбразур дожидался удобного момента. Вскоре в коридоре появился крупный лев. Подняв и чуть просунув копые сквозь листву ветвей, прикрывавших амбразуру, Чака выждал, пока зверь поравнялся с ним. Когда их разделяло всего несколько футов, он воткнул тяжелое копые в тело зверя, в нескольких дюймах позади лопаток. Рана оказалась смертельной, но лев с ревом прыгнул вперед, выскочил из коридора, сделал попытку повернуться и только тогда со стоном рухнул наземь.

Другие львы получили более или менее тяжкие ранения. Некоторые пытались найти себе убежище в коридорах, однако загонщики выгнали их из укрытий. В конце концов на большом открытом участке между изгородями оказалось много львов, и раненых и невредимых; охотники охраняли проходы и не давали зверям выйти. Начались схватки, напоминавшие поединки в римских цирках, с той, однако, разницей, что тут не было зрителей, со злорадством наблюдавших из безопасного места за ходом боя, да и зулусский цезарь сам вышел на арену, чтобы разделить со своими воинами все опасности.

Охотники вывели псов и пустили их по следу раненых животных, которым удалось бежать с вонзившимися в их тело копьями. Слонов с разрубленными сухожилиями прикончили еще раньше, перерезав им артерии на задних ногах: любая попытка убить слона ударом копыя в сердце сопряжена со смертельным риском, ибо воин при этом попадает в

пределы досягаемости его хобота. Перерезали артерии и слонам, попавшим в ловчие ямы. Остальных животных, оказавшихся в ямах, закололи копьями.

Восемь лет спустя Генри Фрэнсис Фин⁹ записал, что во время грандиозной всенародной облавы, организованной королем зулусов, Чака и его воины убили сорок восемь слонов. Их по-видимому, окружили и атаковали целые полки воинов, вооруженных копьями.

Вслед за охотой началась разделка туш и сушка мяса на специальной раме, под которой был разведен огонь. Такая обработка сохраняла мясо от порчи и, уменьшая его вес, облегчала транспортировку.

Этим были заняты почти все охотники. Одновременно они поджаривали на деревянных вертелах печень и сердце животных. Добычи было так много, что от обычного принципа распределения отказались. Все мясо было собрано в одно место, а затем каждый получил столько, сколько мог унести. Правда, руководитель охоты и его помощники точно установили, кому именно принадлежит честь победы над тем или иным зверем, и охотники, желавшие иметь особенно лакомые куски от своей добычи, немедленно их получали. Но Чака не забывал о тех, кто загонял дичь и охранял броды, потому-то все мясо и собрали в одно место.

Слоновые бивни он, как король, забрал себе, но выдал за них компенсацию скотом. На шкуры леопардов рядовой воин не мог претендовать — все они считались собственностью вождя, — но за каждого убитого леопарда выплачивалось вознаграждение в виде быка или коровы.

Во времена Чаки зулусы не охотились на бегемотов, так как не употребляли в пищу их мясо. Они приравнивали его к свинине, которую тоже не ели. Этих животных истребляли, только когда они уничтожали посевы, но и тогда их мясом брезговали.

После пира, продолжавшегося всю ночь, Чака направился в свою королевскую резиденцию Булавайо. К полудню он уже был в поселке, пройдя сорок пять миль.

Нанди встретила его особенно тепло. Дух ее был сильно встревожен, сказала мать, и она очень рада видеть сына невредимым. Сын добродушно подтрунивал над ней, сравнивая с курицей, которая вечно боится, как бы ястреб не унес ее цыплят, даже когда они становятся взрослыми.

— Да, ты перерос всех цыплят и стал теперь настоящим страусом.

— И все-таки, мама, ты боишься, что меня унесет ястреб?

— Мне не нравится новый индуна (дворецкий) королевского крааля. Он слишком вежливый, гладкий и скользкий. Двигается так бесшумно, как ползет ядовитая змея. Когда-нибудь он ударит тебя сзади. Пампата думает так же.

— Послушай, мама, отчего ты не любишь Мбопу, сына Ситайи из клана Газини? Он очень полезный советник, хорошо управляет краалем, да и беседовать с ним интересно.

— Название его клана — «Кровь», и я вижу кровь, но не его, а твою. Убей его нынче, тотчас же.

Пампата разделяла опасения Нанди и сказала Чаке об этом, но он только посмеялся над ними обеими.

Глава 18

Война с тембу. Новый Булавайо. «Черепаха» Чаки. В Натале восстановлен порядок. Измена Мзиликази.

Зимой 1820 года Чака направил послов на запад от реки Баффало ко двору Нгозы, верховного вождя тембу, победителя кузе, мбата, ситоле, нтули, беле и других. Послы передали его слова: «Давай мы, двое могучих, объединим наши силы и станем править миром в согласии». Нгоза вызвал к себе некоего Сигвегве, известного своим мужеством, и приказал:

— Ступай к Чаке и скажи ему, чтоб готовил копья. Возьми с собой тростник и воткни перед ним в землю как символ.

Смысл этого символа состоял в том, что даже вечно гнущийся тростник может стоять прямо перед королем зулусов. То было объявление войны, притом в оскорбительной форме.

Чака велел дать посланцу столько пива, сколько тот сможет выпить, и подарить ему трех жирных быков: одного для питания в пути и двух в качестве дара, а потом сказал Сигвегве:

— Ступай к Нгозе и передай ему, чтоб он ждал меня после новолуния. «Тот, кто, обращаясь к другим, ожидает ответа» сделал ему дружеское предложение, но он отверг его дружбу. Пусть знает, что светило, которое он увидит после полнолуния, это не месяц, а Чака.

Вернувшись к Нгозе, Сигвегве сказал:

— Вот я несу его (врага) на спине.

Нгоза так же хорошо понял эту метафору, как Чака — значение тростника. Поэтому он направил срочное послание Мацингваану — вождю ц'уну, прося его взять под свою охрану броды в нижнем течении реки Баффало. Он же, Нгоза, преградит путь противнику в верхнем течении реки, у горы Хлазакази. Весь скот племени вместе с женщинами и детьми был укрыт на правом берегу нижней Баффало, во владениях ц'уну.

Зулусское войско было разделено на две части, видимо, для того, чтобы оно могло действовать на обоих флангах армии тембу, во главе которой стоял Нгоза. Одна часть двинулась по равнине и прошла через область ц'уну. Воины ц'уну, охранявшие броды, под напором зулусов отступали до тех пор, пока не оказались далеко за рекой Тугелой. Там их не мог настичь враг. Чака впервые избрал роль зрителя и расположился на одной из вершин гряды холмов Г'удени. Вероятно, он сделал это для того, чтобы иметь возможность как можно лучше наблюдать за продвижением обеих частей своего войска.

Разделение зулусской армии несомненно проследовало одну цель: не дать Нгозе спастись бегством, если его войска будут разгромлены. Со стратегической точки зрения план имел свои достоинства, но был сопряжен с немалым риском.

Та часть зулусской армии, что двигалась по низменности, случайно наткнулась на беззащитных женщин и детей тембу, которые вместе со стадами племени были тщательно спрятаны в зарослях, тянувшихся вдоль реки Баффало. Большинство их было убито или захвачено в плен.

Вторая часть армии перевалила через гору Эсипези и перешла реку Баффало у холма Хлазакази, где встретилась с объединенными силами тембу и их союзников. Зулусам удалось форсировать реку Баффало, но в сражении, которое разыгралось у столицы тембу, им был нанесен сильный урон. Нападающим пришлось отступить и переправиться через Баффало в обратном направлении. Только замечательная дисциплина зулусов и хладнокровие Мдлаки, командовавшего войсками, предотвратили полный их разгром.

Между тем Чака со своего наблюдательного пункта (на вершине одного из холмов гряды Г'удени) пристально всматривался в глубокую, широкую и сильно пересеченную долину Баффало, лежавшую у его ног. Местами она была покрыта густыми зарослями колючих кустарников, кое-где виднелись одинокие деревья мимозы. Он устремил свои взор направо, в сторону столицы тембу, которая лежала где-то за холмами, окаймлявшими долину с запада, а затем налево, где действовала часть его войск, отделенная от другой расстоянием в добрых двадцать миль.

В то время как Чака, окруженный немногочисленным штабом, всматривался в даль, на вершине в сопровождении сильного отряда появился Джобе — вождь племени ситоле и союзник Нгозы (его владения прилегали к гряде Г'удени). Ни Джобе, ни Чака не отличались одеянием от зажиточного старейшины, а высокий рост Чаки не был замечен, так как король сидел на корточках.

Обменявшись приветствиями, каждый из них, по обычаю нгуни, сообщил, куда и с какой целью направляется. Однако хронисты не зафиксировали, что именно было сказано. Оба вождя провели большую часть дня на вершине холма, обсуждая текущие события и обмениваясь откровенными замечаниями по поводу недавно появившегося зулусского выскочки Чаки. При этом они говорили, какие надежды связывают с конфликтом, и напряженно всматривались в западную часть горизонта.

Беседу их прервал запыхавшийся и взволнованный гонец, который доложил Чаке:

— О король, наше войско отброшено и продолжает отступать.

Чака поднялся, как башня гнева, «разъяренный словно лев, попавший в сеть», и громовым голосом приказал «убить глупого болтуна» — злополучного гонца, который одновременно раскрыл его обман и поведал о позорном поражении. Несчастный стоял как вкопанный и, объятый ужасом, смотрел на Чаку. К гонцу подошел палач и тяжелой палицей раскрыл ему череп. После этого Чака величественно проследовал к броду через реку Баффало, сопровождаемый своей свитой. Он даже не соизволил взглянуть на Джобе, а тем более попроситься с ним.

«И глаза Джобе раскрылись, и он услышал его; и весь остаток дней своих он не переставал славить своих духов-хранителей, спасших его от того, чтобы „ступить ногой в это“. Но, дав Чаку уйти, когда он мог расправиться с ним, Джобе навлек на себя проклятия друзей-тембу. Однако Чака всегда был к нему милостив».

Даже издали Чака разглядел, что у брода, где Мдлака приостановил победоносное продвижение войск Нгозы, развернулась ожесточенная битва. Чака был разъярен до предела, особенно потому, что осторожный Мдлака не советовал ему делить армию на две части. Если та половина, которая двигалась по равнине, не будет иметь успеха, игру придется считать проигранной, а результаты этого дня — унижительными.

Тут прибыли гонцы из этой части войска — ею командовал Нзобо (Дамбуза) и его помощник Ндледа. Они доложили, что весь скот тембу захвачен и угнан, а большая часть женщин и детей уничтожена или взята в плен. Чака смягчился. Ведь эти результаты компенсировали потери, понесенные частями Мдлаки, и к тому же Мдлака, по-видимому, сумел удержаться у брода.

Поздно вечером Нгоза прекратил боевые действия и отошел к своей столице. Зулусы тоже отошли, чтобы соединиться с другой половиной войска и тем самым сохранить захваченный скот. Обе части встретились близ холма Эталени (Плоская вершина) в современном округе Нкандла. На следующий день Чака отдал приказ: выявить и судить всех трусов и уклонявшихся от боя. Каждый воин, который не мог предьявить ассегай павшего врага, попадал под подозрение и должен был доказать, что сражался храбро.

В конце концов около пятидесяти несчастных были сочтены виновными и казнены на виду у всей армии¹.

После этого перед строем провели захваченных женщин и детей тембу. Чака знал, что теперь, когда женщины и скот в его руках, за ними вскоре последуют многие мужчины тембу, а если они не явятся, он сам найдет женщинам новых мужей, и таким образом это племя быстро сольется с новой нацией, которую он создавал. Он особенно дорожил тембу, которые, подобно зулусам, принадлежали к настоящим нгуни нтунгва².

Скота зулусы захватили много, но несравненно меньше, чем за год до того в войне с ндвандве.

Победа, добытая дорогой ценой, не обманула Нгозу. Понимая, что вторичное столкновение с войсками Чаки закончится для него менее благополучно, он решил покинуть родные места. Передвижения тембу, мбата и кузе сопровождалось обычными в таких случаях зверствами.

Чака не стал преследовать быстро уходившего Нгозу с его тембу. Он решил построить новую столицу, более достойную короля Великой Зулусии. Для этого Чака выбрал место на южных склонах долины нижней Умлатузи. Здесь, на обширном пространстве, усеянном мимозами (древовидными акациями), и была сооружена новая столица, которая, как и первая, получила название Булавайо.

«Новую столицу вполне можно уподобить гигантской тарелке, покоящейся на широком пологом склоне (направо от современной дороги Эшове — Эмпангени), примерно в семнадцати милях от прежней дороги. Там, где был вход в столицу, растет дерево умкиваан (дикая смоковница). Застроенная территория представляла собой пологий круглый участок шириной в милю. Вокруг столицы тянулась ограда. Полторы тысячи жилищ (хижин) окружали открытый центральный загон для скота, тоже огороженный. В верхнем выгороженном сегменте круга находилась священная резиденция короля и толпы прислуживавших ему девушек. Хижины по обе стороны от нее были заняты двумя тысячами холостых воинов. Главный вход в крааль представлял собой широкий проем в нижнем конце внешней ограды. Через него входили и выходили мужчины и скот. В священной части, предназначенной для короля, имелось два малых входа, каждый из которых охранялся часовым. Одним из них мог пользоваться только король, другой предназначался для его девушек. Король имел также собственный вход во внутренней ограде, окружавшей скотный двор. Этот проем находился непосредственно против хижины Большого совета. Широкий главный вход всегда охранялся караульной ротой, в составе которой находилось несколько офицеров. Комендантом всего крааля был Мбона, строго следивший за выполнением правил этикета и поддержанием порядка».

Уборных у зулусов не было. Их заменяли специально отведенные в кустах участки для мужчин и женщин. Участки эти всегда находились значительно ниже источников и рек, из которых брали воду для питья. Вместо туалетной бумаги пользовались пучками травы или мягкими листьями.

По ночам сотни гиен и шакалов «очищали» эти участки. Днем хищники укрывались вдалеке, а потому их собственные экскременты рассеивались на обширной территории и уничтожались навозными жуками, странствующими муравьями и горячим африканским солнцем, которому помогали ветер и дождь. В дневное же время на участках, отведенных для удовлетворения естественных потребностей, подвизались в первую очередь вороны.

Может возникнуть впечатление, что огромный скотный двор, находившийся в самом центре столицы, отравлял воздух зловонием. На самом деле это не так. Если скот питается одной лишь травой, навоз почти не издает запаха. К тому же он быстро высыхает. Поэтому в зулусском загоне для скота обычно пахнет лучше, чем, скажем, в конюшне. Напротив, навоз скота, который кормят по европейскому образцу концентратами, турнепсом, огородной

капустой и т. п., крайне неприятен для обоняния людей. Мне хочется особенно подчеркнуть это обстоятельство, ибо европейцы — даже большинство тех, кто живет в Южной Африке, — никак не могут понять, почему там и в наши дни коровий помет широко употребляется для натирки земляных полов в хижинах, школах и церквах. В степи, где не хватает древесного топлива, из коровьего помета, кроме того, делают брикеты, которые горят не хуже, чем торф; они быстро высыхают на каменных оградах краалей.

Помимо всего прочего загон для скота играл у зулусов роль гигантской мухоловки. Дело в том, что мухи кладут яйца в свежий коровий помет. Но прежде чем личинки успевали развиваться, бесчисленные копыта затаптывали их на глубину нескольких дюймов, в сухой навоз.

Как только сооружение нового Булавайо было завершено, Чака построил для своей матери Нанди такой же крааль, но гораздо меньших размеров. Находился он на широкой плоской вершине холма в трех милях к юго-западу от нового Булавайо. Крааль этот почти опоясывали реки Эматску и Эмбузаан. К востоку от него находился холм Эмпонго. Назвали крааль Эмкиндини (Пояс), по наименованию селения, существовавшего прежде между рекой Мфуле и современным Мелмотом. Старым Эмкиндини управляла незамужняя дочь Нанди — Номц'оба, родная сестра Чаки. Читателю будет полезно запомнить топографию нового Эмкиндини, ибо шесть лет спустя там разыгралась одна из величайших трагедий истории.

В оставшиеся месяцы 1820 года и в первой половине 1821 года Чака не предпринимал походов и занимался организацией своих владений. Он всячески поощрял тех, кто переселялся в опустевшую область ндвандве и другие малонаселенные районы. Все это время он никого из соседей не трогал. Однако сразу же после уборки урожая 1821 года — в мае или июне — сильное племя ц'уну, изменившее союзу с тембу, решило переселиться. В результате через весь Натал — от реки Тугелы на севере до реки Умзимкулу на юге — протянулся широкий кровавый след. Ц'уну оставляли за собой лишь развалины и горе.

Узнав об опустошениях, произведенных в Натале племенем ц'уну, Чака с большим отрядом отправился к своей южной границе на разведку. Здесь он форсировал Тугелу, проник на несколько миль в глубь Натала и двинулся вдоль правого берега реки. Никакого сопротивления он не встречал, пока не достиг высокой горы Описвени, где находилась твердыня клана Попета. Вершина этой одиноко стоящей горы имела круглую форму и обрывалась отвесно. Она служила безопасным и неприступным убежищем для членов клана. Отсюда вождь их Мшика (он же Мапинда), сын Конддваана, осыпал камнями своих противников. Забирались в это убежище с помощью лестницы, по ней же поднимали корзины с продовольствием. Воду брали из источника наверху. Чака с интересом рассматривал естественную крепость и «бабуинов», которые насмехались над ним, чувствуя себя в безопасности в своем пристанище.

Мдлака посоветовал ему уйти подобру-поздорову. Мгобози презрительно фыркнул и спросил, к чему зулусскому войску охотиться по неприступным скалам за «бабуинами». Все командиры сошлись на том, что крепость взять невозможно, даже если ее никто не обороняет. Это только раздражало Чаку. Видя это, Мгобози мрачно заметил:

— Ты думаешь о жиряках³ и бабуинах, отец мой, а не о воинах.

Чака, однако, уперся на своем, еще раз обошел гору и нашел решение. Его острый глаз обнаружил уязвимое место в системе обороны, и он тотчас же вернулся в лагерь, чтобы подготовиться к штурму.

По его приказу было заколото несколько быков, не столько ради мяса, сколько ради шкур. Из них немедленно наделали длинные ремни. Круговой надрез сначала шел вдоль края шкуры, а заканчивался в центре, поэтому получался очень длинный ремень шириной один дюйм, который затем делили на куски по пятьдесят футов. Сырые ремни были очень эластичными. Несколько лучших воинов получили приказ привязать к концу ремня камень и

поучиться забрасывать его на самые высокие деревья. Другим было велено укрепить на спине щит и ассегай и карабкаться по ремням вверх. Трюки, которые они при этом выделяли, вызвали много добродушных шуток, особенно когда Мгобози сравнил верхолазов с бабуинами и заметил, что теперь-то они себя покажут. Воины, которые карабкались лучше других, были выделены в особый отряд. Затем Чака построил все свое войско в пять плотных колонн. То, кто стоял во внутренних шеренгах, держали щиты над головой, так что над всей колонной образовалась крыша; то, кто был на флангах, прикрывали бока, обращенные наружу, щитами, передняя шеренга вытянула их вперед. Это очень напоминало черепаху Цезаря. Когда учения закончились, воинов на время отпустили.

Наконец Чака отобрал нескольких старших у-диби и велел показать воинам, как взбираться на высокие деревья с помощью длинных ремней и даже без них. Кроме того, он приказал им учиться подтягивать ремни тонкими веревками. У-диби с энтузиазмом выполнили приказ и достигли отличных результатов.

На рассвете Чака предпринял с разных сторон — особенно там, где пепета имели обыкновение подниматься по лестнице, — ряд ложных атак на крепость, чтобы отвлечь внимание противника. Колонна же, предназначенная для настоящей атаки, задолго до рассвета исчезла из виду, укрывшись в густых зарослях на нижнем конце оврага, который разрезал гору от вершины до основания. На уровне естественного эскарпа, окружавшего гору, в овраге зияла пропасть, которая, казалось бы, исключала возможность штурма с этой стороны. Однако по краям пропасти, откуда после сильных дождей низвергался водопад, росли удобно расположенные кусты и деревья.

Ловкие у-диби с большим трудом поднялись вверх по оврагу: во многих местах им пришлось забрасывать на ветви деревьев, росших выше, веревки с камнями. К ним привязывали легкие канаты, и с их помощью мальчики подтягивали наверх увесистые ремни из сыромятной кожи. Растительность, а местами и выступы скал совершенно скрывали зулусов от тех, кто с вершины горы осматривал окрестности. Постепенно в нужных местах было закреплено несколько прочных ремней. Благодаря этому колонна, состоявшая из трех рот («черепаха»), медленно, но верно преодолела почти отвесную стену и построилась наверху под прикрытием кустарников. Времени на это ушло немало, и когда был закончен подъем, уже почти наступил полдень. Чака в это время отвлекал внимание пепета на другой участок и принимал на себя все оскорбления, какие только могли измыслить люди этого племени, не говоря уже о камнях, которые они скатывали на псевдоштурмовые отряды.

Тем временем настоящая штурмовая колонна двигалась вперед, оставив у закрепленных ремней в резерве у-диби и отряд воинов. Вскоре колонна очутилась в глубоком овраге, напоминавшем ущелье с отвесными стенами высотой сорок-пятьдесят футов. Дно оврага имело примерно такую же ширину и нигде не поднималось так круто, чтобы по нему можно было скатывать камни. В сущности, овраг представлял собой наклонный желоб с более или менее ровным дном. Большие камни, сброшенные сверху, летели бы прямо вниз и оставались там, где упали, по краям оврага, не причиняя вреда колонне, совершавшей подъем посередине. Впрочем, кидая в зулусов мелкие камни и метательные копья, защитники крепости могли бы превратить ущелье в смертельную западню.

Едва зулусская колонна миновала кусты, которые маскировали ее в нижней части ущелья, как ее заметили сверху несколько женщин пепета. Они немедленно подняли тревогу, и вождь Мшика поспешил послать воинов, а также всех женщин и детей, способных переносить камни, на скалы, тянувшиеся по обеим сторонам ущелья. Зулусы (их было около трехсот человек) немедленно образовали «черепаху», как им было показано накануне, и продолжали неуклонно двигаться вперед. Их построение походило скорее на подготовившегося к нападению армадилла⁴, нежели на черепаху. Но сами они называли его «тысяченожкой Чаки».

На «тысяченожку» обрушился град метательных копий, палиц и камней величиной от кулака до половины кирпича, но шестьсот ног ее стоически и ритмично продолжали двигаться вперед. Вскоре, однако, число их стало уменьшаться: один за другим воины выходили из строя и опускались на землю. Щит упавшего немедленно поднимал его сосед: в крыше и стенах, образованных всеми щитами колонны, не должно было оказаться дыр.

Раненых, лишившихся таким образом прикрытия, легко было прикончить, бросая в них по старинному библейскому примеру камни со скал.

Все пепета, которые могли бросать камни, расположились на скалах по обе стороны ущелья. В племени насчитывалось около тысячи человек, из них боеспособных было семьсот. Ничто, кроме построения в виде тысяченожки, не помогло бы зулусам пройти через это испытание.

«Тысяченожка» размеренным шагом двигалась вперед, словно не обращая внимания на град камней и метательных орудий. Когда она достигла верхнего конца ущелья, ее потери составляли около одной шестой состава. Там ее встретили двести воинов пепета, выстроившихся в несколько шеренг от одной стены ущелья до другой. Зулусская колонна медленно, но верно, протаранивала себе путь сквозь гущу врагов и наконец прорвалась к открытой вершине, разрезав строй пепета надвое. Мужество отчаяния не могло возместить защитникам крепости отсутствие выучки и недостаток опыта. К тому же на стороне зулусов было и преимущество численное, так что организованное сопротивление вскоре прекратилось. Началось всеобщее «спасайся, кто может!»⁵ Но где спастись? Подавляющее большинство пепета в панике разбежались во все стороны, преследуемые разъяренными зулусами. А все направления на этой вершине вели к пропасти глубиной двести футов.

— Вот они идут, — произнес Чака с сардонической усмешкой, увидев женщин и детей, которые появились на вершине скалы напротив него; бегущих неотступно преследовали зулусы. Некоторые пепета повернулись и грудью встретили окровавленные копья, остальные спрыгнули в пропасть на верную гибель. Падали они с громким криком. Вопль прерывался глухим звуком разбившегося тела, за которым наступала тишина.

Штурм крепости Описвени еще больше поднял престиж Чаки. Теперь, казалось, не было ничего невозможного для зулусского оружия.

Тот факт, что сотни мужчин, женщин и детей бросились с горы в пропасть, предпочтя такую смерть зулусским асегаям, породил миф, получивший широкое распространение, будто Чака имел обыкновение уничтожать этим способом не только отдельных лиц, но и целые племена. Вот откуда происходят фантастические рассказы про едва ли не все пропасти и водопады в Зулуленде⁶ и большей части остального Натала и Пондоленда. Утверждают даже, что Чака практиковал этот вид казни в трех краалях, служивших ему резиденциями: старом и новом Булавайо и Дукузе. Изучение топографии территории, где располагались эти краали, показывает, что палачам вместе с осужденными, а также злорадствующему Чаке пришлось бы каждый раз покрывать расстояние в пятнадцать-двадцать пять миль, чтобы достигнуть утеса или водопада, пригодного для этой цели. Нет ни малейших доказательств того, что Чака казнил хотя бы одного человека, приказав сбросить его в пропасть или водопад.

В 1821 году Чака не пошел дальше в глубь Натала и вернулся в страну зулусов, где занялся дальнейшим укреплением своего государства и армии. Между тем Нгоза и Мац'ингваан продолжали опустошать области, лежавшие к югу от его владений.

В это время Сошангаан, бывший генералиссимус армии ндвандве, заместитель его Звангендаба и один из подчиненных ему командиров, Нк'аба, оставили за собой кровавые следы к северу от зулусской границы. После полного разгрома ндвандве каждый из них собрал банду авантюристов, ежедневно пополнявшуюся воинами из различных племен и уцелевшими членами кланов, разбитых этим трио. На западе от страны зулусов территорию

современного Свободного Оранжевого государства опустошали орды хлуби во главе с Мпангазитой и батлоква во главе с Мантатизи. Единственным островом спокойствия и упорядоченного управления в море беспорядка и хаоса являлась Великая Зулусия Чаки. От реки Лимпопо на севере до рек Оранжевой и Сент-Джонс на юге, от пустыни Калахари на западе до Индийского океана на востоке мира и безопасности не было нигде, кроме как во владениях Чаки.

К концу 1821 года Чака завершил объединение и укрепление зулусского государства, простиравшегося от реки Понголы на севере до реки Тугелы на юге, от Индийского океана на востоке до реки Баффало на западе. Его территория составляла около одиннадцати с половиной тысяч квадратных миль. Это центральное ядро будущей империи позволило Чаке в 1821—1826 годах распространить свою власть на область в двадцать раз более обширную и «отбросить тень» далеко за ее пределы. Он возвысился быстрее, чем Наполеон, хотя вряд ли был гениальнее, но ему меньше мешали. Чаке, конечно, тоже приходилось укрощать честолюбивых военачальников, но не случалось иметь дело с вероломными политиками.

В начале зимы 1821 года Чака решил положить конец ужасным опустошениям, которые производили в Натале тембу во главе с Нгозой и ц'уну во главе с Мац'ингвааном, а также покарать Мативаана — вождя нгваанов. Как, вероятно, помнит читатель, в 1818 году Мативаан положил начало жестоким опустошениям северного Натала, а впоследствии осел у подножия Драконовых гор, у истоков реки Тугелы, в современном округе Бергвилл, и стал чем-то вроде барона-разбойника.

Благодаря колонизационным методам Чаки и непрерывному притоку беженцев, которые спасались с его владениях от хаоса, царившего за их пределами, численность зулусской армии достигла двадцати тысяч человек. Чака предоставил Мдлаке дивизию в составе семи полков (около семи тысяч воинов) и приказал восстановить порядок в Натале.

В то же время он впервые доверил Мзиликази самостоятельное командование двумя сводными полками, укомплектованными большей частью его соплеменниками кумало и членами родственных кланов. С этими силами Мзиликази должен был «заслужить себе шпоры», захватив скот и продемонстрировав зулусское могущество к северу от владений Чаки. Напасть надлежало на племя суто (вождем его был Раписи), жившее в Трансваале⁷, близ зулусской границы. Клану суто говорили на языке, в корне отличавшемся от зулусского. Зулусы никогда не помышляли о том, чтобы объединиться с суто, хотя в дальнейшем обстоятельства заставили Мзиликази взять суто под свою опеку. Лишь отдельные члены этого клана селились в стране зулусов.

Перед тем как Мзиликази отправился в поход, Чака пригласил его к себе выпить пива и понюхать табаку.

— Сын Машобаана, — сказал король, — ты пришелся мне по нраву, и я буду без тебя скучать, ибо беседы наши всегда наполняли мое сердце сладостью. Под моим командованием ты показал себя способным полководцем, теперь пришло время тебе действовать по собственному разумению, а его у тебя достаточно. Ты должен получить общее признание и, завоевав север, стать там моей правой рукой и великим вождем, чья слава не уменьшит, а еще увеличит мою собственную. И все же мне всегда будет недоставать тебя, сын мой.

— Спасибо, отец мой, — ответил Мзиликази, — за твои слова, от которых на сердце становится сладостно, а в желудке появляется камень (зулусская поговорка, означающая, что у человека прибавилось силы и смелости).

Затем Чака подарил ему новую парадную форму, почти не уступавшую по своему великолепию его собственной. Вместо одного пера голубого журавля длиной восемнадцать дюймов, которое Чака носил вместе с венчиком из пурпурных перьев бананоеда, Мзиликази получил внушительный плюмаж из белых страусовых перьев, сильно отличавшийся от

простого головного убора Чаки. Плюмаж сглаживал разницу в росте: хотя Мзиликази считался довольно высоким мужчиной, король зулусов был на несколько дюймов выше его.

Оба они отправились затем па поле для парадов, где построились полки Мзиликази. За ними следовал Мбопа, несший боевой щит, топор и асsegай. Обратившись к воинам, Чака велел им не упускать из виду своего командира.

— Будьте его щитом, который я дарю ему, и копьем, столь же острым и сверкающим, как то, что идет вместо со щитом.

Тут Чака взял у Мбопы великолепные щит и копье и протянул их Мзиликази. Щит был белый и блестящий с единственным черным пятном посередине. От щита Чаки он отличался только тем, что пятно это было больше, а сам он — чуть короче, в соответствии с правилом, что боевой щит должен прикрывать воина ото рта до пят. Копье представляло собой ударный асsegай с особенно широким клинком, зловеще сверкавшим на солнце.

— Байете! Ндабезита! (Да исполнится воля твоя, славный государь!) — поблагодарил Мзиликази, и полки, словно эхо, повторили за ним: «Байете!»

Затем Чака взял у Мбопы топор с отлично отполированной ручкой из слоновой кости, блестящей в лучах солнца. Это был меньший из двух, отобранных Чакой у Безумного Великана после знаменитого поединка⁸.

Высоко подняв топор, Чака сказал выстроившимся полкам:

— Смотрите на этот топор! Он особенно дорог мне. И теперь я дарю его моему «Дитяти» как знак любви и эмблему власти.

— Байете! Ндабезита! — ответил Мзиликази, и снова полки заревели «Байете!», ибо Мзиликази был очень популярен.

Итак, Мзиликази — «Большой След» — покинул Чаку «через приятные ворота». Дальнейший жизненный путь его действительно превратился в «большой след». Имя его не означает «Кровавый След», как ошибочно считают некоторые авторы: в этом случае оно писалось бы «Мзилигази».

Между тем Мдлака переправился со своей дивизией через реку Тугела и двинулся по Наталу на юг, разыскивая ц'уну во главе с Мац'ингвааном. На плодородной равнине Ква Ц'скваан (Дронкфлей) он обнаружил поселения нк'азаанов, богатые кукурузой и скотом. Вот здесь-то после разгрома нк'азаанов Мдлака настиг Мац'ингваана. Отказавшись от завоеваний и бросив добычу, этот вождь отступил в холмистую, покрытую лесом местность Нцикейи. Зулусский полководец догнал его, разгромил войско и захватил женщин и детей. Однако многим воинам удалось спастись. Среди них были Мац'ингваан и сыновья его Мфуло и Пакаде. Бежать им было некуда, и они решили вернуться и положиться на милосердие Чаки. Но по пути в Булавайо побежденный вождь исчез.

Восстановив порядок на юге Натала, Мдлака собрал всех бездомных бродяг и отправил под сильной охраной в страну зулусов. Затем в поисках Мативаана и его нгваанов он повернул на север, вдоль Драконовых гор. Четыре года назад нгвааны поселились в современном округе Бергвилл, под прикрытием высоких гор, которые защищали их с флангов и с тыла. Теперь, зимой, на горах лежал снег.

С фронта нгвааны были довольно хорошо прикрыты реками Тугела и Ламбонджа. Ни с какой другой стороны они нападения не ожидали, а в случае опасности могли пересечь реки Умхлвазини и Ндидимени и через Драконовые горы бежать в современный Басутоленд. На этом пути имелись узкие горные проходы, которые решительный арьергард легко мог удерживать, пока будут прятать женщин, детей и скот. Мативаан несомненно выбрал прекрасную позицию, но не учел того, что зулусы могут пойти кружным путем через крайний юг Натала.

Зулусская армия миновала Табамхлопе (Белая гора) и Эмангвени, позади горы Артур. Часть ее проследовала еще ближе к Малым Драконовым горам, перевалила через длинную, постепенно повышающуюся гряду холмов, ведущую к Энг'очени (Скалы), и проникла в долину Магангангози, чтобы отрезать нгваанам пути выступления вверх по реке Ламбонджо и далее через проходы в главной цепи Драконовых гор.

Нгваанам удалось все же спастись, но ценой потери всего имущества. Последующие странствия и ужасная их судьба описаны в гл. 11.

Выполнив приказ, Мдлака вернулся в страну зулусов прямым путем (через Боргвилл, Ледисмит и Помсрой⁹). Он доставил много скота, а также захваченных женщин и детей — их расселили по всему государству. Часть скота была передана новоселам. Впоследствии к ним присоединились некоторые мужчины их племени. Женщины же, оставшиеся одинокими, нашли себе новых мужей. Все они зажили мирной жизнью, которая на протяжении двадцати лет была бы для них невозможна за пределами зулусского государства.

Тем временем Мзиликази прибыл в свой королевский крааль (он был восстановлен в сане вождя кумало, которого его незаконно лишил Звиде), расположенный как раз на пути его войска в долине Сиквебези, на границах современных округов Нонгома и Врейхейд. Во владениях Мзиликази имелась естественная крепость — лесистый холм Эптубени (Проход) и обширный лес Нгоме. Престиж Мзиликази среди кумало сразу возрос благодаря тому, что он явился во главе двух полков. Посвятив один день личным делам, Мзиликази продолжал свой путь на север. Кроме него и начальника штаба, никто не знал, куда именно он направляется: этому он научился у Чаки. «В результате кампания закончилась чрезвычайно успешно, добычу захватили богатую. Настолько богатую, что Мзиликази решил добрую часть ее оставить себе. Он предполагал, что его царственный повелитель ничего об этом не узнает. Но он глубоко заблуждался: никому еще не удавалось провести зулусского короля. Разведка Чаки работала блестяще, и вскоре ему стало все известно».

Чака удивился, но не разгневался. Это несомненно говорит о его необычайной симпатии и снисходительности к Мзиликази, ибо обычно, чтобы разбудить зверя в короле зулусов, достаточно было посягнуть на его скот. Все трофейные животные считались его собственностью и точно учитывались.

Чака поступил с Мзиликази милостиво: направил к нему гонца с требованием отдать недостающий скот.

«На это Мзиликази дал наглый ответ: он срезал перья, которые так гордо реяли над их головами, и отправил гонцов назад на родину. Он не послал с ними никакого сообщения, кроме того, которое вытекало из его поступка» .

— Увы! — горестно сказал Чака, увидев срезанные плюмажи. — Дитя мое опорожнилось на меня!

Советники Чаки поразились, что он так спокойно отнесся к оскорблению, которое в иных условиях привело бы его в страшную ярость. Еще больше удивились они, когда он, направив против Мзиликази карательную экспедицию (бригаду Изимпохло), приказал, однако, доставить виновного невредимым.

Мзиликази встретил бригаду в своей горно-лесной твердыне и дал ей суровый отпор, скатывая на воинов Изимпохло большие камни, а также применяя другие средства обороны. Каратели вернулись к Чаке с пустыми руками. Вся эта экспедиция носила, видимо, столь же нерешительный характер, как и приказ Чаки. Он же не только не начал искать трусов, но казался почти довольным, а воинам бригады Изимпохло объявил, что они вполне заслужили полученную трепку. Еще более странно, что Чака на этом успокоился и ничего не предпринимал до начала 1823 года, когда откровенно вызывающее поведение Мзиликази настолько возмутило общественное мнение, что государственный совет потребовал

активных действий.

— Петушок становится чересчур смелым, придется обрезать ему гребешок. Пусть им займется бригада Белебеле, — приказал Чака.

Он знал, что испытанные ветераны не потерпят дерзости, особенно со стороны такого мальчишки, как Мзиликази. Но новый решительный штурм твердыни Эптубени закончился ничуть не лучше предыдущего. Тогда ветераны приступили к осаде крепости, стараясь в то же время придумать иные способы овладения твердыней. Однако они были избавлены от долгих раздумий: один кумало по имени Нзени, который таил в душе давнюю обиду на Мзиликази, изменил ему. С его помощью зулусам удалось внезапно атаковать бунтовщика с тыла. Произошло кровавое столкновение, и Мзиликази бежал в сопровождении всего лишь трехсот молодых воинов и многих женщин и детей. К ним присоединились те члены племени, которые прятались в лесу Нгоме. Бригада Белебеле их не тронула: очевидно, командир ее имел приказ быть милосердным. Он не помешал побежденному вождю увести остаток своих людей на север и начать завоевание внутренних областей Африки. Там Мзиликази создал потом новое государство — империю матабеле.

Пока же он напал на небольшой клан Ньюка. Члены этого клана — данники зулусов — пытались его задержать. Мзиликази разгромил их, частично уничтожил, частично рассеял, захватил весь их скот и продолжал двигаться на север. Затем он прошел через территорию кланов суто в Восточном Трансваале, захватил их женщин, а молодых мужчин забрал к себе на службу. Мзиликази не оставлял позади себя ничего, кроме черного и кровавого следа: пожаров, розни, опустошения. Таким образом, вначале он ничем не отличался от других кровожадных авантюристов.

Чтобы подробно рассказать последующую историю Мзиликази, пришлось бы написать еще одну книгу. Здесь же придется ограничиться кратким обзором событий. Достаточно сказать, что он стал самым могущественным после Чаки повелителем нгуни, власть которого распространялась на область еще более обширную, нежели владения зулусского короля. Он не оставил непокоренным ни одно племя между реками Вааль и Замбези, озером Нгами и Португальской Восточной Африкой, то есть на территории свыше полумиллиона квадратных миль.

Как только Мзиликази укрепил свою власть, он перестал лишь разрушать и применил заимствованные у Чаки методы созидания нации и империи. Его кумало и другие кланы нгуни образовали аристократию Абензанзи, или «Те, кто с юга», которая явилась ядром нации матабеле. Вокруг него он объединил избранных представителей покоренных племен суто, бечуанов, кананга и других, которые в той или иной степени усвоили зулусский язык — язык завоевателей. Это второе по своему значению сословие общества матабеле получило наименование Абеихла («Те, кто с севера»). Третье сословие, Амахоле¹⁰, — своего рода илоты — стояло на самой нижней ступени общества.

Перенеся свою ставку в Центральный, а затем в Западный Трансвааль, Мзиликази окончательно обосновался потом в современной Южной Родезии (с 1980 г. — Республика Зимбабве.—Ред.). Там он построил свою последнюю столицу, назвав ее, как и Чака, — Булавайо.

Глава 19

Суд Чаки в новом Булавайо

Чака, без сомнения, глубоко переживал измену Мзиликази. «У меня тяжело на сердце, ибо разве не был он сыном моим?» Король не раз перечислял достоинства Мзиликази, а затем погрузился, подобно Саулу, в скорбь, которая не сулила ничего хорошего другим слушникам. Но в отличие от Саула он не бросал копий в фаворита¹. Чака и слышать не хотел ни о каких карательных мерах и даже приказал своим подчиненным хорошо обращаться со всеми кумало (членами клана Мзиликази), живущими в стране зулусов, и не чинить препятствий тем из них, кто захочет последовать за своим молодым вождем. Вместе с тем, он принял решительные меры к централизации своей власти и поставил себе целью превратить население Великой Зулусии в единую однородную нацию. Он хотел, чтобы его подданные с гордостью именовали себя прежде всего зулусами, а потом уже указывали название своего клана. В кланах, естественно, сохранились свои вожди, но влияние их было значительно урезано в пользу верховной власти, которую осуществлял Чака².

Согласно древнему обычаю нгуни, Чака и в это время привлекал для решения сложных судебных дел советников, которые выполняли, как мы сказали бы, роль заседателей. Но Чака настолько подавлял советников, что их роль практически сводилась к поддакиванию. Они приветствовали любой его поступок еще до того, как Чака предлагал им высказаться, — от этой формальности он, впрочем, вскоре отказался. Только на военных советах он продолжал внимательно прислушиваться к тому, что говорили командиры полков и другие военачальники, ревниво оберегавшие эту привилегию армии.

Мбопа — индуна королевского крааля — культивировал в подданных низкопоклонство, угодливость и холопскую преданность Чаке. При верховном вожде всегда находились два имбонги — придворных восхвалителя. Они часто льстили ему, повествуя о его мужестве. Имбонги рассказывали о всех его подвигах, о том, как он заслужил хвалебные прозвища «Нодумехлези» и «Сигиди».

В новом Булавайо Чака творил суд под огромной развесистой смоковницей, которая росла на простиравшейся на пять акров³ площади перед хижиной Большого совета. Ниже площади находился обширный загон для скота. Диаметр его составлял не меньше полумили. Вдоль ограды загона располагались полторы тысячи хижин, окруженные другой — внешней — оградой. Диаметр ограниченной ею территории достигал целой мили. Большие народные собрания, для которых не хватало места на площади, происходили в загоне для скота. Верхний сегмент его, прилегавший к королевской резиденции, отводился для Чаки и важных гостей. С этого возвышенного места им было хорошо виден весь крааль. Здесь также росла большая смоковница, которая в жаркие дни предохраняла от солнечных лучей короля и его двор. Зимой Чака и его советники сидели на солнце, неподалеку от одного из этих деревьев.

Заседания суда начинались еще до завтрака, сразу же после восхода солнца, ибо теперь Чака стал очень занятым монархом: он сосредоточил в своих руках все министерские портфели, но говоря уже о том, что был также верховным судьей и первосвященником⁴. Ранние заседания имели и то преимущество, что собравшимся не мешали грозы, которые летом разражались обычно после полудня. В дождливые дни рассматривались только наиболее важные дела, их слушали в хижине совета. Очередь рассмотрения дел обычно устанавливал Мбопа при содействии других советников.

Вот типичный день в новом Булавайо. Время действия — позднее лето. К восходу солнца при дворе перед большой смоковницей собралась толпа тяжущихся. Другую группу охраняла бдительная стража. Советники уже уселись под деревом, охватив полукругом королевский трон — связку свернутых циновок. За советниками по обе стороны трона стояли убийцы или палачи с тяжелыми дубинами в руках.

Наконец из хижины Большого совета показался в сопровождении Мбопы сам Чака. Размеренным шагом он величаво подошел к «трону». Среди собравшихся воцарилось гробовое молчание. На Чаке было парадное одеяние полководца, но вместо щита и асsegая только маленькое копье с короткой темно-красной ручкой из железного дерева, отличавшегося причудливой окраской. Некоторые утверждают, что ручка делалась из умнцака — дерева вождей, но оно светло-красного цвета. Когда Чака прошел примерно полпути от хижины к дереву, все собравшиеся безо всякой команды поднялись с такой синхронностью, как если бы ими управлял некий механизм. Затем, подняв правую руку, они четко и громко провозгласили:

«Байете!» Казалось, будто тишину утра нарушил сильный взрыв.

После жеста, сопровождавшего возглас «Байете!», толпа не двигалась, пока Чака не опустил на циновки. Тогда собравшиеся сели на корточки и начали выкрикивать такие славословия: «Могучий слои, растоптавший своих врагов! Лев среди львов, пожавший сынов Звиде, Чака! Тот, кто сварил Нтомбази в горшке, который она предназначала для него! Телок, забравшийся на хижину Нтомбази! Небо (Зулу), поразившее ндвандве ударом, нанесенным неведомо откуда! Гром небесный потряс их, и они не слышат более мычания своих коров, ибо коровы эти мычат ныне только в нашем Булавайо. Чака, чья тысяченожка пожрала пепета у Описвени! Могучий бык, заставивший умолкнуть множество мычащих телок, насытив их жвачкой удовлетворения. Сигиди! Нодумехлези!»

Мбопа поднял руку, и имбонги умолкли. Один из индуна вывел вперед первых тяжущихся. Это были два главных пастуха королевских стад — они пасли скот в опустошенной части Натала. Каждый обвинял другого в том, что тот забрался на чужое пастбище и вызвал серьезные столкновения между подчиненными пастухами. Чака приказал обоим разъяснить, где проходят границы их участков, и установил, что оба они претендовали на одну и ту же территорию. Тогда он предложил первому поклясться, что будет справедливо, если король признает границы, указанные им. Пастух торжественно поклялся своей сестрой. Повернувшись ко второму главному пастуху, Чака получил от него такое же заверение.

— Хорошо! — сказал Чака. — А теперь вы оба, со всеми подчиненными и скотом, поменяетесь участками. Из ваших же слов видно, что между ними останется обширное свободное пространство. Любой, кто посягнет на него, станет есть землю. Я сказал.

— С неба громит мудрость, — хором провозгласили советники. — Благодарите его!

— Баба! Нкоси! — подняв правую руку, ответили оба тяжущихся и удалились с выражением недоумения на лице, стараясь понять, что же все-таки принесет им это соломоново решение.

Мбопа объявил следующее дело. К Чаке подвели молодую замужнюю женщину и холостого мужчину. Кто они — ни у кого не вызывало сомнений, ибо на женщине была юбка и макушку ее венчал хохолок, мужчина же, как все холостяки, не носил головного кольца. Оба обвиняемых были застигнуты при прелюбодеянии.

— Признаете вы свою вину? — спросил Чака. Ответа не последовало.

— Молчание уличает вас. Вы знаете, что ваш проступок карается смертью. Имеете вы что-нибудь сказать?

— Что мы можем сказать, баба? — тихо сказал мужчина.

— Вы и сами сказали это! Уведите и сверните им шею!

— С неба гремит закон! — провозгласили советники.

С выражением молчаливого смирения на лице приговоренные отправились на казнь. Палачи отвели их за внешнюю ограду селения на возвышенность и свернули им шею. После

этого они разmozжили убитым черепа.

Следующим обвиняемым был молодой мужчина. Татуировка выдавала в нем ученика знахаря. Желаящих поступить на обучение к знахарям, чтобы избежать воинской повинности, было так много, что Чака издал закон: все такие ученики или послушники должны были в доказательство своего мужества на протяжении всего срока обучения спать за оградой крааля — предпочтительно в местности, изобилующей львами.

Когда перед Чакой предстал молодой человек, — его обвиняли в том, что он спал в краале своего учителя-знахаря, — король первый вопрос задал своим советникам.

— Где знахарь, укрывавший его? Почему он не привлечен к ответственности? Неужели меня считают дураком, который наносит змее удар не по голове, а по хвосту?

Советники смущенно заерzали на своих местах. Наконец самый храбрый ответил:

— Ндабазимби (Дурные вещи) — великий и страшный знахарь. Когда за ним пришли воины, он их усыпил.

— Как он это сделал?

— Просто смотрел на них и окружил дымом.

— А как попался этот ученик?

— Ндабазимби приказал ему сдаться.

— Итак, старая гиена думала спасти свою жизнь, пожертвовав хвостом.

— Кто знает пути знахарей, отец мой! — раздался осторожный ответ.

— Я знаю, — ответил разъяренный Чака, — и не потерплю ни нарушения моих законов, ни проволочек при выполнении приказов. Сию же минуту послать два отборных отряда воинов в крааль Ндабазимби, чтобы они «съели» там его самого и все живое — мужчин, женщин, детей, собак и даже крыс. И пусть они не успокаиваются и не возвращаются, пока не выполнят приказ. Никто, кроме них, не смеет уйти из королевского крааля, пока отряд не оставит за собою добрую часть пути. Убейте послушника и приведите сюда воинов, которые должны были арестовать знахаря, но не выполнили свой долг.

Предводитель отряда и человек шесть воинов выступили вперед. Они держали в руках щиты, но вместо ассегасв были вооружены палками, ибо придворный этикет не разрешал никому иметь при себе боевое оружие в присутствии короля.

— Вы получили мой приказ? — спросил Чака тихим голосом, не сулившим ничего хорошего.

— Да, отец мой, — ответил за весь отряд его предводитель.

— Вы знаете, какое наказание ждет тех, кто не выполнит приказ?

— Да, о король!

— Трое из вас имеют знаки отличия за храбрость в бою. Пусть отойдут в сторону. Они не станут есть землю сегодня, но получают опасное задание и, вероятно, не вернуться. А ты, предводитель, который нарушил мой приказ, изменив мне, и все остальные больше мне не нужны — вас я накормлю землей нынче же. Но я дарую вам смерть, достойную воина, ибо только колдовство заставило вас нарушить долг. Я сказал.

Все воины — и осужденные на немедленную смерть и получившие отсрочку — гордо вытянулись и, подняв правую руку, приветствовали короля недрогнувшим голосом, словно они получили награду:

— Байете!

Четко печатая шаг, не жалуясь и не ропща, они отправились навстречу своей судьбе.

Затем перед царственным судьей предстал человек, которого другой зулус обвинил в измене. Истец говорил первым, потом обвиняемому была предоставлена возможность задавать вопросы этому человеку и его свидетелям, а также выставить собственных свидетелей. Чака внимательно выслушал обе стороны и задал много вопросов свидетелям. Затем, приказав им отойти в сторону, он тихим голосом проконсультировался со своими советниками. Вслед за этим тяжущиеся вновь предстали перед королем.

Обратившись к истцу, Чака сказал:

— Если этот человек действительно виновен в измене, он умрет. Ты согласен?

— Да, Могучий Слон, пожиратель врагов.

— Кому выгодна его смерть? — Чака задал этот вопрос с быстротой молнии.

Истец смущенно посмотрел на него, но ничего не ответил.

— Так я скажу, — сказал король самым ласковым годовом. — Тебе, и только тебе. Желая выдвинуться, ты оклеветал этого человека, который не раз доказывал свою верность мне, особенно в то время, когда я ел кости (жил в бедности). Тогда ты не очень беспокоился о том, чтобы люди были мне верны, и больше думал о собственном брюхе — уже тогда оно было достаточно толстым. Яма, которую ты вырыл для обвиняемого, прикрыта очень ловко — так ловко, что ты сам в нее попал. Люди, клеветующие на других, отвратительны, и чем скорее пожрут их стервятники, тем лучше для страны. Уведите его (синоним «убейте его!»)! Половина его скота будет конфискована, из него одна десятая пойдет оклеветанному.

— Оно (небо) гремит! — хором провозгласили советники. — То гром истины!

Затем началось рассмотрение гражданских дел. В их число были споры, возникшие между отцами и дедами тяжущихся, к этому времени давно скончавшимися: согласно обычному праву нгуни, обязательства умерших переходят к их наследникам. Судье приходилось продирааться через целые заросли путаных доказательств. Чака занимался только наиболее важными делами такого рода, а также играл роль кассационной инстанции. Остальные дела решались местными вождями и окружными старейшинами или же принцессами королевского дома, которые стояли во главе военных краалей. Впрочем, принцессы пользовались гораздо более широкими полномочиями: они имели право рассматривать уголовные дела и выносить смертные приговоры. Такие же права были предоставлены и вождям больших племен, например г'вабе и абамбо: признавая короля зулусов своим сюзереном, они пользовались автономией.

Приблизительно в десять часов утра, когда солнце прошло больше половины своего пути к зениту, был объявлен перерыв, и Чака на глазах народа совершил ежедневное омовение. Затем он позавтракал — в это время полагалось сохранять полное молчание, ибо «сейчас ест лев». Завтрак состоял из вареного и жареного на вертеле мяса, поданного на деревянном блюде. Король сам отрезал куски и руками заправлял их в рот. Шпинат же он ел ложкой с тарелки, как и кашу, подслащенную медом. Запивал он кислым молоком или пивом.

После завтрака заседание суда возобновилось. Во второй половине дня его прервала неожиданно разразившаяся гроза. Затем в хижине Большого совета состоялось обсуждение государственных дел и были приняты решения, обеспечивавшие бесперебойное действие административной машины во всем королевстве.

Подобно другим великим диктаторам-реформаторам, Чака уделял много внимания ограничению власти «духовенства» — в данном случае ордена знахарей. Он пришел к выводу (и сказал об этом индуне Мбопе), что знахари и прорицатели забыли полученный от него урок и даже Нобела снова набралась смелости: торгуя лекарствами и зельями, старая

ведьма в то же время собирала информацию о придворных тайнах. А Ндабазимби бросил вызов правительству, загипнотизировав военный патруль, посланный для ареста его послушника. Чтобы получить в борьбе со знахарями поддержку народа и не оскорбить его религиозные чувства, Чака решил разоблачить их главарей как обманщиков. Для этого он решил использовать Мбопу.

Однажды ночью Мбопа расставил королевскую стражу таким образом, что ни вокруг хижины Большого совета, ни даже поблизости от нее не оказалось ни одного часового. Пампату отослали с посланием к Нанди, жившей в трех милях от королевского крааля, так что и она не была посвящена в заговор.

Примерно в то время, когда король отходил ко сну, Мбопа появился в хижине Большого совета, неся какой-то предмет, который можно было принять за горшок с пивом. Он передал его своему царственному хозяину вместе с коротко обрезанным бычьим хвостом, походившим на кисть. Чака вышел наружу и стал обмакивать кисть в горшок и обильно опрыскивать сначала стены своей хижины, а затем прилегающую часть двора. После этого Чака вернулся к себе и передал горшок с кистью Мбопе, наказав кисть сжечь в очаге, горевшем в хижине, остатки жидкости вылить, а горшок — вычистить. Мбопа тщательно осмотрел Чаку и убедился, что на нем не осталось никаких подозрительных следов. После этого ему было приказано взять горшок домой, хорошенько вымыть и выполоскать, наполнить пивом и убрать. В дальнейшем он должен был проследить за тем, чтобы при смене караула часовые встали на свои обычные посты.

На следующее утро, едва рассвело, воины, несшие караульную службу, пришли в ужас, обнаружив при обходе, что королевская хижина и двор вокруг нее забрызганы кровью. Кто осмелился совершить такое страшное кощунство в самом сердце священной резиденции короля?

О случившемся немедленно донесли Мбопе. Тот сделал вид, что оцепенел от ужаса, и срочно созвал советников, а также офицеров стражи, охранявшей резиденцию изнутри и снаружи. Все вместе они направились к хижине короля, где подняли страшный крик, увидев, как чудовищно она осквернена. Мбопа приблизился к двери и робко осведомился, жив ли еще его царственный хозяин.

Чака недовольно заворчал и сердито потребовал, чтобы ему сообщили причину всей этой возни. Получив ответ, он, не одеваясь, немедленно вышел с самым грозным выражением лица. Всех, кто увидел его, охватила дрожь, и даже Мбопе не пришлось симулировать тревогу.

Осмотрев забрызганную кровью хижину и прилегающую часть двора, Чака величественно загрохотал, объятый гневом:

— Кто совершил это гнусное преступление против дома Неба? Кто имел наглость отважиться на такое оскорбление? Кровь требует крови. Что делали часовые? Что они говорят?

Мбопа ответил:

— Могучий Слон, топчущий врагов, близ твоей хижины немного постов — так приказал ты сам, ибо но ведаешь страха. К тому же часовым велено присматривать прежде всего за женскими хижинами. Ночь была темной. Быть может, гнусный злодей пробрался сюда и совершил свое подлое преступление в то время, когда они находились в дальнем конце двора, так как часовые ничего не видели. Умхлоло (печальное происшествие) воняет колдовством, нужно, чтоб к нему принюхались прорицатели, которые живо отыщут колдуна, совершившего злое дело.

— Ты сказал правильно, — загремел Чака. — Я устрою такое «вынюхивание», какого еще не видела страна зулусов. Сию же минуту прикажи собрать всех прорицателей и

знахарей страны — пусть явятся сюда на седьмой восход солнца. И пусть приготовят все свои снадобья и втянут в себя все запахи, идущие оттуда, где восходит солнце и где оно садится, а также с юга и севера. Стервятники соскучились по великому пиру, который ждет их после казни злодеев. Призови всех взрослых мужчин — они должны собраться здесь на седьмой день, чтоб искателям колдунов хватило работы. Кровь требует крови, и кровь будет пролита.

Церемонию вынюхивания Чака решил провести в большом загоне для скота. Здесь на ста тридцати акрах можно было свободно разместить тридцать тысяч человек. Народ стал собираться вскоре после рассвета. Специально выделенные для этого офицеры указывали каждой группе ее место. Они построили прибывших примерно так же, как при вынюхивании, которым руководила Нобела шестью годами ранее в старом Булавайо. Ряды зулусов снова образовали несколько подков, обращенных отверстиями к верхней части крааля, где должны были вскоре занять места Чака и его советники: отсюда им хорошо было видно все сборище. У нижнего конца крааля, напротив главных ворот для скота, в строю были оставлены проходы.

Вскоре после восхода солнца члены царствующей фамилии и советники расположились перед выстроенной ротой охраны. Немного спустя появился король в сопровождении Мбопы, Мгобози, Нг'обоки (вождь сокулу, старый товарищ Чаки по оружию) и недавно выдвинувшихся военачальников, в том числе Мдлаки, Нзобо и Ндлелы. Когда Чака вошел в крааль через малые верхние ворота, присутствующие, как один человек, вскричали:

«Байте!»

Король опустился на свернутые тростниковые циновки. Мгобози и Мдлака расположились у его ног, а Мбопа и другие советники неподалеку уселись на корточки, по обе стороны от Чаки.

В это время из-за ограды послышался жуткий вой, и через боковые ворота в крааль хлынули участники этого кошачьего концерта. Они то припадали к земле, то подпрыгивали вверх, издавая нечленораздельные звуки. Вереницу знахарей, казавшуюся бесконечной, возглавляла Нобела, одетая еще более нелепо, чем обычно. Эта цепочка прошла через проходы в строю зулусов и перед советниками, а затем свернулась, как змея. Когда ее голова, то есть Нобела, оказалась напротив Чаки, шеренга снова извернулась по-змеиному, но так, что Нобела опять очутилась перед Чакой. Все известные знахари сгруппировались вокруг нее, гримасничая, жестикулируя, совершая пируэты и издавая дьявольские звуки.

Чака встал и приказал им замолчать. Затем он велел прорицателям вынюхать виновников злодеяния, действуя группами по десять человек, ибо их собралось много, работа должна быть закончена до захода солнца. Всего прорицателей набралось сто пятьдесят два — это значило, что они должны были разделиться примерно на пятнадцать групп и действовать быстро, но эффективно. Тем, кого «вынюхивают», надлежало расположиться группами. Под охраной спереди короля, по правую руку от него, тем, кто «вынюхивает», — по левую. В конце дня будет устроена великая казнь виновных.

— А теперь разделитесь на группы по десять человек и не теряйте времени на всякие там штуки и не вздумайте «вынюхивать» в два приема, — закончил Чака.

Этот неожиданный приказ крайне смутил знахарей, ибо им предстояло наспех разбиться на группы, может быть, случайные. К тому же он означал, что им придется обойтись без предварительной тренировки с мячом двуличия и обмана, который они обычно подавали друг другу. Правда, они явились сюда сработавшимися командами по три, пять и больше человек, привыкшими действовать совместно, но теперь они должны были слиться по распоряжению Чаки в десятки.

Приказ короля ставил их в трудное положение и по другой причине. Он лишал их возможности бесконечными муками ожидания доводить людей до состояния полной беспомощности и агонии. Правда, пятнадцать прочесываний, намеченных на этот день, были выгодны всем знахарям: под влиянием затяжного испытания собравшиеся окаменеют от страха.

Сообразительная Нобела немедленно приспособилась к обстановке и пригласила несколько небольших групп и отдельных прорицателей присоединиться к ней. Ее группа, состоявшая сначала всего из двух человек, вскоре достигла нужной численности. Другие ведущие знахари не замедлили последовать ее примеру, и вскоре образовалось пятнадцать групп по десять человек в каждой. Свободными остались двое знахарей, пришедших в одиночку: Сонг'оза, сын Нценсе из клана Магваза, и Нг'иваан из клана Зламини. Чака решил, что они завершат церемонию, действуя поодиночке или вдвоем.

Затем Нобела закричала: «Пойте, люди, пойте!» — и начался процесс запугивания, описанный в одной из предыдущих глав. Тотемом знахарей считался питон, и Нобела, как главная, завернулась в кожу крупной змеи; на лоб прорицательнице свисала набитая голова питона с разинутой пастью.

Все советники, даже Мбопа, Мгобози и Мдлака, почувствовали, что с приближением прорицателей их охватывает гипнотический ужас. Лица присутствующих покрывались потом, его капли стекали по их лбам. Мгобози прервал пение и шепотом сказал Мдлаке:

— Старая сука-гиена опять подбирается к нам, но на этот раз в обличии питона. Он раздавит нас.

Когда Нобела приблизилась к Мбопе, которого она никогда еще не видела, в глазах ее вспыхнул огонь злобного торжества. Она захохотала и загоготала, а с уст ее закапала слюна, как из пасти голодной гиены. Нобела понюхала правое ухо Мбопы, потом левое и, наконец, его рот. Повинуясь почти незаметному знаку, четыре помощницы Нобелы выстроились перед ней, а другие пять окружили ее, так что она оказалась в центре круга лицом к лицу с Мбопой.

— Чуете ли вы то, что чую я, сестры? — пронзительно закричала она визгливым фальцетом.

— Мы чуем то, что чуешь ты, — монотонно пропели ее помощницы.

— Были ли наши сны вещими, сестры мои?

— Что видели ночью во сне, то видим и наяву, — ответил хор. — Игази ли пума эгазини (Кровь рождается из крови).

Родовое имя Мбопы было Эгазини, что означает «из крови».

— Кровь требует крови, — возгласил хор. С громким криком Нобела высоко подпрыгнула и ударила хвостом гну по голове Мбопы. Затем совершила пируэт на месте, давась издевательским торжествующим и злобным смехом. Ее примеру последовали все помощницы.

Когда Нобела нанесла удар, Чака пробормотал:

— Очень близко к цели. Уж ближе нельзя. Старый питон еще сорвет мои планы.

Как только последняя прорицательница ударила Мбопу, его схватили палачи, как того требовал обычай, но, в нарушение обычая, не предали немедленной мучительной казни, а отвели на место, указанное Чакой. Несмотря на то, что Мбопа был посвящен в тайну, выдвинутое десятью знахарками публичное обвинение и сверхъестественная проницательность Нобелы не могли не потрясти его, и это было заметно.

Нобела и ее зловещие подручные смело приблизились к королевскому трону на

расстояние десяти шагов и выстроились перед ним в ряд. В центре лицом к лицу с Чакой встала Нобела. Она собиралась нанести удар по самым высокопоставленным лицам, но, наученная горьким опытом, не собиралась идти на излишний риск. Поэтому она решила прибегнуть к испытанному и более осторожному способу прорицания — своей очевидной двусмысленностью он напоминал высказывания знаменитого дельфийского оракула.

— Что говорят иногда о путниках? Как их называют? — громко закричала Нобела, чтоб ее могли слышать все советники и другие влиятельные лица.

— Она имеет в виду Нг'обоку, — прошептал Чака (имя его друга, вождя сокулу, происходило от зулусского слова «ц'обока», что означает «измотанный дорогой»). Чака сверкнул глазами, а Нг'обока, сидевший слева от него, заерзал на месте, почувствовав, что на него обращены взоры толпы. Так при помощи намека, понятного всем, Нобела хитро передала инициативу Чаке. Не проявив ее, он рисковал вызвать в народе недовольство, если только человек, указанный Небелой, не пользуется исключительной популярностью. Нг'обока же был сравнительно мало известен в зулусской столице, но принадлежал к лучшим друзьям Чаки. В свое время, когда он, Мгобози и Чака были рядовыми воинами, они поклялись, что в бою будут прикрывать друг друга. Между тем палачи двинулись к Нг'обоке, ожидая королевского приказа увести его. Пород Чакой возникла дилемма. Советники смотрели на него с надеждой, ибо каждый, «вынюханный» прорицателем, увеличивал шансы на спасение остальных. Только Чака, да еще Мбопа, одиноко сидевший под сенью смерти, знали, на каком вулкане стоят прорицатели. Если Чака преждевременно возьмет Нг'обоку под свою защиту, Нобела, обладающая исключительной прозорливостью, может разгадать его тайну, если уже не разгадала. К тому же нужно, чтобы кто-нибудь подбодрил Мбопу. И Чака решил отправить к нему Нг'обоку, но одновременно успокоить своего старого товарища по оружию, применив для этого своеобразный код. Нобела явно намеревалась форсировать ход событий, а потому можно было рассчитывать, что чем более влиятельных людей она осудит, тем сильнее будет реакция толпы в последнем акте.

— Нг'обока! — сказал Чака, обращаясь к нему. — Тебе придется пойти, но как подобает вождю, то есть без конвоя. За это ты должен благодарить тот день, когда выбросил свои сандалии, что дало тебе потом пять лучших коров, а теперь этот путь.

Нг'обока сразу понял смысл туманных речей, но Мгобози и всей толпе, не слыхавшей о маленькой частной сделке со скотом, они не говорили ничего. Нг'обока встал, приветствовал короля: «Байете!» — и удалился, чтобы присоединиться к Мбопе.

Этого Мгобози уже не мог стерпеть — ведь он, Чака и Нг'обока но так давно поклялись защищать друг друга, а если понадобится — вместе есть землю. Мгобози встал, повернулся к королю и звонким голосом провозгласил:

— Прикажи убить и меня, отец мой. Я хочу присоединиться к Нг'обоке и есть землю вместе с ним. Это только сэкономит время и силы, ибо шлюха — бабуинка — не уймется, пока не перебьет всех твоих лучших друзей. Она сама воняет колдовством и пахнет сильнее, чем паршивая гиена, сдохшая семь дней назад. Как из этой падали лезут черви, так и из ее вонючего рта лезет ложь. Теперь я умолкну, отец мой и король, чтобы перед смертью не сказать о ней чего-нибудь неприличного. Байете! Байете!

Чако стоило труда не улыбнуться в ответ на эту вспышку гнева честного Мгобози, в которой проявились и скрытое недовольство его действиями и трогательная верность другу. Простодушному старому воину не хватало тонкости, чтобы разобраться в хитрой игре Чаки, и дальнейшее присутствие Мгобози угрожало ее успеху. Во всяком случае Мгобози заслужил резкую отповедь за то, что заговорил с королем без разрешения. По сути дела он допустил оскорбление величества, а это преступление само по себе заслуживало смертного приговора. Поэтому король резко ответил ему:

— Ну и иди, дурак. Вместе с Нг'обокой умрешь раньше срока.

— Байете! — приветствовал его Мгобози с поднятой рукой и гордой поступью направился туда, где уже сидели на корточках Мбопа и Нг'обока.

Толпа издала тихий стон ужаса. Он зародился среди советников и членов королевской фамилии, пробежал по рядам, словно иллюминация⁵, и, достигнув дальних рядов, вернулся обратно, как эхо. Нанди была сильно расстроена и собиралась вмешаться, но ее удержала Пампата, сидевшая рядом. Благодаря своей удивительной интуиции Пампата начала догадываться, в чем дело. Народ был явно потрясен, это показало, какой огромной популярностью пользовался Мгобози. Зато не скрывало своего злорадства сообщество прорицателей. Они-то были уверены, что храбрый дурак сказал правду, заявив, что его поступок сэкономит им время.

— Приветствую вас, — мрачно сказал Мгобози Нг'обоке и Мбопе. — Теперь в горшке старой суки уже трое, а скоро прибавится еще много народу.

— Как бы он не переполнился, — спокойно и таинственно ответил Мбопа.

Пока шел этот разговор, Нобела снова стала вещать, как оракул.

— Липкое растет на деревьях. Что это? — крикнула она советникам. Никто не решился ответить, пока Чака не высказал свою догадку.

— Она имеет в виду нтлаку — смолу. Нобела определенно метила в Мдлаку — главнокомандующего армией, который сидел в ногах у Чаки.

— Я слышу тебя, Нобела, — продолжал Чака, — но войско неприкосновенно. Я один имею с ним дело. Я сказал тебе об этом уже давно, когда ты сунула лицо в осиное гнездо.

Стоявшие поблизости офицеры и воины вздохнули с облегчением. Слово посредством телепатии вздох этот передался полкам, выстроенным на большом скотном дворе.

Нобела снова задала вопрос:

— Что говорят о человеке, когда он в нужде? Воцарилось полное молчание, и только Чака нарушил его:

— Она хочет сказать «Удингани».

Это был явный намек на его сводного брата Дингаана, который заворчал и бросил на Нобелу убийственный взгляд.

— Я и в этот раз услышал тебя, Нобела, но оставь в покое сына моего отца, — хмурясь сказал Чака. Нобела снова задала загадку.

— Что растет на берегах рек и в болотах и выпускает цветок, похожий на перо? Хоть это и маленькое растение, вы должны знать, как оно называется. Она явно имела в виду тростник умхланга (уменьшительное — умхлангана). Речь могла идти только о Мхлангане — другом сводном брате Чаки.

— Прекрати нападки на дом моего отца, о зловещая птица, и кончай свое дело.

— Я слышу тебя, о король! — ответила Нобела. — Но в тот день, когда у тебя на глазах с клинка маленького копья с красной ручкой, что ты держишь сейчас закапает кровь, в ушах твоих снова зазвучат мои слова, о король! И ты горько раскаешься в том, что не прислушался к ним вовремя. Ибо тогда будет уже слишком поздно. Я все сказала, а теперь уступлю место другим прорицателям.

Гордо выпрямившись, Нобела во главе своей свиты отправилась к месту, указанному Чакой: каждая группа прорицателей усаживалась напротив тех, кого она осудила.

Когда очередные две группы приблизились к толпе, собравшиеся почти умолкли, и

среди этого молчания прозвучала страшная песня остальных прорицателей, еще ожидавших своего часа. «Сегодня ночью гиены заснут с полным брюхом, а завтра нажрут стервятники. Плачьте кожей, плачьте глазами, вы, злодеи, правосудие приближается к вам. Хоть вы, быть может, и считаете себя невинными, все вы служите невольными орудиями зла, которое через вас может погубить весь народ. Смейтесь с нами, о вы, праведники, смейтесь над участью грешников, ибо вскоре они познают вкус колышков. Смейтесь, смейтесь, смейтесь!» Кровь застыла в жилах у всех, кто видел, как, издавая ужасный демонический хохот, приближаются две извивающиеся линии, которые несут смерть: за ними следовали палачи.

Удары хвостами гну следовали один за другим. К тому времени, когда обе группы встретились у дуги подковы, палачи отвели на сборный пункт обреченных не менее двадцати несчастных и вернулись за новыми жертвами.

Печальный день тянулся нестерпимо долго, жара и напряжение усиливались, так что наиболее чувствительные или слабые нередко падали в обморок. Знахари считали это несомненным доказательством вины: они утверждали, что обмороки происходят под влиянием злых чар. Поэтому несчастных без каких-либо формальностей уносили палачи.

Солнце «прошло немного больше половины пути от зенита к горизонту», прежде чем последние группы прорицателей завершили свое безжалостное дело и присоединились к довольной толпе своих собратьев. С нескрываемым наслаждением рассматривали они собранный «урожай»; более трехсот невинных молча переносили муки ожидания: мукой для них было не только приближение страшной казни, но и горькие мысли об участи их беспомощных родных. На основании закона и древнего обычая все они тоже были обречены с того самого момента, как прорицатели «вынюхали» главу крааля. Большинство осужденных почти обезумели от мысли о том, что оказались невольными, а значит, особенно опасными источниками заражения и гибели своих соседей, источниками вреда вождю и всему государству. Если бы Мгобози попытался поднять осужденных против знахарей, он все равно ничего бы не достиг, ибо, за редким исключением, все они чувствовали себя раздавленными и безнадежно нечистыми. Только другой знахарь или глава государства мог теперь отменить страшный приговор.

Оставалось всего два знахаря, которые еще не сделали своего дола: Сонг'оза и Нгиваан. Весь этот день они просидели в стороне от остальных прорицателей.

Теперь они направились к королевскому трону поступью воинов, без присущих знахарям ужимок, и приветствовали короля, что также было необычно.

Чака смотрел на них, суровый, как смерть, и, видя, что они сохраняют молчание, отрывисто приказал им начинать.

— Хочет ли король услышать правду? — спросил Сонг'оза.

— А для чего еще призвал я вас всех? Говори, и говори быстро.

— О король! Я вижу небо (изулу). Оно, и только оно, сделало это.

Сонг'оза мог иметь в виду только самого Чаку, клан которого назывался Зулу. Наступило зловещее молчание. Заметив, однако, одобрительную улыбку Чаки, Нгиваан, не желая отставать от Сонг'озы, вмешался в разговор:

— Изулу немпела (Небо, и никто другой), — произнес он.

— Нитшило! (Вы сказали это!) — проревел Чака, поднявшись во весь свой исполинский рост. — Вы, и только вы, сказали правду. Слушай, народ мой, все это сделал я сам. Своими руками забрызгал кровью стены собственной хижины и двор вокруг нее. А сделал я это для того, чтобы узнать, кто истинные прорицатели, а кто ложные.

Смотрите все и убедитесь в том, что во всей стране есть только два настоящих знахаря — эти вот молодые люди, все же остальные — обманщики. Глядите, вон они сидят,

эта стая нечистых. Только что они радовались горю невинных, которых обрекли на мучительную и постыдную казнь. Теперь они уже не радуются, знают, что их вот-вот поразит гнев неба. Глядите, как они дрожат, чувствуя, что скоро свершится истинное правосудие. Я спрашиваю вас, люди, как должно поступить с этими клеветниками?

Могильная тишина нависла над собравшимися. Она напоминала покой, который воцаряется в природе перед тропическим ураганом и служит прелюдией к первому оглушительному удару грома, раскрывающему шлюзовые ворота небес.

Внезапно толпа заревела — чувства, которые так долго подавляли в себе тридцать тысяч человек, вырвались наружу.

— Убить их! Убить! Пусть погибнут от колышков, которые приготовили для нас.

— Да будет так! — прогремел Чака. — И пусть их умертвят невинные, которых они осудили.

Лжепрорицатели сначала онемели — настолько ужасным и неожиданным был катастрофический удар, который обрушился на них, затем в их толпе послышались жалобные вопли и громкий плач. Они знали, на какую страшную участь обрекут их намеченные жертвы, знали, что жертвы эти с безжалостным рвением поступят с ними именно так, как с радостью собирались они сами поступить с осужденными.

Палачи стали передавать связки колышков освобожденным из-под стражи и обезумевшим от гнева людям. Внезапный поворот событий превратил их в жаждущих крови хищников, охваченных одним стремлением — терзать тех, кто подверг их столь жестокой пытке. Мбопа взял на себя руководство разъяренной толпой.

Нобела сохраняла удивительное спокойствие и достоинство. Убедившись, что надежды на спасение нет, она незаметно высыпала в руки содержимое небольшой тыквочки, похожей на табакерку, и проглотила добрую половину горсти. Она знала, какое действие оказывают размолотые зерна *Datura stramonium*, — принятая ею доза содержала столько атропина, что могла умертвить несколько человек. Однако требовалось некоторое время, чтобы желудок ее успел впитать достаточно смертельного яда и она оказалась за пределами человеческого мщения.

Между тем Мбопа и другие осужденные шныряли между вопящими прорицателями. Каждый искал знахаря, который его «вынюхал». Мбопа, советник, занимавший важное положение, имел право распоряжаться палачами и приказал им окружить всю группу Нобелы. Мгобози и Нг'обока, не щадившие врагов на поле брани, не желали участвовать в расправе и оставались наблюдателями. Когда Мбопа приказал палачам заняться Нобелой в последнюю очередь, чтобы она успела посмотреть на пытки, которые ее ждут, в глазах колдуньи вспыхнула искра торжества. Зрачки ее, как всегда на ранней стадии отравления атропином, уже начали расширяться и приобрели яркий блеск. И когда осужденные принялись убивать прорицателей ужасным способом, который диктовался обычаем, она повернулась к наслаждавшемуся этим зрелищем Мбопе и сказала так, чтобы слышали Мгобози и Нг'обока:

— Отныне ты будешь жить в страхе и в страхе же умрешь. Правда, ты будешь одним из тех, кто убьет Могучего Слона, но помни, что ты только освободишь место для другого Слона. А эта порода не любит тех, кто охотится за ней.

Мбопа ответил проклятием и пообещал, что очень скоро заставит Нобелу отказаться от каждого из этих лживых слов. Поручкой тому — особые пытки, которые он придумает специально для нее.

К этому времени зрачки Нобелы настолько расширились, что заполнили собой радужную оболочку глаз. Это придавало ей действительно устрашающий вид. Только четыре из ее помощниц еще не вкусили колышков. Нобела всей своей тяжестью оперлась на двух из

них. Затем, сделав над собой величайшее усилие, закричала повелительным голосом.

— Дурачьё! Вы воображаете, будто можете убить нас этими колышками, а того не ведаете, что мы можем извлечь их силой волшебства и потом вернуться сюда, чтобы мучить вас хуже прежнего.

Нобела насмешливо расхохоталась. Тут из толпы раздался таинственный голос: «Раскройте им черепа и кончайте с ними!» С другого конца двора, словно эхо, послышались те же слова. Подхватив этот клич, толпа бросилась на корчившихся в муках прорицателей, размахивая дубинами, которые предназначались для того, чтобы забивать в тела жертв острые колышки. Подчиняясь слепому стадному чувству, люди продались оргии убийства. Черепа раскроили даже тем прорицателям, в которых колышки еще не были забиты. Мбопа пытался остановить толпу, но с трудом смог оградить только группу Нобелы, да и то с помощью стороживших ее палачей.

Нобела сидела на земле, уронив голову на колени. Раскрытая пасть мертвого питона над ее головой все еще внушала ужас. Палачи стали забивать колышки в тела еще двух помощниц Нобелы, жертвы дико кричали: Мбопа был беспощаден. Наконец, схватили последних двух знахарок. Мбопа нарочно затянул пытку, пока они не потеряли сознание.

Затем Мбопа приблизился к неподвижной Нобеле и со всей иронией, на какую был способен, сказал ей сладчайшим голосом:

— Теперь твоя очередь. Нобела не ответила.

— Ты слышишь меня, о мать зла? Может, пощекотать тебя одной из этих палочек — они ведь доставляют столько удовольствия.

Ответа снова не последовало.

— Дадевету! Старый питон крепко спит, но я живо разбужу его. Дай-ка мне колышек! — приказал Мбопа одному из палачей. Он с силой толкнул Нобелу ногой в бок, и она повалилась на землю без жеста, без звука. Нобела была мертва.

Глава 20

Англичане. Малый умкоси. Затмение.

Примерно, в то время, когда умерла Нобела, то есть в марте 1824 года, лейтенант королевского военно-морского флота Ф. Г. Феруэлл зафрахтовал в Столовой бухте два брига — «Джулия» и «Энн», чтобы доставить около сорока человек в Порт-Натал (Дурбан). Ту часть торговой экспедиции, которая находилась на борту «Джулии», возглавил Генри Фрэнсис Фин. Судно совершило быстрый переход и уже в конце марта прибыло в Порт-Натал. Фин, собиравшийся вести торговлю, отправил вперед туземных гонцов, чтобы испросить аудиенцию у короля зулусов. Но Чака, которому никогда еще не доводилось видеть такое чудище, как белый человек, отказал им «до того времени, когда можно будет устроить подобающий прием», и послал европейцам в подарок скот и слоновую кость.

Айзекс так описывает Фина, впоследствии ставшего его компаньоном:

«Роста он был довольно высокого, наружность имел внушительную. Но лицо портила густая борода, потому что он долгое время не мог бриться. Голову его покрывала соломенная шляпа без верха, а тело — рваное одеяло, завязанное вокруг шеи полосками кожи. Он поддерживал одеяло руками, чтобы не обнажить "нижнюю часть". Обувь он выбросил уже несколько месяцев назад, одежда его постепенно пришла в негодность, так что на нем не было ни одной целой вещи. Его очень любили туземцы, они питали к нему нечто

большее, чем просто уважение, ибо не раз он спасал им жизнь, облегчал боль, излечивал от недугов. Около ста туземцев присоединились к Фину (в 1825 году, спустя год после его прибытия в Натал) и стали с ним неразлучны».

Фин вместе с другими участниками экспедиции предпринял вторую попытку повидаться с Чакой. Все они для этого случая принарядились, Феруэлл надел треуголку и нацепил эполеты. Ехали они на лошадях с самодельной сбруей. За продвижением их по Наталу следил Мхлопе — шпион Чаки. Он построил себе крааль на возвышенности Береа, прямо над лагерем белых, и часто к ним спускался. Мхлопе донес королю, что эти люди дружелюбны и миролюбивы, имеют огромное множество самых необыкновенных вещей и угощали его напитком, достойным королей.

Чака отреагировал без промедления. Он вызвал наиболее тактичного и солидного из зулусских дипломатов — друга своей ранней молодости Мбикваана (нового вождя мтетва) и отправил его в качестве полномочного представителя в лагерь белых людей. Мбикваан должен был передать им приглашение Чаки. Вождь мтетва был добрый малый, пользовавшийся любовью своих подданных. Он тотчас же заслужил доверие одиноких и беспомощных белых людей и всю свою жизнь оставался их другом и покровителем.

Англичане — Мбикваан показывал им теперь путь — поскакали вдоль побережья. Через реки они переправлялись в самом устье или поблизости от него. Перейдя через реку Тугелу, они попали в страну зулусов. Тут они оставили за собой реку Аматикулу, пересекли широкую равнину Иньезаан и достигли военного краалья Энтонтелени на северном склоне гряды Обанджени.

Здесь они впервые убедились в могуществе зулусского короля, когда увидели полк его воинов в полном вооружении. Командир полка принял их с царственным достоинством, действуя от имени Мавы — незамужней тетки короля, которая стояла во главе краалья. Пришельцам предоставили пищу, пиво и кров, но воины и все лица, не имевшие особых полномочий, держались от них на почтительном расстоянии.

Фин пишет о путешествии по стране зулусов: «Мы были поражены порядком и дисциплиной, которые поддерживались во всей стране. Полковые краали, а также краали вождей сверкали чистотой, очевидно обычной. Порядок царил не только внутри хижин, но и снаружи. На больших участках не было ни грязи, ни золы».

На следующий день после прибытия в Энтонтелени кавалькада двинулась дальше, переправилась через реку Млалази в ее среднем течении, а затем поднялась на возвышенность Нгойе и очутилась как бы в горной стране с прозрачным, живительным воздухом. Южные и восточные склоны возвышенности были покрыты первобытными лесами. Некоторые деревья достигали в высоту ста футов. Эти густые заросли резко отличались от поросшей акациями саванны, по которой белые двигались раньше. Достигнув северного края возвышенности, путешественники увидели раскинувшуюся внизу широкую панораму долины реки Умлатузи с холмами и долами, поросшими мимозой. В центре долины лежал крааль Булавайо — королевская ставка.

«Когда до резиденции короля осталась одна миля, — пишет Фин, — нам предложили остановиться под большим деревом и подождать прибытия гонцов, которые призовут к королю меня с мистером Феруэллом и остальных участников экспедиции.

У внутренних ворот краалья выстроилось двенадцать тысяч человек в полной военной форме. Нас с Феруэллом попросили несколько раз обскакать галопом королевский крааль и вернуться за товарищами. Когда мы это сделали, нам предложили повторить маневр четыре раза, а затем остановиться в двадцати ярдах от дерева, росшего в верхней части краалья. Мбикваан, который доставил нас, обратился к королю с длинной речью. Властелина настолько плотно обступили его подчиненные, что мы не смогли разглядеть короля. Один из вождей, стоявший напротив Мбикваана, произнес ответную речь. Закончив ее, он принес

слоновый бивень и преподнес его м-ру Феруэллу. Мбикваан заговорил снова, попросив нас почаще восклицать йебо, что означает «да», хотя мы не знали, с чем соглашаемся. Тут Чака вдруг вскочил на ноги и ударил по щитам вождей, стоявших рядом. Свита бросилась в нижний конец крааля, только один человек остался на месте».

Каково же было удивление Феруэлла, когда с этом фаворите зулусского короля он узнал своего бывшего переводчика Джекоба Мсиимбитти, в прошлом — скотокрада, сосланного на остров Роббен, где содержались преступники из Капской колонии. Он происходил из коса, а потому владел языком, очень близким к зулусскому, и, кроме того, немного научился голландскому и английскому. Власти Капской колонии передали его капитану королевского военно-морского флота У. Оуэну с том, что, если Джекоб будет вести себя хорошо, его освободят. В 1823 году, когда Феруэлл предпринял в исследовательских целях плавание вдоль восточного побережья, капитан Оуэн предоставил ему Джекоба.

В бухте Сент-Люсия Феруэлл и его товарищи пытались высадиться на сушу, но шлюпка перевернулась в полосе прибоя, и четверо из находившихся в ней утонули. Из белых путешественников только Томпсону и Феруэллу удалось достигнуть берега, причем Феруэлл спасся лишь благодаря крепким рукам Джекоба, оказавшегося искусным пловцом. Однако раздосадованный Томпсон тут же отблагодарил туземца, отвесив ему увесистую затрещину. Смертельно оскорбленный Джекоб немедленно покинул белых, направился в глубь материка и достиг двора Чаки. Король сначала принял незнакомца с некоторым подозрением. Однако позднее, убедившись в его способностях, он осыпал Джекоба милостями и присвоил ему почетное звание «Пловец». Теперь он назначил его королевским толмачом и посредником в переговорах с белыми.

У Джекоба осталось далеко не лучшее впечатление о белых, и он, естественно, изобразил их Чаке в невыгодном свете. В этом ему умело помогал португальский торговец-мулат, который прибыл в Булавайо вскоре после Джекоба. К чести Чаки — и в этом свидетельство его объективности, — он не придавал значения рассказам людей, имевших личные счеты с англичанами. До конца дней своих он оставался верным другом англичан и всегда стремился к союзу с британским королем.

Феруэлл быстро оправился от удивления, но не мог отделаться от мысли, что, поскольку Джекоб придворный толмач, он и Фин попадут в неблагоприятное положение. Джекоб, однако, вел честную игру, для этого у него имелась самая серьезная причина: Чака предупредил его, что любая попытка переводить неправильно будет рассматриваться как сигнал палачам.

Благодаря Чаке, которому обычное его достоинство не помешало проявить радушие, гости вскоре почувствовали себя непринужденно. После нескольких вопросов относительно цели их приезда Чака пригласил гостей приблизиться к большой смоковнице. Сам он уселся в тени ее на связке тростниковых циновок, а затем жестами показал англичанам, чтобы и они присели на корточки. В качестве знака особого уважения к белым для них тоже были заранее расстелены тростниковые циновки — напротив того моста, где расположился король. Феруэлл и Фин, как руководители экспедиции, заняли две передние циновки. Их товарищи уселись или же присели на корточки сзади. Слуги Фина — готтентоты и другие туземцы — расположились еще дальше, вне пределов слышимости. Джекоб присел на корточки на голой земле, чуть впереди Чаки, по правую руку от него. Такова была обстановка первой королевской аудиенции. На расстоянии ста ярдов не было ни советников, ни стражи, ни палачей. Чака в силу своего характера никогда не заботился о собственной безопасности и не видел ничего особенного в том, чтобы остаться без охраны с таинственными пришельцами. Он сгорал от любопытства, стремясь как можно больше узнать от них, и не желал, чтобы разговор его был услышан советниками или кем-либо из его подданных, за исключением необходимого ему толмача.

Хотя дело происходило в июле, утреннее солнце припекало довольно сильно, и тень,

отбрасываемая деревом, была весьма желанной. Чака почти сразу же сделал одному из пажей, стоявших поодаль, знак, чтобы гостям принесли пива. Затем он осведомился о здоровье путешественников, спросил, как они доехали. Джекоб медленно, запинаясь повторял его слова по-английски, ответы же переводил на зулусский быстрее. Словом, с переводом не все шло гладко, особенно вначале.

Вскоре прибыло пиво. Его принесла в горшке вместимостью в галлон¹ Пампата. Встав на колени перед королем, она пригубила пиво, а затем передала горшок Чаке. Король сделал глоток и вернул сосуд Пампате, она в свою очередь передала его Феруэллу. После этого горшок пошел по кругу.

Король рассказал гостям о славе своего царства: о его огромных богатствах, заключающихся в скоте, который они увидят завтра и в последующие дни; о полках, внушающих ужас его врагам; о великолепии столицы Булавайо. Затем он очень к месту спросил Феруэлла и его товарища, видели ли они когда-нибудь государство, в котором господствует такой порядок, как в стране зулусов, подданные так благонаравны и столь чтут закон. В его королевстве каждый может оставить свое имущество где угодно, не опасаясь кражи, и мужчины избавлены от страха, что жены и дочери их будут обесчещены. В ответ гости часто восклицали «Йебо!» («Да!») или «Йебо, баба!» («Да, отец!»).

Чака задал много вопросов о короле Георге, численности его армии, характере его страны, системе управления, размерах столицы, количестве скота и королевских жен... Весьма одобрительно отозвался о мудрости своего «брата» — короля, — имеющего всего одну жену. «Благодаря этому он дожил до такого преклонного возраста. Но он поступил бы еще мудрее, если бы не имел ни одной, подобно мне». Тут Чака громко захохотал. Затем он сообщил гостям, что приказал построить для них особый крааль на окраине своей столицы и что их сейчас проводят туда и накормят. Но сначала он созовет советников и отдаст приказ о том, чтобы ко всем белым относились как к наследственным вождям и никто не смел считать себя равным им.

Тут он на время распрощался с гостями, и Мбикваан проводил англичан в приготовленную для них резиденцию. Там их уже ожидало королевское угощение: говяжье мясо, козлятина, корзины молотой кукурузы, сладкий картофель, земляные орехи, мед. Время было зимнее, а потому овощи отсутствовали. Кроме того, гости получили много горшков лучшего пива вместимостью в три галлона каждый. Англичане были чрезвычайно обрадованы не столько даже угощением, сколько очень дружелюбным приемом. Поэтому они послали королю бус и иных безделушек и произвели салют из восьми ружей. Чака внимательно, но без страха вслушивался в гром такого большого количества огнестрельного оружия. В ту же ночь белые запустили четыре ракеты. Их привезли специально для того, чтобы произвести впечатление на короля и его подданных, и эта цель несомненно была достигнута.

На следующее утро, получив приглашение через специального гонца, гости оседлали коней и поспешили ко двору короля. Они прибыли туда в тот момент, когда Чака совершал омовение. При этом он весело болтал с окружающими, но вдруг резко повернулся и небрежно приказал казнить тут же одного из приближенных... «За что именно, мы не смогли узнать», — пишет Фин. Осужденному свернули шею на глазах у белых, которых эта внезапная расправа сильно потрясла.

Фин сообщает, что Чаке в то время было тридцать восемь лет от роду и он находился в расцвете своих сил. Рост его превышал шесть футов, он был строен, но в то же время отличался крепким телосложением. Он не был женат и не носил головного кольца и, как могли видеть англичане, не подвергался обрезанию.

«„Дикий" властелин принимал своих почетных гостей с пышностью и великолепием, считающимися обычно привилегией цивилизованного монарха. Им была предоставлена

возможность любоваться могуществом и богатством зулусской нации. Один полк за другим проходили мимо них церемониальным маршем. У воинов каждого полка были особые щиты и плюмажи. Придворные восхвалители выкрикивали названия частей и сообщали об их подвигах в бою. Всего англичане насчитали пятнадцать полков. После парада начались военные пляски, от которых содрогалась земля.

Фин записал: «Это была волнующая сцена, которая поразила нас, ибо мы не могли представить себе, что в нации, считающейся „дикой“, могут поддерживаться такой порядок и дисциплина».

Затем пригнали стада. Каждое стадо состояло из пяти тысяч животных одной масти. Перед белыми прошло около шестидесяти тысяч коров и быков.

Но самое изысканное зрелище было припасено на конец. «Полки девушек, которыми командовали девушки же, вступили на центральную часть арены (крааля). Общая численность их достигала восьми или десяти тысяч, причем каждая девушка держала в руке легкий жезл. Они включились в пляску, которая продолжалась около двух часов».

Торжество закончилось танцами молодых женщин из царствующей семьи, за которыми последовало пятьсот девушек Большого дома — этих лилий гарема, или, как называл их Чака, его «сестер». Король принял участие в плясках. Его примеру последовали многие советники. Каждая пляска заканчивалась обычной краткой речью Чаки. «Он, — пишет Фин, — призывал своих подданных поглядеть на нас, познакомиться с чудесами белого человека и убедиться, сколь силен он, Чака. Его предки, да и их тоже, были трусами и не осмелились бы допустить к себе белого человека... Он надеется, что его народ станет относиться к гостям с таким же уважением, как к королям, и не будет считать себя равным им». Затем Чака повторил во всеуслышание некоторые вопросы, которые задал англичанам накануне, беседуя с ними без свидетелей, например: «Он интересовался, видели ли мы в каком-нибудь государстве такой порядок... Он заверил нас в том, что является величайшим из королей; что подданные его многочисленны, как звезды, а скот невозможно пересчитать».

Фин записал беседы, которые имел с Чакой.

«Он сказал, что наши предки наделили нас великими дарами, научив ремеслам. Затем спросил, что делают в нашей стране из кожи заколотых быков. Когда я ответил, что из них изготавливают обувь и другие предметы, назначение которых я не смогу в точности объяснить, он воскликнул, что в этом сказалась немилость наших предков, которые заставили нас защищать свои ноги шкурами, хотя в этом нет никакой нужды: Чака доказал туземцам, что из шкуры надо выделывать более красивую и полезную вещь, а именно щиты.

Затем он перевел разговор на превосходство их оружия, которое, по его словам, намного лучше наших мушкетов. Если, доказывая, щит обмакнуть перед атакой в воду, он станет непроницаемым для пуль, а пока мы перезаряжаем ружья, его воины успеют схватиться с нами врукопашную. Тогда, не имея щитов, мы побросаем свое оружие и попытаемся бежать. Но бежать так быстро, как его солдаты, мы не сможем и, значит, неизбежно попадем к ним в руки. Я не сумел опровергнуть его доводы, ибо не знал языка, переводчик же, от которого я зависел, не осмелился бы решительно возражать королю. Поэтому мне пришлось с ним согласиться. В присутствии подданных Чака невыгодно истолковывал все, что я говорил, высмеивал наши манеры и обычаи, хотя делал это вполне добродушно.

Если при разговоре никто из его людей не присутствовал, Чака слушал очень внимательно и в таких случаях не мог не признать наше превосходство. Однако он неизменно высказывал отвращение к тому, что у нас некоторые преступления караются тюремным заключением. Он считал, что такое наказание причиняет человеку невыносимые страдания. Если он виновен, то почему не наказать его смертью? Если же он находится лишь под подозрением, то не лучше ли отпустить его? Арест послужит ему предостережением на

будущее. Поводом к этим спорам явилось тюремное заключение его толмача на острове Роббен. Разумеется, я не мог объяснить ему через того же толмача, как велико наше стремление оберегать невинных и сколь редки случаи, когда человек перестает дорожить жизнью. Как и прежде, мне пришлось уступить... Наше толкование законов родной страны вызывало с его стороны замечания самого неприятного свойства».

Когда торжества, устроенные в их честь, закончились, Форуэлл и его спутники вернулись в Порт-Натал. Только Фин остался у зулусов еще на месяц и впоследствии рассказал об одном удивительном случае.

«Всю вторую половину дня я читал, и вечером мне захотелось еще раз взглянуть на пляски. К тому времени, когда я появился на площади, уже стемнело, и король приказал кое-кому из своих подданных зажечь пучки тростника и держать их над головой, чтобы было светло. Не прошло и нескольких минут, как я услышал крик. Факелы мгновенно погасли. Поднялась суматоха, послышались крики... Наконец, я узнал, что кто-то пытался зарезать Чаку, когда он танцевал. Я стал звать Майкла (один из готтентотов, находившихся в услужении у Фина). Он оказался совсем неподалеку и громко кричал «ура», приняв общее смятение за очередное увеселение. Я тут же повторил ему то, что слышал, и послал за лампой и ромашкой, — единственным лекарством, которым располагал... Между тем у Джекоба (переводчика) начался припадок, так что я не мог больше задавать вопросы или узнать, где Чака. Я попытался проникнуть в его хижину, но ее окружала плотная толпа. Мою лампу погасили. Женщины из сераля тащили меня кто в одну сторону, кто в другую, они были как безумные. Давка все увеличивалась, а крики и шум невероятно усилились, так что положение мое стало чрезвычайно затруднительным. Я в очередной раз попытался войти в хижину, где предполагал найти короля, но тут какой-то человек, державший в руке зажженный факел из тростника, стал тащить меня в сторону. Я вырвался, но он снова схватил меня за руку, причем на помощь ему пришел другой мужчина. Я почел за благо установить, что им нужно, и в случае, если они замыслили что-нибудь против меня, действовать в зависимости от обстоятельств. Минут пять мы шли молча, после чего мои страхи и подозрения рассеялись, ибо я увидел в близлежащем краале короля. Я тут же промыл его рану отваром ромашки и перевязал ее. Кто-то проткнул ему ассегаем левую руку, и клинок прошел между ребрами под левой частью груди. Вероятно, удар только по чистой случайности не затронул легкие, но король тем не менее харкал кровью. Собственный его врачеватель, который, видимо, неплохо разбирался в ранах, несколько раз дал ему рвотного и все время промывал рану охлаждающими травяными отварами. Кроме того, он попробовал кровь из раны, чтобы проверить, не был ли ассегай отравлен. Чака всю ночь произносил речи с большим пафосом: он был уверен, что умрет. Толпа настолько увеличилась, что шум от ее криков стал просто невыносимым.

Когда рассвело, глазам моим представилось ужасное зрелище. У меня не хватит слов для того, чтобы достаточно ярко описать его читателю. Все время прибывали огромные толпы людей; завидев еще издали крааль, они принимались изо всех сил вопить, бегом вступали в него и продолжали истошно кричать. Они толкали друг друга, бросались на землю, не глядя куда, многие от напряжения и жары теряли сознание.

Все это время я был настолько занят, что не видел самых отвратительных подробностей трагической сцены. Дело в том, что люди начали убивать друг друга. Одни провинились тем, что не плакали, другие натирали глаза слюной, третьи, плача, усаживались на землю. Между тем при таком длительном напряжении у людей иссякали и силы и слезы.

Насколько мы тогда поняли, еще шесть человек были ранены убийцами, покушавшимися на Чаку. Судя по направлению, в котором они бежали, присутствующие заподозрили, что их послал Зуэди (Звиде), король эндвандво (ндвандве), единственный сильный противник Чаки². Два полка были тотчас же посланы на поиски нападавших.

Между тем пришли — и очень кстати — лекарства, которые обещал прислать м-р

Феруэлл. Чака был чрезвычайно доволен. Теперь я стал часто промывать ему рану и давать легкое слабительное. Кроме того, я смазывал раны специальной мазью. Однако на протяжении четырех дней состояние короля казалось безнадежным. И все это время с разных концов страны прибывали новые толпы людей, отчего суматоха усиливалась. Только на четвертый день было заколото несколько голов скота, чтобы накормить людей. Многие успели умереть, многих же убили за то, что они не оплакивали короля или отправились в свои краали за едой. На пятый день появились некоторые признаки того, что состояние короля улучшается, а раны — зарубцовываются. День спустя эти признаки стали еще заметнее. В полдень вернулся отряд, посланный на поиски злодеев. Он доставил тела трех мужчин, убитых в зарослях (джунглях). Предполагалось, что это и были убийцы. Тела положили на землю, примерно в одной миле от краала. После того как мертвецам отрубили правые уши, воины обоих полков уселись по обочинам дороги. Затем по этой дороге, крича и плача, прошли все собравшиеся в краале. Подойдя к трупам, каждый несколько раз ударял их палкой и тут же бросал ее. Ясно, что от трупов ничего не осталось еще до того, как мимо прошла половина прибывших. Возвышалась только огромная куча палок, но церемония продолжалась. По окончании ее все собрались и двинулись к краалу Чаки. Впереди процессии трое воинов несли на палках отрубленные у мертвецов уши. Король вышел. Все запели национальную траурную песню. Уши сожгли на большом костре, разведенном в центре краала.

С момента покушения на Чаку всем было запрещено носить украшения, мыть тело или бриться. Мужчинам, жены которых ждали ребенка, не разрешалось появляться вблизи короля. Отступления от этих правил карались смертью, несколько человек было казнено.

С выздоровлением короля все изменилось. Сумятица постепенно улеглась. Отряд в тысячу человек получил приказ напасть на враждебное племя. Через несколько дней он вернулся, уничтожив ряд краалей и захватив восемьсот голов скота.

Получив от меня письмо, где я рассказал об удивительных событиях последних дней, м-р Феруэлл и м-р Айзекс³ нанесли визит Чаке. Через несколько минут после того, как они были допущены к вождю, одного мужчину, который умышленно или по недосмотру нарушил запрет, обрив голову, увели на казнь, хотя тут же народу было даровано разрешение бриться».

При изложении истории первой земельной сделки между Чакой и англичанами наиболее целесообразно привести цитату из книги д-ра А. Т. Брайанта. Сделка эта до такой степени позорна для белых, что без ссылки на авторитет д-ра Брайанта могла бы показаться невероятной. Брайант говорит:

«Прибыв в самый благоприятный момент, когда Ча-ка был настроен милостиво, Феруэлл обратился к нему с просьбой о небольшом одолжении: он хотел получить разрешение не то чтобы обрить, а лишь ободрать как липку коварного монарха. И коварный монарх — по крайней мере, так нас уверяют — любезно это разрешил.

Непредубежденного наблюдателя поражает и забавляет елейное чувство уверенности в собственной правоте, которое переполняет душу англичанина всякий раз, как он собирается присвоить чужую собственность — особенно в странах, населенных первобытными людьми. Фин искренне обижался на несправедливые (как ему казалось) насмешки Чаки „над нашими нравами и обычаями" и его неодобрительные отзывы о некоторых „законах нашей страны" и в то же время почти наверняка участвовал в подлом обмане ничего не подозревавшего дикаря, обмане, затеянном Феруэллом под прикрытием тех же законов и обычаев.

С явной целью ограбить туземцев посредством документа, имеющего законную силу, Феруэлл составил проект купчей (который один только он мог прочесть и понять). В этом проекте он произвольно, заявлял:

„Я, ингуос (нкоси, что означает „вождь“) Чака, король зулусов и страны Натал, властитель всей области, простирающейся от Натала до бухты Делагоа⁴, унаследованной мною от отца (на самом деле отец Чаки никогда не слышал о стране Натал или области, простирающейся до бухты Делагоа, а тем более не мог завещать ему эти территории)... по доброй воле и в обмен на товары (какие именно, в документе не указывалось, но есть все основания предполагать, что стоимость их не превышала нескольких шиллингов) сим предоставляю, передаю и продаю Ф. Г. Феруэллу и К^о на вечные времена... порт или гавань Натал... и окружающую территорию, описанную ниже, а именно: мыс или полуостров у юго-западного схода (это был Блафф), а также весь район, простирающийся на десять миль к югу от Порт-Натала (очевидно, до самой реки Эм-Бокодвени) и далее вдоль берега моря на север и на восток до реки, известной под туземным наименованием Гумголото (вероятно, Умдлоти), протекающей примерно в двадцати пяти милях к северо-востоку от Порт-Натала, а также всю территорию, простирающуюся в глубь материка до владений нации, именуемой зулусами «Говагневко» (кваног'аза или хоуик), примерно на сто миль, со всеми правами на реки, леса, недра и все, что в них находится... В удостоверение чего я приложил свою руку, полностью сознавая, что тем самым принимаю на себя все условия и обязательства (не станем разгадывать значение следующих за этим фраз на путаном юридическом жаргоне)... и по доброй воле даю свое согласие... в присутствии вышеупомянутого Ф. Г. Форуэлла, которого я сим признаю вождем данной страны, обладающим всей полнотой власти над теми туземцами, какие пожелают остаться там... при условии предоставления ему скота и кукурузы (вероятно, выращенных все теми же туземцами)... в качестве вознаграждения за доброту его ко мне, когда я страдал от раны".

8 августа 1824 года Форуэлл потребовал, чтобы неграмотный варвар собственноручно поставил под документом свой знак. Из вежливости к доверенному другу ничего не подозревавший варвар так и поступил и по просьбе Феруэлла велел Мбикваану, Мсике, Мхлопо и Хламбаманзи засвидетельствовать бумагу.

Вряд ли требуется доказывать, что Чака не имел ни малейшего намерения совершить какой-либо из нелепых поступков, перечисленных в этой грубой фальшивке. Ни одному черному монарху, особенно такому пронизательному и ревнивому, как он, не пришла бы в голову мысль уступить свои владения и отказаться от суверенных прав в пользу совершенного чужака, да еще „подлого белого". Ибо, как свидетельствует Айзекс, несмотря на вежливое и любезное обхождение, „всякий раз как туземцы заговаривали об англичанах, они отзывались о них дурно. Называли нас „сильгуанерами" („и-сильване") или морскими зверями. Произнося это слово, они всегда делали жест осуждения, который никак нельзя было принять за одобрительный". Как бы то ни было, жюльническая проделка Феруэлла вполне удовлетворила его, и он отправился на родину, прижимая к груди фальшивую купчую на передачу ему одной седьмой Натала.

Таковы факты, сообщаемые д-ром А. Т. Брайантом, и его оценка их. Факты невозможно опровергнуть, оценка же представляется чрезмерно суровой. Айзекс также заблуждался: слово «и-сильване» («сильгуанер») выражает не осуждение, а благоговейный страх и нередко употреблялось для характеристики могущества великих вождей. К тому же слово это обозначает не «морских зверей», а любого сильного и опасного зверя, в первую очередь сильного. Родственные зулусам матабеле называют так льва. «И-сильване» ни при каких обстоятельствах не могло обозначать что-либо подлое. Для этого зулусы воспользовались бы словом «иси-локазана» — нечто ползучее, низменное.

Впрочем, во тьме времен и споров, подобно маяку, выделяется один важный факт: белые люди, даже если они были в лохмотьях, обладали каким-то качеством, которое заставляло черных признавать их превосходство. Чака не только обнаружил и признал этот факт, но и возвестил о нем своему народу. Причем дело здесь не в ракетах, лошадях или огнестрельном оружии: ими владели и слуги белых — португальские мулаты и готтентоты, — что не мешало зулусам относиться без всякого уважения и к тем и к другим.

Корнем превосходства европейцев был их уби-коси, то есть качества и облик вождя, которые только в зулусском языке обозначаются одним словом. Оно характеризует трудноопределимый аристократизм, внушающий уважение без всякого видимого усилия. Уби-коси совершенно инстинктивно распознается зулусом среди своих и у большинства белых. Прославившийся во время восстания⁵ Сигананда Цубе, который в возрасте четырнадцати лет присутствовал при прибытии белых в Булавайо, говорил о них: «В их глазах огонь». Каковы бы ни были недостатки Феруэлла и Фина, они отличались решительным характером, и туземцы, сопровождавшие этих в общем незлых людей, обожали их. Ни они, ни прибывший годом позднее лейтенант королевского флота Кинг Чаку не подкупали, так как получали от него неизмеримо больше, чем давали ему. Но, с точки зрения Чаки, этот дефицит торгового баланса возмещался знаниями, которых он жаждал и которые получал. Особенную симпатию король испытывал к лейтенанту Кингу. Когда этот офицер смертельно заболел, Чака принес в жертву духам много скота, тщетно надеясь добиться его выздоровления.

Чака устроил англичанам торжественные проводы, щедро одарил их слоновой костью, молочными коровами и быками на убой, «чтобы „Джджи" (король Георг) не обиделся на меня за то, что я не заботился о его детях, когда они находились под моей сенью». Он заверил их в том, что они в любое время могут рассчитывать на гостеприимный прием в его столице, явившись группами или по одному. Кроме того, он сказал, что все бездомные туземцы Натала, которые ищут убежища, всегда найдут у него приют. Затем он приказал вождю Мбикваану проводить гостей до Порт-Натала (Дурбан). Как и в первое путешествие, англичанам не дали военной охраны — это был тактичный жест, призванный показать, что они не подвергаются никаким ограничениям и не находятся под надзором.

После отъезда англичан Чака созвал советников и в категорической форме выразил желание, чтобы отношение к белым было предельно уважительным и дружественным. «У них есть знание, а знание дает силу, и мы можем многому у них научиться».

Несмотря на печальный опыт, Чака не принял мер, чтобы предотвратить новые покушения на его жизнь. Он упорно противился предложениям окружать по ночам его хижину телохранителями. Слезы его матери и Пампаты, а также уговоры Мгобози очень растрогали его, но не заставили изменить решение.

Мгобози, рискуя жизнью, назвал Чаку глупым и безрассудным и заключил свою речь словами:

— А теперь убей меня, потому что никто не любит правды.

Но Чака заплакал и сказал:

— Убив тебя, Мгобози, я убил бы самого себя. Когда я слышу от тебя правду, как бы неприятна она ни была, я не сержусь, так как хорошо знаю, как любит меня твое верное сердце. Вытри слезы, мама, как я вытираю сейчас свои, и давайте порадуем наши сердца горшком пива и доброй щепоткой недавно собранного табака. Обещаю, что в темные ночи вокруг моей хижины будут стоять часовые, но в остальное время мне никто не нужен; нечего вечно сторожить меня, как больное дитя, это меня только раздражает.

После прихода Мдлаки и Нг'обоки маленькая компания старых друзей предалась воспоминаниям о минувших днях нужды и забот. Один лишь Мбопа был среди них относительно чужим.

Они говорили о белых людях и еще больше о проблемах, которые в случае войны должны были возникнуть из-за появления огнестрельного оружия и лошадей. Чака считал, что эти преимущества можно свести на нет, заманив белых на пересеченную местность, где им придется сойти с коней, а затем использовав превосходство зулусов в численности и, как сказал Мгобози, в мужестве. Король добавил, что обороняемый белыми l a a g e r⁶ — лагерь

из фургонов — можно поджечь. Но он настаивал на том, что не должно возникнуть повода к войне между белыми и черными, и с самого начала выразил намерение отправить нескольких молодых людей, а может быть, и два полка в Британию для изучения ремесел белых людей. Нанди — ее поддержала Пампата — заговорила о возможности смешанных браков, но Чака решительно встал на сторону Мгобози, который сказал, что из смешения зулусской крови с кровью народа, не относящегося к нгуни, не может получиться ничего хорошего.

В тот год, когда Чака познакомился с европейцами, на празднестве малого умкоси произошел случай, который значительно поднял престиж Чаки, а следовательно, и его могущество: он не дал солнцу погаснуть.

Зулусский календарь был привязан к дате цветения дерева умдубу, а потому корректировался автоматически: когда дерево расцветало рано, это значило, что он ушел вперед⁷; когда цветение запаздывало, это значило, что календарь отстал. Как только на утреннем небе появлялись Плеяды (Иси-лимела от лима — копать) — начиналась подготовка к мотыжению почвы (сейчас тот же термин распространен на пахоту). В начале июля становился видим Пояс Ориона (импамбана — переход), и вслед за этим приступали к самой обработке почвы. После этого люди давали себе отдых, пока гонцы не приносили весть о том, что деревья умдубу⁸ в лесах Нгойе и Нкандла зацвели (это происходило внезапно и было очень красиво). Вот тогда можно было приступать к севу. Разумеется, старейшины племени вели какой-то учет времени, но к июлю они обычно сбивались со счета — во всяком случае так считалось, — и дерево умдубу помогало им снова выйти на правильный путь. Поэтому дерево называли также мдуква⁹.

В 1824 году умдубу зацвело рано, и столь же рано — 20 декабря — зулусы отметили праздник малого умкоси, или первых плодов. В этот день все веселились и пировали. Чака, как полагалось по обряду, плевал в направлении солнца и грозил ему королевским копьем с красным древком. Снадобье на этот случай всегда приготавливал врачеватель Чаки — Мг'алаан, на котором в то время лежала также обязанность увеличивать «силу» священного обруча зулусов — инката. Это было кольцо, сплетенное из травы, диаметром примерно в один ярд. Толщина его непрерывно увеличивалась, ибо каждый вождь добавлял к нему свое личное кольцо, опрысканное всеми снадобьями, употреблявшимися во время войны, а также укрепляющими составами, которые принимали вожди. К снадобьям примешивались состриженные волосы, ногти, капли пота и другие продукты жизнедеятельности вождей соседних племен, какие удавалось раздобыть. Считалось, что в результате владелец инката приобретает могущество и колдовские чары всех тех, чья частица пошла в состав кольца. Вся инката заворачивалась в кожу питона. Толщина зулусской общенациональной инката в конце концов достигла фута. Футляром ей служила специально растянутая кожа особенно крупного питона. После поражения зулусов в битве при Улунди (1879) инката была захвачена англичанами, а затем сожжена, чтобы могущество зулусского государства не возродилось вновь. Какой урок современным зулусам!

Когда празднество достигло апогея, произошло событие, о котором часто упоминают писатели.

Чака и его приближенные наблюдали, как веселится толпа. Они стояли под большой тенистой смоковницей в верхнем конце краля, ибо день выдался очень жаркий. Вид у всех был радостный, повсюду слышались песни. Даже птички на дереве участвовали своим щебетом в общем веселье. Внезапно они умолкли. Чака и Мг'алаан удивленно подняли головы, всматриваясь в листву. Их примеру последовали все окружающие, включая Мдлаку и Мгобози.

Чака сразу сказал, что молчание и тревога птиц — дурное предзнаменование. Вскоре смолкли и люди: они заметили, что солнечные блики на краях тени, отбрасываемой «тронным деревом», приняли странные, причудливые очертания. И хотя на небе не было ни

облачка, становилось все темнее.

Чака (а следом за ним и свита) вышел из-под дерева и посмотрел вверх.

— Во! — воскликнул он, приставив ко рту ладонь.

— Во! Умхлоло! — вскричали все, повторив его слова и жест. Только Мг'алаан хранил молчание.

Свет солнца быстро померк, так как диск луны закрыл больше половины огненного диска и продолжал распространять свою тень дальше. Из толпы раздались душераздирающие вопли: «Чудовище пожирает солнце! Мы погибли, оно поглотит и нас!».

— Что это, Мг'алаан? — тихо спросил Чака. — Я слышал от стариков, что подобное случалось и раньше, но мне это не нравится.

Когда тень луны покрыла три четверти солнечного диска, Чака пробормотал, снова обращаясь к Мг'алаану:

— Если оно не покажется вновь, нам конец.

На это Мг'алаан наконец ответил:

— Не бойся. Оно вернется. Быстро разжуй это, а затем выплюнь в сторону солнца, приказав ему появиться вновь. Это очень сильное снадобье.

С этими словами он протянул Чаке черный шарик. У Мгобози был озабоченный, но не испуганный вид.

— Сафа сапела! (Мы погибли!) — сказал он. Затмение распространилось на семь восьмых солнечного диска, который излучал теперь неверный, призрачный свет. Окружающая местность стала походить на преддверие ада, и дрожащей суеверной толпе все происходящее казалось явлением из потустороннего мира. Люди онемели. Внезапное превращение солнечного летнего дня, веселого национального праздника в картину преисподней, какой ее себе представляли зулусы, парализовало их. А тут еще послышался петушинный крик. Но его сразу же заглушил громкий голос Мг'алаана:

— Не бойтесь, люди. Сейчас наш могучий король плюнет в чудовище, пожирающее солнце, а затем проткнет его копьем. И тогда, смертельно раненное, оно отступит в свою нору на небе. Смотрите, люди! Сейчас он это сделает, и скоро снова станет светло.

Чака стоял на бугре, откуда обычно обращался к народу. Толпа глазела на него со страхом и надеждой. В странном неверном свете внушительная фигура его казалась исполинской. В правой руке он держал копье с красным древком и королевский жезл. Чака плюнул в солнце и приказал ему вернуться, затем нанес своим копьем удар в том же направлении и застыл, как статуя, не опуская оружие. Огромная толпа следила за ним, затаив дыхание. Солнце почти исчезло.

Вдруг из толпы послышались возгласы удивления. Диск почти исчезнувшего было солнца стал быстро расти. А черная тень луны — отступать все дальше и дальше.

— Смотри, смотри, — загремела толпа. — Черное чудовище уползает обратно, а солнце проследует его. Наш король заколол чудовище, и оно теряет силы.

Подобно Иисусу Навину¹, Чака продолжал использовать драматические возможности создавшейся ситуации и не менял свою живописную позу. По мере того как свет брал верх над тьмой, из толпы слышались все более громкие крики. Сначала, когда солнце отвоевало четверть своего диска, это были еще неуверенные возгласы надежды. К появлению половины светила в голосах послышалась твердая уверенность. Половина превратилась в три четверти — и крики стали оглушительными. Наконец при виде полного диска толпа издала громовой рев победы. Рев этот не умолкал: одна волна торжества и прославления

всемогущего монарха-воина, спасшего свой народ, сменялась другой.

Но вот Чака поднял руку, требуя молчания. Затем велел Мг'алаану встать впереди и немного ниже его и обратиться к народу.

— Дети Зулу! — начал Мг'алаан.— Глядите! Вот ваш король. Это он, один он, спас сегодня нас и весь народ. Без него мы бы все погибли. Но он убил черное чудовище, которое едва не пожрало наше животворное солнце. Поблагодарите его, да не забудьте прислать ему скот и красивых девушек. Ибо что бы с вами со всеми стало, если бы не он? Благодарите, говорю вам.

— Байете! — загремела в ответ толпа, исполненная радости и признательности. — Байете, о король королей, поглотитель всех врагов! Могучий Слон, который убивает одним ударом!

Тут будет уместно заметить, что в отличие от многих других вождей и королей Чака был слишком осторожен, чтобы заниматься таким неверным делом, как вызывание дождя. Обычай обязывал его к этому, но ему не хотелось оказаться в дураках в случае неудачи. Его врачеватель Мг'алаан также держался подальше от этого занятия. Но в стране было множество шарлатанов, готовых в погоне за богатым вознаграждением пойти на риск, даже если за неудачей следовала суровая и неотвратимая кара.

Чака считал, что для вызывания дождя надо пользоваться услугами какого-нибудь второстепенного знахаря: если он провалится и черни потребуется козел отпущения, таким человеком не жалко пожертвовать.

Условия король ставил предельно ясные и четкие:

— Вызовешь дождь — и награда твоя будет велика. Не вызовешь — птицы получат угощение.

Однажды в засуху король призвал к себе всех знахарей, утверждавших, что они умеют вызывать дождь, и мрачно, но не без юмора расспросил их, каким образом они намерены действовать. Один из знахарей своими ответами сумел даже завоевать симпатии короля.

— Когда у нас пойдет дождь? — спросил Чака.

— Отец мой, сначала мне надо достать морской воды, а потом ветвь сахарного куста с Драконовых гор. Раздобыв их, я смогу встать на правильный путь.

— Таким образом ты выиграешь десять дней. Ну, что ж, тебе, конечно, потребуется для заклинаний много времени, потому что у моей старой тетки Мкабайи — она страдает подагрой — большой палец на ноге еще не болит. А по нему всегда можно знать, скоро ли пойдут дожди, — еще когда я был пастушонком, мы уже полагались на него. Надо тебе с ней познакомиться, и в тот день, когда она запустит тебе в голову свою клюку, ты сможешь возвестить народу, что готов вызвать дождь.

— О баба, — с укором произнес знахарь.

— Если через десять дней ни у кого не заболит палец на ноге, тебе, верно, понадобится еще рыба из реки Понголы и ресницы бегемота из реки Умзимвубу («Дом бегемотов»; расстояние между реками четыреста миль).

— Я думал кое о чем, что можно найти куда ближе к дому, отец мой, — в той самой реке, которая протекает мимо нас.

— Что же это такое?

— Белый крокодил, отец мой.

— Как? В этой реке и обыкновенные-то крокодилы почти не водятся, так откуда же возьмется в ней белый, о котором никто не слыхивал?

— Добыть его будет нелегко, отец мой, не легче, чем вызвать дождь в засуху.

— Ты отчаянный мошенник, но мне нравятся твои ответы. За словом в карман не лезешь, и это может спасти твою голову. Я извещу тебя, когда Мкабайи начнет бросаться разными предметами.

— Спасибо, отец мой, в нашей стране ты самый великий из тех, кто вызывает дождь.

Однако, разумеется, Чака не был свободен от всех суеверий своего народа, и затмение потрясло его. Он был уверен в том, что это предзнаменование, притом дурное, и требовал, чтобы Мг'алаан истолковал его.

Мг'алаан был одним из самых мудрых зулусов своего поколения и хорошо понимал, что имеет дело с человеком незаурядным. Не случайно с самого начала и до последних дней царствования Чаки он оставался его главным врачом в военное время и укреплял его силы в мирное. А ведь ему приходилось иметь дело с чрезвычайно требовательным властителем! Чака признавал во всеуслышание действенность различных колдовских чар и зелий, но наедине с Мг'алааном издевался над его усилиями и поощрял их только потому, что они оказывали сильное психологическое воздействие на войско, верившее знахарям.

Поэтому, когда Чака спросил Мг'алаана, как ему поступать после затмения, врачеватель сказал:

— Не мне говорить об этом, но старые люди уверяют, что, когда солнце умирает, как оно умерло сегодня, это дурной знак. Он служит предупреждением, что целый год не следует предпринимать ничего важного.

Чака недовольно заметил, что в таком случае его армию, которая бездельничает и живет за счет государства, нельзя будет послать за рубежи страны. По сообщению хрониста, Мг'алаан ответил, что для прокормления армии следует ввести налог скотом. Численность же войска необходимо увеличить, так как на севере энергично действует предприимчивый Сикуньяна, сын Звиде; надвигается буря.

— Пусть враг придет в твои владения, и здесь ты уничтожишь его, — посоветовал Мг'алаан.

Зулусские воины в 1848г. Рис. Ангаса, ок. 1848

— Твои слова мудры, Мг'алаан, и я поступлю по-твоему. Они идут бок о бок со словами Мдлаки и близки моим собственным мыслям, которые, правда, иногда омрачаются

при виде стольких праздных воинов. То, что я создал, желая достигнуть величия и могущества, ныне поедает меня. Мы поняли друг друга, и теперь ты можешь идти. Я не забуду, чем обязан тебе за сегодняшний день, — подожди, пока мы раздобудем скот и девушек.

— Баба! Нкоси! Ндабвзита! (Отец! Король! Славный властелин!) — сказал благодарный Мг'алаан.

Весь 1825 год зулусская армия не проводила крупных операций и большую часть времени оставалась в больших военных краалях. Замечательно, что в противоположность войскам Наполеона¹¹ она совершенно не знала заболеваний.

Только на равнинах севера, где распространена малярия, зулусское войско несло опустошительные потери. В тех местах свирепствовала и дизентерия. Однако после возвращения в страну зулусов оставшиеся в живых обычно быстро выздоравливали. Частично это объясняется тем, что на протяжении многих месяцев, пока длились оба неудачных похода на север, воины очень плохо питались. Временами им приходилось терпеть настоящий голод, и это сильно подрывало сопротивляемость организма. В последней же кампании Чаки, которая развернулась в 1828 году в здоровой местности (на территории нынешней Капской колонии), больных не было совсем, хотя в ней участвовало двадцать тысяч человек.

Постепенно Чака собрал в Булавайо и различных военных краалях тысячу двести молодых женщин, которых звал «сестрами». Народ обычно именовал это сообщество «Большим домом». В трех милях от Булавайо Чака построил себе специальный крааль для отдыха и развлечений и метко назвал его «Эм-Тандени», то есть «Мостом любви». Там жили специально отобранные им женщины.

Здесь царила Мбузикази Ц'еле — бурная любовь Чаки, самозванная королева гарема, хотя краалем в целом правила не она, а суровая представительница королевского дома — дальняя родственница Чаки. Чтобы поддерживать порядок среди королевских наложниц, требовалась твердая рука: хорошие условия жизни, относительная праздность и властный голос природы, особенно сильный в этих ее детях, заставляли их идти на невероятный риск, чтобы заполучить себе мужчину.

У сторожей гарема — их называли «глазеющие на луну» — забот был полон рот. Зулусы не слышали о евнухах, а если бы и услышали, то, конечно, сочли бы кастрирование людей возмутительной гнусностью. Но Чака нашел другой выход из положения: он выбирал в сторожа гарема самых безобразных мужчин своего государства. Однако эти калибаны¹² вскоре обнаружили, что охранять гарем от вторжения мужчин извне — еще не самое трудное. Чем лучше они выполняли свои обязанности, тем большую опасность представляли для них самих истосковавшиеся по мужчинам праздные женщины. Бывали случаи, когда страсть настолько завлакивала очи этих нимф гарема, что они забывали об отталкивающей внешности своих сторожей и с надеждой подумывали о том, что благодетельная природа, наверно, нашла способ компенсировать их недостатки.

Поручая охрану гарема этим безобразным созданиям, Чака допустил важную ошибку: они ведь тоже страдали, вынужденные подавлять свои страсти, так как за пределами гарема незамужние женщины большей частью избегали таких мужчин. Фигурально выражаясь, Чака одних снабдил пищей без воды, а других — водой без пищи. Такое положение неизбежно вело к обмену. К тому же некоторые женщины гарема соблазняли сторожей, чтобы за эту взятку получить доступ к своим настоящим любовникам. Этим и бесчисленными другими способами находчивые наложницы почти всегда находили возможность перехитрить тугодумов-охранников.

Обычно женщин гарема разделяла смертельная вражда, вызванная большей частью ревностью, но в одном они неизменно стояли друг за друга: когда надо было скрыть вину

товарки. В дневное время они пользовались относительной свободой: им разрешалось покидать крааль, чтобы принести воды, выкупаться или собрать топлива, не говоря уже об отправлении естественных нужд. Однако мужчинам под угрозой немедленной казни запрещалось заходить на участки, где они бывали. Следует подчеркнуть, что зулусские женщины обычно отличаются воздержанностью и, только попав в гарем (сераль) и совершенно лишившись мужского общества, годам к двадцати пяти начинали бунтовать. Чака же мог удовлетворить не более двенадцати и уж никак не тысячу двести женщин.

Натаниэль Айзекс, высадившийся в Порт-Натале после крушения брига «Мэри» 1 октября 1825 года, оставил дневник, где рассказывает о своем шестилетнем пребывании в стране зулусов. Ему было разрешено посетить гарем, но он чувствовал себя там неловко. Айзекс подтверждает показания зулусского хрониста о буйном характере гаремных женщин.

«Они окружили меня и принялись внимательно рассматривать, не считаясь с тем, хочу я того или нет, не думая о короле, который немедленно предал бы их казни, если б увидел в этот момент. Впрочем, женщины были очень осторожны — они знали, когда могут вольничать безнаказанно».

Чака имел обыкновенное время от времени посещать Эм-Тандени. В эти периоды все, у кого были тайные связи, действовали с предельной осторожностью. Король же развлекался со своими фаворитками, и прежде всего с Мбузикази Ц'еле, которая умела заставить его забыть все на свете. Мбузикази обнаружила, что обладает особым очарованием и умеет удерживать Чаку, как это удавалось Клеопатре с Цезарем и Марком Антонием.

Однако, хотя Мбузикази возбуждала чувственность Чаки, в сердце его продолжала безраздельно царить Пампата. Она никогда не утомляла его, в то время как Мбузикази надоедала ему после одного или двух бурных дней. Предпочтение, которое неизменно отдавал Чака Пампате, отравляло существование Мбузикази: она хорошо знала, что, хотя и вызывает в нем вожделение, теряет свое влияние, как только он насытится. Правда, Чаке доставляли удовольствие реплики, срывавшиеся с ее острого язычка, ибо она умела браниться, как никто другой, и буквально уничтожала своими насмешками остальные лилии гарема. Ее не любили и боялись настолько же, насколько любили Пампату.

Занимая положение первой фаворитки, Мбузикази не щадила никого, даже Пампату. Ее побаивался и Мбопа, так как она не стеснялась сказать любому мужчине, что она о нем думает. В одном отношении, однако, она отличалась чрезвычайным «благородством»: хранила как могла тайны «сестер», виновных в неверности, хотя это могло стоить жизни ей самой.

Рассказывают, что, встретив однажды в Булавайо Пампату, Мбузикази гневно оглядела ее с головы до ног и прошипела:

— Не понимаю, что нашел наш король в такой пресной старой суке с самодовольной рожей?! Это выше моего разума. В твоём стареющем теле нет ничего, что могло бы хоть отдаленно сравниться с моим. Когда же ты раскрываешь рот, то оказывается, что у тебя нет собственного мнения и ты только повторяешь покорно чужие слова. Затем, с присущей тебе хитростью со множеством «но», ты медленно выворачиваешь эти суждения наизнанку, пока люди не уходят в направлении, обратном тому, откуда пришли. Тебе это, может, и кажется умным, я же называю это обманом... Почему ты молчишь, или ты глухонемая, да еще и дура в придачу, как можно заключить по твоей идиотской ухмылке?

Пампата продолжала кротко улыбаться и покачала головой. Она не смогла бы, даже при желании, найти лучший способ усилить ярость Мбузикази. Вокруг участниц этого странного поединка собралась толпа гаремных женщин. Они знали, что их любимица пустила в ход единственное свое оружие, способное остановить эту лавину желчи — а именно молчание и улыбку.

— Всякий раз, как я вижу твое лицо, меня тошнит, — продолжала Мбузикази. — Тебе следовало зваться «Рвотным». Как ты знаешь, это слово означает также «рыба».

Ты так же разговорчива, как рыба, и гораздо холоднее ее. Настолько холодна, что, прикоснувшись к тебе, всякий мужчина перестанет быть самим собой — его мужские качества замерзнут. Пампата продолжала молча улыбаться. Тогда разъяренная Мбузикази стала кричать и рвать на себе волосы и убежала, осыпая свою невозмутимую соперницу градом отборной ругани.

После этого Чака в целях поддержания мира решил отправить Мбузикази в Эм-Тандени, где, как он знал, она сумеет быстро занять первенствующее положение в гареме. Так и вышло!

Глава 21 Возвращение англичан

Первого октября 1825 года бриг «Мэри» потерпел крушение у входа в Порт-Натал (Дурбан). На борту его находились лейтенант королевского военно-морского флота Кинг и мальчик-шотландец Джон Росс. Большая часть груза и все медикаменты погибли.

Матросы собрали остатки брига, подобрали в лесу подходящие деревья и под руководством плотника Хаттона немедленно принялись строить новое судно. Однако, прежде чем пустить материалы в ход, надо было дать им высохнуть. Всего на сооружение барка, названного «Чака», ушло почти три года. Такая проволочка частично объяснялась тем, что матросы принимали участие в походах и охотах Чаки.

Среди матросов начались болезни, а лекарств у них не было. Ближе всего медикаменты можно было достать в португальском поселении в бухте Делагоа. Взрослые были очень заняты и решили послать туда Джона Росса. Мальчику в это время едва исполнилось четырнадцать лет.

Расстояние от Дурбана до бухты Делагоа — триста миль по прямой и не менее четырехсот миль по извилистому маршруту, который должен был избрать Росс. Путь этот пролегал по местности, изобиловавшей дикими зверями и за пределами страны зулусов лишенной даже троп туземцев. Мальчику предстояло пробираться через лесистую страну, по которой были рассеяны враждебные племена и бродили банды свирепых разбойников, оставшихся здесь после опустошительных походов на север Сошангаана, Звангендабы и Нк'абы.

Направляясь в бухту Делагоа, юный Росс сделал остановку в ставке Чаки и посетил короля. Чака принял его радушно. Велико было удивление вождя, когда он услышал, что этот ребенок пустился в такое рискованное путешествие в сопровождении всего только двух слуг из числа местных жителей. Слуги же успели твердо уверовать в способность европейца, пусть даже мальчика, оградить их от всяких бед!

— Мамо! — воскликнул пораженный Чака. У него есть печень (то есть смелость)! Но что может сделать одна только смелость, когда храбрецу угрожает столько опасностей?

Преисполненный благородного восхищения Чака предоставил Россу охрану из двух рот воинов и подарил ему десять пар слоновых бивней для менового торга с португальцами. Кроме того, он послал вперед гонцов с приказом снабдить Росса и его отряд продовольствием, а также быками на убой. Прощаясь, король дал командиру охраны подробные инструкции относительно того, каким путем вести экспедицию, а затем обратился к Россу:

— Как бы ты преодолел все эти трудности без моей помощи?

На это Росс ответил:

— Моей головой, моим сердцем и моим ружьем. На протяжении двух месяцев Росс и приданный ему отряд действительно встретили и преодолели множество опасностей. На них нападали дикие звери, а также враждебные племена, действовавшие за пределами государства Чаки.

Когда Росс наконец предстал перед португальскими колонистами в бухте Делагоа, они едва поверили своим глазам и даже отнеслись к нему с подозрением, считая, что ни одному христианину не придет в голову отправить мальчика его возраста в такое ужасное путешествие, да еще в окружении воинов-дикарей. Сначала они решили, что мальчик этот — разведчик, засланный вперед одной из армий Чаки. Но Росс и командир отряда убедили их в мирном характере экспедиции, и португальцы подарили мальчику нужные ему лекарства. Два слоновых бивня из тех, что послал Чака, они приняли в дар, а остальные выменяли на бусы. Так мужественный подросток выполнил данное ему поручение. Вернувшись в Булавайо, он с благодарностью сообщил об этом Чаке, подчеркнув, что своим успехом всецело обязан ему.

— Нет, не так, дитя белого человека, — ответил растроганный король, — Мое сердце согрела твоя храбрость. Именно она заставила меня дать тебе подходящий щит и клинок, без которых твоя попытка была бы безнадежной. Зная, какие опасности подстерегают тебя, как мог я допустить, чтобы ты шел дальше один? Сердце мое истекло бы кровью, ибо, хотя смерть множества обыкновенных людей оставляет меня равнодушным, гибель одного смелого мужчины для меня горе. А ты теперь мужчина, хотя и с телом мальчика.

После ухода Росса Чака сказал придворным:

— Если у них такие дети, то каковы же мужчины! Не удивительно, что они не страшатся волн океана, которые вселяют ужас в сердца даже самых отважных наших воинов. Правда, мы страшимся только того, чего не знаем, но белые люди не страшатся и этого.

Подвиг отважного мальчика ничем не увековечен. Почти рядом с путем, которым он шел, проходит теперь большая дорога, ведущая из Дурбана в бухту Делагоа, через Свазиленд. Неужели это шоссе нельзя было назвать в честь героического мальчика? Чака же не в пример соотечественникам Джона Росса оказался на высоте положения и вел себя по отношению к нему очень благородно. Зулусы славят Джона Росса как героя.

В то время, когда Джон Росс посетил Чаку, король был в очень дурном настроении, хотя это не помешало ему оказать мальчику дружелюбный прием. Полководца тревожила праздность тридцатитысячной армии, которая «поедала его». Король мрачно поглядывал на своих советников, всякий раз как встречался с ними. Ему было противно видеть, что у многих из них в благодатной обстановке Рах зулу — мира Чаки — выросло солидное брюшко.

— Даже я сам, — жаловался он, — становлюсь похож на только что забеременевшую женщину. Что до вас, то, за исключением Мгобози и Мдлаки, все вы уже на восьмом месяце.

Король решил пройти форсированным маршем через все свое государство. Советников должны были сопровождать палачи, которым вменялось в обязанность убивать отстающих. После похода он назначил армейские учения.

Чака без промедления двинулся в путь. За ним следовали его советники и генералы, для которых его решение явилось громом с ясного неба. Мбопа едва успел отдать нужные приказания герольдам, спешившим впереди короля, а также палачам и полку Фасимба, сопровождавшему двор, и последовал за своим царственным господином. Мгобози тоже участвовал в походе. Только Мдлаке было приказано остаться в королевском краале и заниматься в отсутствие короля всеми государственными делами.

Чака указывал путь своей свите, двигавшейся гуськом, и не шел, а скорее бежал

вприпрыжку со скоростью почти пяти миль в час. Каждый его советник имел при себе традиционный посох, без которого не путешествует ни один зулус. Сзади шли два зловещих армейских «истребителя отстающих», вооруженных ассегаями с широким клинком и щитом. Шествие замыкал полк Фасимба. Впереди же короля мчались герольды и отряд охранения.

Проходил час за часом, а Чака не замедлял шаг, сохраняя все тот же стремительный темп. Хотя дело было поздней осенью, он сильно потел, с толстых же советников текли целые ручьи пота. В эту ночь светила полная луна, и король неугомонно продолжал марш до холодных высот Нкандлы.

Палачи следовали за советниками молча и неотвратно, как смерть. В полночь был сделан короткий привал у речки, и все утолили жажду, но пили понемногу, зная, чем грозит невоздержанность. Напившись, все присели на землю и съели несколько ложек kota — неизменной пищи воинов. К этому времени все советники были еще налицо.

Затем изматывающий марш возобновился. Мимо леса Нкандлы, гор Эталени, пока не показалась гора Хлазакази на берегу реки Баффало. На рассвете Чака дал отдых своим спутникам. Было пройдено свыше шестидесяти миль. Переключка показала, что отсутствуют только двое советников, но у всех остальных был изможденный вид. Даже король и Мгобози выказывали признаки утомления. Чака осмотрел придворных и сказал, что они оказались выносливее, чем он предполагал, и заслужили длительный отдых. Все улеглись и заснули. Солнце стояло уже высоко, когда марш возобновился.

Так они двигались целых шесть дней, делая в среднем по пятьдесят миль в день. Чака проинспектировал все военные краали, лежавшие у него на пути. Когда он наконец вернулся в Булавайо, все советники и старшие офицеры снова обрели стройность: триста миль, пройденных форсированным маршем при ограниченном питании, сотворили чудеса. После первой ночи совет больше не понес потерь.

Не успел Чака вернуться в ставку, как приказал Мдлаке сформировать дивизию из семи полков и отправиться с ней к Табе Босиу, на помощь Мшвешве (Мошешу), королю басуто, которого теснил Мативаан со своими нгваанами. Чака хотел также показать матабеле, что они не смеют вторгаться в эту область, которая находится под его защитой.

Мудрый государственный деятель Мшвешве понял, что окажется зажатым между нгваанами во главе с Мативааном и другими ордами переселенцев, не говоря уже о матабеле под командованием Мзиликази, которые тоже появились в этих местах. Он предпринимал отчаянные попытки объединить остатки многочисленных племен басуто. Ядром этого объединения служила его грозная твердыня Таба Босиу (Гора ночи).

Находясь в безвыходном положении, Мшвешве обратился за помощью к Чаке и предложил королю зулусов, чтоб он «набросил на него свое одеяло», то есть стал его сюзереном.

Для начала Мшвешве отправил в подарок Чаке страусовые перья. Его посланцы пронесли эти дары по почти непроходимой горной местности в глубине Басутоленда, затем перевалили через Драконовы горы, достигающие высоты одиннадцати тысяч футов, и прошли через проход Ндидимени, воспользовавшись тем, что в 1822 году зулусы очистили окружающую местность от воинов Мативаана.

Но больше Мшвешве перьев не посылал и сообщил Чаке, что виной тому — действия Мативаана и его банд. Поставки возобновятся, если зулусский король возьмет его под свое покровительство. Тогда-то Мдлака и получил от Чаки приказ: идти к Табо Босиу. По прямой расстояние от зулусской столицы до этой горы составляло четыреста миль, но ведь и среди птиц мало таких, которые летают через горные хребты высотой свыше десяти тысяч футов. По земле расстояние составляло пятьсот миль. Путь пролегал через проход, названный ныне по имени ван Ренсна, современные города Харрисмит, Фиксбург и Ледибранд.

Перевалив через Драконовы горы, войско Мдлаки ощутило суровый зимний холод горной страны. Однако воины несли с собой кожаные одеяла и кароссы и вели с собой достаточно быков на убой.

В составе экспедиции находились сводные братья Чаки — Дингаан и Мхлангана. Король считал, что Дингаан становится чересчур изнеженным и тучным, и, к крайнему неудовольствию последнего, отправил его в поход.

В Ликхуле, неподалеку от Ледибранда, произошло первое столкновение войск Мдлаки с нгваанами Мативаана. Вторая битва разыгралась при Колоньяме, где Мдлака захватил весь скот нгваанов — Мативаану пришлось бросить его, чтобы спасти свою шкуру. Однако этим он только выиграл время: зулусы продолжали преследовать его по пятам, пока он не переправился через реку Оранжевую у Аливал Норта. Тут Мдлака решил, что пора ему вернуться, ибо он отдалился на шестьсот миль от своей базы. На обратном пути он нанес дружественный визит Мшвешве в его крепости Табе Босиу и заверил короля басуто, что Чака и дальше будет оказывать ему покровительство.

Эта демонстрация военной мощи зулусов действительно уберегла Мшвешве от новых серьезных посягательств, и он смог создать нацию басуто. Позднее, правда, для его государства возникла угроза со стороны белых, но посредством хитроумной дипломатии Мшвешве сумел успешно пройти между Сциллой и Харибдой, в лице британцев и буров. Народ его и поныне живет в полунезависимом государстве Басутоленд, которое является британским протекторатом¹.

Говорят, что Дингаан и Мхлангана вернулись из похода с почетными шрамами от ран, что и объясняет снисходительное отношение к ним сводного брата, так как храбрость всегда служила ключом к сердцу Чаки.

Примерно в это время умерла Мтанийя — бабушка Чаки, дочь Маньелелы из клана Сибийя, которой было не то девяносто, не то сто лет. Чака очень горевал, и весь его народ в течение месяца соблюдал траур. Около двадцати человек были казнены за то, что не проявили достаточной скорби или нарушили запрет бриться и стричься.

Фин рассказывает, как велика была привязанность Чаки к бабушке. «Чака поручил мне лечить его бабушку, которая была серьезно больна дизентерией и лихорадкой. Я отправился к ней. Старухе было уже около восьмидесяти лет, а потому я не видел никакой надежды на выздоровление и прямо сказал королю о своих опасениях. Тогда он велел мне надеть на нее белую рубаху. Я так и поступил. После этого он горько зарыдал. Переводчик Джекоб сказал мне, что Чака очень любит свою бабушку. Навещая ее, король часто промывал ей глаза и уши, из-за ее преклонного возраста находившиеся в плачевном состоянии. Он сам подрезал ей ногти и вообще обращался с ней, как отец с дитятей. Нам было трудно поверить, что этот, казалось бы, черствый человек мог проявлять такую любовь и внимание к другим. Однако дальнейшие наблюдения убедили нас в этом».

Когда лейтенант Феруэлл и Г. Ф. Фин вскоре после смерти бабушки Чаки явились к нему, чтобы выразить свое соболезнование, король спросил их, нельзя ли приобрести эликсир, продлевающий жизнь. В то время матери его Нанди было уже около шестидесяти лет, волосы ее редели и седели, и Чака опасался, что годы отберут у него и ее.

Фин, который мог теперь объясняться с ним без помощи переводчика, ответил, что эликсира жизни у европейцев нет, но они обладают средствами для восстановления шевелюры и краской, способной вернуть волосам их цвет. Фин говорил по-зулусски еще не вполне свободно. Возможно, что Чака неправильно понял его, потому что он ухватился за такую возможность и воскликнул. «Как видно, это и есть эликсир жизни! Добудь мне восстановитель волос, и если он оказывает на тело такое же действие, как на волосы, — а я прикажу натереть им все тело моей матери, — ты сможешь потребовать себе любую награду. Даже если захочешь получить половину скота страны зулусов или все слоновые бивни —

они будут твоими».

Есть версия, что Фин поддерживал веру короля в средство для ращения волос, руководствуясь низменными мотивами. Возможно, однако, что после того как Фин упомянул об этом средстве, а король неверно представил себе его возможности, Фин оказался в безвыходном положении. Если бы он попытался рассеять иллюзии короля, тот мог бы заподозрить белого в том, что он не хочет предоставить в его распоряжение чудодейственное лекарство. А перечить Чаке было опасно.

Как бы то ни было, Фин и его товарищи были вынуждены приложить все усилия, чтобы раздобыть бутылку восстановителя. Чака же предавался мечтам о том, какие перемены вызовет это средство в его матери и в нем самом.

Перспектива получения «эликсира» бесспорно принесла огромные выгоды всей колонии белых. Чака оказывал им всяческое содействие, особенно в строительстве нового барка. Он должен был доставить по назначению заказ на восстановитель, если, конечно, до его спуска на воду в гавань не зашло бы другое судно.

Эмкиндини — крааль Нанди — находился всего в трех милях от Булавайо и в двух от Эм-Тандени, и Чака частенько отправлялся к матери. Обретя надежду на получение «эликсира», Чака радостно поспешил к Нанди.

— Сакубона, маме! (Привет тебе, мама!) — воскликнул он. — У меня для тебя великая новость. До сих пор при всем своем могуществе я не мог помешать годам постепенно съесть тебя. Но теперь белые люди достанут мне волшебное зелье, которое снова сделает твои седые волосы черными. А там, где волосы поредели или выпали, они станут расти вновь. Это так. Потом мы натрем этим зельем все твое тело, на которое оно подействует так же благотворно, как на голову. И тогда ты снова станешь молодой и крепкой и проживешь много дольше обычного. Я тоже воспользуюсь этим средством, когда придет время.

Нанди поблагодарила сына, но весьма прохладно отнеслась к обещанию долголетия. И когда Чака спросил ее, чем она недовольна, снова завела разговор о браке. Чака выдвинул свои обычные аргументы в защиту холостяцкой жизни. Поняв, что у нее так и не будет внучат, Нанди расплакалась. Чака пытался утешить ее, но она еще больше рассердилась и упрекнула его за нелепое стремление держать в затворничестве тысячу молодых и неудовлетворенных женщин. Свою тираду она закончила смертельным оскорблением.

— Иногда, — многозначительно сказала она, — я думаю, что, когда пастушата насмехались над тобой, они, может быть, не так уж ошибались. А вдруг тебе и верно не хватает мужских достоинств?

Стрела попала в цель — Чака все еще страдал от этих насмешек. На мгновение лицо его исказилось от ярости.

После длительной паузы он стал прощаться:

— Будь здорова, мама, и не печалься.

— Счастливого пути, сын мой, — ответила Нанди и долго глядела ему вслед.

Вскоре, словно в ответ на оскорбление, Чака неопровержимо доказал, что он настоящий мужчина: Мбузикази забеременела. В этом не было ничего странного, за исключением того, что беременность наступила так поздно. Мбузикази с самого начала решила во что бы то ни стало родить Чаке ребенка, но он с такой же решимостью принимал все предосторожности, чтобы не иметь детей. В конце концов победила Мбузикази. И когда на третий месяц фаворитка «не пошла к реке», и сама Мбузикази и представительница королевского дома, управлявшая краалем Эм-Тандени, знали, чего им ждать, и немедленно послали секретное донесение Нанди.

Королева-мать пришла в восторг. Она знала, что, какими бы недостатками ни страдала эта женщина с вулканическим темпераментом, она сохраняла верность ее сыну. Труднее было убедить в этом Чаку. За последнее время он стал подозревать весь гарем и заявил, что убьет любую из своих женщин, которая забеременеет. Он не допустит, чтобы в его гнездо подбрасывали чужих птенцов. Чака утверждал, что при тех мерах предосторожности, которые он принимает, ни одна женщина не может забеременеть.

Нанди не решалась выяснить, относится ли это заявление к Мбузикази, так как Чака не любил говорить на эту тему и легко раздражался. Сама же молодая женщина утверждала, что ей несколько раз удавалось сломить железную волю Чаки; Нанди верила ей и не ошибалась.

Мечтая стать бабушкой, Нанди решила действовать наверняка. Она сделала все необходимое для того, чтобы увести Мбузикази от Чаки, как только состояние ее станет заметным. К счастью, Мбузикази оказалась одной из тех женщин, на внешнем виде которых беременность отражается очень мало, да и то лишь к концу.

Характер молодой женщины вскоре резко изменился. Она стала ласковой, как кошка, что очень удивляло окружающих. Это не входило в планы Нанди: ей нужно было, чтобы Мбузикази устроила Чаке сцену ревности, тогда Нанди выступила бы в роли защитницы и забрала фаворитку в крааль Старый Эмкиндини. Крааль этот находился далеко, и во главе его стояла Номц'оба — единственная дочь и доверенное лицо королевы-матери.

Нанди пришла в замешательство, но благодетельная природа неожиданно пришла ей на помощь. Почувствовав первые толчки ребенка, Мбузикази стала такой плаксивой и скучной, что надоела королю, и он предписал ей длительный отдых. Это было на руку Нанди.

Когда пришло время, Мбузикази родила мальчика.

К восхищению Нанди, он необычайно походил на Чаку, когда тот был младенцем. Мбузикази было разрешено покормить свое дитя всего несколько раз, чтобы увеличившаяся грудь в дальнейшем не выдала ее, а к ребенку взяли кормилицу по имени Номагвебу. Нанди часто приходилось отрываться от внука, что было для нее всего труднее, и возвращаться в свой крааль, но кроме нее в краале Старый Эмкиндини жили Мбузикази и Номц'оба, так что ребенок всегда был окружен любовью и вниманием.

Вскоре после этого Чака перенес свою резиденцию в Дукузу (современный Стейнджер), от которого было в два раза ближе до Порт-Натала, чем от Булавайо (он сделал это для удобства общения с белыми). Нанди не смогла удержаться от соблазна и перевезла ребенка в свой собственный крааль — Новый Эмкиндини. Там она могла нянчить внука, сколько ее душе было угодно, хотя при этом постоянно пребывала в тревоге, ибо, несмотря на разработанную ею систему оповещения, никто не мог сказать с точностью, когда именно навестит ее король. На всякий случай было объявлено, что это ребенок Номагвебу, хотя многим казалось немного странным, что Нанди и Мбузикази столько с ним возятся.

Глава 22 Смерть воина

Однажды в начале октября 1826 года Чака сидел в Булавайо, окруженный своими советниками. Он сокрушался о том, что нация, лишенная такой тренировки, как война, вырождается. Но вдруг перед ним предстал гонец. Воин задыхался от усталости и был весь в поту. Он принес волнующую весть о том, что все войско возрожденной северной конфедерации ндвандве во главе с Сикуньяной приближается к границе. Вместе с ним движутся женщины и гонят скот, так как Сикуньяна намерен отвоевать владения ндвандве,

утраченные отцом его Звиде.

Чака пришел в восторг и немедленно отдал приказ о всеобщей мобилизации. Затем он вызвал из округа Мфуло своего главного военного врачевателя Мг'алаана, чтобы тот провел опрыскивание воинов. Кроме того, король хотел поблагодарить его за правильное предсказание действий Сикуньяны — наследника Звиде.

По сообщению Фина, Мг'алаан «обработал» более сорока тысяч воинов: из них тридцать тысяч состояли на действительной службе, а остальные, получившие в свое время разрешение на брак, находились в запасе. Обработка знахарскими зельями обязательно, притом немедленно, давала нужные результаты (разумеется, по убеждению зулусов). В данном случае она и в самом деле имела успех. Не успела еще армия выступить в поход, как врага охватил трепет, и он отошел на расстояние по крайней мере двух дней марша. Как ни странно, Чака узнал об этом благодаря доброму предзнаменованию — настоящему дождю из цветочных лепестков. Разумеется, только сам Чака мог так истолковать это знамение. Айзекс сообщает, что он и товарищи его — европейцы — сидели на земле перед входом в хижину Чаки, как вдруг заметили, что с кустарника, росшего поблизости, слетело множество белых цветочков. Лепестки носились в воздухе над всем краем, пока задувший ветерок не унес их вдаль.

«Король попросил нас объяснить это явление, но, увидев, что мы в растерянности, сказал: „Это знак того, что враг отступил“. Пока мы с ним беседовали, прибыл гонец, подтвердивший этот факт.

В ставку Чаки был срочно вызван „английский отряд мушкетеров“. Он состоял из всех белых, поселившихся в Порт-Натале, и находившихся там моряков. Отряд получил указание ни в коем случае не оставлять в тылу свою волшебную палатку, не говоря уже о громобоях (большая часть ружей нуждалась в ремонте, к тому же не хватало пороха). „Ага! — воскликнул Чака, увидев, что белые разбили палатку. — Если уж это не заставит ндвандве оцепенеть от страха, то, значит, они ничего не боятся. Впрочем, я уверен, что победа будет легкой“. Он был до такой степени убежден в эффективности палатки, что тут же отпустил „отряд мушкетеров“, освободив его от дальнейшей службы. Европейцы побрели обратно в Порт-Натал, и только Фин отправился с Чакой и участвовал в великой битве при Ндодолваане».

Чака шел в авангарде главных сил, Нзобо и Ндлела командовали флангами. Вторую, меньшую часть войска он подчинил Мдлаке. Мгобози находился подле Чаки. Войска проходили в среднем сорок миль в день. На низменных равнинах зулусы страдали от жары, жажды и пыли, а во время ночных привалов на возвышенностях нынешнего округа Врейхейд дрожали от холода.

Таким образом, войскам пришлось в течение нескольких суток испытывать большие лишения, пока наконец они не достигли реки Понголы и не перешли ее вброд. Эта река считалась северной границей собственно государства зулусов. Далее воины направились к реке Эм-Томбе и расположились на отдых в лесу, устроив себе из веток, покрытых листьями, удобные заслоны от ветра. Поблизости стояли, как близнецы, два холма: Ндололваан и Нц'ака. На склоне первого, почти у самой скалистой вершины, выстроилось войско ндвандве, выше находился скот, еще выше — женщины и дети.

На следующий день, вскоре после восхода солнца, Чака и его штаб тайно вышли из леса и с целью рекогносцировки поднялись на холм Нц'аку. Чака быстро убедился, что шпионы его не преувеличивали, донося о чудовищной мощи и численности врага. Ему необходимо было противопоставить такое же чудовищное по силе наступление. Сикуньяна избрал очень сильную позицию, которую нельзя было обойти ни с флангов, ни с тыла. Из находившихся с ним сорока тысяч человек, по словам Фина, не меньше половины составляли воины, ибо Сикуньяна взял с собой не всех женщин и детей. С Чакой же было свыше

двадцати тысяч воинов, не считая у-диби, и столько же вел Мдлака, так что общая численность зулусской армии достигала сорока тысяч человек. Однако Мдлака находился далеко на северо-западе, осуществляя охватывающий маневр.

Вернувшись после полудня из разведки, Чака собрал зулусские полки и обратился к ним с вдохновенной речью. Он рассказал о том, что увидел у врага и чего ожидает от своих людей, и предложил добровольцам проложить путь сквозь сомкнутые ряды противника.

Мгобози, который в это время осматривал ряды воинов, не мог, конечно, упустить такую возможность броситься в самую гущу боя. Брайант пишет: «Тут из рядов выбежал Мгобози, этот храбрец, не имеющий себе равных. Он яростно, словно безумный, запрыгал, дико размахивая щитом и нанося копьем направо и налево смертельные удары невидимым врагам. На местном наречии вся эта дикая жестикуляция именуется гийя. Очистив поле боя от воображаемого противника, он остановился, широко расставив ноги, и, с трудом переводя дыхание, обратился к собравшимся: „Так копье мое проложит мне путь сквозь ряды врага, и я либо выйду ему в тыл, либо погибну. Так должны поступить все мы ради отца нашего"».

Все слышали эти слова Мгобози, и Чака не мог не поддержать своего любимца, иначе честь последнего была бы затронута. Однако король очень встревожился за своего старого друга.

Примеру Мгобози последовали другие храбрецы. На следующий день они должны были пробить брешь в строю противника и вдохновить своим подвигом остальных воинов.

В этот вечер Чака, Мгобози и Нг'обока, вождь сокулу, сидели втроем у небольшого костра и вели беседу. Чака был молчалив и печален. Он был уверен, что на следующий день Мгобози погибнет, но не мог спасти друга. Мгобози сказал королю:

— Отец мой, все мы рано или поздно умрем, и если настал мой час, ничто не может отдалить его. Лучше, гораздо лучше пасть, когда радость боя наполняет сердце, чем подохнуть в краале от старости или как больной бык. Я жил с копьем в руках, от него и погибну. Это смерть, достойная мужчины. Ты не лишишь меня ее, ведь ты не только отец, но и друг мне.

— Нет, Мгобози, но мне тяжело расставаться с тобой. Чака послал за пивом и, отпив немного, передал горшок Нг'обоке.

— Нам много не нужно, — сказал он. — Сегодня ночь Мгобози.

— Нобела предсказала мой конец, — весело болтал неумный Мгобози, — а она кое-что знала. В последний миг она поняла, что мне не по сердцу такая жестокость, как вбивание кольшквов, что я за быструю казнь. Впервые в жизни я заметил, что взгляд ее смягчился, и она посмотрела на меня, как мать. Потом она сказала, что мне нечего бояться, что я умру самой славной и завидной смертью, какая только возможна в стране зулусов, и буду осыпан почестями. А еще она сказала, что духи предков царствующего дома зулусов устроят большой праздник в честь меня, своего приемного сына, и позаботятся о том, чтобы я приятно проводил время в преисподней.

Затем Мгобози совершил необычный поступок: опорожнив очередной горшок с пивом, он отказался приняться за следующий.

— Нехорошо будет, если «ребята» увидят меня «пасущим коз» накануне битвы. К тому же благодаря щедрости моего отца я полон пивом до самой глотки. Да и не следует засиживаться в гостях дольше, чем это приятно хозяину, а я знаю, что отцу моему надо остаться наедине со своими мыслями и обдумать, как нам действовать завтра. Я жду его приказания.

— Счастливого пути, Мгобози С Холма! Счастливого пути, сын клана Мсане, который так хорошо обучал мои полки! Ты был мне самым дорогим другом.

— Счастливо оставаться, отец мой. Счастливо оставаться и тебе, вождь сокулу. — С этими словами Мгобози удалился во мрак ночи и пошел к себе спать.

Чака и Нг'обока молча поглядели ему вслед. Говорить им было не о чем, каждый и без слов знал мысли другого.

Ндженгабанту Эма-Бомвини и вождь Сигананда Ц'убо, который в качестве личного у-диби Чаки участвовал в великой битве, разыгравшейся на следующий день, рассказывают о ней следующее.

В первой же схватке Мгобози и многочисленные воины, энергично помогавшие ему, врезались клином в строй ндвандве. Натиск их был настолько яростным, что они прорвались сквозь всю толщу войск противника, включая и полки ветеранов, находившиеся в тылу. Выполнив таким образом свою задачу, они очутились перед огромной скалой, какие часто встречаются на верхушках крутых холмов. Когда-то они и отделились от этих верхушек. Когда ветераны ндвандве ринулись на зулусов, Мгобози и его отряд смельчаков встали спиной к скале. Они едва успели передохнуть, как ндвандве сблизилась с ними, и начался бой невиданной жесточенности. Ветераны ндвандве были страшно разъярены, так как узнали Мгобози, убившего в битве на холме Г'окли большинство их принцев.

Мгобози был в наилучшей форме. Правда, он получил уже несколько ран, но они не задели кости, и он почти их не замечал. Отрезанный от зулусского войска, буквально прижатый к стене, он вместо обычной своей слепой кровожадности стал проявлять рассудительность, быть может, потому что чувствовал ответственность за «ребят», которые последовали за ним. На этот раз он вел себя как настоящий командир на поле боя и построил своих воинов в плотный полукруг, замкнутый скалой. Так они встретили атаку ндвандве. Воины блестяще действовали копьем, недаром они были знаменитыми удалцами, и Мгобози ворчливо выразил свое одобрение им. Первый натиск противника разбился об жесточенную оборону зулусов. Ндвандве отошли. Тогда Мгобози подтянул полукруг ближе к скале, чтобы заполнить бреши в своем строю. Эта пауза совпала с затишьем на участке, где действовали главные силы.

Немного передохнув, Мгобози закричал, обращаясь через головы ндвандве к основной массе зулусов, которая находилась менее чем в ста ярдах от него:

— Мы тут взяли быка за яички. А вы колите его в грудь!

«Ребята» Мгобози, находившиеся впереди, узнали голос своего любимого учителя. В ответ на эту типичную для него тираду послышался восторженный рев, и схватка возобновилась.

— Сигиди! — заорали зулусы впереди.

— Сигиди! — откликнулись, как эхо, Мгобози и воины его маленького отряда.

— Нгадла! Нгадла! (Я поел! Я поел!)

Торжествующие крики воинов, наносящих смертельные удары, были теперь единственными членораздельными звуками, которые не заглушались шумом битвы. Топот ног, стук и треск сталкивающихся щитов, глухие удары копий, сопровождающиеся стонами умирающих, сливались в неопишемую какофонию. Она вздымалась над морем колышущихся перьев, которыми были украшены головы сорока тысяч отчаянно бившихся воинов.

Полукруг героев во главе с Мгобози зловеще сжимался по мере того, как воины падали по обе стороны от своего командира. Но прежде чем расстаться с жизнью, они производили страшные опустошения в рядах противника, и больше всех — сам Мгобози, у которого теперь кровь лилась из многих ран. Он молчал, стараясь сберечь силы.

Бой сменился новым затишьем. Как и вторая схватка, оно продолжалось гораздо

дольше первого.

Из отряда Мгобози уцелело только шестеро, включая его самого. Все они были тяжело ранены. Отдышавшись, он принялся хвалить своих товарищей.

— Ну и бой! — хрипло воскликнул он. — Вот чего я всегда хотел. — Затем добавил, усмехнувшись: — Не худо бы сейчас выпить горшок пива. Я мог бы осушить его залпом. Это было бы неплохое прощание с жизнью, ведь в следующей схватке мы все станем есть землю. Для нас не взойдет больше солнце, но я во всяком случае не жалею об этом. Я жил с копьем в руке, от копья и умру. Так оно и будет. Посмотрите, какую «циновку» из тел мы себе приготовили. Это ложе, достойное короля, и вы все — короли. Наши враги тоже мужчины и хорошо бились, но им не очень-то хочется опять схватиться с нами, хоть нас теперь и немного и нет ни одного, кто не был бы изувечен. Затишье было долгим. Мгобози и его раненые товарищи тяжело опирались на щиты. В двенадцати ярдах от них стояли враги, глядевшие на них со смесью ненависти и восхищения.

— Отец мой, мы с радостью умрем вместе с тобой. Кто же захочет жить без тебя? — сказал Машайя (Наносящий удары).

— Спасибо тебе, Машайя, — ответил Мгобози. — Твои слова вкладывают камень в мой желудок, потому что мне не хотелось тащить вас на верную смерть. А теперь, дети мои, давайте попрощаемся. Враги начинают шевелиться и скоро ринутся на нас. Это будет наш последний бой. Пошлем через их головы прощальные слова нашим братьям — и пусть это будут слова ободрения, так как еще один удар заставит быка ндвандве опуститься на колени. А затем восхвалим нашего короля. Больше я ничего не скажу, дети мои, ибо чувствую, что меня охватывает бешенство боя, и весь мир уже кажется мне красным, как та кровь, что льется из моих ран. Ну, а теперь все разом:

— Зулус! Самый настоящий! Привет тебе, король королей! Да исполнится воля твоя!

— Наш Мгобози все еще там, — заревело зулусское войско. — К оружию, спасем его.

— Сигиди! — загремели Мгобози и горсть оставшихся при нем воинов с львиными сердцами. Закипела последняя схватка.

Мгобози пришел в неистовство. Он казался воплощением самого бога войны, обезумевшего от боя. Он бросался на врагов и валил их с такой беззаветной смелостью, с таким смертоносным проворством, что они нередко расступались перед ним. Ндвандве были охвачены смятением. Тогда их удалцы стали нападать на Мгобози по двое, по трое. Пока он отбивался от них, все его товарищи пали один за другим, за исключением Машайи. И он и Мгобози были серьезно ранены, но это словно бы и не мешало им. Прислонившись спиной к скале, они все еще грозили смертью врагам, которые глядели на них с удивлением. Ндвандве предприняли новую атаку, но снова были отброшены двумя охваченными яростью воинами. Однако Машайя получил смертельное ранение в легкие. Ловя ртом воздух, он молча посмотрел на Мгобози. Из ноздрей и горла его полилась кровь. Не произнеся ни слова, он упал на землю и испустил последний вздох.

Мгобози остался один. С уст его срывалась кровавая пена, безумные глаза были красны, как кровь, грудь бурно вздымалась. Так он ожидал последней схватки, уже видя приближение атакующей зулусской армии.

Ндвандве с воплями кинулись на него, но старый воин встретил их, как целая стая африканских волков (диких собак). Снова и снова он направо и налево разил врагов. Снова и снова их копья протыкали его насквозь, но и за те полминуты, на протяжении которых жизнь покинула его вместе с кровью, хлеставшей из зияющих ран, он успел нагромоздить вокруг себя новую гору трупов. И так неукротимый воин опустился в море своих врагов. Мгобози не стало.

Торжество ндвандве было недолгим, мщение приближалось. Вдохновенная бессмертным героизмом последнего боя Мгобози, зулусская армия неумолимо пробивала себе путь через редущие ряды ндвандве. Вскоре после смерти героя лавина мстителей прокатилась мимо его трупа, тесня отступающих ндвандве к вершине холма.

Пока шел бой, зулусы не теряли времени на заботы о павших, это запрещалось их спартанским кодексом. Воины, преследовавшие ндвандве, оставили тело Мгобози там, где он пал; они миновали стада врага и наконец достигли того места на склоне холма, где побежденные решили дать последний бой, защищая своих жен и детей. Но решимость ндвандве не помогла им. Все они — мужчины, женщины и дети — были уничтожены. Уцелело только несколько человек, которым удалось бежать вместе с вождем их Сикуньяной и укрыться в близлежащем лесу.

День уже клонился к вечеру, когда зулусы захватили весь скот и погнали его на водопой (это всегда считалось делом первостепенной важности)¹.

Услышав о смерти Мгобози, король громко застонал.

— Увы! — сказал Чака. — Я победил сына Звиде, но он убил меня, убив Мгобози.

Король пошел поглядеть на друга. Из глаз его струились слезы, он долго смотрел на труп, не произнося ни слова. Потом повернулся к Нг'обоке и отрывисто сказал:

— Пойдем. У меня горько на сердце. Каждый ндвандве, который еще не умер, заплатит за смерть Мгобози.

И они молча спустились с холма в свой лесной лагерь. Войско погрузилось в глубокий траур. Ночью, несмотря на обилие мяса, которое обычно веселило сердца воинов, в лесу вокруг бесчисленных костров было тихо. При иных обстоятельствах большую победу, не стоившую зулусам чрезмерных потерь, отметили бы общим весельем. Но теперь никто не радовался, разговоры велись вполголоса, и темой их почти исключительно был «наш Мгобози».

Огромную популярность Мгобози можно выразить одной фразой: он был идеалом зулусского воина. Консервативный, не склонный к «новомодным идеям», раз восприняв эти «идеи», например применение ударного ассега, он упорно за них держался. Мгобози презирал в целом стратегию и тактику и признавал лишь охватывающий маневр. Он твердо был уверен в том, что противника надо бить там, где ты его обнаружил, независимо от занимаемой им позиции и численности, и с высокомерным презрением относился ко всякого рода укрытиям — даже естественным, — не говоря уже о специально построенных. В бою он был дик и кровожаден. Убивал быстро и наверняка, не зная пощады, но и не опускаясь никогда до пытки. Ни один зулусский воин не запятнал бы свою честь, вколачивая колышки в анальное отверстие врага. Зулусский воин оберегал честь женщины, будь она друг или враг. Даже разгоряченный такой битвой, какая происходила под Ндололвааном, он никогда не обесчестил бы женщину, хотя не колеблясь убил бы любую, получив соответствующий приказ. Наконец, зулусский воин проявлял замечательную верность и безоговорочное самопожертвование по отношению к вождю и товарищам. Вместе с фанатичной гордостью за свой полк эти качества порождали ##### ## #####, который заставлял зулуса предпочесть гибель поражению.

Мгобози обладал всеми этими свойствами, причем у него они были развиты настолько сильно, что он стал образцом для всей армии. Каждый новобранец старался во всем походить на Мгобози.

Ндвандве были полностью уничтожены. Совсем немногим удалось бежать с Сикуньяной. Войску Чаки оставалось только вернуться домой. По пути на родину оно прошло по окраине области кумало и обнаружило, что Бедже, этот блуждающий огонек, появился вновь, такой же наглый, как и прежде.

Читатель, вероятно, уже заметил, насколько милостив был Чака к Мзиликази и его клану Кумало. Надо сказать, что он был равнодушен ко всем кумало, включая подкланы, во главе которых стояли вожди Бедже и Млоча. Все кумало были необычайно упорны в бою, а Чака всегда питал слабость к храбрецам. Возможно, этим и объясняется его необычная снисходительность к кумало, граничившая с подлинным рыцарством. Когда Бедже и Млоча взбунтовались, Чака не уничтожил их, хотя мог сделать это с легкостью, а предпринял явно смехотворные действия, совершенно не вязавшиеся с его обычной напористостью. Всякий раз, когда кумало отбрасывали поразительно слабые отряды, высланные против них, Чака не выявлял, как обычно, трусов, которые должны были стать козлами отпущения. К этим поражениям Чака относился скорее даже добродушно и отказывался посылать карателям подкрепления.

Располагая огромной, ничем не занятой армией, Чака мог по пути домой одним кивком головы приказать уничтожить как Бедже, так и Млочу, но король снова отказался принять решительные меры против своих любимых кумало. Вместо этого он поручил поставить Бедже на место одному-единственному, притом слабому полку Улу-тули (Пыльные ребята), состоявшему из молодых воинов. Бедже заманил неопытных «ребят» в лесные дебри, где он укрывался, и там долго выколачивал из них пыль, пока они не отошли, чтобы доложить королю о своем поражении.

Случай помог Чаке найти выход из создавшегося положения с честью для всех. Майкл и Джон — двое похотливых готтентотов, служивших у Феруэлла, — изнасиловали зулусскую девушку; среди ее соплеменников это считалось тягчайшим преступлением. Чака был настолько взбешен этим грубым нарушением уголовного кодекса зулусов, что грозился тут же убить всех белых, готтентотов и зулусских девушек, какие попадутся ему под руку. Однако он только разыгрывал бешенство, с его стороны это была уловка, чтобы успокоить разгневанных старейшин.

— И все же, — прошептал он белым, — надо пойти на уступки вождям, а то они скажут, что я недостойн командовать ими; придется вам идти воевать с Бедже.

Белые не хуже его понимали, что нужны решительные действия. Чтобы успокоить короля, Айзекс, Кейн, пятеро моряков и проштрафившиеся готтентоты вступили на тропу войны.

Со стороны зулусов в экспедиции участвовала бригада Белебеле численностью в пять тысяч человек. Достигнув твердыни Бедже — горы по соседству с лесом Нгоме, — Айзекс и его отряд тщетно дожидались, чтобы дивизия Белебеле атаковала противника или хотя бы проявила какие-либо признаки активности.

Поведение зулусов было настолько необычным, что европейцы поняли: командир дивизии получил секретный приказ предоставить белым биться с кумало в одиночку и прийти им на помощь только в том случае, если они окажутся под угрозой разгрома. Чака явно хотел узнать, какое действие окажет на кумало огнестрельное оружие.

Отряд Айзекса, располагавший примерно дюжиной мушкетов (к нему присоединились Джекоб Пловец — переводчик Чаки — и несколько коренных жителей Натала), решительно двинулся на кумало: белые заметили около пятидесяти воинов, прятавшихся в скалах близ вершины холма. Мушкетеры дали залп, и он возымел большой успех. Айзекс пишет: «Гром выстрелов, еще усиленный горным эхом, поразил ужасом наших врагов. Они закричали и разбежались во все стороны; зула (зулусы), находившиеся далеко позади нас, бросились на землю и прикрыли спины щитами. Этот необычный маневр оказал на врагов поразительное действие. Увидев, что при звуке выстрелов другие [зулусы] падают, кумало заключили, что все они мертвы, и пустились наутек, чтобы избежать столкновения с нами».

Кумало оказались, однако, твердолобыми. «Едва мы успели перезарядить ружья, —

продолжает Айзекс, — как заметили приближение большого отряда их воинов. Они были взбешены и грозили нам смертью. На мгновение мой отряд растерялся. Заметив это, я бросился вперед и взобрался на скалу. Один из врагов вышел навстречу и с короткой дистанции метнул в меня копьё. Оно было брошено с необыкновенной силой, но я успел нагнуться и избежал гибели. Затем я прицелился и застрелил кумало. Отряд также дал залп. Несколько человек было ранено, другие разбежались в полном беспорядке, охваченные ужасом. Мы же почувствовали уверенность в своих силах и, ободренные успехом, двинулись вперед вдоль скал, чтобы выбить оттуда нескольких воинов, еще оставшихся на месте. Они укрылись за кустами и большими деревьями и принялись с удивительной силой метать в нас камни. Женщины и дети помогали им с невероятным проворством. Один из камней повредил мне плечо... Продвинувшись несколько далее, мы обнаружили хижины и сожгли их. Собак же убили...»

После нескольких дней военных действий, в ходе которых Айзекс был ранен, а многие кумало убиты, Бедже запросил мира, ибо «не понимал нашей манеры воевать».

Он согласился также выдать скот племени и стать данником Чаки.

«Один из моряков, — пишет Айзекс, — предложил противнику для закрепления дружбы предоставить нам десять девушек. Кумало согласились на это с такой же готовностью, как на выдачу скота».

Итак, Бедже снова остался невредимым в своем лесу Мгоме. Правда, он обеднел, но не так уж сильно: хитрый старый лис отдал всего лишь половину своего скота, и притом худшую. Тем не менее его не трогали до конца царствования Чаки и даже не заставили поступиться своей гордостью и лично явиться на поклон к королю.

Увидев беззубых старых коров и коз, с которыми расстался Бедже, Чака не рассердился. Он только засмеялся и сказал:

— Ну-ну, как видно, Бедже нашел новое пастбище для хорошего скота. Возможно, оно находится на верхушках деревьев, вы же туда не заглянули, а зря; Бедже да и все кумало не вчера родились, с ними надо держать ухо востро.

Когда же моряки явились со своим призом — десятью девушками кумало — Чака с восхищением воскликнул:

— Мама! Вот это мужчины! Им-то не подсунили беззубых старых коров. Или они стяхнули девушек с деревьев? Истинно говорю вам, никогда еще кумало не расставались с девицей иначе как за большой выкуп скотом.

Млоча — глава младшей ветви царствующего дома кумало — засел на холме Попдвааи, бесформенная масса которого одиноко высилась среди широкой равнины.

Из этого неприступного гнезда орел кумало управлял своим кланом и выколачивал дань из соседних. Скот, который он получал за то, что как никто другой умел вызывать дождь, стал для него постоянным источником дохода. Когда шли дожди, он требовал аванса на будущее, угрожая в противном случае «закрыть воду». Таким образом, он первый установил, что знахарю, вызывающему дождь, следует платить не только в дни нужды, но и в периоды изобилия. Млоча утверждал, что раз он умеет вызывать дождь (а в этом никто не сомневался), то может и прекратить его. Люди соглашались с такой неотразимой логикой, а если они забывали платить за влагу или задерживали платежи, глубоко оскорбленный Млоча с полным сознанием своей правоты посылал отряд воинов, который и доставлял ему соответствующее количество упитанных коров.

Когда это занятие наскучило ему, Млоча предался другому, куда более опасному: таскал за хвост зулусского льва. Но, как мы видели, лев был чрезвычайно снисходителен ко всем кумало — Мзиликази, Бодже, Млоча — и разрешал им такие же вольности, какие позволяет львица своим резвым детенышам, пока один из них не укусит ее слишком больно.

В таких случаях раздается угрожающее рычание, а если и это не помогает, львенка сажают на место; при этом он теряет кусочек шкуры.

Млоча не раз таскал льва за хвост и частенько заходил слишком далеко. Лев тоже неоднократно по-рыцарски предупреждал о том, что ударит лапой — пошлет военную экспедицию. Но экспедиция всякий раз оказывалась не более сильной, чем войско Млочи. В таких случаях между удалцами обеих сторон происходили поединки. Если же кумало покидали свою твердыню, то на равнине случались и большие схватки. При этом скот Млочи, лишившийся обычных пастбищ, начинал тощать, да и зулусы тоже не толстели, хотя время от времени им удавалось захватить зернохранилища кумало.

Возвращаясь домой после битвы при Ндололваапе (октябрь 1826 года), войско Чаки прошло неподалеку от крепости Млочи. Все зулусы еще помнили последние его проступки. На этот раз он был захвачен врасплох, что, впрочем, не входило в намерения короля. Правда, Млоча вместе со всеми своими подданными успел укрыться на горе, но никаких запасов провианта там не было, и несчастные кумало скоро поняли, что попали в западню. Прошло немного времени, и голод заставил их смириться. Чака же милостиво принял вождя кумало обратно в свою семью.

Более того, он не стал унижать Млочу, как не унижил Беджу, и не заставил побежденного явиться с повинной. Но Чака направил Млочу такое послание: «Ты лучше всех вызываешь дождь, а я лучше всех воюю. Пусть каждый занимается своим делом, и тогда не будет столкновений. Подобно тому, как я сохранил кровь твоего клана, сохрани, пожалуйста, для меня немного лишнего дождя, когда у тебя опять заболит большой палец ноги».

Не успел Чака вернуться из-под Ндололваана в Булавайо, как в ноябре 1826 года решил построить новую столицу в пятидесяти милях по прямой от Булавайо и на середине пути от прежней ставки к английскому селению Порт-Наталу. Это было актом вежливости по отношению к белым; теперь, чтобы нанести визиты королю, им не надо было переправляться через Тугелу, которая в сезон дождей становилась широкой и бурной. Чаке это тоже было приятно. Он мог теперь чаще встречаться с европейцами, а беседы с ними неизменно доставляли ему большое удовольствие.

Новая столица раскинулась примерно на той же территории, которую занимает сейчас город Стейнджер, в двух милях к северу от реки Умвоти и примерно на таком же расстоянии от моря. Чака назвал свой новый крааль «Дукуза» — от зулусского слова дука, что значит «теряться». Говорят, что это следовало понимать как намек на великое множество хижин, среди которых терялись вновь прибывшие.

Итак, Чака перенес свою ставку в Натал, который он теперь принялся заселять от реки Умвоти до Тугелы специально отобранными колонистами. Большая часть остальной территории Натала служила пастбищем для королевского скота, причем стадам одной масти были отведены отдельные участки. Это было очень удобно, так как позволяло немедленно обнаружить животное, отбившееся от своего стада.

В 1826 году во время ежегодного национального торжества умкоси, или праздника первых плодов, весь народ, одетый по-праздничному, собрался в королевском краале Булавайо — строительство Дукузы еще не было завершено. Молодые воины, изнывавшие от безделья, приставали к Чаке с просьбами вести их на войну. И пели в его честь:

Ва г'еда г'еда изизве

Уйя кухласела-пи на

Хе' уйя кухласела-пи на

Ва-хлула амакоси

Уйя кухласела-пи на

Ва г'еда г'еда изизве
Уйя кухласела-пи на
Хе! Хе! Хе! уйя
кухласела-пи на.
Ты покончил с племенами,
Где ты станешь воевать?
Да! Где ты станешь воевать?
Ты победил королей,
Где ты станешь воевать?
Ты покончил с племенами,
Где ты станешь воевать?
Да, да, да, где ты станешь воевать?

Но песня раздражала короля. Он не покончил с племенами и не победил всех королей. Как насчет Собузы с его свази на севере и педи-суто, живущими еще дальше? А на юге есть еще Факу, король пондо, но его владения граничат со сферой влияния короля Георга, и потому обращение с ним требует такта и дипломатии.

Итак, Чака, желая охладить немного пыл своего войска, решил послать его на север. Сразу же после окончания празднеств воины под командой Мдлаки выступили в поход. «Войском» именуется здесь младшие полки: дивизия Белебеле, состоявшая из ветеранов, была предназначена, как мы видели, для кампании против Бедже и действовала совместно с Айзексом и его мушкетерами.

Воинам предписывалось подчинить северные племена главенству зулусов и пополнить национальные стада; завоевание новых территорий в их задачу не входило. Экспедиция не имела успеха: Собуза укрылся в горной крепости, откуда его оказалось невозможно выбить. Далее к северу в знойном, малярийном Бушвельде², тянувшемся вдоль реки Олифантс, в стране бапеди и суто, армия очутилась без провианта. Она разбила лагерь на берегу широкой и бурной реки, через которую невозможно было переправиться, и питалась саранчой, гусеницами и тому подобной «мелкой дичью». Малярия и дизентерия скосили третью часть личного состава.

Мдлака счел целесообразным отступить с теми воинами, которые еще не заболели, и поднялся по течению реки Олифантс на запад, в более возвышенную местность. Особенно сильно пострадал полк Ин-Дабанкулу, он почти весь был выведен из строя³. Мдлака оставил с ним всех больных, обеспечил надежную охрану и обещал прислать скот, какой удастся захватить. Это все, что он мог сделать при создавшихся условиях.

Продвигаясь вверх по течению реки на запад, в средний вельд, зулусская армия вдруг встретила на своем пути ужасное видение. Внезапно ее атаковало множество желтокожих людей, скачущих на диких животных. Это были гриква — потомки европейцев и готтентотов — во главе с Барендом Барендсом, охотившиеся на слонов. Атака сопровождалась громом и молниями — гриква стреляли из ружей для охоты на слонов. Жуткое впечатление от грохота и вспышек усугублялось черными клубами порохового дыма.

Зулусы были захвачены врасплох, но не покинули поля боя. Они уже знали, что такое ружья и кони, и сначала приняли гриква за европейцев. Когда зулусы бросились в контратаку, гриква отошли, перезарядили ружья, а затем снова двинулись вперед и открыли огонь. Мдлака вспомнил свой разговор с Чакой и отвел полки на пересеченную местность, где противник не мог особенно рассчитывать на лошадей. Гриква и в самом деле прекратили

бой и вскоре оказались вне пределов досягаемости зулусов. На этот раз Мдлаке не удалось испробовать методы борьбы, предложенные Чакой. Но четыре года спустя те же гриква — численность их составляла тысячу человек — были уничтожены в боях с матабеле под командой Мзиликази.

Когда Мдлака, выполняя свое обещание, направил один из своих полков со скотом больным воинам Ин-Дабанкулу, те находились уже в самом плачевном состоянии. Не успел Мдлака оставить их, как суто почувствовали прилив воинственности и вышли из своих убежищ в горах. Они полагали, что могут атаковать армию больных зулусов с некоторыми шансами на успех. Все же они колебались, пока болезни не вывели из строя почти всю охрану, оставленную Мдлакой. Тогда они спустились к лагерю полка Ин-Дабанкулу и учинили ужасную резню.

Полк, посланный Мдлакой на выручку, оказал помощь оставшимся в живых. Они потянулись вслед за войском Мдлаки, которое теперь возвращалось домой, но периодически отклонялось от своего пути, чтобы дать возможность всем остаткам полка Ин-Дабанкулу соединиться с основными силами.

Восемнадцатого марта 1827 года войско возвратилось в Булавайо (туда прибыл из Дукузы и сам Чака), и командование доложило королю о ничтожных результатах похода, длившегося почти три месяца.

Чака был очень недоволен исходом экспедиции, а еще больше его угнетала унижительная мысль о том, что какие-то презренные суто почти уничтожили Ин-Дабанкулу в их собственном лагере. Он не мог представить себе, к каким опустошениям могут привести малярия и дизентерия, ведь до этого его воины отличались идеальным здоровьем. Он решительно отказался верить донесениям о том, что они были выведены из строя болезнями, и предпочитал думать, что причиной всему голод. Но в том, что они голодали, виноваты сами воины, ибо, будь они мужчинами, они научились бы жить во вражеской стране.

— Почему враги живут и остаются здоровыми? — спросил Чака у оставшихся в живых Ин-Дабанкулу, выстроившихся перед ним. — Потому, что у них есть еда. Только ваши беспомощность и трусость помешали вам выбить педи-суто из их убежищ в скалах, где вы нашли бы сколько угодно провианта. Я не говорю о свази — это настоящие воины, к тому же они засели на вершинах неприступных гор, и справиться с ними невозможно. Но педи-суто, которые живут в своих норах с жиряками и их блохами, вообще не могут считаться бойцами. Скалы и пещеры, где они укрываются, не настолько грозное препятствие, чтобы его не могли преодолеть решительные воины. В худшем случае в вас стали бы бросать камнями, но это детская игра. Она не идет ни в какое сравнение с убийственной тактикой свази, которые скатывают целые глыбы с длинных и крутых склонов. Было бы безумием атаковать свази, занимающих такие позиции, но было трусостью не нападать на педи-суто. И эта ваша трусость привела к голоду, который ослабил вас. А потом педи со своими жиряками вышли из нор, чтобы поглядеть на вас, и не испугались, убедившись, что вы больше не зулусы. Они осмелели, как смелеют жиряки в отсутствие людей, напали на ваш лагерь в открытой местности и перебили большую часть войска, словно это была толпа женщин. У меня глаза болят от горя, когда я смотрю на тех самых Ин-Дабанкулу, которые громче всех кричали, требуя, чтобы я повел их по тропе войны. Ваш полк просто пузырь, наполненный воздухом и словами. Теперь, когда ни того, ни другого не осталось, он сжался настолько, что на вас тошно глядеть: гордый полк превратился в роту, в жалкий пучок общипанных перьев. И все это напрасно!

Затем Чака повернулся к Мбопе, державшему королевский каросс из глянцевиных леопардовых шкур.

— Дай мне каросс, чтобы я мог спрятать свою голову и глаза и не видеть тех, кто опозорил зулусов. А потом уведи этот ни к чему не пригодный сброд, и пусть их всех побьют

камнями. Тот, кто боится копья, от копья и погибнет, а кто боится камней — умрет от них. Уведи всех.

— Байете! — приветствовала его обреченная рота. Чака же накрылся с головой кароссом. Не произнеся больше ни слова, осужденные, печатая шаг, отправились на казнь.

Мдлака сделал все возможное, чтобы защитить своих воинов. Он взял на себя ответственность за все, в чем они могли провиниться, и прямо сказал Чаке, что следует покарать главу заблудшего семейства, а не безвинных детей, только выполнявших приказы отца, в данном случае его, Мдлаки. Но все было напрасно. Чака находился в дурном настроении. Не говоря уже о судьбе полка Ин-Дабанкулу и провале похода в целом, он был крайне раздражен тем, что Баренд Барендс и его гриква смогли уйти, потеряв всего лишь трех человек. Кроме того, он все еще переживал гибель Мгобози.

Вместе с Мгобози не стало смягчающего влияния, которое он оказывал на Чаку. А незадолго до этого умер Мбикваан; в свое время Чака сделал его вождем, или королем, мтетва. Это был тот самый добрый человек, которого Чака некогда послал к белым. Именно он проводил их в ставку своего повелителя, когда они впервые проникли в страну зулусов. Таким образом, Чака лишился и сдерживающих советов этого человека. Из всех тех, с кем дружил Чака, когда служил в армии мтетва, оставались еще только Нгомаан, ставший премьер-министром, и Пампата. Нанди же находилась в своем краале и была поглощена тем, что тайно нянчила внука.

Глава 23   Смерть Нанди

Хотя Нанди приняла все меры предосторожности, чтобы скрыть существование, или, вернее, происхождение мальчика, родившегося у Мбузикази, любовь к малышу, являвшему собой точную копию Чаки, толкала ее на множество необдуманных поступков. Она любила этого мальчишечку еще больше, чем сама Мбузикази. Нанди никогда не была так счастлива, как в те минуты, когда ласкала его, называя «Бычком» и другими нежными именами. Она настояла на том, чтобы самой научить его говорить и ходить, и буквально визжала от восторга, когда он лупил ее деревянной ложкой для каши, которой любил играть.

Зная, что Чака находится большей частью в своем новом краале Дукузе на расстоянии пятидесяти миль от нее, Нанди стала позволять себе все большие вольности, наслаждаясь счастьем, которое давал ей первый и единственный царственный внук. Она не принимала в счет детей своего младшего сына Нгвади, которого родила после того, как, оставленная Сензангаконой, вышла замуж за Гендеяну, человека, увы, некоролевской крови.

В конце концов до ушей Чаки стали доходить разные слухи, и он решил проверить их лично. В подобных случаях он появлялся на месте, где хотел провести расследование, почти без свиты и совершенно внезапно — для Чаки ничего не составляло отшагать за одну ночь миль пятьдесят. Уже одно это отличало его от большинства вождей, не говоря уже о королях, которые обычно не утруждали себя ходьбой и еще в молодости заплывали жирком.

И вот однажды утром Чака оказался на пятьдесят миль ближе к Нанди, чем она предполагала, и спокойно вошел в ее крааль — Эмкиндини. Пройдя через проем в тростниковой ограде, опоясывавшей внутреннюю часть двора, он увидел, что Нанди, освещенная утренним солнцем, скачет вприпрыжку с юным Бычком. Рядом стояла Мбузикази.

— Привет тебе, мать!

Внезапное появление Чаки очень озадачило Нанди, но она спокойно ответила:

— Привет, дитя мое!

— Ты, видно, очень привязана к этому ребенку. Скажи, пожалуйста, чей он?

— Это мой внук, — решительно ответила Нанди.

— Как? Он, верно, из детей Нгвади — не мог же родиться ребенок у моей сестры Номц'обы?

— Нет, это внук, которого я так долго дожидалась. Его родила от тебя Мбузикази.

— Мамо! — сказал Чака с деланным удивлением. — Понимаешь ли ты, что говоришь? Как это могло произойти?

— Это лучше знать тебе с Мбузикази. Теперь всякий может видеть, что ты мужчина, потому что этот Бычок — вылитый ты. И такой же бесстрашный.

— А почему ты думаешь, что он бесстрашен, мама?

— Попробуй-ка отнять у него ложку. Увидишь, что будет.

Чака приблизился к ребенку и сделал вид, будто хочет отнять ложку. Но мальчик угрожающе поднял ее, глядя на пришельца пристальным, враждебным взглядом.

— По крайней мере он смел, — признал Чака с невольным восхищением, — Но пройдет немного времени, и, достигнув зрелости, этот бычок бросит вызов старому быку. Не знаю, что с ним делать. Ведь Мбузикази не королевской крови, да к тому же я не хочу признавать, а тем более провозглашать его моим наследником. Лучшее место для наследников — в земле.

— Неужели ты уничтожишь эту радость моей старости, — встревожилась Найди, — и в то же время пренебрежешь гораздо большей опасностью, которую представляют твои братья Дингаан и Мхлангана, а также эта злобная вкрадчивая гиена Мбопа? Убей всех троих, но не трогай невинного младенца.

— Нет, мама, ребенок в безопасности, хотя бы потому, что доставляет тебе радость. К тому же я не убиваю храбрых. Что до моих братьев, то как могу я уничтожить детей моего отца?

— Ты не хочешь замечать действительную опасность, — грустно сказала Нанди и заплакала. — Я-то по крайней мере знаю, что с этого времени над ребенком нависла угроза со стороны твоих братьев и Мбопы. Разреши мне отослать его подальше, ибо, как я ни люблю его, мне важнее знать, что он в безопасности.

Чака взял сына на руки, долго и серьезно рассматривал его, потом перевернул и обратил внимание на пучок волос, росший у мальчика на затылке. Совершенно такой же был и у него. Во время осмотра ребенок важно хранил враждебное молчание. Чака улыбнулся. С лица его отпрыска исчезло воинственное выражение, и оно расплылось в ответной улыбке, но только после того, как Нанди приласкала его. Чака опустил мальчика на землю и, попрощавшись с Нанди и Мбузикази, протянул Бычку руку и сказал: «'Гаг'да» («Пожмем друг другу руки»). Ребенок дружелюбно исполнил его желание, Чака произнес: «Счастливо оставаться, мужчина!» — и ушел.

Мбузикази и сын Чаки в сопровождении кормилицы Номагвебу и достаточного эскорта отбыли в страну тембу. Возможно, что именно потеря внука послужила толчком к внезапному упадку сил у Нанди. Вскоре она умерла.

Смерть Нанди, в которой обычно, хотя и без всяких оснований, обвиняли Чаку, произошла в октябре 1827 года. Когда она заболела, Чака вместе с Генри Фрэнсисом Финном охотился на слонов в шестидесяти милях от крааля Эмкиндини. Однажды вечером запыхавшиеся гонцы доложили, что самая великая из всех слоних — Ндловукази — Нанди

опасно больна.

Несмотря на поздний час, Чака немедленно отправился в путь, чтобы лично позаботиться о матери и помочь ей знаниями и лекарствами Фина.

Во тьме ночи Чака шел напрямик через высокие холмы и глубокие долины. Это был один из самых изматывающих маршей, какие знает история. В полном молчании продирался он через колючие кустарники, не обращая внимания ни на характер местности, ни на отсутствие троп. Трудности пути не имели для него значения, раз путь этот до минимума сокращал расстояние. Фин едва поспевал за ним, хотя ехал верхом.

На следующий день — 10 октября 1827 года — около 12 часов дня путники достигли краала Эмкиндини.

Хижина Нанди была заполнена плакальщицами и такими густыми клубами дыма, что Фину пришлось попросить женщин уйти и проветрить помещение, чтобы он мог вздохнуть. У Нанди уже наступила агония, и опечаленный сын не смог даже поговорить с ней. Фин пишет: «Она была больна дизентерией. Я тут же сообщил Чаке, что она безнадежна и едва ли протянет до вечера».

Чака приказал полкам, начавшим собираться вокруг краала королевы, вернуться в свои казармы. Потом присел в окружении нескольких старейших вождей и погрузился в горестное молчание. За два часа он не произнес ни слова. Затем ему принесли весть, которой он страшился более всего: Нанди умерла.

Шатаясь и не разбирая пути, Чака немедленно отправился в свою хижину и уединился в ней. Оттуда вожди и старейшины получили приказ надеть военную форму. Когда через некоторое время Чака вышел из хижины, он был одет как обыкновенный воин. Премьер-министр Нгомаан объявил, что «матери нации» не стало. Услышав об этом, все присутствующие сорвали с себя украшения.

Затем Чака направился к хижине, где лежало тело Нанди. Вокруг него полукругом стали главные вожди, также в военном одеянии.

«Около двадцати минут, — пишет Фин, — он простоял молча, наклонив голову к щиту. Вся его поза выражала скорбь. Я видел, как из глаз его на щит падали крупные слезы; иногда он вытирал их правой рукой. Вид храброго воина, охваченного величайшим горем, мог бы исторгнуть жалость и сочувствие даже из самого жестокого сердца. Вздохнув два или три раза, он не смог больше сдерживать свои чувства и дико закричал. Это производило особенно жуткое впечатление после молчания, которое господствовало прежде. Такого сигнала оказалось достаточно. Вожди и народ — всего тут собралось около пятнадцати тысяч человек — принялись испускать ужасающие горестные вопли...

Все время подходили жители соседних краалей — мужчины и женщины. Приблизившись на расстояние полумили, каждая группа присоединялась к чудовищному реву. Он не прекращался всю ночь, причем никто не решался отдохнуть или глотнуть воды. По мере того как подтягивались полки из отдаленных краалей, рев ещё усиливался. Рассвет не принес никакого облегчения. Еще до полудня в краале собралось до шестидесяти тысяч человек. Крики их стали неопишимо отвратительны. Сотни людей лежали на земле — их свалила усталость или голод. А неподалеку валялись в куче туши сорока быков, принесенных в жертву духам-хранителям племени.

В полдень толпа образовала круг с Чакой в центре и запела военную песню. Это явилось для них некоторой отдушиной. Когда песня смолкла, Чака приказал тут же казнить нескольких мужчин. Тогда крики стали еще громче, если это вообще было возможно. Новых приказаний не потребовалось: словно желая показать вождю, насколько велико их горе, присутствующие начали убивать друг друга. Многие получили смертельный удар, нанося его другим: каждый старался воспользоваться случаем, чтобы отомстить за свои обиды —

действительные или мнимые. Тех, кто не мог больше исторгнуть слезы из глаз, кого заставляли жадно пьющим у реки, тут же забивали насмерть другие зулусы, обезумевшие от возбуждения.

К вечеру я подсчитал, что в этой ужасной бойне погибло не менее семи тысяч человек. Толпы людей ринулись к речке, протекавшей неподалеку, чтобы смочить пересохшие рты. Вскоре на ее берегах выросли груды трупов, так что к воде уже невозможно было пробиться. Крааль, где все это происходило, был залит кровью».

По словам вождя Сигананды Ц'убе, Чака был так поражен горем, что утратил власть над собой, и над окружающими. Окруженный толпой льстецов, он не имел представления о том, какая резня разыгралась в этот трагический день. Но как только Чака уяснил себе, что происходит, он немедленно прекратил бойню. Это подтверждает и Фин. К тому времени солнце уже склонялось к закату. Плач продолжался до следующего дня. Только в полдень всем предложили поесть.

Через несколько часов останки Нанди опустили в могилу, вырытую поблизости от места ее смерти². Это была типичная могила, в каких, по обычаю, хоронили вождей. В глубину она имела около девяти футов, в одной из стен ее была вырыта ниша. Туда поместили тело, согнутое в сидячем положении, для чего его связали до наступления *rigor mortis*³.

Фину не было разрешено присутствовать при погребении, иначе ему пришлось бы провести целый год поблизости от могилы. Сообщение его о том, что две девушки были заживо похоронены вместе с Нанди, очевидно, ошибочно. Скорее им, как пишет Брайант, сначала переломали кости, а затем умертвили их по способу, описанному в одной из предыдущих глав.

На похоронах присутствовало около двенадцати тысяч воинов. Из них была сформирована специальная дивизия, получившая задание охранять могилу в течение года. Для пропитания воинов, а также в качестве жертвы предкам Нанди было выделено пятнадцать тысяч голов скота. Все скотовладельцы страны, равно как и сам король, сделали взносы в этот фонд.

После похорон, рассказывает Фин, выступил премьер-министр Нгомаан. Он обратился к толпе с речью:

— Великая слониха с малыми грудями — вечно правящий дух плодородия — умерла. Вероятно, небо и земля объединятся, оплакивая ее, а потому мы должны принести большую жертву: весь год не обрабатывать землю, не пить молока, а весь надой выливать на землю. Женщины, которые в течение года забеременеют, вместе с мужьями будут преданы смерти.

Нанди умерла 10 октября, посев всех культур был завершен к началу сентября. Следовательно, запрещение обрабатывать землю относилось только к прополке, которая должна была производиться после 12 октября. Это могло принести довольно серьезный урон, хотя к этому времени всходы уже развивались полтора-два месяца. Но утрата молока была подлинным лишением. Что же до табу на половые сношения, то его легко могла обойти любая чета — лишь бы не появилось явных следов такого нарушения.

Чака погрузился в горестные раздумья. Он все время «щипал себя» (зулусское выражение, означающее «упрекать себя») за то, что не добыл вовремя «эликсир жизни». В этом он винил также и белых, которым следовало позаботиться о том, чтобы суда их заходили почаще, или же ускорить строительство нового судна из остатков разбившейся «Мэри».

— Я завоевал весь мир, но потерял мать, — стонал он. — Горькое алоэ заполнило мне рот, я утратил всякий вкус к жизни.

Чака ненавидел всех, кто не выказывал самого глубокого огорчения, всех, за

исключением этих странных европейцев, у которых свои обычаи. Он приказал отрядам воинов обойти всю страну и убить тех, кто не соблюдал траур и не послал на могилу Нанди «венка» в виде скота для жертвоприношений. В том, что убийства не прекращались, Фин обвиняет местных вождей.

Чака впал в глубокую грусть и, видимо, потерял всякий интерес к делам управления. Этим воспользовались многие карьеристы. Стоило им намекнуть, что такой-то не проявил горя, и Чака неизменно, если только речь не шла о его испытанном друге или прославленном храбрце, указывал на него пальцем либо кивал. Это означало смертный приговор бедняге.

Чака не искал утешения в пиве, но чувствовал сильное влечение к Пампате. Одна она, кажется, могла помешать его безумному горю превратиться в неудержимую манию убийства. Незадолго до смерти Нанди Чака назначил Пампату командиром вновь сформированного женского полка, самого многочисленного из всех. Полк этот получил название «У-Нгисимаан» («Англичанин») в честь новых друзей Чаки. Привязанность короля к Пампате стала сильнее, чем когда-либо. Нгомаан и Мдлака, так же как и Пампата, старались использовать свое влияние на Чаку, чтобы сдерживать его, но попасться королю на глаза было не менее опасно, чем оказаться поблизости от голодного льва-людоеда.

В числе других странностей у Чаки появилась привычка есть лежа на животе. Вожди и придворные должны были следовать его примеру. Всякого, кто кашляет или чихнет во время еды, король все тем же роковым кивком головы отправлял на казнь, ибо «нельзя тревожить льва во время еды».

Однажды клеветники донесли, что небольшой клан Мфекаан не проявил должного сочувствия горю короля; Чака тут же отдал приказ уничтожить его. Тогда Нгомаан напомнил ему об одном незначительном случае из той поры, когда Чака был лишь рядовым воином в армии Дингисвайо: одна девушка из клана Мфекаан, жившая в краале вождя Мзингели, настояла на том, чтобы Чака сидел в хижине на циновке а не на голой земле, и кормила его, когда он был голоден. Чака тут же отменил приказ об истреблении клана Мфекаан и вместо этого велел казнить доносчиков.

Чака теперь часто жаловался, что в сновидениях ему является покойный приемный отец его Мбийя. Старик обычно плакал и говорил Чаке, что, несмотря на казни, в стране остаются еще колдуны, убившие Нанди. Колдуны эти — женщины, которых Мбийя указывал прямо или намеками.

Вскоре после этого к Чаке привели шесть несчастных женщин, и Чака обвинил их в том, что они вызвали смерть Нанди. Иначе с чего бы она умерла, когда незадолго до этого он оставил ее здоровой и невредимой? Придя в страшную ярость, он приказал связать им руки за спиной, плотно обмотать их тела травой, которой обычно кроют крыши, поджечь ее и гнать женщин против ветра. Несчастные живые факелы бежали со страшными воплями, пока в изнеможении не падали на землю. Когда огонь пожрал траву, палачи размозжили им черепа.

После трех (иные говорят — двух) месяцев глубокого траура по Нанди страна пришла в плачевное состояние. Поля заросли сорняками. Люди недоедали, так как один из основных продуктов питания зулусов — молоко — сразу же после дойки коров приходилось выливать на землю.

Самые смелые и умные из подданных Чаки начали возмущаться: зулусы были народом дисциплинированным, но не угодливым. Некто Гала из клана Бийела решил покончить с тиранией. Взяв палицу, он отправился в Булавайо и, подойдя к внутренней ограде королевского краала, закричал:

— Эй, король, ты погубил свою страну. Кем ты собираешься править? Или думаешь создать новый народ? Неужели все должны умереть только потому, что умерла твоя мать?

Сензангакона тоже умер. Но никто тогда не делал того, что сейчас делаешь ты. И твой дед Джама тоже умер. Но и тогда ничего такого не делалось. Ты погубил свою страну. В ней поселятся другие короли, ибо твои люди помрут с голоду. Никто не пропалывает поля, никто не доит коров. Их будут доить те короли, которые станут обрабатывать твою землю. Потому что твой народ больше не ест, женщины не беременеют, скот остается недоеным. Что до меня, о король, то я скажу тебе: «Ты так же мертв, как твоя мать. Положи камень в свой желудок (возьми себя в руки, приободрись). Это не первый случай, когда в стране зулусов кто-то умирает».

Чака сбросил с себя оцепенение, созвал советников и стал укорять их:

— Какой с вас толк? Разве вы говорили мне, чтобы я положил камень в желудок?

Гале же он подарил несколько голов жирного скота в благодарность за хороший совет. Кроме того, он разрешил Гале и его взрослым домочадцам надеть головное кольцо. Эта льгота означала освобождение от действительной военной службы с правом жениться и обычно предоставлялась только особо отличившимся полкам и их командирам.

Таким образом, лед озлобленности Чаки наконец треснул и затем быстро начал таять. Король отменил стеснительные запреты на питание, что автоматически открыло шлюзы целому потоку даров, хлынувшему в казну Чаки со всех концов его страны.

Однако Чака продолжал горевать. Призрак приемного отца — Мбийи — продолжал тревожить его сон. Теперь Мбийя предупреждал его о том, что все женщины гарема обманывают его. И он задал вопрос:

— Что мне делать с этими гнусными развратницами?

— Убей их, — ответили советники.

Король удалился из своего крааля, но вскоре тайно вернулся и приказал страже оцепить гарем. На месте преступления было застигнуто восемьдесят пять воинов со своими избранницами. Некоторых мужчин до смерти забили палками. Других удушили вместе с женщинами. На этот раз народ поддерживал Чаку, ибо закон наказывает супружескую измену смертью.

Зато другая бойня вызвала, вероятно, больше ужаса, чем одобрения. Некоторые из младших у-диби, находившиеся при дворе, стали подглядывать, когда король ласкал девиц в своей хижине. Их предупредили, что такие поступки караются смертью, но виновные всякий раз ускользали от стражи, смешавшись с толпой друзей. Об этом доложили королю.

— Убейте их всех, — сказал Чака, — всех до одного, и тогда я обрету покой, а смерть их послужит уроком другим. Мальчикам размозжили черепа.

Одна из женщин гарема родила ребенка. Беременность и роды были скрыты от короля, и он узнал о случившемся, когда ребенку исполнилось уже шесть месяцев.

— Итак, этот ребенок считается моим? — спросил король у матери.

— Да, о король! — ответила женщина дрожащим голосом.

— Не скажешь ли ты мне, когда я спал с тобой, чтобы это могло произойти? — очень тихо спросил Чака.

— Это было давно, — ответила она еле слышно.

— Можешь ты припомнить какие-нибудь подробности? Например, кто из других женщин находился с нами в хижине?

Ответа не последовало.

— Ты прекрасно знаешь, что мы с тобой только немного побаловались. От этого ты

никак не могла забеременеть. Что ты скажешь?

Женщина молча уставилась в землю.

— Многие из вас развратничают со сторожами и воинами. Некоторые из тех, что поглупее, беременеют, а затем пытаются подкинуть мне чужого ребенка⁴. Ты тоже так поступила. Будешь отрицать?

Несчастливая ничего не сказала.

— Говори! — заревел Чака, но она застыла в молчании.

Тогда, совершенно потеряв самообладание, Чака схватил ребенка за ноги, размахнулся и размозил ему голову, ударив ею об пол.

Несчастливая мать оцепенела от ужаса. По знаку короля палач и ей раздробил палицей череп.

Однажды Чака спросил человека, приговоренного к смерти за нарушение правил о трауре:

— Что хорошего оставляешь ты на земле?

— Могучий Слон, — ответил тот с приличествующим случаю тактом. — Я оставляю своего короля. И еще я оставляю ребеночка, который только начинает улыбаться, и телка, который начинает резвиться. Услышав это, Чака растрогался и приказал отпустить осужденного.

После смерти матери Чака проводил много часов в обществе одной Пампаты. В своей обычной спокойной манере она не столько словами, сколько молчанием и слезами упрекала его за лишние казни.

— Ты одна, Пампата, искренне горюешь по моей матери, которая «ушла вниз», — сказал он ей однажды.

— Я горюю, потому что знаю: она несчастна из-за этих жестоких казней, которые, конечно, наполняют ее сердце ужасом.

— Ты говоришь верно, но я был болен. Боль в моем сердце уступала только боли в голове, которую сверлили мозговые черви.

— Ты больше не болен и все же убиваешь людей за то, что они недостаточно низко склоняются перед тобой или не подползают к тебе на брюхе, как побитые псы. Было время, когда весь народ любил тебя, теперь же ты внушаешь только страх.

— Страх — единственное, что они понимают. Управлять зулусами можно, только убивая их. Кто такие зулусы? Это обломки двухсот или даже большего числа кланов, которые мне пришлось разбить, придав им новую форму. Только страх перед смертью скрепляет их. Настанет время, когда зулусы превратятся в единый народ и о кланах будут помнить только по их названиям, сохраняющимся в виде изибонго (фамилий). Пока же пусть они трепещут, услышав мое имя.

— Тебе придется окружить себя телохранителями, ибо чаша страдания народа переполнится.

— Мне вовсе не нужны телохранители: при приближении ко мне у храбрейших дрожат колени, а сердца их превращаются в воду. При этом у них кружится голова и они теряют способность рассуждать, ибо их парализует испарина страха. Они не знают иной воли, кроме воли своего короля. Для них он существо сверхъестественное, властелин неба и преисподней.

Пампата вздохнула:

— Что сказал бы об этом наш добрый отец Мбийя? Помнишь, он предупреждал тебя, что избыток власти хуже постоянного курения конопли. Еще хуже то, что ты теперь уверяешь, будто именно Мбийя, являясь тебе во сне, уговаривает тебя убивать людей. А ведь ты знаешь, что он все время проливает слезы. Таким вот, плачущим, он каждую ночь предстает передо мной.

— Я ничего не делаю без причины. Когда я поднимаю голову и при виде стервятников, кружащих над краалем, говорю, что королевские птицы голодны, это даст мне возможность «вынюхать» тех, кого я считаю опасными для страны. А их смерть служит другим суровым уроком.

— Мбийя говорил тебе: берегись того времени, когда ты окажешься единственным взрослым быком в краале и, опьяненный властью, начнешь убивать безвредных волов, коров и даже телят. У белых людей — твоих больших друзей — тоже тяжело на сердце, их тошнит от того, что они видят каждый день. Ты говоришь, что они умнее нас. Почему же тогда тебе не прислушаться к тому, что безмолвно говорят их сердца?

Но Чака все продолжал горевать. И пока он горевал, бедам его народа не было конца. В заключение следует рассказать о поступке, до которого его довела скорбь. Этот пример выявляет странности его натуры. И если рассказ покажется читателю проявлением дурного вкуса, прошу простить автора во имя истины.

Итак, воины полка Фасимба и ряда других были выстроены совершенно голыми на площади для парадов. Туда же был выведен полк Нгисимаан под командой Пампаты — три тысячи молодых и красивейших девушек королевства. Разумеется, они не были совсем обнажены (об этом не могло быть и речи), но их наготу прикрывали лишь юбочки длиной четыре дюйма. Тут следует напомнить, что уже в течение полугода половые сношения — даже упу-хлобонга — считались тягчайшим преступлением.

— Дети мои, — обратился Чака к воинам. — Я собрал вас для того, чтобы глаза мои насладились зрелищем подлинного горя, которое причиняет вам моя скорбь. Тот, кто преисполнен печали, не станет думать о любви, когда девушки покажут свои прелести, а они это сейчас сделают. Они тоже горюют и лишены похотливых помыслов. Быть может, среди вас найдутся бессердечные люди, равнодушные к моей беде. Их выдаст непристойная вспышка страсти, которая сразу же станет заметна. Такие люди мне не нужны — они пойдут на корм птицам.

Затем Чака обратился к девушкам и призвал их сделать все возможное, чтобы разбудить скрытые страсти тех, кто ему неверен; тогда отсутствие у этих людей должного пиетета и лояльности будет замечено всеми. Девушки должны немедленно подойти к воинам, высоко поднимая ноги; приблизившись почти вплотную — отойти, а затем подойти вновь. При этом им надлежит петь и хлопать в ладоши.

После этого Чака вновь обратился к гвардейскому полку и приказал воинам стать по команде «смирно», но хлопать в ладоши в унисон с девушками. Король, одетый в форму полка Фасимба, встал лицом к строю. За ним находилось пятеро палачей, вооруженных массивными палицами.

Получив приказ выйти на парад совершенно нагими, воины были ошеломлены. Об этом, да и о последующих событиях лучше всего рассказал Джабула Эма-Бомвини, один из старейших гвардейцев полка Фасимба.

«Отец мой, когда мы получили приказание явиться на парад даже без ум-нц'едо (колпачок на крайней плоти), все мы ощутили тяжесть на сердце, ибо не ведали, что задумал Могучий Слон. Со времени смерти Нанди происходило много странного, но этот приказ превзошел все. В ту ночь нам снились очень тяжелые сны.

Придя на следующее утро на площадь для парадов, мы узнали правду, и дурные предчувствия еще усилились. Ибо — отец мой поймет меня — мы уже много месяцев не имели женщин, а когда мужчина слишком долго голодает, нет ничего удивительного, что зрелище такого количества пищи, притом наилучшего качества, возбуждает его.

Увидев приближающихся девушек, мы напустили на себя скорбный вид, но эти прелестные фигуры с их дивными округлостями зажгли в нашей крови безумное желание, и никакое усилие воли не могло его подавить. Когда же они приблизились, поднимая ноги как можно выше, все мы почувствовали себя кормом для птиц и решили, что Великий допустил одну лишь ошибку, захватив с собой мало палачей.

Нашему командиру приходилось время от времени оборачиваться к строю, как это обычно делают командиры на параде, желая удостовериться, что воины выполняют свой долг. И тут, отец мой, мы заметили, что он виновен, как и все мы. Даже он не смог скрыть своих желаний.

Взвод, находившийся непосредственно перед Могучим Слоном, до единого человека пошел на корм птицам, но даже и это не умерило наш мужской пыл. Чтобы отец мой представил себе, до какой степени взбунтовалась наша плоть, я расскажу, как погиб этот взвод. Даже когда палачи схватили воинов, те не перестали походить на быков, изголодавшихся по коровам. Великий взревел от ярости, увидев, что и поднятые палицы не смогли успокоить виновных до тех пор, пока не опустили на их головы. „Поглядите на них! — гремел Безымянный. — Они не испытывают почтения ни к моей бедной матери, ни к моему скорбящему сердцу. Слова сочувствия, которые они произносили, — не более как пена лжи, предназначенная скрыть их низменные изменнические мысли. Посмотрите на их ими-шиза (толстые боевые дубины — зулусский эвфемизм). Вместо того чтобы печально смотреть вниз, они нахально задраны кверху и направлены мне в лицо. Эй, палачи, прикончить этих отвратительных животных!“

Наш полк Фасимба не зря носил шутовское прозвище „Девичья Радость“, и хотя нам было горько смотреть на казнь воинов, все мы гордились ими. Да, отец мой, они умирали как мужчины и на вечные времена утвердили за полком его прозвище.

К счастью для нас, Великий не мог находиться всюду одновременно, и до поры, до времени мы оставались в безопасности. Но ум наш оцепенел и ничего не мог нам посоветовать. Когда девушки приблизились к нам, мы уже считали себя мертвыми: вина наша стала явной. Но тут на помощь нам пришла их сообразительность: „Шайани амасенде“, — проговорили они тихим шепотом. (Деликатно выражаясь, это означает: „Ударяйте себя туда, куда мы не можем себя ударить“). Так мы и поступили. Но это была такая боль, что даже сейчас, отец мой, я предпочитаю не вспоминать о прошлом, хотя благодаря совету девушек мы не пошли в тот день на корм птицам.

Когда девушки удалились, Великий обошел строй, внимательно присматриваясь к каждому воину. Но мужские наши достоинства поникли так же, как и головы: начиная от командира и кончая последним воином, не было ни одного человека с малейшими признаками вины. Так мы доказали, что не имеем низменных помыслов, недостойных памяти королевы-матери.

Великому это, видимо, понравилось, но он не успокоился, пока девушки полка Нгисимаан снова не приблизились к нам. Мало того — он велел им остановиться и изо всех сил призывно дразнить нас. Даже сегодня, отец мой, хотя я уже стар, воспоминание об этом зрелище волнует меня, и я чувствую, что не так уж дряхл, как мне кажется. Но в тот день мне приходилось подавлять стоны от боли, которую я сам себе причинял. Зато я проявлял к девушкам не больше интереса, чем вол при виде коровы. Из полка быков мы временно превратились в полк волов. Все же лучше быть живым волем, нежели мертвым быком, особенно если увечье временное.

Наконец Могучий Слон высказал свое удовлетворение. Его так обрадовала наша победа, что он приказал всем воинам полка носить по одному красному перу бананоеда, которое, как знает мой отец, служит символом почета и победы. Это право предоставляется лишь избранным полкам. И так, отец мой, наши выдающиеся мужские способности чуть было не привели нас на грань поражения и позора. Но когда мы перестали быть мужчинами, нас наградили как победителей. Впрочем, для полка, одержавшего победу, у нас был удивительно подавленный и горестный вид. Страдая от сильной боли, мы покинули поле для парадов и отправились в свои казармы, где с удовольствием провели день-два, пока боль не утихла. Что же еще сказать, отец мой? Полки, стоявшие за нами, воспользовались нашим опытом. И так как желание возбуждалось в них не так остро, как в нас, им удалось подавить его, не прибегая к столь крутым мерам. Им повезло: ни один воин из этих полков не пошел на корм птицам».

Глава 24 Посольство к королю Георгу IV

Собираясь отправить посольство к королю Георгу IV, Чака предпринял ряд подготовительных мер, необходимых, по его мнению, накануне столь важного шага. На заседании королевского совета с участием приглашенных вождей и белых друзей было решено просить лейтенанта Королевского военно-морского флота Книга взять посольство под свою опеку.

Чака решил, что лейтенант Книг должен иметь официальный статус в его государстве, и назначил английского офицера командиром отборного полка Гибабаньо, который стоял в то время поблизости от королевской столицы — Дукузы, чуть южнее реки Умвоти. Фин ошибочно называет этот полк Дукузским. Зулусские полки иногда обозначались названиями военных краалей, где были расквартированы, но фактически никакого Дукузского полка не было.

Лейтенанту Кингу выдали полную парадную форму командира гвардейского полка, так как его полк был гвардейским. Неизвестно, надевал ли он ее когда-нибудь, но если надевал, то несомненно производил в ней внушительное впечатление: на голове — плюмаж из перьев белого страуса и голубого журавля; плюмаж прикреплялся к меховой шапочке, которая была обшита узкой полоской леопардовой шкуры; с нее на щеки и затылок свешивалась бахрома из такой же шкуры; на плечах богато украшенная накидка из множества темных моховых хвостов, грудь прикрывали тоже хвосты, но белые;

свободно болтающиеся хвосты охватывали тело почти до колен и были прикреплены к щиколоткам. И, наконец, Книг должен был носить белый щит и ударный асsegай. Рисунок Ангаса, который изобразил трех зулусских воинов в царствование короля Мпанде (см. вклейку), даст читателю более полное представление о достижениях зулусской армии в области эстетики.

Король Чака желал, чтобы «брат» его — король Георг IV — узнал, как одеваются зулусы и что они вообще собой представляют. Поэтому он отобрал шесть красивейших «лилий гарема»: краснеющий лейтенант должен был презентовать их со всеми их почти обнаженными прелестями главе Ганноверского дома¹.

Представления Чаки о европейской архитектуре ограничивались знакомством с грубыми и безобразными строениями из необожженного кирпича, которые возводили белые колонисты. Поэтому он решил послать с лейтенантом Кингом шестерых специалистов по строительству хижин — они покажут Ум-Джджи, как построить красивую хижину. Конечно, она покажется маленькой по сравнению с его зданиями, но зато не будет такой уродливой.

Основной же задачей посольства было приобретение «эликсира жизни», то есть средства для окраски и ращения волос, а также переговоры о заключении оборонительного и наступательного союза между Чакой и королем Георгом. В этой связи Чака высказался в том смысле, что неплохо бы Ум-Джоджи поручить своим военачальникам ознакомиться с военным искусством зулусов. Ибо, доказывал Чака, «если в вашей стране идет дождь, какая может быть польза от кремневых ружей, которые как я убедился, совершенно бесполезны при сырости?»

Если же вооружить английскую армию копьями и щитами, она и в дождь сможет атаковать противника, так как это отличное оружие не зависит от погоды. Щитами англичане станут отводить в сторону штыки противника, которые таким образом окажутся бесполезными. А после этого врага будет нетрудно заколоть ударным ассегаем.

Затем Чака объявил, что в сырую погоду, когда мушкеты бесполезны, он готов сразиться с любой европейской армией, равной по численности зулусской, и уверен, что одержит победу. Его несколько смущали пушки, но он утверждал, что орудия уменьшают мобильность армии, а значит, их использование подрывает способность быстро передвигаться, которая составляет основу военного искусства. Рассуждая таким образом, он советовал Ум-Джоджи отказаться от сапог и использовать кожу для изготовления щитов. «Посмотрите на себя, белые люди; когда вы впервые прибыли сюда, почти на всех были сапоги, и вам было так трудно ходить, что мы жалели вас. А теперь вы босы и настолько усовершенствовались в ходьбе, что когда-нибудь сможете почти сравняться на марше с зулусами».

Чтобы покрыть расходы посольства, Чака вручил лейтенанту Кингу восемьдесят шесть слоновых бивней, в том числе один или два очень больших. Чака сказал, что они послужат ему устами (в смысле «представят его королю Георгу»).

Он выразил надежду, что Ум-Джоджи возьмет зулусское посольство «себе под мышку», подобно тому как он (Чака) обошелся с англичанами в стране зулусов. Тут следует заметить, что Чака всегда был великодушен к белым. Со временем зулусские правонарушители стали все чаще искать убежища в английском поселении у Порт-Натала. Возмущенные вожди не раз обращались к Чаке, настаивая, чтобы он потребовал выдачи бежавших, но Чака неизменно отвечал: «Не важно. Они ушли к моим друзьям, а не к врагам. Оставьте их». Фин считал это проявлением «благородства» Чаки.

Посредством тонкой дипломатии лейтенанту Кингу как-то удалось избавиться от обременительных обязанностей опекуна шести почти нагих красоток и шести строителей хижин.

Как мы помним, 1 октября 1825 года бриг «Мэри» потерпел крушение у самого Порт-Натала. На борту его в числе других находились лейтенант Дж. С. Кинг и Натаниэл Айзекс. После почти трех лет тяжелого труда судовой плотник Хаттон построил из обломков брига новую шхуну. Ее окрестили «Чакой». 10 марта 1828 года маленькое судно плавно соскользнуло на ровно дышавшую грудь лагуны, а 30 апреля, провожаемая плачем и стенаниями слуг, оставшихся на берегу, шхуна миновала отмель при входе в гавань и взяла курс на Мыс². На борту ее находились Феруэлл с супругой, Айзекс, а также посольство Чаки к королю Георгу IV. Оно состояло из Сотобе (клан Газу сибийя) в сопровождении двух жен, Мбозамбозы (клан Эма-Нгванени), Пикваана, сына Бизвайю, доверенного слуги Чаки, и Джекоба Пловца — толмача Чаки.

Четвертого мая 1828 года, после четырехдневного перехода по морю, «Чака» бросил якорь в бухте Алгоа (Порт-Элизабет). Тут пассажиры немедленно столкнулись с бездушными чиновниками. Власти с неудовольствием взирали на «Чаку» — судно, прибывшее из-за границы и не значащееся в регистре. На этом основании шхуну конфисковали и поставили на прикол — гнить.

Посольство, которое имело задание отправиться в Кейптаун для переговоров с губернатором, было задержано в Порт-Элизабете, причем губернатор распорядился содержать зулусов за счет казны (большая часть расходов пошла на прог). Чем больше пили зулусы, тем менее уверенными они себя чувствовали. Наконец тревога и нетерпение послов дошли до того, что они предприняли несколько попыток бежать. Они хотели отыскать сухопутную дорогу на родину. Случись это — безопасность европейских опекунов оказалась бы под серьезной угрозой, как только они вернулись бы в Натал.

Почти три месяца посольство бездействовало, пока наконец офицер, командовавший войсками его британского величества в Порт-Элизабете, не получил указания допросить зулусов. Майор Клоэт, щеголявший в красном мундире с блестящим золотым шитьем, засыпал посольство нескончаемыми вопросами; зулусы отвечали с присущим им достоинством.

Лейтенант Кинг не присутствовал при первой беседе. Айзекс, участвовавший во встрече, записал вопросы и ответы.

— Умеет ли Чака писать, — спросил майор Клоэт, — и может ли он начертать какие-либо письма, удостоверяющие его сан?

— Нет, — ответил Сотобе, — он не умеет писать и не может начертать никаких писем.

— Откуда известно, что Сотобе вождь? Какие он имеет отличительные знаки?

— Пучок красных перьев. Их не разрешается носить никому, кроме самого короля и двух или трех главных вождей.

— Прибыли ли вы сюда по доброй воле?

— Нас направил сюда король наш, чтобы выразить свои дружественные чувства губернатору и белым людям, а также с просьбой предоставить ему лекарства и другие нужные вещи.

— Какими полномочиями снабдил вас король, чтобы показать, что он действительно направил вас сюда?

— У нас ничего нет. Нас послали сюда вместе с лейтенантом Кингом.

— У вас нет никакого знака или дара, какого-нибудь тигрового хвоста или зуба, доказывающего, что вы действительно посланы Чакой?

— Обычно мы посылаем скот, но он не уместился бы на судне, а потому Чака прислал слоновые бивни.

— Согласен ли Сотобе отправиться со мной в Кейптаун?

— Нет, мы живем здесь так давно, что нам это надоело, и мы желаем вернуться к своему королю.

— С какой целью вы сюда явились, если не собираетесь встретиться с губернатором?

— Мы слышали, что король наш находится неподалеку от колонии, и хотим вернуться, ибо, как мы поняли, губернатор намерен взять под свою защиту соседние племена. А король не знал об этом, когда мы покидали Натал. Мы слышали также, что лейтенант Кинг встретится с Чакой, и не можем отстать от него, так как никого больше не знаем. Мы считаем его отцом и покровителем. Унбосом Босер (Мгозамбоза) уже давно должен был вернуться на родину. Потом мы смогли бы отправиться к губернатору, чего желал и наш король.

— А если Унбосом Босер возвратится на родину, поедет Сотобе к губернатору?

— Здесь нет лейтенанта Кинга, а потому мы не можем ничего сказать. Но мы не оставим его: он послан с нами и входит в состав посольства.

Бесплодный и бесконечный перекрестный допрос продолжался несколько часов. При следующей встрече он возобновился. На этот раз присутствовал лейтенант Кинг. Вот что написал Айзекс об отношениях белых к посольству:

«Все это вызывало раздражение вождей. Видя, как авторитет власти растрачивается по пустякам, зулусы не только не прониклись уважением к ней, но пришли в состояние крайнего возмущения. Допрос, которому их подвергли, чтобы сбить с толку, приличествовал бы адвокату в Олд Бэйли³, но не офицеру, выступавшему от имени губернатора обширной территории, подвластной британской короне. Не знаю и не могу предположить, что именно вызвало подобную попытку запутать двух-трех неграмотных людей, прибывших со специальной миссией от своего короля, но без всяких колебаний смею утверждать, что такое поведение отнюдь не к лицу офицеру, представляющему губернатора».

К несказанному облегчению, а также и удивлению всего посольства, 2 августа 1828 года в бухту вошел корабль его величества «Геликон», чтобы доставить посольство обратно в Натал. Послы отказались подняться на борт без своего покровителя лейтенанта Кинга, и тот выполнил их требование. Отплытие корабля вызвало у них великую радость. 17 августа «Геликон» прибыл в Порт-Натал и доставил посольство с подарками Чаке от властей Капской колонии. Хотя зулусская миссия не достигла своей цели, она по крайней мере привезла на родину важную весть о том, что британские вооруженные силы дадут отпор любому вторжению на туземные территории⁴, прилегающие к Кафрарии.

Почти сразу после отправления посольства Чака решил, что настало время начать давно задуманную войну против пондо. Предварительные шаги были им предприняты за месяц до смерти матери — он послал своих шпионов разведать будущий театр военных действий. Шпионы эти были набраны из остатков тембу, ранее подчинявшихся Нгозе, которые нашли убежище у Чаки. Они хорошо знали область пондо.

Чака считал, что, пока его послы находятся в английских владениях, он располагает отличными адвокатами на случай каких-либо осложнений с британскими пограничными постами, расположенными в ста милях от южной границы страны пондо. Во всяком случае он проверит, как далеко простирается британская сфера влияния в направлении его страны. Таким образом, создалась деликатная ситуация, требовавшая большого такта.

Кампания против пондо, первоначально задуманная как чисто военная экспедиция, должна была послужить теперь траурной охотой в память умершей матери Чаки.

При всех погребальных обрядах воинам надлежало омыwać свои копья в крови. А тут предстояло великое омовение кровью, достойное выдающегося положения, которое занимала покойная Нанди. Шпионы и разведчики из числа тембу провели войско не обычным путем, вдоль побережья, а по известной им тропе, проходившей в глубине материка.

Огле⁵ сформировал и возглавил роту мушкетеров. Она состояла из готтентотов, служивших ему и Фину, а также туземцев и была придана зулусской армии.

Фин построил крааль на реке Умзимкулу, куда перенес свою штаб-квартиру Чака.

«Я отправился навстречу королю, — пишет Фин, — и встретил его примерно в сорока милях от его поселка. Он расположился на ночлег, оставив все свое войско в пяти милях за собой. Утром мы двинулись вперед и во второй половине дня прибыли в один из моих краалей, где у меня было около ста муйдов⁶ кукурузы. По его просьбе я отдал весь этот запас на нужды войска.

На следующий день мы прибыли в мою резиденцию (у реки Умзимкулу). Зная, что хозяин дома, принимающий у себя короля, должен, по обычаю, подарить ему вола, я пригнал

все свое стадо и предложил Чаке взять столько волов, сколько он захочет. Король отобрал семнадцать и избрал своей штаб-квартирой мой поселок.

К этому времени я хорошо изучил язык, нравы и обычаи зулусов, а потому приятно проводил время с Чакой. В часы досуга он всегда искал моего общества. А я при этом имел возможность досконально выяснить мотивы его действий».

Крааль Фина был самым южным пунктом, до которого дошел Чака. Здесь он оставался с Фином до конца кампании, командуя своими войсками. Чака разделил их на две дивизии. Первую возглавил генералиссимус Мдлака, которому предстояло действовать вдоль побережья и победить Факу, короля пондо. Второй под командованием Маньюнделы, сына Мабуйи, надлежало сразиться дальше, в глубине материка, с тембу и беженцами из Натала. Рота мушкетеров была тоже разделена: одна часть ее во главе с Огле сопровождала Мдлаку, другая — Маньюнделу.

Чака был очень занят. Он внимательно изучал донесения обоих генералов, двигавшихся на юг, — несколько раз в день их доставляли ему гонцы — и на основе этих донесений давал свои указания. Прямая связь между генералами тоже поддерживалась гонцами. В краале Фина Чака держал сравнительно небольшой стратегический резерв. Курьеры, прибывавшие из столицы, доставляли королю отчеты о положении дел в государстве, они также отнимали время у Чаки. Их пересылал премьер-министр Нгомаан, к которому Чака относился с большой любовью, помня, что тот покровительствовал ему, когда он был пастушонком.

Когда же Чака освобождался от государственных дел, он призывал к себе Фина. Англичанин учил красоток из королевского гарема печь оладьи из растертой зеленой кукурузы, смешанной с жиром, и жарить бифштексы по-английски. Результаты обучения до того понравились Чаке, что он послал в Порт-Натал специального курьера с заданием раздобыть сковороду, такую же, как у Фина, и попросил англичанина продемонстрировать все его кулинарное искусство.

Фин оказался превосходным хозяином, и зулусский диктатор получал большое удовольствие, садясь на стул, обедая за столом с тарелок и блюд, покрытых эмалью, а не с деревянных, как у себя дома. Все это было ему внове. Но когда Фин попытался ввести в употребление вилки, Чака отмахнулся от них, сказав: «Вилка — орудие опасное и бесполезное. Опасное потому, что может поранить того, кто им пользуется, а бесполезное по той причине, что в случае необходимости им нельзя воспользоваться как колющим оружием. Ложки же, наподобие тех, какими пользуются зулусы, нужны, особенно когда едят мягкую пищу».

Крааль Фина был его домом, а для англичанина «мой дом — моя крепость». Чака, имевший поблизости два полка, а неподалеку — большую армию, обладал такой властью над людьми, что достаточно было ему прищурить глаз, наполовину согнуть палец или слегка кивнуть — и жизнь любого могла считаться законченной. Фин, однако, совершенно недвусмысленно дал понять Великому, что возражает против каких бы то ни было казней «у себя». Чака уступил, сказав, что в самом деле было бы некрасиво проливать кровь в доме, где он остановился, или поблизости от него. Поэтому король отдал строгий приказ, чтобы всех приговоренных к казни умерщвляли на некотором расстоянии от крааля Фина. Чака уважал этикет не менее чем диктатуру!

Между тем Фин выполнял и функции советника. «Зная, что я знаком с Факу, королем пондо, Чака спросил меня однажды утром, согласится ли Факу стать его данником, если он отзовет свои войска. Я дал утвердительный ответ и порекомендовал для начала возвратить девушек, захваченных и пересланных Чаке его армией, а также прекратить уничтожение посевов кукурузы. Чака согласился и послал к Факу гонцов с предложением мира, возвратив в доказательство своей доброй воли⁷ всех женщин; кроме того, он приказал армии отступить

и прекратить уничтожение посевов. Вместе с войсками прибыли гонцы от Факу и несколько вождей соседних мелких племен. Они поблагодарили Чаку за то, что он великодушно пощадил им жизнь. Их одарили скотом, взятым из стад, захваченных у них же».

Британские власти получили весть о продвижении зулусов на юг, а также сильно преувеличенные сведения об опустошениях, произведенных ими в Кафрарии⁸. Этим, возможно, объясняется странное поведение майора Клоэта по отношению к зулусскому посольству. Хотя англичане были встревожены, они действовали так медлительно, а генералу Бурку, командовавшему войсками в Грейамстауне, понадобилось для сборов столько времени, что он прибыл на место через месяц после окончания зулусского рейда. Между тем в мае, июне и июле зулусы шли на юг, убивая и грабя местных жителей. Пондо спасались со своими стадами в зарослях и лесах, где враг не мог их найти. Затем армия Чаки переправилась через реки Умзимвубу и Умтату, покинув таким образом владения Факу, и вторглась в область племени бомвана, которое также укрылось в зарослях. С уходом зулусов пондо вышли из своих убежищ. Тогда зулусы повернули обратно, захватили столицу Факу и тридцать тысяч голов скота — целое богатство.

Месяц спустя в страну пондо явился майор Дандас — гражданский комиссар округа Олбани — в сопровождении примерно сорока молодых англичан и голландцев. Этот отряд по заданию генерала Бурка производил разведку боем. Расспрашивая разоренного и подавленного Факу, Дандас узнал, что зулусы действуют в землях тембу, на реке Умтате. На самом деле, однако, это были не зулусы, а нгвааны во главе с Мативааном, переселившиеся из Басутоленда. Не зная или не желая знать этого, Дандас напал на переселенцев и рассеял их, а затем вернулся в свою штаб-квартиру для доклада начальству.

На границе Капской колонии Мативаан встретил полковника Сомерсета, который командовал тысячей конных колонистов и восемнадцатью тысячами воинов коса и тембу. Сомерсет, очевидно, не ведая, что творит, напал на несчастных нгваанов и уничтожил их.

К зулусскому войску белые не приближались, и Чака по совету Фина приказал своим полководцам избегать столкновений с ними, если такое сближение все же произойдет. Между тем дивизия Мдлаки с тридцатью тысячами голов скота, захваченными у пондо, и другими трофеями возвратилась во главе с королем на берег Умзимкулу и пировала по случаю победы.

Армия же Маньонделы действовала в холодной возвышенной и лесистой местности в районах хребта Ингсли, гор Эйлиф и Фир, где разыгрались ожесточенные бои с зелему-вуше и другими бац'а. Но скота она захватила мало, так как эти племена и кланы сильно обеднели.

В одной из жарких схваток Маньондела был отрезан от главных сил и убит вместе со своей личной охраной. Когда дивизия Маньонделы прибыла в крааль Фипа на реке Умзимкулу, там как раз царило веселье. Узнав о смерти Маньонделы, Чака пришел в ярость и обвинил в трусости дивизию, допустившую гибель своего командира. Он очень любил Маньонделу и не успокоился, пока значительное число воинов не было казнено за трусость. Так веселье сменилось горем и печалью.

Грустный пир продолжался еще один день, после чего Чака отдал приказ сняться с места и идти домой.

«При переправе через Умзимкулу во время половодья, — пишет Фин, — течение могло увлечь многих мальчиков. Предвидя это, Чака снял с себя все, кроме головного убора, вошел в реку и пробыл в воде полтора часа. Он следил за тем, чтобы воины помогали мальчикам, а не бросали их на произвол судьбы. Собрав полузахлебнувшихся ребят, он велел развести костры, чтобы помочь им прийти в себя.

Ночь Чака провел в краале, где я отдал ему запас кукурузы. Там он казнил одну из

своих „сестер" (женщин гарема) за то, что она взяла из его табакерки щепотку табаку. Подобные крайности в поведении одного и того же человека показались мне странными, но позднее я убедился, что такие противоположные чувства, как доброта и чрезвычайная жестокость, слиты в нем воедино.

Как только мы завидели вдаль новую столицу — Дукузу, — король расположился на отдых поблизости от гурта скота. Он призвал к себе пастухов и спросил, сосут ли они недавно отелившихся коров. Мальчики отрицали, что делали это. Он приказал им дать обычную клятву (то есть поклясться именем Чаки), но они отказались, зная, что виновны. Тогда Чака велел им идти к войску, находившемуся примерно в миле от него, и передать командиру, что король приказал казнить их. Они выполнили приказ и были немедленно убиты».

Фин не видел этих мальчиков, но, по зулусскому преданию, суровый старый командир полка, состоявшего из ветеранов бригады Белебеле, заплакал, когда дети передали ему приказ.

— Вы — герои; как мужчины и герои, вы умрете от копья, а не от палицы, предназначенной для преступников, — сказал он.

Услышав эти слова, мальчики гордо построились в одну шеренгу, автоматически заняв в ней места, соответствовавшие их возрасту. Восемилетние дети не менее стойко, чем старшие, ожидали смерти, которая приближалась к ним в облике молчаливых, объятых скорбью воинов, которым был дан приказ убить детей. «Они умерли как мужчины».

Фин осуждал Чаку за эти и другие столь же варварски жестокие убийства. Чака возражал, что приказ есть приказ и весь народ должен знать, что ожидает тех, кто не считается с его желаниями и повелениями. Законы и распоряжения существуют для того, чтобы им подчинялись, и любое послабление приведет сначала к распущенности, а потом к хаосу. «Важно установить виновность человека, а наказание одно — смерть, даже если его проступок кажется незначительным. Если б я поставил тебя на свое место всего лишь на одну луну, страна зулусов распалась бы на части: следуя глупым взглядам белых людей, ты стал бы прощать мелкие проступки. Но проходить мимо них — это все равно что не замечать, как лопнула нательная рубаха, из тех, что изготавливают у тебя на родине. Вскоре на ней появятся большие дыры, а затем она превратится в такие же лохмотья, какие я вижу на тебе. Не забывай об этом, если тебе доведется когда-нибудь править целым народом, особенно таким непокорным и воинственным, как зулусы. Право, Мбуязи (так называли Фина зулусы), когда я гляжу на тебя и твою рубаху, мне хочется смеяться, ибо ты уже сейчас похож на сакабула (самец птицы-вдовушки с длинным хвостовым оперением), который только что вырвался из когтей ястреба. А все почему? Да потому, что ты не починил вовремя свою рубаху, считая, что ничего дурного с ней не случится. Когда ты наденешь другую, целую — позаботься о ней, а пока не научись этому — нечего учить меня управлять зулусами; твои мысли по-этому поводу столь же глупы, как поведение человека, который мочится против ветра (то есть противоречат здравому смыслу)».

Чака, привыкший к кипучей деятельности, не мог допустить, чтобы его армия прозябала в праздности. Уже на берегу реки Умзимкулу он заговорил об этом на военном совете и, даже не выслушав мнения присутствующих, решил не давать войску ни дня отдыха на родине. С крайнего юга армия должна была отправиться на крайний север и, обогнув бухту Делагоа, ударить по Сошангаану, — к этому времени он стал независимым правителем, и могущество его все время росло. Власть Чаки была настолько велика, что никто из членов совета — даже Мдлака — не решился ему противоречить. И когда армия прибыла к реке Умгени и стала лагерем там, где сейчас находятся две площадки для игры в гольф, Чака издал «указ»: «Марш в страну Сошангаана, чтобы и духу вашего здесь не было».

Несомненно, что Чака был самым популярным и уважаемым из королей зулусов, их

национальным героем, — но только до кончины своей матери. После же смерти Нанди, когда меланхолия, охватившая короля, толкала его на отвратительные поступки, отношение к нему изменилось.

Как нередко бывает, подготовка к перевороту началась в придворных кругах. Мкабайи и М-Мама — тетки Чаки — первая была ловкой интриганкой с железной волей и ядовитым языком — стали нашептывать мятежные слова Мхлангане и Дингаану. «Сколько еще мучиться зулусам? Страна взывает к вам! Торопитесь, или вы станете очередными жертвами!» Мкабайи превратила в свое послушное орудие коварного Мбопу, королевского министра двора. Это стало возможным потому, что между королем и всеми его друзьями наступило отчуждение: как и все остальные подданные, они боялись Чаку.

Кроме того, Мкабайи ожесточила друзей Нанди, распуслав ложный слух о том, что королева не умерла от болезни, а была убита Чакой. (Кстати сказать, этот слух был в дальнейшем подхвачен местными жителями, бежавшими в Порт-Натал. К списку гнусностей, приписываемых Чаке, они с готовностью добавили убийство матери. Вот истоки клеветы, которую распространили в дальнейшем некоторые писатели и другие лица).

Северный поход армии, уже измотанной кампанией против пондо, явился той каплей, которая переполнила чашу. Между тем король, оставшийся дома, среди женщин, обратил свой гнев на них. С упорством разыскивая тех, кто с помощью колдовства убил его мать, он установил, что некоторые женщины завели у себя кошек, доставленных в его страну через Делагоа. Чака решил, что эти женщины — злые волшебницы, и предавал их казни целыми десятками, пока общее число жертв не достигло почти трехсот. Эти убийства еще больше разожгли ненависть, переполнившую сердце Мкабайи.

Однако непосредственным поводом к выступлению против Чаки его братьев явился приказ короля, полученный армией в краале Ситайи, в местности Ква-Ц'еза. Приказ гласил, что у-диби должны быть отправлены домой, где из них сформируют новый полк — полк «Пчел». Всем же воинам — как рядовым, так и офицерам — надлежит впредь самим носить свои пожитки. Ситайи был отцом Мбопы. В его краале и разработали свой план Дингаан и Мхлангана. Объявив, что они нездоровы, братья короля вернулись в Дукузу в сопровождении Нкунзи-Езипдлову из клана Мбопы. Сводный же их брат Мнандо, не посвященный в тайну заговора, остался с войском.

Однако, дойдя до Дукузы, братья вспомнили об устрашающем величии Чаки, перетрусил и вернулись и свои краали поблизости от Дукузы, известив Чаку о том, что больны. Чака в самых энергичных выражениях высказался по поводу изнеженности братьев, но, к их великой радости, ничего не предпринял. Мкабайи, однако, беспрерывно оказывала на них давление, особенно потому, что казни женщин, державших кошек или подозревавшихся в этом, не прекращались.

Между тем Мдлака потерпел поражение в борьбе с Сошангааном. Теперь он вел свою умирающую с голоду армию по побережью на родину.

Глава 25 Смерть в Дукузе

Чаке был сорок один год, но звезда его уже закатилась, хотя сам он об этом и не подозревал. Одинок и величественный, зулусский император часами предавался скорби или грезил, сидя на большой скале, с которой была хорошо видна вся его столица Дукуза. В таких случаях он брал с собой всего одного воина, но и тот держался вдали, однако на таком расстоянии, чтобы слышать его зов. Духовная прострация, в которую он впал после смерти матери, стала проходить — время излечивало последствия удара, едва не убившего Чаку. Но

мизантропия и связанная с ней дикая жестокость отступали медленнее всего. В остальном мысли Чаки были предельно ясны. Такой же четкостью отличались и честолюбивые планы, которые он строил для зулусской нации.

Как замечает Брайант, Чака не был «обычным зулусом». Хотя он и прибегал к силе, чтобы создать великую нацию и выковать непобедимую армию с невиданной дисциплиной, он отлично понимал, что одной силы недостаточно. Достигнутые результаты никогда не удовлетворяли его. При первой возможности он расспрашивал белых, думая о том, как бы повысить культуру своего народа. Равнодушие зулусов к планам, которые он для них строил, огорчало и раздражало его.

Было бы поучительно рассмотреть поведение Чаки и его народа в свете теории д-ра Арнольда Тойнби о «раздражителе и реакции». Мы знаем теперь, что африканцы не менее умны, чем мы. И если ни один из народов Африки не отказался от невероятно древнего племенного строя, чтобы перейти на более высокую ступень цивилизации, то, возможно, это объясняется отсутствием сильного раздражения со стороны окружающей среды. Соприкосновение с форпостами западной цивилизации могло явиться таким раздражителем. Нельзя не видеть в Дингисвайо, который дружил с белым человеком, обладавшим знаниями и твердым характером, инициатора великих изменений среди африканцев, а в Чаке — человека, предназначенного их осуществить. Но, как указывал Тойнби, если народ не стремится к прогрессу, поскольку вызов, бросаемый окружающей средой и контактами с остальным миром, недостаточен, он может потерпеть поражение, когда соответствующий раздражитель появится, ибо народ не сможет ответить на него должным образом. Даже если бы Чака дожил до семидесяти лет и осуществил свой план посылки в Англию молодых воинов для изучения техники белых, цивилизация Запада не допустила бы дальнейшего возвышения народа нгуни.

«Странно, но факт, — пишет Брайант, — что Чака был столь же замечательным воспитателем, как и военным гением. Подчинение авторитету, закону, уважение к старшим, порядок и самоограничение, бесстрашие и самопожертвование, неустанный труд и выполнение обязанностей перед обществом, — словом, все самые благородные черты характера были тем фундаментом, на котором он строил нацию. Эти добродетели неуклонно прививались зулусам на протяжении всей его жизни и к тому времени, когда он ушел от них, превратились почти во врожденную привычку, стали второй натурой его народа».

Оценивая поступки Чаки, не следует забывать о том, что его народ стоял на неизмеримо более низкой ступени общественного развития, нежели, скажем, древние греки около 1000 года до н. э. Так, например, в архитектуре зулусы не продвинулись дальше хижин, состоявших из каркаса, покрытого травой. Употребление для строительства камня или необожженного кирпича было им совершенно неизвестно. Они не знали колеса и не имели средств передвижения. По воде они перемещались посредством связки сухого тростника, на которую ложились, наполовину погружаясь в воду, а затем делая руками и ногами такие же движения, как при плавании. О их наивности позволяет судить следующий факт: получив от европейца зеркало, они глазели на него с опаской, считая заколдованным, и пытались схватить человека, который, по их представлению, прятался за зеркалом.

Чака, несомненно бывал временами жесток. Но это присуще всем великим полководцам. Тит, самый «гуманный» из римских императоров, во время осады Иерусалима распинал по тысяче иудеев в день для поощрения других¹. Чака велел заживо сжечь пятнадцать женщин. Красс же, разбив Спартака, распял шесть тысяч восставших рабов. Когда в 1631 году ##### взял штурмом Магдебург, жительницы этого города подверглись насилию. Воины Чаки за такое преступление поплатились бы жизнью. Прежде чем судить зулусов, вспомним, как вели себя участники последней войны.

О врожденном уме Чаки можно судить по дошедшим до нас кратким изложениям его бесед с белыми. Любопытный король очень любил разговаривать с Айзексом, на

которого обрушивал град вопросов. Особенно хотелось ему узнать о природе звезд и вообще вселенной. Он наотрез отказался верить в то, что звезды — те же солнца, размерами превышают Землю и свободно вращаются по определенным орбитам.

«А разве кто-нибудь был там и измерил их?» Получив отрицательный ответ, Чака резко сказал Айзексу, чтобы тот перестал пичкать его детскими сказками. Он высказал предположение, что звезды вставлены в огромный свод из голубой породы, вращающийся вокруг земли. Или же свод этот состоит из густой тучи голубого дыма, образованной всеми кострами, которые горят на земле.

Во время первого посещения Чаки Финном, когда король еще страдал от раны, нанесенной ему при покушении на его жизнь, в королевскую резиденцию прибыл плотник-европеец, служивший у лейтенанта Феруэлла. «Его прислали, — пишет Фин, — чтобы построить для Чаки дом европейского типа. Плотник принес с собой пилу, молоток, бурав, тесло и немного гвоздей. Чака пожелал узнать назначение всех этих предметов, кроме молотка, ибо знал, что зулусские кузнецы пользуются аналогичным инструментом. Ему объяснили, для чего служат бурав и гвозди, после чего он послал за куском самого твердого дерева, какое росло в его владениях. Это была разновидность железного дерева. Король пожелал, чтобы плотник испытал свой бурав на дереве, но инструмент немедленно отскочил от него. Тогда плотник сказал, что надо прямо забивать гвозди, без бурава. Однако, когда начали заколачивать гвозди, они стали гнуться самым причудливым образом. Очень довольный собственной хитростью Чака отказался от дома и посоветовал плотнику заняться строительством в Англии, где дерево мягче железа, и не тратить зря сил в стране зулусов, где железо мягче дерева. В дальнейшем он часто говорил о своем намерении послать в Англию шестерых подданных, чтобы они построили для короля Георга дом зулусского типа. Хотя его заверили, что дома короля Георга больше его хижин, он не был убежден, что они построены столь же аккуратно».

В другом случае лейтенант Кинг пытался объяснить Чаке, что Земля — шар. Чака был готов признать, что она представляет собой половину шара или подобна блюду — иначе воды океана не удержались бы на ней.

Когда лейтенант Кинг стал доказывать, что Земля вращается с запада на восток, Чака тут же предложил ему продемонстрировать это явление при помощи тыквы. Он положил на нее несколько кукурузных зерен, изображавших людей. «А теперь поверни ее и посмотри, что получится». В результате лейтенант оказался в дураках, и Чака от души посмеялся над ним.

Однако офицер королевского военно-морского флота отказался признать себя побежденным. Он заметил Чаке, что корабль, отплывший прямо на восток от мыса, подобного тому, на котором стоит Кейптаун, со временем вернется с запада. Чака спросил его, возможно ли все время плыть в этом направлении, не натыкаясь па сушу. Лейтенант Кинг признал, что это невозможно; чтобы не наскочить на сушу, нужно время от времени менять курс, поворачивая к северу и к югу.

Чака задумался, а потом воскликнул:

— Другими словами, вы поворачиваете направо и налево, чтобы обойти препятствия, и, значит, поступаете также, как мы на суше, когда обходим холмы, заросли густого кустарника и скалы.

— Совершенно точно, — ответил лейтенант, довольный том, что его доводы дошли до собеседника.

— Итак, ты «главный следопыт» (штурман) одного из кораблей короля Джоджи и мог бы, выйдя из судового крааля (порта), направиться на восток, а затем вернуться через много лун с запада?

— Йебо, баба.

— Вчера вечером, когда ты вышел со своими моряками из охотничьего лагеря и хотел без проводников-зулусов достичь Булавайо, вы направились на восток, а к восходу солнца вернулись в свой лагерь с запада. Как это произошло?

Лейтенант Кинг смутился и признал, что они заблудились и ходили по кругу.

— Ты это сказал! — воскликнул торжествующий Чака. — Такой же круг описываете вы па кораблях. Стараясь избежать столкновения с сушей, вы сбиваетесь с пути, как сбились минувшей ночью. Ведь на марше вам тоже приходилось обходить препятствия. Значит, разговоры о том, будто вы плаваете вокруг блюда или разрезанной тыквы, спускаясь сверху вниз, а не просто описываете круг на ее поверхности, — одна глупость. Право же, М'Кинги (так зулусы называли лейтенанта Кинга), если б я не знал тебя лучше, то подумал бы, что в голове у тебя ама-бунгези (большие черви, которые водятся в мозгу у овец). Придется мне послать Джоджи зулусских проводников. Они-то уж не собьются с пути, ибо умеют находить дорогу по ветру.

Когда Айзекс объяснил Чаке, «что религия нашего народа учит верить в верховное существо, первопричину, именуемую богом, который создал все», король выслушал его с напряженным вниманием, но явно не представляя себе, что же такое религия. По словам Брайанта, «напряженное внимание» объяснялось удивлением, которое вызвало в нем сильное сходство между «верховным существом» белого человека и его собственным У-Кулукулваане (Большой-Большой маленький). «Несомненно он имел некоторое представление о Кулукулваане, ведь это был, между прочим, основатель его рода (и, кстати сказать, гордый обладатель двух плодовых жен). Это он „сделал" первого человека, а затем создал для него весь мир. Ни один зулус никогда не спрашивал, откуда взялся сам Кулукулваане, да ведь и мы не спрашиваем, откуда бог. Он был для них началом вещей, дальше этого их мысль не достигала. Создав человека и запустив наш мир, Кулукулваане любезно удалился. Больше о нем не слыхивали, за исключением одного случая, когда он послал к человеку саламандру с приказом умереть, а потом хамелеона, чтобы отменить этот приказ. Но хамелеон — это воплощение медлительности — прохладился в пути, саламандра опередила его, и человек умер. Да, умер, но он оставил на земле другого, который продолжил род. И этот другой стал поклоняться своему родителю, как маленькому кулукулваане».

Чака тоже хорошо знал своих предков-кулукулваанов, больших и малых. И хотя не страшился никого из живых, сильно побаивался мертвых. Он знал, что они продолжают жить, пусть не во плоти, ибо часто видел их во сне, выслушивал их советы и выговоры. Из всех умерших он особенно чтил Мбийю, хотя тот был совсем даже и не предком, а приемным отцом, который заботился о маленьком изгнаннике в годы его детства и юности, проведенные в стране мтетва.

Чака напряженно и нетерпеливо ждал возвращения своих послов. Поход в страну пондо расширил его географические познания. Оказалось, что сфера влияния англичан ближе к его владениям, чем он предполагал. Такое положение имело свои теневые стороны, но было и одно преимущество: ничто не мешало установить дружественные связи с белыми по суше. Долгое время Чака носился с идеей послать один из самых младших полков за море для изучения грамоты, а также всех ремесел, известных подданным короля Георга, но ему мешало отсутствие судов. Теперь же он узнал, что король Георг обладает солидным форпостом, которого можно достигнуть по суше, а это совершенно меняло дело. Если посольство вернется с благоприятными вестями, он сможет тут же направить на Мыс два полка, которые преодолечат расстояние пешком. Один из них будет состоять из юношей-воинов полка Изи-ньоси: Чака и формировал-то его с этой целью. Закончив обучение, полки

вернутся, — возможно, вместе с белыми наставниками — и в свою очередь станут учить остальных зулусов. Так будут приобретены знания, которые делают белых столь могущественными.

Между тем Чака внушал подданным, что ему не нужно телохранителей и что достаточно одного его грозного присутствия, чтобы утратить любых злоумышленников. Он зашел в этом отношении так далеко, что новому полку даже было приказано построить себе казармы в нескольких милях от Дукузы.

Семнадцатого августа 1828 года зулусское посольство в сопровождении Кинга, Феруэлла и Айзекса высадилось в Порт-Натале. Лейтенант Кинг чувствовал себя очень плохо — он страдал болезнью печени, от которой и умер 7 сентября. Чака был крайне удручен тяжелым состоянием своего друга и принес в жертву двух быков, чтобы тот выздоровел. Ему очень хотелось как можно скорее увидеть в Дукузе посольство, которое должно было привезти «эликсир жизни».

Из-за болезни Кинга послы-зулусы распаковали тяжелый ящик с подарками от «короля Георга» (властей Капской колонии), чтобы облегчить перевозку груза. Тут обнаружилось, что единственный ценный дар — кусок алой ткани двойной ширины. Кроме того, в ящике находилось несколько листов меди, кое-какие медикаменты, ножи и всякая дребедень. Лейтенант Кинг добавил от себя красивое зеркало, бусы и разные мелочи.

«Сотобе предпринял попытку смягчить гнев своего государя при помощи потока льстивых слов. Пока он исполнял свой хвалебный гимн, перед Чакой выкладывали подарки. Он сделал вид, что не видит их, и спросил: „Где большой ящик, посланный губернатором?“ В ответ слышались правдивые, но малоприятные объяснения. „Видите, — загремел Чака, — указывая на Сотобе с товарищами, — эти подлецы не заботились о моих интересах; они обманывали меня. Виноват и Фин, который заставил лейтенанта Кинга открыть мой ящик; он, как обезьяна, всюду сует свой нос!“»

Чака решил отправить к белым более солидного посла и выбрал для этого Джона Кейна, которого должны были сопровождать Мбозамбоза и Номандлабхи. Впоследствии они были, однако, отозваны и заменены Айзексом. О качестве присланных ему даров Чака имел вполне точное представление. По словам Брайанта, он считал их ничего не стоящей дрянью. Рассматривая их, он с помощью Айзекса стал искать эликсир. Англичанин записал, что, не найдя эликсира, «Чака был чрезвычайно разочарован. Горько вздохнув, он улегся на циновку и заснул».

Седьмого сентября 1828 года Чака считал, что срок траура по его матери истек и наступило время «вернуть ее дух домой», а двору и всей стране — возвратиться к нормальной жизни. Приняв такое решение, он совершил обряд очищения от мрака, в который погрузился после смерти Нанди. «Для этой церемонии каждый скотовладелец доставлял несколько телят: затем поочередно вспарывал телятам брюхо с правой стороны и вырезал желчный пузырь, оставляя животное издыхать в страшных муках. Телят этих не разрешалось есть». Чака хотел, чтобы напоследок даже животные издавали стоны скорби. В связи с обрядом очищения были специально мобилизованы запасные полки. «Каждый из них проходил церемониальным маршем вокруг Чаки. При этом скотовладельцы, державшие в руках желчные пузыри, обрызгивали воинов желчью».

До совершения этого обряда Фин опасался, что Чака завершит траур новыми человеческими жертвами. Поэтому он явился к королю и сказал, что хочет обратиться к нему с просьбой по очень важному делу.

— Чем ты так встревожен, Мбуязи? — спросил Чака. — Если я могу помочь тебе — рассчитывай на меня.

— Я опасюсь, что опять начнется резня, — отвечал Фин.

— И это все? — с улыбкой сказал Чака. — Тогда не бойся. Обещаю тебе, что никто больше не будет убит.

Фин отметил в своих записках, что Чака сдержал слово.

Подавленное настроение сменилось общей радостью. Зулусы предавались бешеным пляскам, сопровождавшимся веселыми песнями. «Было заколото много быков. А Чака подвергся окончательному омовению особыми составами, которые приготовили туземные врачеватели». Затем «король с большей частью своего народа отправился в дальний лес для совершения национального обряда снятия траура... После этого все пошли купаться в реке, как предписывал обычай. Только тогда Чака разрешил жителям своих владений снять траур».

На прощание премьер-министр Нгомаан обратился к собравшимся со следующей речью: «Народ, — сказал он, — целый год оплакивал ту, которая стала духом, оберегающим Чаку. Но есть и другие народы, населяющие иные страны. Они не явились сюда оплакивать смерть Великой матери земли и кукурузы. Очевидно, они воображают, что, если до сих пор не покорены, это не случится с ними и в будущем. Ничем иным нельзя объяснить их поведение. Раз из глаз этих народов нельзя выжать слезы, надо начать против них войну. Захваченный скот станет слезами, пролитыми на могиле Нанди».

После этого запасные полки были демобилизованы и распущены по домам, чтобы Чака мог жить в «блестящей изоляции» от воинов и стражей. Он уверял, что в охране нуждаются только робкие, слабые или заурядные властители.

Чака продолжал хранить гордое одиночество, а тем временем в песочных часах его жизни одно отделение пустело, а другое заполнялось, показывая приближение конца. Он совершил почти невозможное: прошло ведь всего двенадцать лет с тех пор, как он стал вождем небольшого клана зулусов и главой маленького государства, из центра которого за час ходьбы можно было достигнуть любого рубежа. В то время подвластная ему территория составляла всего сто квадратных миль, теперь же она достигала двухсот тысяч квадратных миль; племена, отколовшиеся от его империи, распространяли свою экспансию все дальше и дальше, постепенно подчинив себе еще миллион квадратных миль. Он довел свое войско, представлявшее собой сначала беспорядочную толпу в пятьсот человек, до пятидесяти тысяч человек. Дисциплина в его армии стояла выше, чем в римских легионах в лучшие для них времена. Одно лишь имя Чаки заставляло трепетать все племена от реки Грейт-Кей до Замбези и от Индийского океана до самых отдаленных уголков Бечуаналенда.

Сидя на скале у Дукузы, как орел в гнезде, Чака устремлял свой взор в глубину материка. Слева от себя он мог видеть полосу океана. Чака думал о том, чтобы заселить пустующие земли Натала народом свази с севера, а страну свази — коса, тембу и бац'а с юга. Все они говорили по-зулусски или по крайней мере на родственных диалектах. Чака намеревался посвятить следующие двенадцать лет своей жизни делу колонизации и укрепления своих владений, но главной своей задачей он считал овладение знаниями белого человека; через эту школу должны были в будущем пройти все его подданные.

Итак, через двенадцать лет он одолеет невежество с той же энергией, какую проявил при создании зулусской нации. «И тогда, — думал он, — зулусы смогут померяться силами с величайшими народами земли». К этому времени он будет располагать также «эликсиром», который продлит его жизнь за нормальные пределы, а это даст ему достаточно времени для осуществления всех его честолюбивых планов. Чака принял твердое решение никогда не вступать во вражду с англичанами. Напротив, он хотел связать оба народа самыми тесными узами, так как считал, что борьба между ними может только причинить вред обеим сторонам.

Таковы были мечты Чаки, которыми он поделился с Мбопой и Пампатой. Между тем Мкабайи не давала покоя Дингаану и Мхлангане. Используя весь свой яд, она неустанно

призывала их собраться с духом и убить сводного брата. Оба они не раз отправлялись в Дукузу, чтобы действовать. Но, увидев атлетически сложенного колосса, с его сверлящим взором, они всякий раз чувствовали, что кровь их превращается в воду, а мужество замерзает. «Он грозен!», — шептали они и возвращались домой. Один, без стражи, без оружия, Чака продолжал внушать им ужас, хотя под кароссами у них были спрятаны укороченные ассегаи.

Снова и снова Пампата выговаривала Чаке за то, что он отказался от стражи. Премьер-министр Нгомаан умело поддерживал ее.

— Безумие превращать себя в мишень для врагов, — говорил он.

— А кто мои враги? — спрашивал Чака.

— Кто знает? — говорила Пампата. — Всякий, кто затаил обиду, честолюбец, стремящийся занять твое место, или человек, который боится тебя. Любой из них может стать твоим убийцей.

Чака смеялся.

— Мои братья не честолюбивы. Дингаан — тряпка и ни о чем, кроме женщин, не думает, а Мхлангана — слишком честный воин, чтобы замышлять что-либо против меня. К тому же я хорошо отношусь к ним — зачем же им меня убивать?

— А Мбопа?

— Он слишком напуган, чтобы действовать. Да и к чему ему вредить мне, когда я столько для него сделал?

— Возможно, кто-нибудь подстрекает твоих братьев и Мбопу. Говорит им, что вслед за другими ты убьешь и их. А страх придает отчаяние, как ничто другое.

— Кто же может подстрекать их?

— Сердце Мкабайи полно ненависти.

— Это ядовитая старая жаба, но весь яд у нее в языке, а сердце чистое. Вспомни, как она поносила беднягу Мгобози, но когда в день великого «вынюхивания» ей показалось, что он обречен, по лицу ее потекли слезы.

— И все-таки она ненавидит тебя. За убийства после смерти «нашей матери», когда ты погрузился во мрак.

— Но я уже вышел из «мрака». И ты это знаешь, Пампата.

— Верно. Но раз зажженный огонь не гаснет, пока есть топливо. А страх — топливо легко воспламеняющееся.

— Откуда ты все это знаешь, Пампата? Ну, вот насчет Мкабайи?

— Есть вещи, которые мы, женщины, узнаем сердцем, и слова тут не нужны.

— Хорошо, так что же я должен по-твоему сделать?

— Убей Мкабайи и Мбопу, а Дингаана и Мхлангану отправь в изгнание.

— Что! Убить сестру отца и моего личного слугу! Никогда я не наложу руку на родных или слуг.

Мхлангана, Дингаан, Мбопа! Последнее время они что-то слишком часто бывали вместе, и Чака стал задумываться над этим. Но он все еще не замечал никакой вины за своими братьями. В ночь на 21 сентября 1828 года он видел страшные сны. Снилось ему, что он мертв, а Мбопа служит другому королю! Проснувшись, он рассказал сон гаремной болтушке, с которой провел ночь. Она же час спустя поведала обо всем Мбопе. На него это

подействовало как набат. Мбопа принялся точить оружие.

Чака явно становился подозрителен, но все еще не хотел принимать никаких мер. Мысль о том, что братья с Мбопой могут обратиться против него, не укладывалась в голове Чаки.

На следующий день после обеда к нему привели бывшего капитана стражи, обвиненного в преступлении, которое зулусский закон карал смертью. Отставной капитан, потерявший в боях руку, был признан виновным, и Чака приговорил его к смерти, но спросил, не имеет ли он что сказать до того, как приговор будет приведен в исполнение.

— Ничего, Могучий Слон. Хочу только поблагодарить своего короля за то, что он разрешил мне потерять руку, служа ему, и попросить о милости: перед смертью я хотел бы повидать своего ребенка.

— Где твой ребенок? — спросил Чака.

— На расстоянии броска копья отсюда.

— Тогда принеси ребенка сюда и убей в моем присутствии, прежде чем тебя уведут на казнь.

— Байете! — воскликнул капитан и ушел за ребенком.

Когда пораженный горем отец подвел ребенка к королю, глаза Чаки увлажнились.

— Нет, воин, я только испытывал тебя. Ты отдал за меня свою руку, и это смывает с тебя клеймо преступления. А за верность награждаю тебя тремя коровами. Ступай с миром.

В конце дня небо обложили густые тучи, предвещавшие первую в этом сезоне грозу. Свет солнца стал желтовато-зеленым, облака на западе заалели.

Незадолго до захода солнца в этот день, 22 сентября 1828 года², к Чаке прибыло несколько жителей Натала. Он посылал их в страну пондо и пограничные земли за журавлиными перьями, а также за шкурами обезьян, виверр и других животных для королевского гардероба.

Из крааля Дукуза Чака отправился в другой, меньший крааль Ква-Ньякамуби, расположенный поблизости. Там он присутствовал при возвращении скота из вельда и принял рапорт воинов, посланных в страну пондо.

Туда же явились Дингаан и Мхлангана, чтобы засвидетельствовать свое почтение Чаке. Теперь они были готовы действовать, но зрелище короля, окруженного воинами, обескуражило их. Они отошли в сторону, чтобы посоветоваться с Мбопой. Он порекомендовал им встать за тростниковой изгородью, а оружие спрятать под плащиками. Дворецкий, перед который уже маячили богатство и власть, проявил больше решимости, чем убийцы. Он проложил путь своим сообщникам. Чака бранил своих посланцев за медлительность, и Мбопа воспользовался этим.

«Мбопа ринулся на собравшихся с грозным ассегаем в одной руке и толстой палкой в другой. С напускной заботой о благе своего царственного хозяина он бросился на посланцев и принялся избивать их палкой, крича: „Как смеете вы докучать его величеству своими ложными рассказками?“

Посланцы немедленно пустились наутек. Двое пожилых приближенных поднялись, чтобы сделать замечание чересчур рьяному слуге. Ошеломленный Чака замолчал было, но затем издал пронзительный крик, и двоих приближенных вмиг не стало. Выбрав психологический момент, Мхлангана бросился на короля сзади и воткнул свой ассегай, как ему казалось, в левый бок Чаки. Однако благодаря плащикоу клинок пронзил только руку. Дингаан пришел брату на помощь, нанеся еще удар. Вскочив и обернувшись, Чака оказался лицом к лицу с убийцами.

— Это вы, дети моего отца, убиваете меня, — обратился он к ним с высоты своего огромного роста. Грозное величие брата заставило убийц испуганно попятиться. Разве может смертный перенести два таких удара? — Что я сделал, Дингаан? — продолжал Чака скорее с грустью, чем с гневом. — Что я сделал, Мхлангана, почему вы убиваете меня? Думаете, что станете править этой страной, но я уже вижу прилет „ласточек“³. Вы не будете править после моей смерти. Белые люди уже здесь⁴.

Изо рта у Чаки пошла кровь, плащик сполз с его плеч. Затем он повернулся спиной к братьям и с царственным величием направился к воротам крааля. Но Мбопа догнал его и нанес королю удар в спину. Чака еще раз повернулся и воскликнул:

— Как! И ты, Мбопа, сын Ситайи, тоже убиваешь меня! Кровь хлынула у него изо рта.

— Я... я...

Но запас жизненных сил истощился; подобно срубленному дереву, он стал медленно клониться назад и, не сгибаясь, упал навзничь. Даже смертью своей он вселил страх в сердца трех убийц, ибо кто и когда видел, чтобы человек умирал таким образом?»

Долгое время убийцы простояли в полной растерянности, сохраняя мертвое молчание. Они пристально глядели на огромное тело, лежавшее на спине и даже после смерти сохранявшее ореол величия. Только когда широко раскрытые глаза подернулись поволокой, они уверились в том, что Чака действительно мертв, и потихоньку ушли — братья короля отправились в свои краали, расположенные в трех-четыре милих отсюда, а Мбопа — на поиски двух пожилых приближенных, чтобы убить свидетелей преступления. Это ему удалось, и он распространил слух о том, что убийство совершили посланцы, доставившие перья и шкуры.

Услышав эту весть, все население Дукузы бежало в леса, провозглашая: «Гора обрушилась. Властитель мира мертв». Они боялись, что небо упадет на землю или произойдет иная катастрофа.

Даже Мбопа покинул столицу и провел ночь в краале Дингаана. Его и без того напряженные нервы не выдержали зловещей пустоты двух тысяч хижин и ужасающего воя и хохота гиен.

Только один человек оставался в покинутой всеми столице — Пампата. Как и все, она узнала страшную новость, когда уже наступили сумерки. Пампата ничего не смогла разузнать: никто ничего не знал, все были охвачены паникой и думали лишь об одном — как бы скорее выбраться из Дукузы. Как только Пампата бросилась искать тело Чаки, вспышка молнии словно расколола небосвод; вслед за тем раздался удар грома, потрясший землю.

Но это не остановило Пампату, хотя молния сверкала все ярче, а гром гремел с чудовищной силой. Дождь, однако, еще не начался, потому-то молнии и были такими яркими.

Когда Пампата приблизилась к маленькому краалю Ньякамуби, новая ослепительная вспышка осветила местность, и женщина увидела в нескольких ярдах от себя тело короля.

Зарывав, Пампата бросилась на землю рядом с останками любимого и принялась гладить его лицо. Она не могла, не хотела верить, что ее возлюбленный — этот титан ее мира — мертв. Но тут молния осветила его лицо. Пампата увидела остекленевшие глаза и, не в силах больше бороться с неумолимой истиной, издала пронзительный вопль отчаяния, а потом надолго застыла, как бы погрузившись в транс.

Наконец полил дождь. Это словно раскрыло шлюзы в ее глазах, которые до того оставались сухими. Дань ее сердца смешивалась с данью небес и смывала безобразные следы убийства с окровавленных уст и огромного тела.

Наконец буря улеглась. Появились гиены, которым инстинкт подсказал, что город пуст. Тонкий нюх скоро привел их к мертвому телу. Они относились без всякого почтения к знатности и даже королевскому достоинству, но после гибели Чаки родилась легенда о том, что гиены не касаются умерших вождей, так как всю эту страшную ночь Пампата стерегла труп вождя.

Трусливые гиены не приближались ближе чем на десять ярдов — они боятся живых так же, как не страшатся мертвых, умирающих и вообще беспомощных людей, даже спящих. Не в силах овладеть добычей, звери образовали круг, в центре которого находилась Пампата, и подняли отвратительный вой, так сильно смахивающий на безумный хохот. Время от времени Пампата отгоняла их жердью, которую вырвала из ворот. То, что у нее в руках была увесистая палка, удерживало гиен на почтительном расстоянии. Прогнав хищников, она снова становилась на колени подле тела своего короля, покинутого всеми, кроме нее.

Наконец наступил рассвет, и гиены ушли в свои лесные убежища. Но они оставили за собой множество следов, располагавшихся по кругу, а это не могло не вселить страх в сердца тех, кто явился позднее. Пампата уже стерла следы своего пребывания и, попрощавшись с Чакой, укрылась в ближайшей хижине.

Сначала она хотела убить себя на теле возлюбленного, но подумала о том, что его могут лишить приличествующего ему погребения. К тому же она знала, что должна предупредить о гибели Чаки премьер-министра Нгомаана, находившегося в своем краале Нокоти, и Нгвади (любимого единоутробного брата Чаки, рожденного Нанди от незнатного Гендеяны) — это соответствовало бы желаниям Чаки, если бы он мог высказать их перед смертью. Нгвади жил со своим войском как полунезависимый властитель на территории, в свое время унаследованной Чакой. Интуиция подсказала Пампате, что Дингаан, Мхлангана и Мбопа, — она была уверена, что именно они совершили гнусное преступление, — обязательно попытаются уничтожить Нгомаана и Нгвади. Поэтому она считала своим долгом приложить все усилия, чтобы предупредить друзей, а затем уже — и только тогда — она будет иметь право покончить с собой.

Рано утром явились Дингаан, Мхлангана и Мбопа в сопровождении нескольких жителей краала Ньякамуби, который, по сути дела, был частью столицы Дукузы. Они хотели увидеть, осталось ли что-нибудь от трупа после ухода гиен. И остановились, словно пораженные ударом грома, когда убедились, что тело Чаки цело и невредимо, хотя вся земля в краале испещрена следами гиен.

Чтобы выкопать могилу, достойную вождя, не хватало людей, но в краале Ньякамуби было много пустых зернохранилищ. Мхлангана стоял за то, чтобы без церемоний втиснуть труп в одно из них, но Дингаан заупрямился, считая, что поступить так с сыном их отца — кощунство. В конце концов закололи черного быка, тело Чаки завернули в его шкуру и связали веревками. Rigor mortis уже наступил, а потому не удалось придать ему сидячее положение, как это делают с трупом любого зулуса.

Тело Чаки в стоячем положении поместили в зернохранилище, а его завалили каменной крышкой, которую замаскировали колючим кустарником. Мясо заколотого быка опустили в соседнюю яму и запечатали тем же способом, чтобы она служила столовой духу Чаки. Столь же тщательно закрыли все окружающие ямы: убийцы опасались, как бы дух Чаки не вырвался наружу и не стал мстить им.

Как только Пампата убедилась, что Чаку пристойно похоронили, она спрятала под одеждой маленькое игрушечное копье Чаки с красной деревянной ручкой и поспешила на север. Сначала она отправилась в крааль Нгомаана, находившийся на реке Ноноти, в десяти милях от Ньякамуби, и сообщила о происшедшем премьер-министру. Хотя новости распространяются среди африканцев с удивительной быстротой, смерть Чаки настолько всех ошеломила, что стала «делом, о котором не говорят». К тому же все посвященные либо

попрытались, либо, связав свою судьбу с убийцами, поддерживали заговор молчания.

Обычно, когда король умирал, подданным сообщали, что он «занемог» или «никого не принимает». Миф этот поддерживали до тех пор, пока преемник не укреплял свою власть. Поэтому Пампата была первой, кто принес Нгомаану страшную весть, потрясшую его. Он полюбил Чаку с того дня, как впервые увидел его — тогда семнадцатилетнего пастушонка. За эту симпатию и покровительство Чака, став королем, осыпал стареющего добряка всевозможными милостями.

Нгомаан решил, что все потеряно, и скрылся со своей семьей в зарослях. Но предварительно он велел одному юноше сопровождать Пампату к Нгвади, так как женщине не полагалось совершать дальние переходы одной. Достигнув берегов Тугелы, путники, к своему удивлению, увидели, что она уже разлилась, — они не знали, что в Драконовых горах прошли сильные ливни. Это задержало их на несколько дней, хотя тревога грызла сердце Пампаты: она понимала, что Мбопа не станет терять времени и, собравшись с силами, уничтожит Нгвади со всеми жителями его крааля.

Так и случилось. В качестве королевского дворецкого Мбопа являлся фактически главой государства в период междуцарствия, который продолжался до возвращения войска Мдлаки со всеми сопровождающими его представителями знати. Мбопа сразу понял, что он ничего не сможет сделать, пока не сколотит вооруженный отряд. Мобилизовать запасные полки он не мог — они не подчинились бы его приказу. Поэтому он собрал несколько сот туземцев Натала. Эти люди составляли обслуживающий персонал и охрану скота в многочисленных королевских краалях, разбросанных по Наталу. Из них был сформирован полк У-Хломендини (Внутренней охраны).

Отряды этого полка были посланы, чтобы захватить и пригнать весь королевский скот, находившийся в южном Натале до самой реки Умзимкулу, иначе, услышав о смерти Чаки, который при жизни один стоил большой армии, пондо, бац'а и другие южные племена попытались бы вернуть свою собственность.

Из остальных частей полка Внутренней охраны и полка новобранцев (Изиньоси) Мбопа создал внушительную ударную силу. Воинам объявили, что они должны отомстить за убийство Могучего Слона, подготовленное злым родичем. Во главе войска Мбопа поспешил на север, чтобы уничтожить Нгвади.

Как только Пампата и ее юный спутник дождались, что вода спала, и переправились через реку, они увидели вдали за собой блеск многочисленных копий. Худшие опасения Пампаты подтвердились. Вместе с юношей она на крыльях тревоги понеслась вперед.

Мбопа знал, что Нгвади располагает небольшим, но дисциплинированным войском, которое даже по численности превосходит его отряд. На него не распространялся приказ о всеобщей мобилизации, изданный в период кампании против Сошангаана, а потому оно несло гарнизонную службу в родных местах и не готовилось к боям. Таким образом, Мбопе следовало двигаться как можно быстрее, чтобы достигнуть цели прежде, чем Нгвади успеет отмотилизовать свою армию.

Вначале отряд Мбопы отставал от Пампаты на десять миль, но до крааля Нгвади было еще сто миль. Пампата хорошо знала, на что способны зулусские воины, но она, слабая женщина, решила во что бы то ни стало опередить их. Весь этот день она почти бежала, останавливаясь только для того, чтобы глотнуть немного воды из речки. На вопросы встречных, удивленных зрелищем бегущей женщины, Пампата отвечала, что торопится к умирающей матери.

Пампата и юноша шли всю ночь, нередко сбиваясь с пути и всякий раз делая крюк, чтобы снова отыскать дорогу. Когда рассвело, оба они совершенно выбились из сил и более всего походили на беглецов. Вскоре их остановила группа почтенных пожилых мужчин с

головными кольцами. Тогда Пампата решила пустить в ход свой главный козырь — показать маленькое игрушечное копье, которое, как знали все, принадлежало Могучему Слону. Это немедленно расчистило ей путь. Так повторялось не раз. Пампата неизменно предупреждала встречных, чтобы они под страхом смерти никому не говорили о копье.

С трудом взобравшись на Мелмотские высоты, она снова заметила вдалеке за рекой Умлатузи зловещий блеск копий. Однако к этому времени расстояние между ею и отрядом Мбопы значительно увеличилось. Только сила воли не давала упасть Пампате, хотя она находилась в самом плачевном состоянии: пальцы ног ее были изранены, ноги опухли. Она боялась остановиться для отдыха, ибо чувствовала, что не сможет уже подняться с земли. Юноша тоже совсем выдохся, хотя ноги его не так пострадали. Время от времени он проглатывал немного кота из неприкосновенного запаса и заставлял Пампату съесть горсть или две.

На плато Мелмот они попали в густой туман. Они часто сбивались с пути, и тогда им приходилось возвращаться назад, а тут еще Пампата сильно захромала. Она почти потеряла надежду. Юноша не выдержал и упал. Идти дальше было свыше сил человеческих, а он не обладал почти сверхъестественной силой воли, которая поддерживала Пампату.

Спустившись с гор, она оказалась ниже полосы тумана и, хотя ночь была темной, смогла найти дорогу в крааль Нгвади. Глубокой ночью, шатаясь, Пампата вошла в ворота крааля, крайне удивив охранявшего их воина. Ее немедленно провели в хижину Нгвади, которого пришлось разбудить. Вид Пампаты поразил его не меньше, чем часового. Нгвади тут же понял, что произошло нечто ужасное, хотя Пампата не сразу смогла заговорить. Когда она наконец сообщила ему страшную весть, Нгвади сначала не понял ее. Великий сводный брат, которого он боготворил, казался ему бессмертным. Нгвади призвал всех жителей крааля к оружию — это составило около пятидесяти копий. Одновременно он послал гонцов в другие краали и воинские части, чтобы собрать свое маленькое войско. К этому времени послышался первый петушиный крик.

Между тем Пампата ожила благодаря пиву и молоку, а также повязкам из лечебных трав, которые наложили на ее израненные ноги. Ветераны Нгвади заняли оборонительные позиции. Вокруг крааля были выставлены патрули.

Перед самым рассветом патрули вернулись и доложили шепотом: «Они уже здесь. Окружают крааль».

При первых лучах солнца защитники крааля увидели воинов внутренней охраны Мбопы, которые со всех сторон приближались к внешней ограде. Несколько взводов сплошной массой направлялись к воротам, у которых стоял Нгвади со своими телохранителями. Молча, с кошачьей ловкостью, они взобрались на ограду, но в тот самый миг, когда им показалось, что нападение будет внезапным, на них обрушились удары ассегаев. Большинство атакующих получило ранения в шею. В то же время закипел бой у ворот. Нгвади издал боевой клич своего народа: «Си-ги-ди!», а также собственный клич:

«Ум-Джоджи!»⁵. Этот клич был подхвачен обороняющимися, которые оказали внутренней охране такой яростный прием, что штурмующие отпрянули от ограды.

Подгоняемые Мбопой, его воины предприняли еще два штурма, но оба были отбиты с тяжелыми для них потерями. Тогда Мбопа отозвал внутреннюю охрану и приказал изготовиться к штурму молодому полку Пчел. Увидев приближение превосходящих сил противника, Нгвади со своими людьми, среди которых находилась и Пампата, отступил во внутренний загон для скота. Это значительно укоротило линию обороны. Нгвади напряженно вглядывался вдаль, ожидая, что из-за холмов покажутся подкрепления, однако пока что они не появлялись.

Мбопа привел в бешенство простодушных Пчел, обратившись к ним с речью, в которой обвинил Нгвади в убийстве сводного брата.

Воля о мщении, они преодолели никем более не обороняемую внешнюю ограду и бросились к загону для скота. Закипел кровопролитный бой, и вскоре Нгвади пришлось защищать свою последнюю линию обороны — изгородь вокруг участка для телят, где были теперь собраны все его домочадцы.

Наступила короткая передышка. Мбопа глядел на Нгвади из основного загона для скота, где находился в безопасности.

— Теперь-то ты пойдешь на корм гиенам, ты и все жители твоего крааля,— сказал он, злобно усмехаясь.

— Мбопа, сын Ситайи, — произнесла Пампата с достоинством королевы. — Сегодня смеешься ты, но скоро Дингаан посмеется над тобой, глядя, как стервятники терзают твое никому не нужное тело. Вспомни пророчество Нобелы.

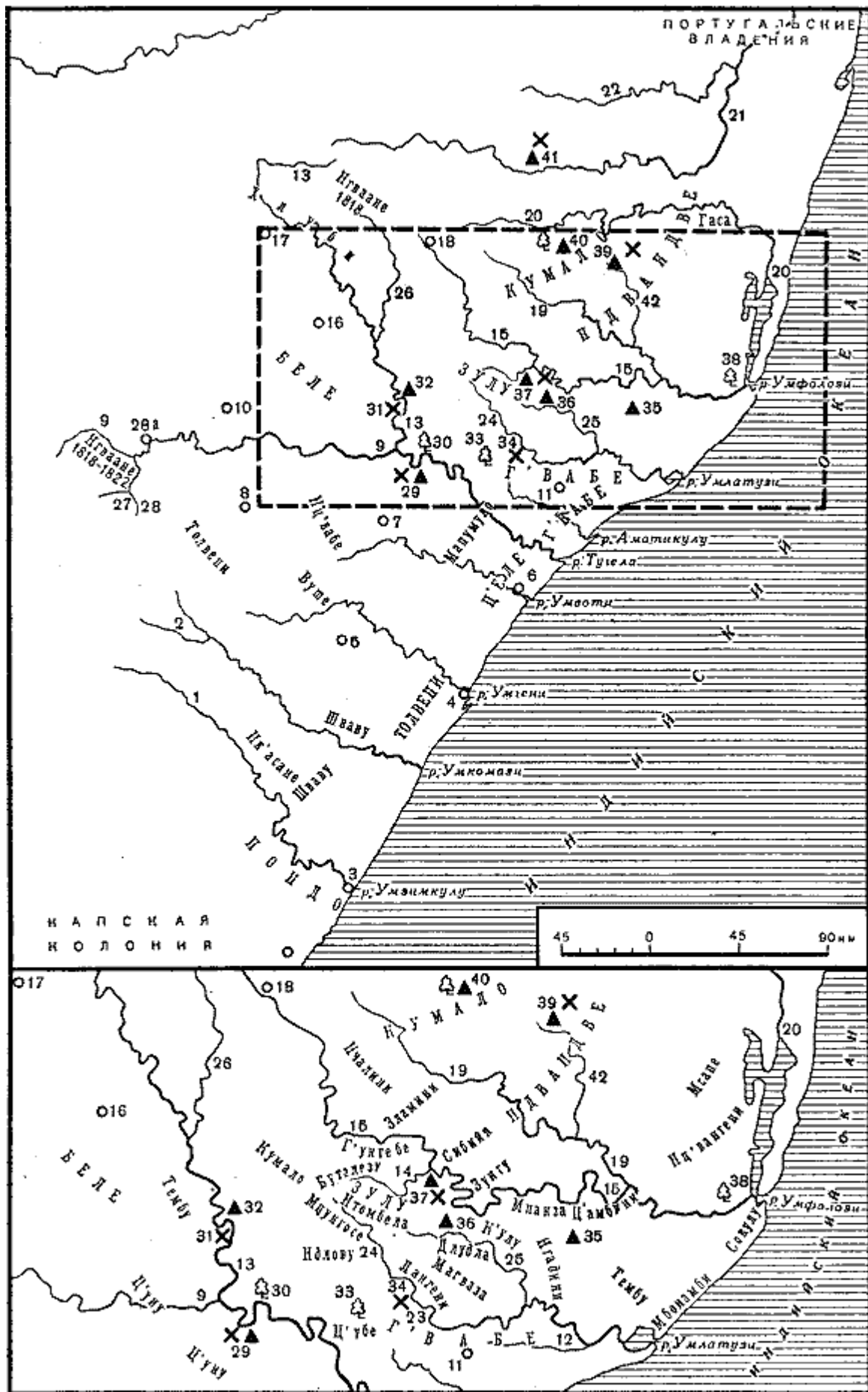
Мбопа услышал эти слова и никогда больше не был спокоен, ибо жил в страхе до тех самых пор, пока не погиб мучительной смертью по приказу Дингаана.

Вдруг из рядов атакующих раздались крики. Они увидели вдали несколько отрядов воинов, двигавшихся к краалю. То были подкрепления, которых ждал Нгвади.

— Вперед! — завопил Мбопа. — Прикончите их, прежде чем придет подмога; Пампату берите живьем.

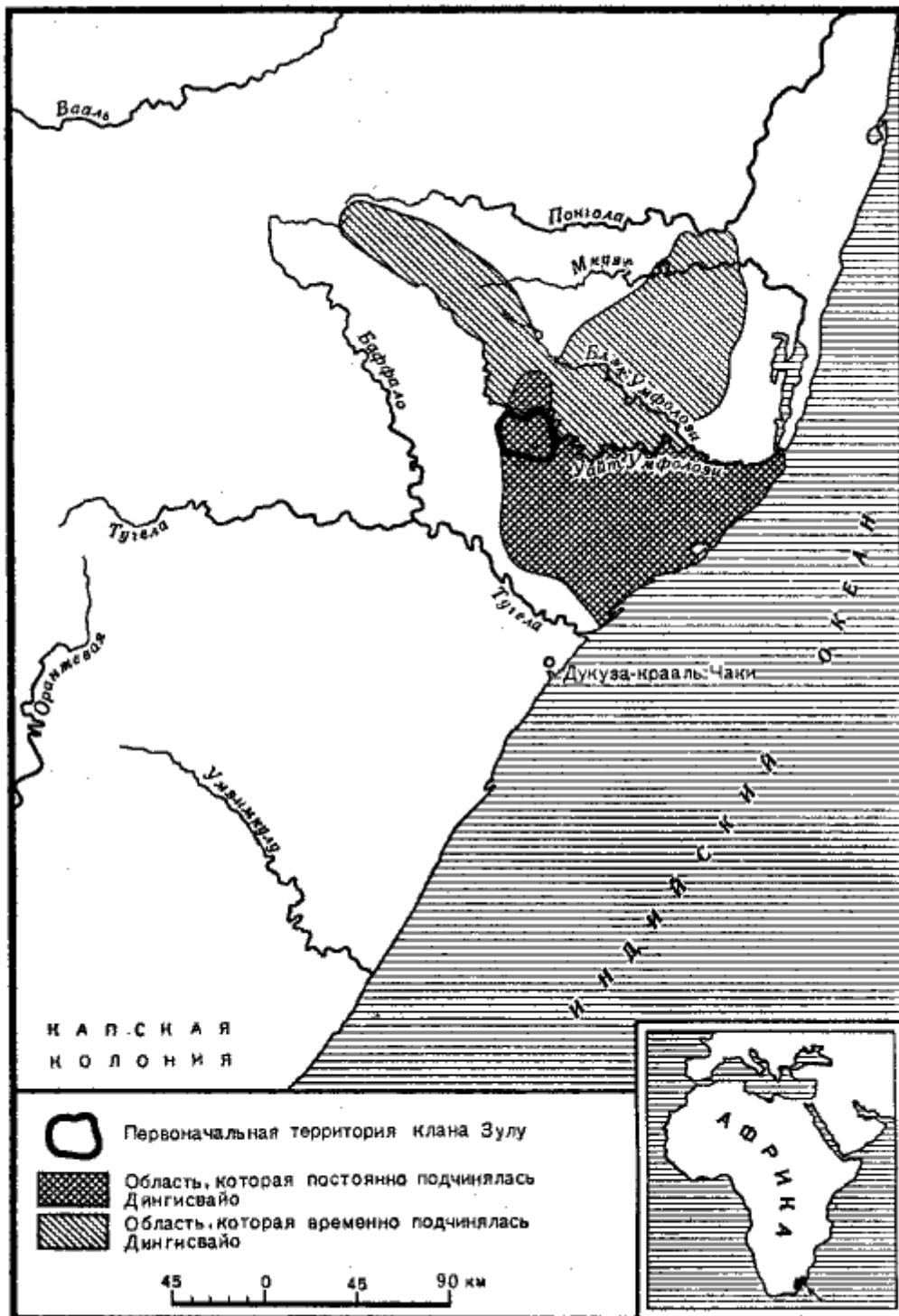
Началась ожесточенная схватка. Силы защитников крааля таяли, и у Нгвади не было надежды справиться с целым полком. Он один убил восьмерых, все его воины бились с замечательным мужеством, но все это не могло уже помочь им. Когда пал Нгвади, Пампата поняла, что час ее настал. Вытащив маленькое игрушечное копье, она приставила острие его к промежутку между двумя ребрами против сердца. Затем с силой надавила на него и упала мертвой, как раз когда началось избиение женщин и детей.

Говорят, что, умирая, она вскричала: «У-Чака!».

Натал. Клань, признавшие верховенство зулусов

1. Умзимкулу, река
2. Умкомаас (Умкомази), река
3. Порт-Шепстон, город
4. Дурбан, город
5. Питермарицбург, город
6. Стангер (Стейнджер), город (Дукуза, крааль Чаки)
7. Грейтаун, город
8. Эсткорт, город
9. Тугела, река
10. Ледисмит, город
11. Эшове, город
12. Умхлатузана, река
13. Баффало, река
14. Умкумбаан, река
15. Белая (Уайт) Умфолози, река
16. Данди, город
17. Ньюкасл, город
18. Фрейхейд, город
19. Черная (Блэк) Умфолози, река
20. Мкузе (Умкузе), река
21. Понгола, река
22. Нггавума, река
23. Мвузаан, река
24. Умхлатузи, река
25. Мфуле, река
26. Блад, река
27. Ламбонджа, река
28. Ндидимени, река
29. О-Писвени, гора и битва
30. Г'удепи, река и лес
31. Тембу (в битве с тембу Чака потерпел первое и единственное поражение)
32. Нхлазакази, гора
33. Нкандла, лес
34. Умлатузе, битва
35. Тзацгоньяна, гора
36. Тонджанени, высоты
37. Рокли, холм и битва
38. Дуку-Дуку, лес
39. Нонгома, высоты и крааль Звидо
40. Нгоме, гора и лес
41. Ндололвааи, гора и битва
42. Ум-Мона, река и битва (происходила на пространстве до № 39)

Территория клана Зулу и сопредельные земли накануне прихода Чаки к власти

Примечания

Сказания далекого края

¹ Б р а й а н т Л. П. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, с. 21.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 21, с. 98.

Roclus E. Nouvelle Geographic universelle. La terre et les hommes. Vol. 13— L'Afrique Meridionale. P., 1888, с. 580.

⁴ Голос. 11 [23] апреля 1879.

⁵ M a u r o i s A. La vie de Disraeli. P., 1927, с. 312.

⁶ Blauvelt H. Vast Reservoir of Warriors for Allies in Africa.— New York Herald Tribune. January 25, 1942.

⁷ K u n e n e M. Great Emperor Shaka. Zulu Epic. L., etc., 1979.

⁸ В древности греки называли Африку Эфиопией.

⁹ Ogunbesana K. A King for All Seasons: Chaka in African Literature.— *Presence Africaine*. P., 1973, № 88; B l a i r D. S. The Shaka Theme in Dramatic Literature in French from West Africa.— *African Studies*. Johannesburg, 1974, vol. 33, № 3.

¹⁰ Okoye F. N. C. Tshaka and the British Traders.— *Transafrican Journal of History*. Nairobi, 1972, vol. 11, № 1.

" Luthuli A. Let my People Go. An Autobiography. L., 1962. "Ogunbesana K. A. King for All Seasons...с. 217.

Введение

¹ В период наполеоновских войн на стороне Англии сражался Немецкий легион из граждан германских государств, преимущественно Ганновера, находившегося в личной унии с Великобританией. Легион этот был расформирован в 1816 г., но в дальнейшем возродился и снова действовал в составе английских войск.— *Примеч. пер.*

² В настоящее время — восточная часть Капской провинции ЮАР. — *Примеч. пер.*

³ Подразумевается англо-бурская война 1880—1881 гг.— *Примеч. пер.*

⁴ Транскрипция зулусских слов всюду дается по Риттеру, а потому в ряде случаев отличается от общепринятой, — *Примеч. пер.*

⁵ Здесь и далее курсив автора.

⁶ Смертельного удара (*фр.*).— *Примеч. пер.*

⁷ См. гл. 11 «Переселения племен» и гл. 18 «Измена Мзиликази»,— *Примеч. пер.*

⁸ При переводе опущены заключительные разделы введения, в которых автор приводит английскую транскрипцию звуков зулусской речи, а также выражает благодарность различным лицам. — *Примеч. пер.*

Глава 1

¹ Это собирательный термин, относящийся ко всем племенам, говорящим на зулусском или происшедших от него языках, подобно тому, как термин «тевтоны» охватывает викингов, варягов, датчан, норвежцев, шведов, голландцев, англичан и немцев в отличие от славян, кельтов и народов романской языковой семьи. Зулусы и соседние с ними кланы были чистокровными нгуни (так в наше время скандинавы являются наиболее чистокровными представителями тевтонской «расы»). Однако языковые различия между племенами и кланами нгуни если и были, то весьма незначительные: меньшие, чем между диалектами различных графств современной Англии.— *Примеч. авт. Далее примечания автора не выделяются.*

² Обычай, запрещавший браки между людьми, принадлежащими к одной и той же родственной группе.

³ Зулусский клан делился на два «класса». К высшему принадлежали члены королевского дома, сановники и «придворные». В краале высшего класса младшая ветвь была

представлена той женой, сын которой объявлялся наследником главы этого крааля, а также всеми се детьми. Другие жены и их дети образовывали старшую ветвь. В краалях низшего класса существовал сходный порядок. Сыновья отделялись и основывали новые краали после смерти отца или с его разрешения.— *Примеч. пёр.*

⁴ Битва при Ватерлоо произошла в 1815 г.— *Примеч. пер.*

⁵ В е л ь д — южноафриканская степь, саванна.— *Примеч. пер.*

⁶ Калеваса — сосуд из тыквы.— *Примеч. пер.*

⁷ Фут равен 30 см. — *Примеч. пер.*

⁸ Чувство товарищества (*фр.*).— *Примеч. пер.*

⁹ В полном составе (*фр.*).— *Примеч. пер.*

¹⁰ В Библии эти слова произносит филистимлянин Голиаф — соответственно в первом лице единственного числа.— *Примеч. пер.*

Глава 2

¹ Жук, якобы живущий во внутренностях, который считался, да и сейчас еще считается, причиной задержки менструаций.

² «И» — определитель класса животных и насекомых в зулусском языке. «У» — определитель класса людей.— *Примеч. пер.*

³ Апострофом обозначаются щелкающие звуки зулусской речи.— *Примеч. пер.*

⁴ Мать наследника престола.— *Примеч. пер.*

⁵ Английская миля равна 1609 м.— *Примеч. пер.*

⁶ М а м б а — разновидность ядовитой змеи.— *Примеч. пер.*

⁷ В г у а n t А. Т. Olden Times in Zululand and Natal. L., 1929. В дальнейшем цитаты из этой работы приводятся без ссылок.— *Примеч. пер.*

⁸ Дюйм равен 2,5 см.— *Примеч. пер.*

⁹ Ярд равен 91 см.— *Примеч. пер.*

Глава 3

¹ Автор имеет в виду Александра Македонского и отца его Филиппа, при котором началось возвышение Македонии.— *Примеч. пер.*

² Вероятно, д-р Коуэн, направленный в исследовательскую экспедицию губернатором Капской колонии лордом Каледоном (1806). Роберт Моффат сообщает, что в 1807 г. Коуэн пересек Бечуаналенд.

³ Португальское поселение в Мозамбике. — *Примеч. пер.*

⁴ Мир мтетва (*лат.*) — по аналогии с рах Romana — римским миром.— *Примеч. пер.*

⁵ Досл. «вытри топор».— *Примеч. пер.*

⁶ Автор приводит это выражение, означающее «Приветствую тебя, отец», в дословном переводе.— *Примеч. пер.*

⁷ Каросс — накидка или одеяло из шкур.— *Примеч. пер.*

⁸ Ср. с легендами вендиго в Северной Америке.

Глава 4

¹ Букв. «моя сестра».— *Примеч. пер.*

² Громовержец.— *Примеч. пер.*

³ Тысяча.— *Примеч. пер.*

⁴ Автор не всегда делает различие между кланом и племенем.— *Примеч. пер.*

⁵ В подобных случаях применялись растертые травы, на которых развиваются грибки плесени. Благодаря этому даже при серьезных ранениях достигался высокий процент выздоравливающих.

⁶ Содержание разговора воспроизведено на основании преданий зулусов. В этих преданиях в уста фольклорного героя вложено, очевидно, общее мнение зулусов XIX в. о европейской цивилизации.

Глава 5

¹ Всеобщей мобилизации (*фр.*).— *Примеч. пер.*

² Варили его на костре, который разжигали при помощи *пехла* (палочки для сверления). Этот кусочек твердого дерева длиной около 2 футов вставляли в небольшое отверстие, вырезанное в другой палочке из более мягкого дерева (размером 4x 2x 1,5 дюйма). Последнюю прижимали ногой к земле, затем быстро вращали первую палочку между ладонями. От трения мягкое дерево начинало тлеть, на него дули, и в конце концов сухой мох, положенный вокруг отверстия и внутри его, загорался. Обычно палочку вращали два человека, чтобы трение происходило непрерывно.

³ Здесь и в ряде других случаев автор пользуется зулусской формой единственного числа с английским окончанием множественного.— *Примеч. пер.*

⁴ Дурман вонючий (*лат.*).— *Примеч. пер.*

⁵ См. «The Diary of Henry Francis Fynn» в книге: Bird J. The Annals of Natal. 1495—1845. Pietermaritzburg, 1888.

⁶ Чака не нарушил свое обещание, когда пришел к власти. Все племена, подчинившиеся ему, полностью сохранили свои владения, хотя им, разумеется, пришлось предоставлять зулусскому вождю определенное количество воинов. Вот некоторые из этих племен и их вождей: племя эмбо, вождь Зихландло; племя ситоле, вождь Джобе, г'унгбени, нтобела, лангени, сокулу, мтетва и все их данники — дубе, ц'еле, эма-ндлазани и многие другие.

⁷ В изложении выступления Чаки слова о «спасительной сени» отсутствуют.— *Примеч. пер.*

⁸ Дом левой руки—в данном случае Нанди и ее потомство в целом, Большой дом — сам Чака.— *Примеч. пер.*

⁹ «The Diary of Henry Francis Fynn».

Глава 6

¹ «The Diary of Henry Francis Fynn».

² У зулусов головное кольцо присуждалось специальным приказом короля или вождя. Оно было не столько привилегией, сколько наградой, дающей право вступать в брак. — *Примеч. пер.*

³ Мзиликази, один из полководцев Чаки и основатель государства матабеле, впоследствии также назвал свой «большой крааль» Ква Булавайо. Так (но без предлога «Ква», означающего «у») продолжает называться главный город провинции Матабелеленд в Южной Родезии (ныне Республика Зимбабве.— *Ред.*).

⁴ С незапамятных времен нгуни убивали лиц, признанных виновными в колдовстве, следующим образом; жертву прижимали к земле и заколачивали ей в задний проход четыре заостренные палочки длиной двенадцать дюймов каждая, пока все они не скрывались из виду. Несчастливого оставляли в вельде, где он погибал после долгих мучений. Неколдунов, приговоренных к смерти, обычно приводили сначала в бесчувственное состояние, свернув им шею, что само по себе в большинстве случаев вызывало их гибель.

Глава 8

¹ Чтобы выполнить вторую команду, воинам пришлось построиться с интервалами.—

Примеч. пер.

² См. Приложение.

³ «The Diary of Henry Francis Fynn».

⁴ Вероятно, жиром.— *Примеч. пер.*

⁵ «The Diary of Henry Francis Fynn».

⁶ Совершенно нагой (*ит.*).— *Примеч. пер.*

⁷ Да, отец.— *Примеч. пер.*

⁸ Этот «выкуп» — скорее залог, вносимый женихом на случай возвращения будущей жены в дом отца.— *Примеч. пер.*

Глава 9

¹ Одновременное вступление в брак с несколькими женщинами полностью противоречит зулусскому обычаю; в данном случае, как и в ряде других, Чака отошел от традиционных правил.

² Средство, возбуждающее половую деятельность.— *Примеч. пер.*

³ K r i g e E. J. The Social System of the Zulus. Pietermaritzburg, 1950.

⁴ Этот термин может означать целый жилой комплекс, состоящий из хижины и пристроек.

⁵ K r i g e E. J. The Social System of the Zulus.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Красивые ворота. «Покинуть через красивые ворота» — зулусская метафора, означающая «расстаться друзьями».

Глава 10

¹ Народов.— *Примеч. пер.*

Глава 11

¹ Автор подразумевает первых переселенцев из Западной Европы в Северную Америку.—

Примеч. пер.

² Боадицея — руководительница восстания бриттов против древнеримских завоевателей.—

Примеч. пер.

³ Басутоленд — ныне государство Лесото; Оранжевое Свободное государство — провинция ЮАР.— *Примеч. пер.*

⁴ Мшвешве (Мошеш) — способный и энергичный вождь племени баквена, который в первой половине XIX в. основал государство басуто и положил начало формированию одноименной народности.— *Примеч. пер.*

⁵ То есть на территории современной провинции ЮАР — Оранжевого Свободного государства.— *Примеч. пер.*

⁶ Очевидно, все эти переселения были вызваны каким-то обстоятельством. Народы, применяющие подсечно-огневую систему земледелия, а также занимающиеся животноводством, часто меняют место жительства из-за истощения почвы. Возможно, это и послужило причиной перемещения племен.

Глава 12

¹ Повод к войне (*лат.*).— *Примеч. пер.*

² Так называли малочисленные экспедиционные силы Англии, действовавшие против немцев в 1914 г. Германскому императору Вильгельму II приписывают слова: «Это маленькое войско заслуживает презрения».— *Примеч. пер.*

³ Этот призыв можно часто слышать среди зулусов. По обычаю, когда корова увязает, все помогают ее вытаскивать. Делается это весело и добродушно, без всякого расчета на вознаграждение. Так же откликаются зулусы на любой призыв, выраженный этими словами. Если, например, автомобиль забуксовал в песке или же путнику трудно одному поднять груз, достаточно крикнуть: «Во! Мадода, инкомо ибадживе!» («Эй, люди, корова увязла, увязла в грязи»), — и все, кто находится поблизости, придут, весело улыбаясь, на помощь.

⁴ Этот воин из племени людоедов нтули стал одним из полководцев Чаки, а кончил жизнь премьер-министром Дингаана.

⁵ Девушки носили очень мало одежды, а потому на расстоянии нагота одной из них была бы мало заметна. Совсем другое дело, если замужняя женщина снимет с себя юбку. Это ужасное преступление.

Глава 13

¹ Об этом см.: Coupland R. Zulu Battle Piece. ² Воины полка Джубинг'ванга.— *Примеч. пер.*

Глава 14

¹ Фоортреккеры — бурские колонизаторы, продвигавшиеся в глубь Африканского материка.

² K i g e E. J. The Social System of the Zulus.

³ Там же.

⁴ Там же.

Глава 15

¹ Ср. с покупкой британцами гессенских солдат по пять фунтов стерлингов за человека (в XVIII в.).

² Он умер в 1906 г. в возрасте девяти лет и был единственным живым звеном в цепи, соединяющей автора с Чакой и его великими полководцами. См. фотографию на вкладке.

³ Диверсионные отряды для действия в тылах противника, созданные английским командованием в период второй мировой войны.— *Примеч. пер.*

⁴ Фейерверк (*фр.*)— *Примеч. пер.*

⁵ Некоторые авторы упорно распространяют нелепую легенду о том, что Чака приказал казнить половину полка Умкандхлу за то, что тот отступил перед лицом противника. На самом деле ни один зулус никогда не слышал о такой части и ее названия нет в списках полков, составленных столь авторитетными лицами, как А. Т. Брайант и Э. Дж. Криге.

Глава 16

¹ В зулусских хижинах дверной проем закрывался на ночь створкой из сплетенных лиан и жердей.— *Примеч. пер.*

Глава 17

¹ Автор называет так обширную территорию, на которую распространялась власть Чаки, противопоставляя это название Зулуленду колониальных времен.— *Примеч. пер.*

² Латекс—млечный сок, выделяемый каучуконосными и другими растениями. При доступе воздуха превращается в вязкую массу.— *Примеч. пер.*

³ Первая дожила до крушения зулусского могущества в битве при Улунди (1879). После этого поражения Мкаби собрала своих людей и заявила, что видела некогда зулусское государство во всей его славе, не может потому мириться с тем, что последний король Кетчвайо превратился в преследуемого беглеца, и решила покончить с собой. Непреклонная столетняя старуха в присутствии всех собравшихся перерезала себе горло. Лангазана дожила до 1884 г. До самого конца она сохраняла ясный ум и была важнейшим живым источником по истории зулусов начиная с периода, предшествовавшего их возвышению, и кончая падением государства. Особенно хорошо знала она все события биографии Чаки, с рождения и до смерти. Нг'акамаче Нтомбела передал некоторые из этих подробностей автору этой книги. Охотник Лесли охарактеризовал Лангазану в 1866 г. (когда она была на сорок семь лет старше, чем в описываемое время) как «очень веселую пожилую даму, самую толстую из виденных мною женщин — она весила не менее 350 фунтов. В то время она правила обширной территорией, а потому ей приходилось ежедневно рассматривать кучу судебных дел».

⁴ А. Т. Брайант в своей книге «Стародавние времена в Зулуленде и Натале», с. 641, говорит, что приказ этот относился только к дивизии Изимпохло и срок его действия ограничивался одной ночью, причем когда воины этой дивизии разошлись, соединению Белебеле было поручено конфисковать их скот. По словам Брайанта, Чака прокричал свой приказ из-за ограды королевского крааля, притом без всякого повода. Это представляется совершенно нелогичным и расходится с подробными рассказами Ндженгабанту Эма-Бомвини и

Нг'акамаче Нтомбелы, которые приводятся выше. Последний повторил то, что слышал от Лангазаны, четвертой жены Сензангаконы.

⁵ И-мбузикази по-зулусски «коза». — *Примеч. пер.*

⁶ Тупик (*фр.*). — *Примеч. пер.*

⁷ Возглас удивления. — *Примеч. пер.*

⁸ См. гл. 12. — *Примеч. пер.*

⁹ Вполголоса (*иг.*). — *Примеч. пер.*

¹⁰ См. гл. 20. — *Примеч. пер.*

Глава 18

¹ Ср. с действиями Цезаря, который приказывал казнить в некоторых легионах каждого десятого.

² Нгуни различают у себя несколько более мелких подразделений, одним из которых является группа кланов нтунгва. — *Примеч. пер.*

³ Жиряк — самое мелкое из копытных животных, величиной с кролика, живет в горных местностях. — *Примеч. пер.* //не жиряк, а даман, и никакое он не копытное

⁴ Армадилл, или твердопанцирный броненосец, — небольшое млекопитающее, живет в горах. — *Примеч. пер.*

⁵ Спасайся, кто может (*фр.*). — *Примеч. пер.*

⁶ Зулуленд — в данном случае резерват в современном Натале, созданный колонизаторами на территории разгромленного ими зулусского государства. — *Примеч. пер.*

⁷ Имеется в виду современный Трансвааль — одна из провинции ЮАР. — *Примеч. пер.*

⁸ Ныне его можно видеть в музее того Булавайо, который Мзиликази основал по примеру Чаки в тысяче миль от страны зулусов. В настоящее время это главный город провинции Матабелеленд в Южной Родезии (ныне Республика Зимбабве. — *Ред.*),

⁹ Названия современных городов ЮАР. — *Примеч. пер.*

^a Исходя из глагольной основы, предположительно «отстающие», «плетущиеся в хвосте». — *Примеч. пер.*

Глава 19

¹ По библейскому преданию, царь Саул, который завидовал талантам своего молодого военачальника Давида, однажды бросил в него копье. — *Примеч. пер.*

² См. кн. Роберта Брюса об объединении шотландских кланов.

³ Акр равен 0,4 га. — *Примеч. пер.*

⁴ Первосвященником (*лат.*). — *Примеч. пер.*

⁵ Иллюминация (*фр.*). — *Примеч. пер.*

Глава 20

¹ Галлон равен 4,54 л. — *Примеч. пер.*

² Скорее всего Звиде — король ндвандве — умер примерно в это время, и покушение на Чаку явилось частью обряда очищения, который совершал сын и наследник его Сикуньяна. Заметим, что в то время Айзекс еще находился на о-ве Святой Елены и прибыл в Порт-Натал только в следующем году — 1 октября 1825 г.

⁴ Делагоа. — *Примеч. пер.*

⁵ 1906 г. — *Примеч. пер.*

⁶ Лагерь (*голл.*). — *Примеч. пер.*

⁷ В сравнении с солнечным календарем. — *Примеч. пер.*

⁸ В Низком вельде (так называется относительно низменная восточная часть нынешнего Трансвааля. — (*Примеч. пер.*) ту же роль играли растение *инхлизийо нкулу*, название которого означает «Большое сердце».

⁹ «Дукпа» — пассивная форма от глагола «Дука», одно из значений которого — сбиться с пути. Ср. также с «дуну» — выходить на правильный путь. — *Примеч. пер.*

¹⁰ По библейскому преданию, полководец Иисус Навин остановил солнце, чтобы завершить разгром противника.— *Примеч. пер.*

¹¹ Наполеон как-то заметил, что его армия теряет от болезней около двадцати тысяч человек в месяц, а потому он не видит, почему бы ему не устраивать ежемесячно по кровопролитному сражению.

¹² Калибан — персонаж «Бури» В. Шекспира, отличавшийся безобразием.— *Примеч. пер.*

Глава 21

¹ 4 октября 1966 г. Басутоленд провозглашен независимым государством Лесото.— *Примеч. пер.*

Глава 22

¹ Европейскую версию этой битвы см. в книге А. Т. Брайанта «Стародавние времена в Зулуленде и Натале».

² Бушвельд — географический район Северного Трансвааля, где растительность состоит из колючих кустарников и саванных трав.— *Примеч. пер.*

³ Выведен из строя (*фр.*)— *Примеч. пер.*

Глава 23

¹ Этот обычай был заимствован Чакой у европейцев.

² На могиле ее возвышается гнилое дерево ум-лахланкози — дерево погребения вождей (*Zuzyphus mucronata*). См.: В г у а n t А. Т. Olden Times in Zululand and Natal, с. 610.

³ Трупное омертвение (*лат.*)— *Примеч. пер.* //окоченение, а не омертвение – прим. ОСР

⁴ Фин указывает в «Дневнике» (с. 300), что Чака зачал только одного ребенка. Это был сын Мбузикази Ц'еле, отосланный в страну тембу, о чем говорилось в одной из предыдущих глав.

Глава 24

¹ Название династии, царствующей в Великобритании.— *Примеч. пер.*

² Мыс Доброй Надежды.— *Примеч. пер.*

³ Главный суд по уголовным делам в Лондоне.— *Примеч. пер.*

⁴ Так колонизаторы называли соседние с Капской колонией районы, где на основании договоров, навязанных местным вождям, могли селиться и лица европейского происхождения.— *Примеч. пер.*

⁵ Один из англичан, прибывших к Чаке вместе с Финном.— *Примеч. пер.*

⁶ Мешок зерна вместимостью около 100 л.— *Примеч. пер.*

⁷ Доброй воли (*лат.*)— *Примеч. пер.*

⁸ В то время этот район еще не входил в состав Капской колонии.— *Примеч. пер.*

Глава 25

¹ Для поощрения других (*фр.*)— *Примеч. пер.*

² Эту дату указывает Айзекс. Фин называет 24-е число. Данные Айзекса заслуживают большего доверия, ибо он цитирует собственный дневник, а Фин писал по памяти через много лет после утраты своих записок. А. Т. Брайант принимает дату Айзекса.

³ Намек на белых, которые сооружали себе глинобитные жилища, то есть строили их из грязи, как ласточки — гнезда.

⁴ *Дломо Р. Р. Р.* Чака (на зулусском языке).

⁵ «Клянусь Георгом» — любопытное свидетельство пристрастия Нгвади к англичанам.

Приложения*

* При переводе часть «Приложения» была опущена, как представляющая узкоспециальный интерес.— *Примеч. пер.*

Обычай «хлонипа»

Этот обычай распространяется почти исключительно на женщин. Слово «хлонипа» означает «скромность» или же «избегать из уважения», то есть избегать из уважения к мужу и его родичам употребления их настоящих имен. Равным образом избегают произносить настоящее название того или иного предмета, если оно сильно напоминает имя мужа, его родственников или вождя — здравствующего либо покойного.

Так, если мужа зовут «Дерево», жена должна при обращении к нему называть что-нибудь древовидное, употребляя действительно существующее или придуманное ею имя. Когда в старости женщина становится бесплодной, она больше не должна следовать этому обычаю, ибо приравнивается к мужчине.

Зулусы обоего пола любого возраста обязаны соблюдать обычай хлонипа, если речь идет о вожде клана. Когда, например, кланом нгваанов правил вождь Чани («Трава»), все племя перестало называть так траву, придумав для нее другое название — инц'е. Этим названием пользуются поныне, хотя Чани умер около 1793 года.

Список мужских и женских полков Чаки

Когда в 1816 году Чака стал вождем зулусов, он унаследовал войско с боевым составом около трехсот человек, лишенное четкой организации, но разделенное на так называемые полки. Кроме того, двести юношей еще не были призваны на военную службу.

Сто самых старших воинов в возрасте от тридцати до сорока лет входили в полк, известный под наименованием Ама-Вомбе (Одна схватка). Чака сохранил его название и неуклонно повышал численность, пока полк не стал одним из первых по количеству воинов и престижу. То была Старая гвардия, которую Чака почти всегда держал в резерве, пока во время битвы не наступал критический момент. Часть эта была расквартирована в военном краале Белебеле (Вечная забота). В дальнейшем она была сведена вместе с другими полками в бригаду, известную под наименованием Белебеле, которая сохранила это название и после преобразования в дивизию.

Фасимба (Легкий туман), или Собственный Чаки полк, и Второй Изи-ц'ве (Люди из кустарников), или собственный Нгомаана полк составляли Молодую гвардию и почти никогда не сводились в одно соединение с вышеупомянутыми подразделениями. Они были сформированы из самых молодых воинов в 1816 году, причем Изи-ц'ве во главе с Нгомааном влились в войско Чаки после распада королевства мтетва, которым правил Дингисвайо. В качестве лейб-гвардии короля они всегда пользовались преимуществами.

Имелось еще три полка, не сведенных в бригаду или дивизию: У-Длангезва, Ум-Ота и Улу-тули, сформированные около 1824 года. Последние два были использованы против Бедже — этого Робин Гуда племени кумало.

Полки, обычно входившие в состав бригады или дивизии Белебеле

Названия полков	Время формирования	Год рождения воинов (предположительно)
Ама-Вомбе (Одна схватка)	1816	1775-1785
У-Кангела (Гляди в оба)	1816	1785-1790
Изин-Тенджана (эзакала 0-Нгойе) (Зуйки, которые подали голос в Нгойе)	1818-1819	1795-1798
У-Номдайяна	1820	1800
Ама-Пела (Тараканы — название заимствовано у Звиде)	1821	1801
Ама-Квенкве	1822-1826	1802-1806
Изи Зимазаан		

Дивизия Изимпохло (Холостяков) или Иси-Клебе

Названия полков	Время формирования	Год рождения воинов (предположительно)
Джубинг'ванга (Лишенные головных колец)	1816	1785-1790
У-Дламбедлу (Дикие)	1816	1790-1795
Ум-Гуманг'а Иси-Пеци У-Мбонамби У-Нтеке	Эти 4 полка иногда сводились в одно соединение. В них входили воины, пополнившие армию Чаки после крушения государств мтетва и г'вабе 1818-1819	1797-1798
У-Гибабанье или Кипабанье (Изгоняющие)	1820-1825	1800-1805
У-Фоджиса		
Имфолози		
Ин-Дабанкулу (Великое дело)		

Женские полки

Названия полков	Время формирования	Год рождения девушек (предположительно)
Ум-Вутвамини (Созревающие в полдень — название дикого, но сладкого плода)	1817	1796
Ин-Тлабати (Песок)	1818	1797
Им-Бабазаан (Самовлюбленные)	1819	1799
Улу-Смба (Перо)	1823	1802
У-Нгисимаан (Англичанин)	1827	1806

Наконец, Чака сформировал полк Изи-Ньоси (Пчел) из старших мальчиков *у-диби*, которых он отозвал из похода против Сошангаана в 1828 году.

Какие еще части имел Чака, сейчас установить невозможно. Нередко упоминаются и другие полки, но в действительности речь идет о названиях военных краалей, в которых они были расквартированы. Это часто приводило к ошибочному расширению списка последних.

Библиография и источники

Как уже указывалось во Введении к настоящей работе, одним из главных, а может быть, и главнейшим источником послужили устные предания зулусов. Автор слышал их из уст Ндженгабанту Эма-Бомвини, вождя Сигананда Ц'убе и других зулусских «хронистов», включая Нг'акамаче Нтомбелу, Мсузели Г'вабе, Мтамбокагвайи Ц'умизу и вождя Нц'вади Нгваапа. Тактические и стратегические подробности, использованные в описаниях важнейших битв, сообщил отец автора — капитан К. Л. А. Риттер. Автор многим обязан также мисс Килли Кемпбелл, предоставившей ему доступ к ее несравненному собранию неопубликованных документов.

Литературные источники по истории Южной Африки немногочисленны, но те, что есть, представляют собой большую ценность. Из списка, помещенного ниже, следует особо отметить книги, оказавшие огромную помощь автору.

Главная из них труд д-ра А. Т. Брайанта «Стародавние времена в Зулуленде и Натале». Жаль, тысячу раз жаль, что эта великая книга, плод многолетнего труда человека выдающегося таланта и честности, не получила более широкого распространения. Будем надеяться, что в будущем ее станут читать больше. Ибо она есть и останется важнейшим литературным источником для историков Натала и страны зулусов. Автор написал «Зулуса Чаку» в рамках исторического труда д-ра Брайанта и широко использовал его почти в каждой главе: настолько широко, что не во всех случаях сумел дать сноски.

«Дневник Генри Фрэнсиса Фина» также оказался бесценным источником, ибо Фин постоянно или часто находился в обществе Чаки, а ни один документ не представляет для истории такой ценности, как исходящий от современника событий.

Автор, который попытается воссоздать картину жизни зулусского крааля во времена Чаки или в любой другой период, не сможет обойтись без помощи книги д-ра Э Дж. Криге «Общественный строй зулусов». Цитируя эту замечательную книгу, автор всякий раз ссылался на нее, по еще важнее то, что он нашел в ней научное подтверждение своих собственных наблюдений над зулусами.

Использованная литература

Agricultural ceremonies in Natal and Zululand. Bantu Studies, vol. III. Bird J. The Annals of Natal. 1495—1845. Pietermaritzburg, 1888. B r y a n t A. Olden Times in Zululand and Natal. L., 1929. Delegorque A. Voyage dans l'Afrique Australe, notamment dans le territoire de Natal, dans celui des Cafres Amazoulous et Makatisses, et jusqu'au tropique de Capricorne, execute durant les annees 1838, 1840, 1841, 1842, 1843 et 1844. Paris, 1847. D h l o y o R. R. •R. U-Shaka. Pietermaritzburg, 1929. Finn H. F. The Diary. Pietermaritzburg, 1965. Harris W. C. The Wild Sports in South Africa; being the Narrative of a Hunting Expedition from the Cape of Good Hope, through the Territories of the Chief Moselekatse, to the Tropic of Capricorn. L., 1844. Isaacs N. Travels and Adventures in Eastern Africa, Descriptive of the Zoolus, their Manners. Customs etc. etc. with a Sketch of Natal. Vol. I-II. L., 1836. K r i g e E. J. The Social System of the Zulus. Pietermaritzburg, 1950. Mackeurtan G. The Cradle Days of Natal. L., 1930. Moffat R. Visit to Moselekatse, King of the Matabele.— Journal of the Royal Geographical Society. Vol. XXVI. 1856. M o o d i e D. South African Annals. 1652-1795. Vol. II. The Natal Kafirs. Pietermaritzburg, 1950. Russell R. Natal. The Land and its Story: a Geography and History for the Use of Schools. Pietermaritzburg, 1891. Samnelson R. G. Long, long ago. Durban, 1929. Stuart J. 'U-Hlanga Kulu. L., 1924.